

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Проблема бифасиальной техники в Китае	2
Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные	33
Зеба А., Ситливый В., Собчик К., Колесник А.В. Эксплуатация сырья и пространственное распределение материала на стоянках Пекары Па и Князя Жозефа близ Кракова (конец среднего и начало верхнего палеолита)	46

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Дерюгин В.А. К вопросу определения понятия «охотская культура»	58
Молодин В.И., Ефремова Н.С. Культовый комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта	67
Мандрыка П.В. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея	79
Баштанник С.В. Археоботанические исследования на средневековых памятниках долины реки Арысь	85
Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае	93
Бородовский А.П. Исследования специализации древнего косторезного производства	103

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

Шмидт И.В. Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита)	109
--	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Васильев М.И. История развития русских саней (функциональный аспект)	115
--	-----

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Праздники в современном мире: традиции и новации

«Камва-2007»: традиционная культура в пространстве этнофутуристического фестиваля	123
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Моисеев В.Г. О происхождении носителей охотской культуры Северного и Восточного Хоккайдо (по краниологическим данным)	134
Санкина С.Л. Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века)	142

ПЕРСОНАЛИИ

Людмила Александровна Чиндина	157
-------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

ПРОБЛЕМА БИФАСИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В КИТАЕ*

Введение

В 40-е гг. XX в. Х. Мовиусом [Movius, 1949] была выдвинута гипотеза о существовании в раннем палеолите двух крупных культурно-исторических провинций: одна, с рубящими орудиями типа чопперов и чоппингов, охватывала Юго-Восточную и Восточную Азию, другая, с ручными топорами или рубилами, – остальную часть Евразии. За последние 60 лет в Восточной и Юго-Восточной Азии были открыты и изучены сотни палеолитических местонахождений, получен огромный фактический материал, который позволяет по-новому подойти к оценке индустрий востока Евразии. За это время исследователи неоднократно рассматривали проблему двух культурно-исторических провинций, т.н. линии Мовиуса, в различных аспектах. Одна из первых содержательных дискуссий состоялась в связи с публикацией в «Current Anthropology» статьи Йи Сеонбока и Д. Кларка [Yi Seonbok, Clark, 1983]. Эта дискуссия, так же как и многие другие, была направлена в основном на критику гипотезы Х. Мовиуса. Приводились бесспорные свидетельства существования в палеолите Восточной и Юго-Восточной Азии как чопперо-чоппинговых, так и бифасиально обработанных орудий. По этой проблеме написано большое количество статей. В них авторы приводят все новые и новые факты, свидетельствующие о наличии орудий типа рубил на палеолитических местонахождениях востока Евразии.

В настоящее время для всех очевидно, что в Восточной и Юго-Восточной Азии бифасиальная

техника появилась очень рано. Это было известно и Х. Мовиусу [Movius, 1949]. Он выделил в патжитанской индустрии 153 рубила, что составило 6,32 % от орудийного набора. Рубила в количественном отношении уступают чопперам (17,8 %). В коллекции имеются также чоппинги (3,68 %). Какое необходимо соотношение между двусторонне обработанными и чопперо-чоппинговыми орудиями, чтобы дать качественную оценку индустрии в целом? На этот вопрос нет и, с моей точки зрения, не может быть однозначного ответа. В патжитанском комплексе кроме рубил имеются 3,59 % ручных тесел (hand-adze) и 8,06 % проторубил (protohandaxes), которые типологически ближе к ручным рубилам, чем к чопперам и чоппингам.

Зная о наличии в патжитанской индустрии двусторонне обработанных орудий, Х. Мовиус, тем не менее, первым отметил отличие палеолитических комплексов Юго-Восточной и Восточной Азии от таковых остальной части Евразии. Почему он это сделал, для меня остается загадкой. Но за последние 60 лет накоплен большой объем нового материала, который дает основания для выделения в палеолите Евразии палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии [Деревянко, 2005, 2006а–в]. Критерии для этого несколько иные, чем предложенные Х. Мовиусом. С первого появления древнейших человеческих популяций 1,8–1,3 млн л.н. в Восточной и Юго-Восточной Азии здесь в дальнейшем происходило непрерывное развитие как физического типа человека, так и его культуры. В указанном хронологическом диапазоне фиксируются две миграционные волны на восток Евразии из Африки: с олдувайской индустрией и микроиндустрией. Особенно убедительно это прослеживается по материалам раннепалеолитических местонахождений Китая [Деревянко, 2006а–в].

*Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.17.08) и АВИП «Развитие научного потенциала ВШ (2006–2008 гг.) (проект РНП 2.2.1.1. 2183) Рособразованию».

С моей точки зрения, позднее 1 млн л.н. на эту территорию не было больше крупных миграций древних людей другого физического типа с принципиально иной индустрией. В Китае и, видимо, во всей Восточной и Юго-Восточной Азии происходило дальнейшее развитие *Homo erectus* и близких ему форм в сторону сапиенизации. Именно на основе автохтонного населения на этой территории формировался *Homo sapiens sapiens*.

Наличие в Восточной и Юго-Восточной Азии бифасиальной техники в раннем палеолите как будто бы исключает возможность такой гипотезы. За последние 40 лет в Китае открыто большое количество палеолитических местонахождений (от раннего до позднего палеолита), где найдены бифасиально обработанные орудия. Хуан Вэйвэнь [1987] один из первых опубликовал сводную работу о бифасах в раннепалеолитических комплексах Китая. Он выделил три крупных района распространения таких орудий: бассейн р. Фэнь, долину р. Ханьшуй, котловину Байсэ на территории Гуанси-Чжуанского автономного района. Древнейшим в Восточной Азии исследователь считает бифас с местонахождения Пинлянь на возвышенности Гунванлин в 2 км к западу от стоянки ланьтяньского человека. Стратиграфически это орудие залегало ниже горизонта с останками ланьтяньского человека, и, по мнению Хуан Вэйвэня, его возраст более 1 млн лет. Систематизация сведений о распространении бифасов в Китае приводит исследователя к выводу о том, что группа орудий такого типа в индустриях Китая «имеет много общего с бифасами в комплексах Европы и Африки. Вышеназванные открытия постепенно стирают «границу» между культурами Запада и Востока и указывают на то, что контакты между культурами этих двух больших регионов могли существовать уже в раннем палеолите» [Там же]. Этот вывод очень важен. Но было бы наивно считать, что выделение бифасов в раннепалеолитических комплексах Китая и признание их близости к аналогичным орудиям Африки и Европы решают проблемы качественной оценки контактов и взаимовлияний палеолитических культур Востока и Запада. Бифасы, безусловно, являются одним из диагностирующих признаков в раннепалеолитических индустриальных комплексах, и очень важно установить время их появления в Китае и сравнить технико-типологические характеристики этих орудий и рубил с остальной частью Евразии строго в соответствии с хроностратиграфическими описаниями раннепалеолитических местонахождений. Еще более важным для определения сходства и отличия местонахождений с бифасами является сопоставление всех особенностей и показателей первичной и вторичной обработки, т.е. сравнительный анализ не отдельных орудий, а индустрий в целом. Я абсолютно убежден в том, что местонахождения, индустрии, палеолитические культуры

нельзя признать родственными только на основании сходства какой-то одной категории изделий.

Многие исследователи палеолита Китая на основании наличия в палеолитических комплексах бифасиальных орудий типа ручных рубил, а также т.н. кливеров, пик, сфероидов сравнивают, а порой и отождествляют ранний палеолит на этой территории с ашельем Евразии. В статье Хуан Вэйвэня, Хоу Ямэй, Сон Хэнгёна [2005] дана наиболее полная сводка наличия бифасов, кливеров, пик на ранних палеолитических местонахождениях Китая. В заключении авторы делают вывод, что «в ходе недавних исследований на плато Байсэ получены убедительные свидетельства существования в южной части Восточной Азии каменной индустрии, похожей на западную ашельскую, не позднее 0,8 млн л.н.» [Там же, с. 12].

С моей точки зрения, появление в Восточной Азии бифасиальных орудий типа ручных рубил, а также орудий типа кливеров объясняется не инфильтрацией на эту территорию архантропов с ашельской индустрией, а конвергенцией [The Paleolithic..., 1998; Деревянко, 2006а–в]. Периодичное появление и исчезновение в Китае бифасиальных изделий на протяжении почти 1 млн лет определялись изменением экологической обстановки и новыми адаптационными стратегиями древнейшего населения на данной территории. И это явление конвергентного порядка. Рассмотрим проблему подробнее.

Палеолитические местонахождения с бифасиальной техникой в Китае в неоплейстоцене

Многие исследователи палеолита традиционно выделяют в Китае две основные зоны: южную и северную, граница между которыми проходит по горной гряде Циньлин (34° с.ш.). Мы рассмотрим появление бифасиальной техники и орудий типа кливеров и пик в Китае не по географическому принципу, а в хронологическом плане. Наиболее раннее свидетельство появления кливеров и пик отмечено в пещере Лунгупо [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хэнгён, 2005]. Пещера дислоцируется в районе Трех Ущелий на р. Янцзы у г. Чунцин. Во время полевых работ найдено большое количество костей млекопитающих, ок. 40 каменных орудий, фрагмент нижней челюсти человека с премоляром и моляром и резец. На основании фаунистических материалов возраст находок был определен в 2 млн лет. ЭПР-даты как будто подтвердили эти хронологические определения [Huang et al., 1995]. Пещерная стоянка Лунгупо является одним из дискуссионных раннепалеолитических местонахождений в Китае, с точки зрения стратиграфии, наличия артефактов и датировки.

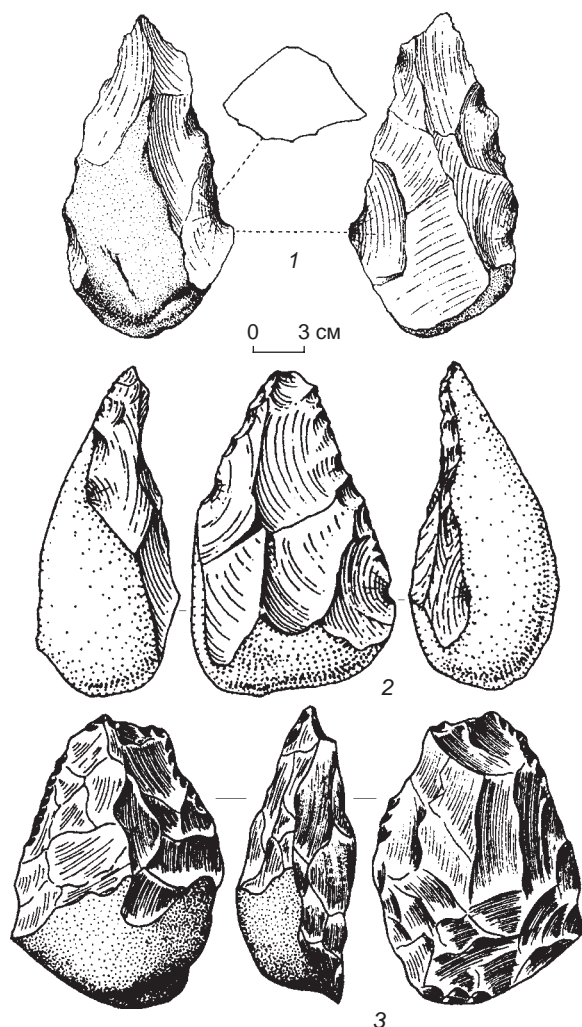

Рис. 1. Каменные артефакты с местонахождений в уездах Ланьтянь (1, 2) и Юньсянь (3).

1 – ручное рубило, Пинлянь (по: [Dai, 1966]); 2 – галька со сколами, Чэньцзяво (по: [Абрамова, 1994]); 3 – ручное рубило (по: [Yunxian Man, 2001]).

В некоторых публикациях о Лунгупо упоминаются два артефакта, найденные на значительном расстоянии друг от друга и в разных палеомагнитных зонах. Они могли попасть в нижележащие горизонты вместе с просачивающейся водой и оказаться среди древних фаунистических остатков случайно [Ван Цянь, 1996]. Есть сомнения и относительно причисления этих находок к орудиям, сделанным человеком [Ранов, 1999]. В других публикациях сообщается о наличии среди 40 каменных орудий пик и кливеров. Рисунок т.н. кливера не убеждает, что этот артефакт можно отнести к данной категории [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005].

Одним из ранних палеолитических местонахождений в Китае является стоянка на территории уезда Юньсянь в верхнем течении р. Ханьшуй на северо-

западе пров. Хубэй [Li et al., 1998; Чжу Хэнфу, 1999; Yunxian Man, 2001]. На этой стоянке в толще мелкого коричневого песка и глины обнаружены два полных черепа *Homo erectus* и 146 каменных орудий. В вышележащем слое красно-коричневой глины также найден 61 артефакт. Среди каменных орудий выделены чопперы, рубилообразное изделие, кливеры и др. Одно изделие, бесспорно, имеет бифасиальную обработку (рис. 1, 3). Оно изготовлено из гальки. Одна сторона изделия оформлена крупными сколами по всей поверхности с более мелкой подправкой по краям, противоположная обработана на две трети. Палеомагнитные исследования слоя, залегающего под культуросодержащим горизонтом, выявили эпизод Харамильо. Следовательно, отложения, содержавшие артефакты, имеют возраст ок. 1 млн лет.

Серия бифасиальных орудий обнаружена в бассейне рек Байхэ и Лаочихэ в районе возвышенности Гунванлин и в близлежащих местах в уезде Ланьтянь пров. Шэньси. Еще в конце 50-х гг. XX в. в этом районе геологами и палеонтологами изучались кайнозойские отложения. В 1963 г. сотрудниками Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии (ИППиП) АН КНР близ д. Гунванлин была найдена нижняя челюсть древнего человека. Работы были продолжены в 1964–1966 гг., а затем возобновились в 1973 г. Всего в этом районе обнаружено ок. 20 пунктов, в которых найдено более 200 каменных орудий, зубы, верхняя челюсть и черепная крышка *Homo erectus* [Кучера, 1996]. Археологические и палеоантропологические находки из разных пунктов разновременные, но все они относятся к раннему этапу палеолита. Возраст находок, который несколько раз пересматривался, от 600 тыс. до 1 млн лет. Результаты последующих палеомагнитных исследований, подкрепленные данными анализа лессово-почвенных последовательностей и фаунистических остатков, позволили отнести наиболее древний культуросодержащий горизонт с ланьтяньским *Homo erectus*, каменными орудиями к эпизоду Харамильо и датировать находки в пределах 1,15 млн л.н. [Ан, Но, 1989].

Каменные орудия на палеолитических местонахождениях в Ланьтяне изготовлены главным образом из кварцита, реже из кварца, песчаника и кремния. Первичное расщепление связано с использованием крупных галек, с которых скалывали отщепы различных очертаний, в т.ч. и пластинчатые. Имеются полиэдрические нуклеусы и с радиальным принципом расщепления. Использовались одна и две ударные площадки без предварительной их обработки. В Ланьтяне не известно ни одного отщепа с фасетированной площадкой. На некоторых отщепах имеется ретушь в виде мелких сколов.

Орудийный набор представлен скреблами, отщепами с ретушью и без нее, чопперами, остроконечни-

ками, бифасиально обработанными изделиями [Гай Пэй, Ю Юйчжу, 1976]. Скребла различных размеров с одним прямым рабочим краем, с двумя лезвиями, образующими тупой или острый угол, полукруглые. Поверхность их обрабатывалась сколами, лезвие подправлялось нерегулярной ретушью, иногда оно имело зубчатую форму. Чопперы изготавливались из галек. Они сравнительно небольших размеров. Одна сторона обрабатывалась сколами почти по всей поверхности. К особой категории следует отнести остроконечники и бифасиально обработанные изделия. Остроконечных орудий несколько. Они имеют подтреугольную форму. Одна сторона обрабатывалась сколами, по краю дополнительно наносилась ретушь.

В местности Чэньцзяво обнаружена треугольная в плане кварцитовая галька. На одной стороне у нее по всей поверхности негативы крупных сколов. На начальном этапе галька могла использоваться как нуклеус. Ударной площадкой служила галечная поверхность без дополнительной подправки. С гальки было сколото не менее пяти отщепов. В дальнейшем ее края подверглись дополнительной обработке мелкими сколами. Изделие было преобразовано в орудие типа остроконечного скребла. На нем прослеживается унифасиальная обработка, которая типична для остроконечников в Ланьтяне (рис. 1, 2).

На местонахождениях Ланьтяня известны и бифасиально обработанные орудия. В местности Пинлян, в 2 км к востоку от возвышенности Гунванлин, из слоя красноцветных глин, датируемого 1,15 млн л.н. и залегающего глубже погребенной почвы, содержащей обломки черепа *Homo erectus*, было извлечено рубилообразное изделие, изготовленное из крупного кварцитового отщепа (рис. 1, 1). Орудие имеет подтреугольную форму с округлым основанием (пятка). Одна сторона оформлена крупными сколами с подправкой более мелкими по краю, противоположная обработана сколами частично. Нижняя часть изделия сохраняет желвачную корку. Бифасиальное изделие обнаружено также в красноцветных отложениях в бассейне р. Лаочихэ в уезде Ланьтянь (рис. 2, 1). Сколами обработаны обе плоскости подтреугольной в плане гальки. Только в расширенной части (пятка) сохраняется желвачная корка. По краю лезвия нанесена эпизодическая ретушь. К рубилообразным изделиям близки несколько других рубящих орудий из галек с частично обработанной поверхностью и подправкой мелкими сколами по рабочему лезвию. Без сомнения, в индустрии Ланьтяня прослеживаются бифасиальная и унифасиальная техники.

К раннему палеолиту относится индустрия Кэхэ. Полевые работы проводились в этом районе в 1960, 1962–1963 гг. и в 1978 г., главным образом в двух пунктах: Кэхэцзянь и Дутоу Наньгоу. Всего найдено ок. 140 артефактов, среди которых 53 нуклеуса и

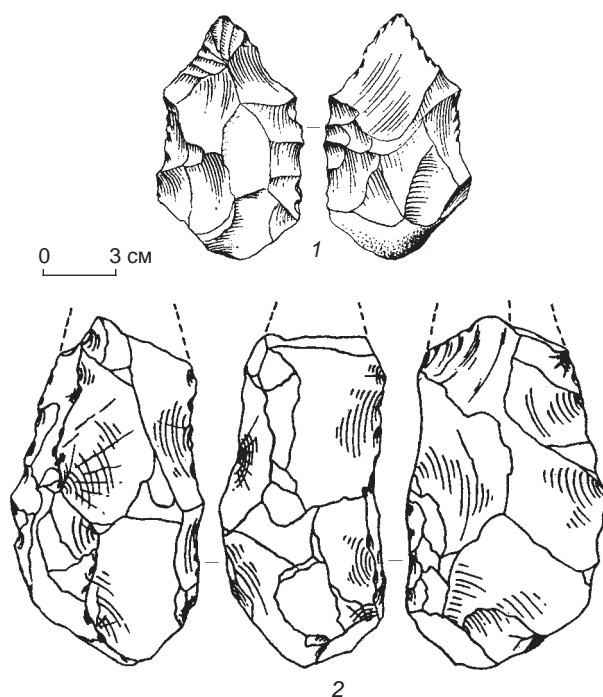

Рис. 2. Рубило из уезда Ланьтянь (по: [Ларичев, 1985]) (1) и трехгранное орудие из Кэхэ (по: [Абрамова, 1994]) (2).

53 отщепа, позволяющие реконструировать технику первичного расщепления [Цзя Ланьпо, 1984]. К орудиям отнесены 19 артефактов. Нуклеусы подразделены на четыре группы: одноплощадочные, по форме близкие треугольным; кубовидные или полиэдрические с несколькими ударными площадками; дисковидные и галечные без подготовленной ударной площадки. В Кэхэ хорошо реконструируются в первичном расщеплении три основных технических приема, которые прослеживаются в разной степени почти на всех неоплейстоценовых палеолитических местонахождениях в Китае: биполярный, прямого удара и наковальни (block-on-block). Отщепы, снятые с нуклеусов, имеют различную форму, но преобладают массивные с нефасетированной площадкой, образующей тупой угол с плоскостью расщепления. Наиболее крупные отщепы, с наибольшим углом раскалывания, получались при ударе гальки о наковальню или о другую гальку. Когда использовался жесткий отбойник, отщеп имел меньший угол расщепления и сравнительно небольшой ударный бугорок. На некоторых отщепах есть следы использования и эпизодическая ретушь.

Среди орудий на местонахождениях Кэхэ имеются чопперы, чоппинги, скребла и бифасиально обработанные изделия. Чопперы и чоппинги можно классифицировать и как нуклеусы, которые затем преобразовывались в рубящие орудия. Изделия с бифаси-

альной обработкой представлены остроконечником и фрагментом трехгранного орудия, обработанного со всех сторон (рис. 2, 2). Разными авторами они классифицируются по-разному. Но суть не в назначении предметов (его может определить только трасологический анализ), самое важное – наличие в индустрии Кэхэ бифасиально обработанных изделий.

Одна из ранних индустрий Ланьтяня и Кэхэ, в которых уже можно выявить систему первичного расщепления и разнообразный орудийный набор, характеризуется двумя принципиально важными признаками: 1) в системе первичного расщепления преобладают три основных приема, использовавшихся древними мастерами на протяжении почти всего палеолита; 2) бифасиальная и унифасиальная обработка орудий зародилась в Китае более 1 млн л.н.

Одним из крупнейших районов концентрации раннепалеолитических местонахождений, в материалах которых ярко выражена бифасиальная обработка орудий труда, является котловина Байсэ,

расположенная в западной части Гуанси-Чжуаньского автономного района на восточной окраине Юньнань-Гуйчжоуского плато. На юге эта территория граничит с Вьетнамом. На западе котловина начинается от г. Байсэ и тянется на восток до г. Сылынь. Ее длина с северо-запада на юго-восток ок. 90 км, ширина – 15 км. Главная водная артерия в этом районе р. Юцзян берет начало от слияния рек Юньнань-Гуйчжоуского плато Сиянцзян и Тонянцзян и пересекает котловину с запада на восток (рис. 3).

Первые находки в котловине Байсэ были собраны в 1973 г. сотрудниками ИППиП АН КНР, Музея Гуанси-Чжуаньского автономного района и отряда по поиску нефти в этом районе. В том же году рабочий Синьчжоуской угольной шахты Цзэн Сянван обнаружил юго-восточнее г. Байсэ семь палеолитических местонахождений. В 1979 г. работники музея начали разведочные работы в котловине Байсэ. Они обнаружили несколько новых пунктов и собрали большое количество каменных орудий на поверхности, а при

раскопках местонахождения Чаншэлин четыре артефакта извлекли из культуросодержащего горизонта. Более четверти века в котловине Байсэ проводятся полевые исследования Музеем Гуанси-Чжуаньского автономного района, Музеем природы этого района, ИППиП АН КНР, Музеем национальностей Юцзяна, археологическим факультетом Университета им. Сунь Ятсена и другими научными организациями. Опубликовано большое количество работ в Китае и за рубежом [Археологический отряд..., 1983; Ли Яньсянь, Ю Юйчжу, 1975; Хуан Вэйвэнь, Ци Гоцинь, 1987; Хуан Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун, 1991; Хуан Вэйвэнь, Си Найхан, Сагава Масатоси, 2001; Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003; Hou et al., 2000; Линь Шэнлун, Хэ Найхань, 1995].

За 30 лет в котловине Байсэ открыто ок. 70 пунктов (рис. 4–6), где в поверхностном залегании найдено более 7 000 артефактов, в ходе раскопок – ок. 1 000 [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]. К сожалению, находки рассредоточены в нескольких научных центрах: ок. 1 500 артефактов хранятся в Музее Гуанси; 5 000 – в Музее национальностей Юцзяна и Музее Байсэ; ок. 600 – в музеях уездов Тяньдун и Тяньян; ок. 300 – в провинциальном музее Гуандуна и в Институте археологии Гуанчжоу; ок. 1 000 – в ИППиП АН КНР. Такая рассредоточенность затрудняет изучение всех материалов из этого района. Наиболее полной обобщающей работой по палеолиту котловины Байсэ является коллективная монография

Рис. 3. Долина р. Юцзян.

Рис. 4. Памятник Фэншудао в районе оз. Чэнбиху.

Рис. 5. Осмотр памятника Фэншудао.

Се Гуанмао, Ли Цяня и Хуан Цишаня [2003], в которой анализируются почти все находки, за исключением коллекции, хранящейся в ИППиП АН КНР.

Мнения китайских ученых о геологии и геоморфологии котловины Байсэ различны. Количество выделяемых здесь террас колеблется от четырех до семи, нет единства и в определении их высот, что объясняется неотектоническими процессами в этом районе в течение раннего и среднего неоплейстоцена [Юань Баоинь, Хоу Ямэй, 1999].

Большинство палеолитических местонахождений в котловине Байсэ являются пунктами сбора каменных орудий в поверхностном залегании. Особое значение имеют четыре местонахождения, где вскрыты культуросодержащие горизонты.

Стоянка Байгу расположена в 15 км к востоку от г. Байсэ на высоте 210 м над ур.м., на четвертой террасе. Вскрыто 70 м² на глубину до 3 м. Из культуросодержащих горизонтов извлечено ок. 70 находок. Очень важно, что на этой стоянке вместе с артефактами были обнаружены тектиты. Находки выявлены в первом и втором слоях, которые представляют собой латериты с мозаичным узором бурого цвета, нечетким в первом и четким во втором. Мощность слоев ок. 2 м. Между ними нет отчетливой границы, и по своему происхождению они, видимо, составляют единое целое. В верхнем горизонте, в отличие от нижнего, больше примесей гумуса. Ниже латеритовой пачки залегает галечный слой.

Стоянка Гаолинпо открыта у пос. Таньхэ уезда Тяньдун на четвертой террасе (рис. 7). Из-за силь-

Рис. 6. Стратиграфическая траншея. Фэншудао.

Рис. 7. Стоянка Гаолинпо (склон высокого пика).

ной эрозии и дефляции латеритов на этом местонахождении много каменных изделий собрано на поверхности. Раскопки производились в 1991, 1993 и 1998 гг. В первые два года в культуросодержащем горизонте было найдено более 100 артефактов. В 1998 г. вскрыли 20 м² и извлекли 433 предмета; среди них 98 % составляют мелкие отщепы и сколы, на основании чего было выдвинуто предположение, что раскоп охватил часть площадки, где производилась первичная обработка. Стратиграфия следующая (сверху вниз):

слой 1 – песчанистая рыхлая глина серо-бурого цвета. Содержит много остатков гумуса, корни растений, конкреции железа и марганца. Мощность ок. 20 см;

слой 2 – желто-бурая плотная глина. Содержит меньшее количество корней растений, но много мелких углистых вкраплений. Мощность 20–25 см. В слое обнаружены окатанные, бифасиально обработанные изделия и отщепы;

слой 3 – плотный, коричнево-желтый суглинок с включениями небольшого количества мелких галек. Мощность 65 см. В нижней части слоя обнаружено большое количество артефактов.

Стоянка Лайкуй расположена у д. Лайкуйцунь уезда Тяньян. Местность заросла манговыми деревьями, образующими небольшой дерновый покров. В отдельных местах он отсутствует и обнажены

латериты, на поверхности которых залегают каменные орудия. В 1997 г. на стоянке в четырех пунктах на склонах холмов производились раскопки. Общая площадь раскопанной части 161 м². Сверху залегает дерновый покров – песчаная глина серо-бурого цвета мощностью 15–30 см с большим количеством органических включений; ниже – плотный слой коричнево-желтого суглинка мощностью от 50 до 70 см с включением корней растений; третий слой – латериты с мозаичным узором красного, желтого и белого цвета, мощность 120–130 см. Все каменные орудия (141 экз.) найдены в этом слое. По составу и характеру осадконакопления слои 2 и 3 мало отличаются друг от друга, и между ними, по мнению исследователей, трудно провести четкую границу.

Стоянка Посилин расположена в пос. Сылинь уезда Тяньдун на четвертой террасе р. Юцзян на высоте 40 м [Ли Цян, 2002]. В 1994 г. в связи со строительством железной дороги в этом районе проводились наиболее обширные полевые работы. Вскрыто 800 м²; из культуросодержащих горизонтов извлечено 244 артефакта: бифасиально обработанные орудия, пики, скребла, отбойники, нуклеусы и отщепы. Рыхлые отложения в этом районе маломощные, и вследствие дефляции во многих местах артефакты были собраны на поверхности. При раскопках выделено три слоя (сверху вниз): 1) гумусированный

слой рыхлой серо-желтой глины, мощность 6–20 см; 2) плотная коричнево-желтая глина, мощность 35–72 см; большинство каменных орудий извлечено из этого горизонта; 3) плотный латерит с мозаичным узором, большим количеством конкреций железа и марганца; артефактов не обнаружено.

Ряд фактов не позволяет отнести раскопанные стратифицированные стоянки в котловине Байсэ к одновременным. Во-первых, в большинстве случаев каменные орудия залегали на небольшой глубине и, поскольку процесс осадконакопления во второй половине среднего и позднем неоплейстоцене протекал очень медленно, а дефляция и эрозия рыхлых отложений порой были очень интенсивными, значительная часть артефактов оказалась на поверхности. Во-вторых, расположение стоянок на разной высоте над уровнем реки не исключает возможности дислокации их на третьей и четвертой террасах. В-третьих, каменный инвентарь залегал как в латеритах с мозаичным узором, так и в иных отложениях, что, скорее всего, свидетельствует о его разновременности. Это подтверждается нахождением на одной и той же стоянке артефактов в разных литологических горизонтах, а также большим разбросом находок по вертикали в одном горизонте. Нельзя исключать и возможное перемещение артефактов в культуросодержащих горизонтах. Исследователи отмечают, что на стоянке Гаолинпо в слоях 2 и 3 обнаружены бифасиально обработанные орудия и отщепы, которые по вертикали отделяло расстояние более 50 см.

По технико-типологическим показателям раннепалеолитические местонахождения в котловине Байсэ достаточно гомогенны. Поэтому весь материал, собранный на поверхности и извлеченный из культуросодержащих горизонтов, рассматривается большинством китайских ученых как единое целое. Се Гуанмао, Ли Цян и Хуан Цишань [2003] разделили его по значимости на несколько категорий. Материалы, хранящиеся в Музее Гуанси, они делят на подъемные (ок. 1 000 экз.) и полученные при раскопках стоянок Посилин и Лайкуй (ок. 400 экз.). Среди подъемных находок они выделяют собранные с выборкой, без выборки и с обнажений, отмечая, что найденные разными исследователями и хранящиеся в различных научных центрах артефакты имеют разную значимость и далеко не весь материал можно привлекать для системного анализа.

Орудия труда в основном изготавливались из галек. Использовались кварцит, кварц, песчаник, кремнь, кремнистые породы, гораздо реже вулканические. Наиболее употребимыми были кварцит и песчаник, из которых изготовлено 73 % изделий.

В изученных коллекциях Се Гуанмао, Ли Цян и Хуан Цишань [Там же] выделили 970 артефактов, которые разделили на восемь основных типов:

Тип	Кол-во	%
Рубящие орудия	367	37,8
Пики	175	18,0
Скребла	171	17,6
Рубила	64	6,6
Кливеры	17	1,8
Отщепы	150	15,8
Нуклеусы	8	0,8
Отбойники	18	1,9

В подъемных и извлеченных из культуросодержащих горизонтов материалах небольшой процент артефактов, относящихся к первичной обработке камня. Это можно объяснить тем, что орудия изготавливались в основном из галек. Нуклеусы разделены на три группы: одно-, двухплощадочные и ортогональные. Для одноплощадочных нуклеусов использовались крупные гальки. Ударная площадка у них сохраняла галечную поверхность. С нуклеусов скалывали по несколько крупных отщепов с большим ударным бугорком. Часто ширина у них превосходила длину. Угол ударной площадки 55–90°. Для одного такого нуклеуса была использована круглая плоская кварцитовая галька (рис. 8, 6). С двух противоположных сторон скалывались крупные отщепы. Угол ударной площадки 55° и более. Отщепы скалывались с галечной поверхности без дополнительной ее обработки. Второй одноплощадочный нуклеус – кварцитовая галька с одной плоской стороной, кото-

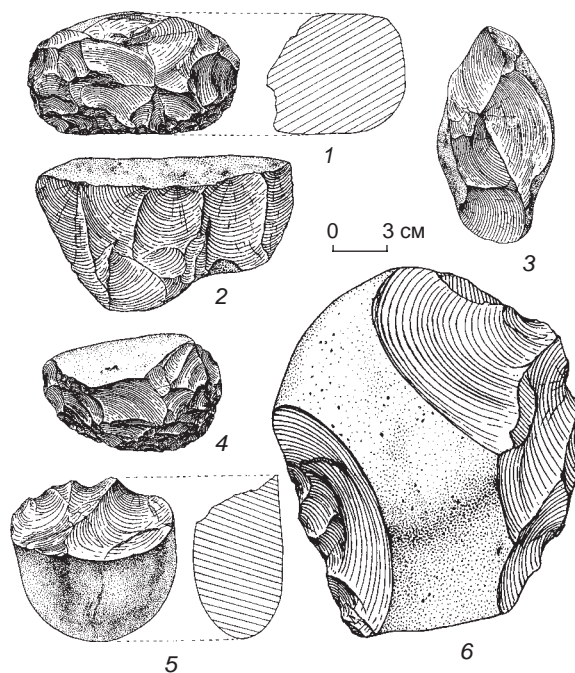

Рис. 8. Каменный инвентарь из котловины Байсэ (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).
1, 4 – отбойники; 2, 3, 6 – нуклеусы; 5 – чопер.

рая использовалась как ударная без дополнительной обработки (рис. 8, 2). Крупные отщепы скалывали вдоль одной длинной стороны. Двухплощадочные нуклеусы в основном относятся к типу от ребра (рис. 8, 3). Для них подбирались овальная галька. В качестве ударной площадки использовалась одна из ее граней. Отщепы скалывали с двух плоских сторон. Удары наносились попеременно, и точка удара приходилась на край негатива ранее снятого отщепа. Ударная площадка была извилистая, и ее угол приближался к прямому. Многоплощадочные нуклеусы в основном крупные. Масса некоторых более 15 кг. С таких нуклеусов скалывали крупные отщепы без какой-либо системы, и в качестве ударной площадки использовались как галечная поверхность, так и негатив ранее снятого отщепа. Скалывание с нуклеусов всех типов производилось тремя способами: биполярным, с использованием отбойника и ударом гальки о наковальню. Отбойниками служили подпрямоугольные и круглые гальки. В качестве примера китайскими учеными приводятся отбойники, которые в дальнейшем были превращены, скорее всего, в орудия типа скребел (рис. 8, 1, 4).

Абсолютное большинство отщепов в описываемой коллекции сохраняет галечную поверхность; экземпляров с фасетированной ударной площадкой в индустрии Байсэ не обнаружено. Это свидетельствует о том, что нуклеусы использовались крайне неэффективно, в основном для однократного снятия отщепов. Угол скалывания у 80 % отщепов составляет 110–120°. У более половины ширина превосходит длину. Отщепы размерами больше 10 см составляют 13 %, особенно крупные имеют размеры более 20 см. По мнению китайских исследователей, ок. 30 % отщепов несут

следы использования. Но этот вывод сделан на основании визуального наблюдения, а не трасологического анализа. Следов бесспорной ретуши на отщепах не обнаружено.

Наиболее многочисленную группу среди орудий составляют рубящие. Они разделены на четыре группы: обработанные на одном конце с одной стороны (чопперы), на одном конце с двух сторон (чоппинги), многосторонние и дисковидные. Чопперов выделено 301 экз., или 82 % от числа рубящих орудий. Они подразделяются на три группы: с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием.

Чопперы первой группы (48 экз.) имеют концевые и боковые лезвия. Один изготовлен из овальной кремнистой гальки (рис. 8, 5). Конец у нее обработан крупными сколами, а более мелкие по краю придают рабочему лезвию зубчатую форму. Другой чоппер изготовлен из удлиненной кварцитовой гальки. Лезвие у него оформлено крупными сколами и подправлено мелкими по краю (рис. 9, 1). Некоторые изделия этого типа вначале использовались в качестве нуклеусов, а затем дополнительной подправкой превращались в рубящие орудия или скребла [Там же, ил. 10]. Большинство чопперов с прямым лезвием имеют обработку на небольшой части гальки. Но есть экземпляры, оформленные более тщательно. У них с одной стороны обработана почти вся поверхность, а лезвие дополнительно подправлено мелкими сколами.

Чопперов с выпуклым лезвием насчитывается 241 экз. Это самая распространенная категория орудий. Китайские ученые делят их на чопперы с широким и узким дугообразным лезвием. Один изготовлен из круглой гальки песчаника, значи-

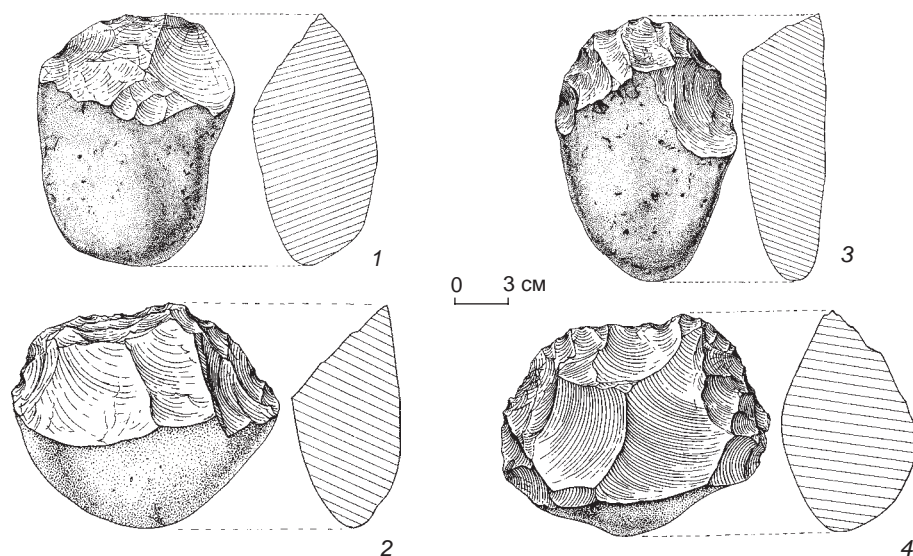

Рис. 9. Чопперы (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

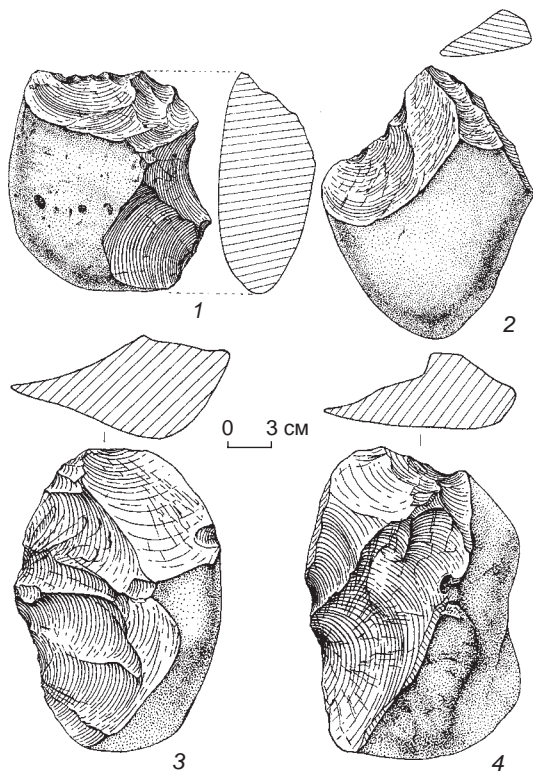

Рис. 10. Чопперы (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

тельная часть которой обработана сколами. Их негативы широкие, некоторые более 6 см (рис. 9, 2). По краю имеется ступенчатая подтеска лезвия мелкими сколами. Другой чоппер изготовлен из удлиненной кварцитовой гальки (рис. 9, 3). Один конец у него обработан крупными сколами. Рабочее лезвие имеет округло-выпуклую форму. Среди этой группы изделий есть экземпляры, у которых с одной стороны почти вся поверхность обработана крупными сколами с дополнительной подправкой по краю (рис. 9, 4). Рабочее лезвие имеет зубчатую форму. Галечная корка сохранялась на пятке и противоположащей обработанной стороне.

Чопперов с вогнутым лезвием 12 экз. Один из них изготовлен из уплощенной кварцитовой гальки (рис. 10, 2). Лезвие оформлено крупными сколами с мелкой подправкой по краю. На этом же конце с другой стороны крупными сколами выделен выступ в виде острия. Данное орудие типологически близко к изделиям «с носиком». Среди чопперов есть экземпляры, обработанные с одной стороны по двум прилежащим граням (рис. 10, 1, 3). Помимо концевых имеются продольные чопперы с рабочим лезвием, оформленным на одной из длинных сторон гальки (рис. 10, 4). Некоторые из них, с дополнительной подправкой лезвия, могли использоваться в качестве скребел (рис. 11, 1).

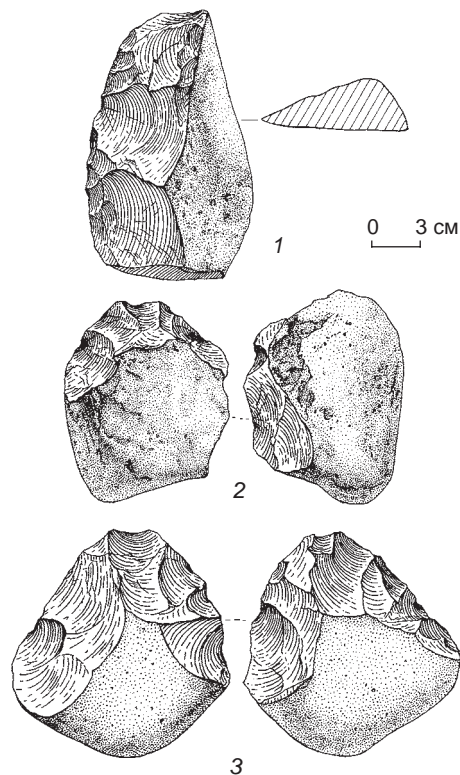

Рис. 11. Чоппер (1) и чоппинги (2, 3) (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

Рубящих орудий типа чоппингов, у которых лезвие затесывалось с двух сторон, в коллекции немного (рис. 11, 2, 3). Для их оформления применялись те же приемы, что и для чопперов.

К особой категории следует отнести выделенные китайскими учеными рубящие орудия, обработанные с трех сторон [Там же]. Помимо обработки одной из поверхностей гальки крупными сколами на продольном лезвии имеется хорошо выраженная подправка крупной ретушью (рис. 12, 2, 4). Эти орудия следует отнести к скреблам.

Для индустрии Байсэ достаточно типичны изделия, которые получили название «пики» (175 экз.). Они оформлялись преимущественно на гальках. Пики, изготовленные из крупных отщепов, единичны. В качестве исходного материала использовались кварцит (39,8 %), песчаник (39,8 %), кремнистые породы (7,5 %), кварц (13 %). Пики изготавливались в основном унифасиальным способом: одна сторона гальки обрабатывалась сколами по всей поверхности, а затем один из концов дополнительно затесывался с другой стороны. Имеются экземпляры и без оформления острия с двух сторон (рис. 12, 1). Нередко к категории пик относят изделия, сохраняющие на значительной части гальки желвачную корку (рис. 12, 3). По форме пики разделены на 10 групп [Там же]:

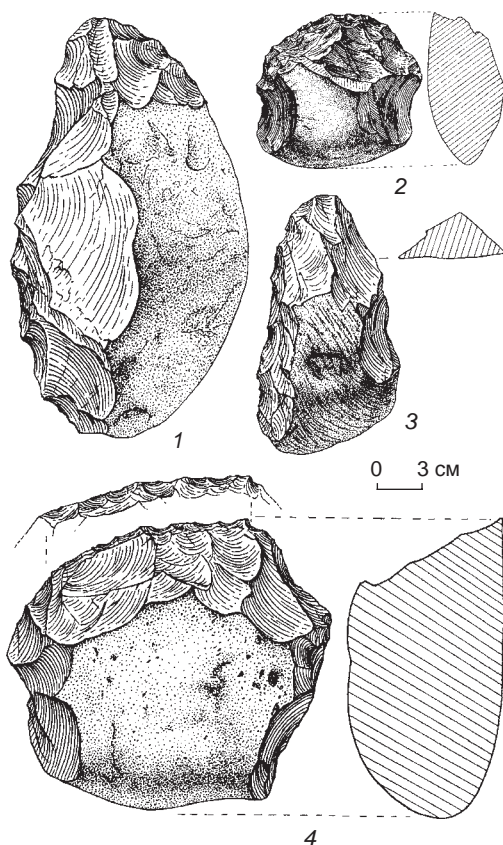

Рис. 12. Пики (1, 3) и скребла (2, 4) (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003] – чопперы).

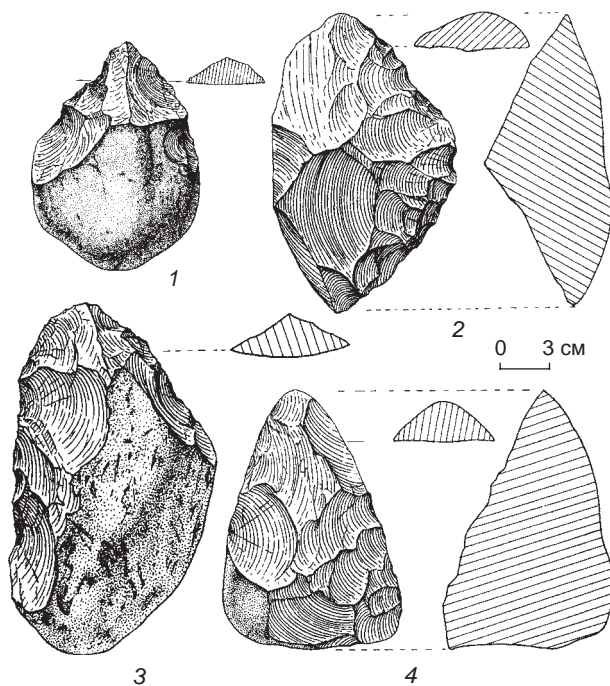

Рис. 13. Пики (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

Группа	Кол-во	%
Треугольные	53	30,3
Грушевидные	38	21,7
Сердцевидные	10	5,7
Почковидные	10	5,7
Копьевидные	7	3,8
В форме полумесяца	15	8,5
Оливковидные	11	6,2
Овальные	14	8,1
Четырехугольные	12	7,0
Неправильной формы	5	3,7

Это деление следует считать очень условным, потому что, например, оливковидная и овальная формы различаются незначительно. Необходимо отметить другое, очень важное, с моей точки зрения, обстоятельство. Часть т.н. пик мало чем отличается от рубящих орудий типа чопперов, чоппингов и скребел (рис. 13). У них более четко выражено острие и с одной стороны оббита большая часть поверхности. Пикообразные инструменты имеют значительные размеры. Длина самого маленького 12,5 см, самого крупного – 38 см, его масса 7,4 кг. Средние размеры колеблются в пределах 15–20 см, а масса – 1–2 кг.

Особый калорит раннепалеолитической индустрии Байсэ придают бифасиально обработанные орудия (рис. 14). Они изготавливались из галек, использованных нуклеусов и крупных отщепов. Исходный материал – кварцит (49 %), песчаник (38,8 %), кремнистые породы (12,2 %). Китайские исследователи, которые называют эти изделия рубилами [Там же, ил. 1–3], разделили бифасиально обработанные орудия (64 экз.) на восемь типов:

Тип	Кол-во	%
Треугольные	26	40,6
Грушевидные	9	14,1
Почковидные	8	12,5
Овальные	6	9,4
Сердцевидные	7	10,9
Пулевидные	3	4,7
Копьевидные	2	3,1
Четырехугольные	3	4,7

Предложенная классификация, так же как и орудий типа пик, очень условная. При описании бифасов (по моему мнению, так их правильно называть) очень важно рассмотреть технологию их изготовления. Обработывались они крупными сколами; у многих ширина больше длины. Острие и края изделия редко имеют подправку. У отдельных экземпляров сколами с одной стороны оформлено только острие, а остальная часть сохраняет галечную поверхность (рис. 15, 1, 3). Эти орудия типологически ближе всего к чопперам. Условно к рубилам можно отнести бифасы, изго-

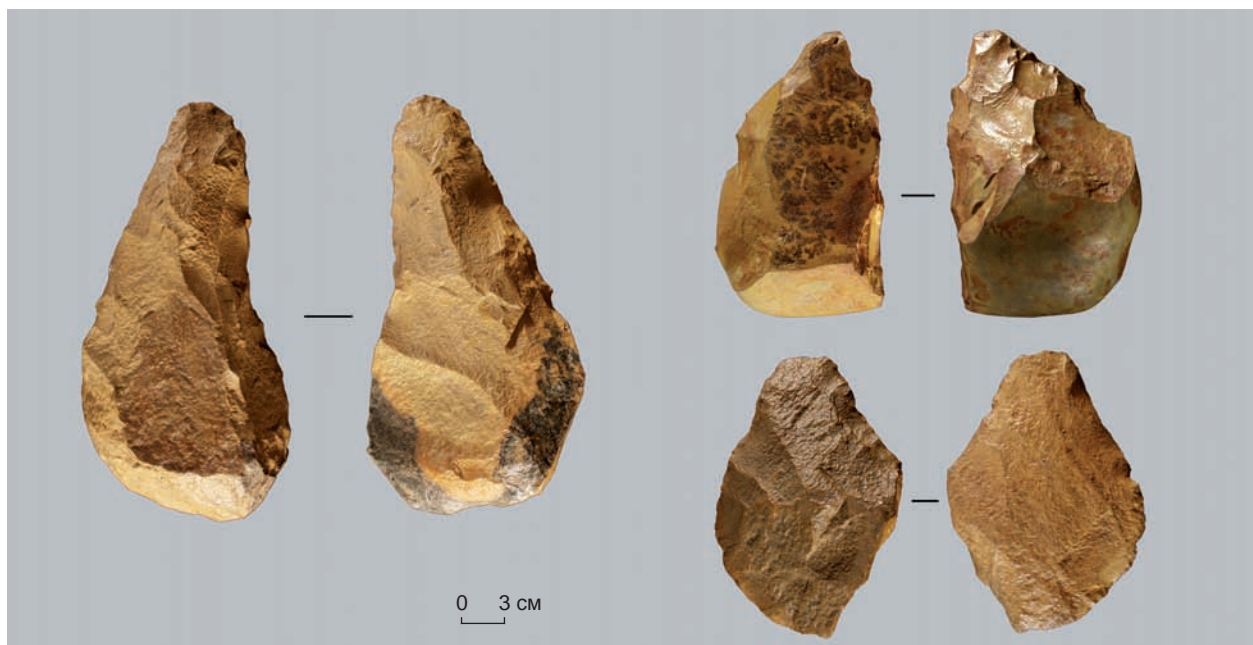

Рис. 14. Рубила из котловины Байсэ.

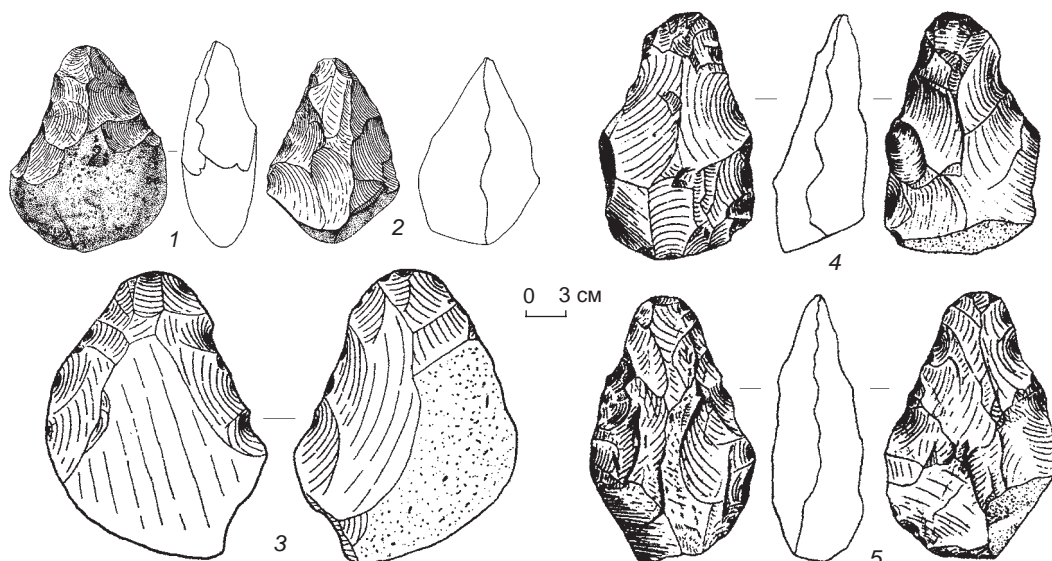

Рис. 15. Ручные рубила (по:[Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

товленные из галек, у которых значительная часть поверхности обработана сколами и имеется подправка у острия и частично по краям орудия (рис. 15, 2, 4, 5). У бифасиально обработанных изделий из отщепов сколами оформлялись преимущественно острия (рис. 16, 4). Сами китайские авторы отмечают, что большинство орудий имеет только одностороннюю обработку, оббитых с двух сторон сравнительно мало. Обработка изделий простая и грубая. Оббивка с двух сторон в большинстве случаев ограничивается только

верхней половиной орудий; полностью обработанных образцов крайне мало. Лезвие редко имеет дополнительную подправку [Там же, с. 83]. Различия в размерах бифасиальных орудий велики. Самые маленькие имеют длину 12 см и массу 620 г, самые крупные – соответственно более 23 см и 4 кг. По форме и технике изготовления чоппинги, пики и бифасы очень близки друг к другу, и нередко исследователи, работающие с коллекциями из котловины Байсэ, относят одни и те же изделия к разным типам.

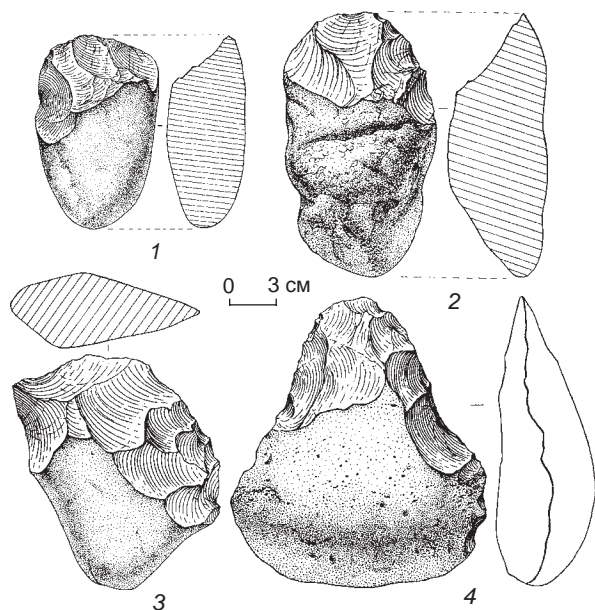

Рис. 16. Кливеры (1–3) и ручное рубило (4) (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

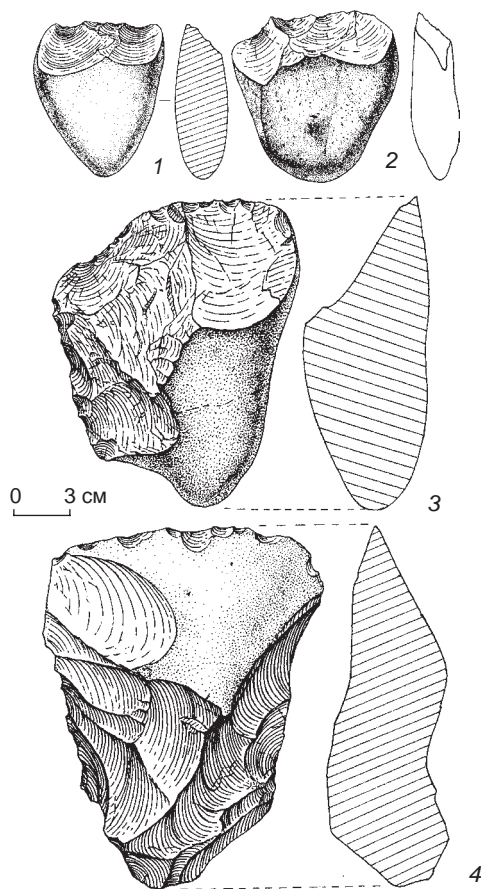

Рис. 17. Скрепки (1, 2) и кливеры (3, 4) (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

В индустрии Байсэ китайские ученые выделяют кливеры (18 экз.), которые изготавливались из галек (65 %) и отщепов (35 %). Исходный материал – песчаник (44,1 %), кварцит (38,9 %), кремнистые породы (11,1 %) и кварц (5,6 %). Почти у всех изделий односторонняя обработка. Некоторые, по мнению китайских исследователей, имеют следы использования.

Рассмотрим несколько т.н. кливеров на гальках. Один экземпляр изготовлен из кварцита. Крупными сколами с одной стороны оформлено дугообразное лезвие (рис. 16, 3); его подправка минимальная. Значительная часть поверхности гальки сохраняет желвачную корку. Два изделия изготовлены из удлиненных галек песчаника (рис. 16, 1, 2). Лезвия оформлены несколькими крупными сколами, у одного – с минимальной подправкой. Более тщательную обработку имеет орудие из кремнистой гальки (рис. 17, 3). Крупными сколами оббиты две смежные стороны. По краю лезвия видна подправка мелкими сколами. Все т.н. кливеры из галек с лезвием, оформленным на одном конце и с одной стороны, типологически мало чем отличаются от чопперов. Только отдельные изделия по внешнему виду напоминают орудия типа кливеров.

Наиболее убедительные примеры, приведенные в качестве кливеров, – это орудия, изготовленные из крупных отщепов (рис. 17, 4). У отщепа длиной 18,6 см, шириной 14,9, толщиной 5,9 см один конец оббит крупными сколами. На противоположном конце вентральная часть образует с противоположащей галечной поверхностью острый угол. По краю этого острого лезвия имеется грубая ретушь. Данное изделие, в отличие от многих других, типологически ближе всего к классу кливеров.

Большую долю среди орудий из коллекции Байсэ составляют скребла – 171 экз., или 17,6 %. Для 48 изделий в качестве заготовок использовались крупные отщепы, для 120 – гальки, три оформлены на кусках породы. Изготавливались они в основном из песчаника, а также кварцита, кварца, кремнистых пород и кремня. Китайские ученые разделили скребла на четыре типа [Там же]:

Тип	Кол-во	%
Односторонние	132	77,2
Двухсторонние	27	15,8
Многосторонние	10	5,9
Дисковидные	2	1,2

Среди выделенных скребел некоторые по технико-типологическим показателям трудно отличимы от чопперов. Но в коллекции Байсэ имеются изделия, которые правомерно отнести к галечным скреблам (рис. 18). Лезвие у них обрабатывалось крупными сколами, а затем подправлялось крупной ретушью. В связи

с применением такого технического приема у многих скребел зубчатая, а иногда и выемчатая форма.

К сожалению, материалы из котловины Байсэ разрознены и нет уверенности, что они когда-нибудь будут опубликованы полностью с детальным описанием и использованием трасологии. В этом районе сосредоточены многочисленные раннепалеолитические местонахождения, и дальнейшее комплексное их изучение даст много интересных идей, позволит значительно лучше представить ранний палеолит не только Китая, но и всей Восточной и Юго-Восточной Азии в системе палеолита Евразии.

Основываясь на имеющихся материалах, можно сделать некоторые выводы об индустрии раннепалеолитических местонахождений в котловине Байсэ. Первичное расщепление связано с нуклеусами галечного типа. Ударная площадка у них не имеет специальной обработки. Абсолютное большинство отщепов частично сохраняют галечную поверхность. Когда использовался принцип снятия от ребра, ударной площадкой служил негатив предшествующего скола. Снятие отщепов производилось тремя способами: контрударным, или биполярным, с использованием отбойника и ударом гальки о наковальню. У многих отщепов, которые скалывали с галечных нуклеусов больших размеров, ширина превосходила длину.

В орудийном наборе преобладают галечные рубящие орудия: чопперы, чоппинги, бифасы, пики. Бифасиально обработанные изделия очень специфичны, и, хотя некоторые из них типологически приближаются к ашельским рубилам, появление их в индустрии Байсэ можно объяснить только конвергенцией. Нет здесь и настоящих кливеров.

Одна из дискуссионных проблем – датировка индустрии Байсэ. Длительное время некоторые исследователи считали ее сравнительно поздней и высказывали сомнение в принадлежности артефактов к культуросодержащим горизонтам, полагая, что все находки обнаружены в поверхностном залегании. Прорыв в решении этих главных проблем был совершен в 1993 г., когда сотрудники ИППИП АН КНР и археологи из Гуанси-Чжуаньского автономного района при раскопках стоянок в Байгу и Гаолинпо в культуросодержащем горизонте обнаружили вместе с каменными орудиями тектиты. С использованием трекового метода был определен возраст тектитов со стоянки Байгу – $0,732 \pm 0,039$ млн лет.

Глинисто-галечный горизонт под слоем латерита с мозаичным узором – основной культуросодержащий горизонт в котловине Байсэ на юге Китая. Здесь палеомагнитным методом получена дата, близкая к эпизоду Харамильо. Согласно результатам повторного датирования трековым методом тектитов, извлеченных из культуросодержащего горизонта, их возраст $0,733$ млн лет [Gao et al., 1997], а по $^{39}\text{Ar}/^{40}\text{Ar}$ –

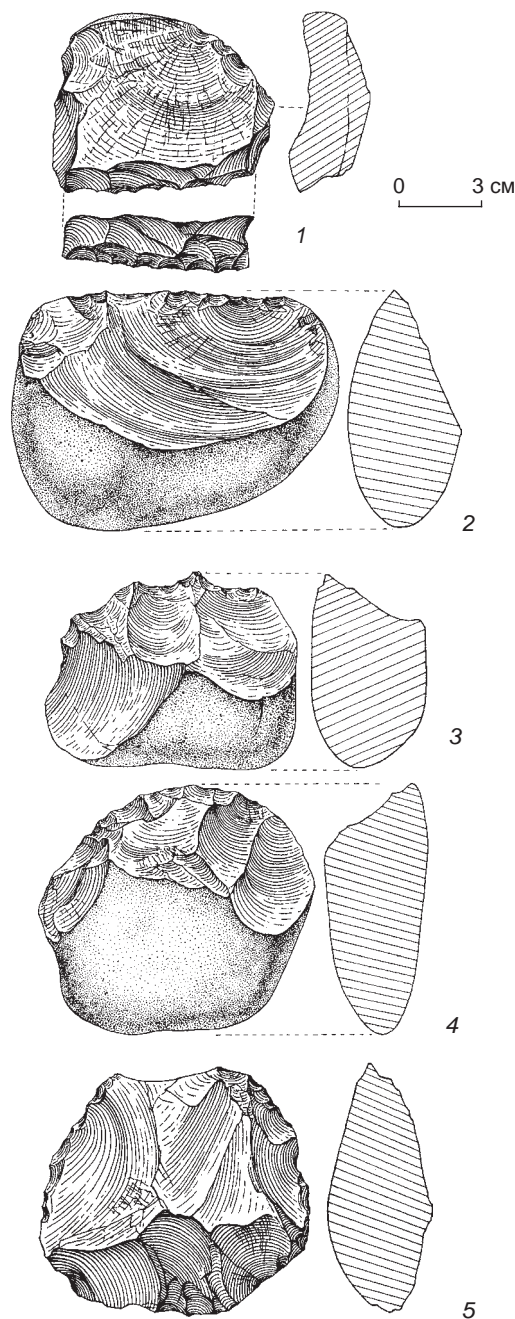

Рис. 18. Скребла (по: [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]).

$0,803$ млн лет [Hou et al., 2000; Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005]. Поскольку культуросодержащие горизонты залегали в разных геологических слоях, разница между верхней и нижней границами может быть относительно велика [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003].

В 2005 г. мне удалось посетить ряд местонахождений в котловине Байсэ и ознакомиться с коллекциями. У меня нет сомнений, что культуросодержащие гори-

зонты залегают в латеритах, тем более что на некоторых каменных изделиях остались следы латерита с мозаичным узором. Несмотря на существующие разногласия по ряду вопросов, в т.ч. и датировки, обнаружение раннепалеолитической индустрии в Байсэ относится к важнейшим открытиям китайских археологов в конце прошлого века.

В пров. Хунань, в бассейне р. Лишуй на западном берегу оз. Дунтинху, открыто более 70 раннепалеолитических местонахождений, среди которых есть стоянки с культуросодержащим слоем в латеритах с мозаичным узором [Там же]. Первичная обработка на этих местонахождениях характеризуется галечными нуклеусами. Гальки обрабатывались биполярным и ударным способами с применением жесткого отбойника. У отщепов сохраняется галечная поверхность. Большинство орудий обработаны с одной стороны, а противоположная имеет галечную корку. Изделия крупные, многие более 20 см. Среди орудий китайские археологи выделяют чопперы, чоппинги, пики (большие остроконечники), рубила (рубилевидные орудия), сфероиды, скребла (рис. 19). За исключением некоторых особенностей, индустрии Байсэ и бассейна р. Лишуй очень близки.

Начиная с 1980 г. в котловине Ханьчжун в верхнем течении р. Ханьшуй, в пров. Шэньси, открыта целая серия палеолитических местонахождений. Наиболее интересные результаты получены при изучении стоянки Ляньшань [Хуан Вэйвэнь, Ци Гоцин, 1987; Тан Инцзюнь, Цзун Гуаньфу, Лэй Юйлу, 1987]. На местонахождениях в котловине Ханьчжун, так же как и в Байсэ, собраны сотни каменных орудий, изготовленных из аллювиальной гальки, состоящей из кварца, кварцита, песчаника, кремнистого известняка. При первичной обработке с помощью жесткого отбойника использовались ударный и биполярный принципы расщепления. Большинство нуклеусов

сохраняют галечную поверхность. Орудия изготавливались преимущественно из галек. У большинства из них односторонняя обработка и в значительной степени сохраняется галечная корка. Орудия крупные. Среди них выделены чопперы, чоппинги, сфероиды, остроконечники, скребла, пики, двусторонне обработанные изделия. Хронологически местонахождения относятся к среднему неоплейстоцену [Хуан Вэйвэнь, Ци Гоцин, 1987].

Одни из самых известных палеолитических памятников в Китае находятся в районе г. Чжоукоудянь. Полевые исследования начались там в 1933 г. Выявлено 27 пунктов, самые важные из них – 1, 13 и 15. Некоторые исследователи в каменной индустрии Чжоукоудяня выделяют среди двусторонне обработанных орудий ручные рубила [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хэнгён, 2005].

Наиболее многочисленная коллекция каменных орудий (ок. 100 тыс. находок) получена при раскопках пункта 1, где выделено 13 литологических горизонтов, большинство из которых культуросодержащие. Все исследователи отмечают гомогенность индустрии Чжоукоудяня. Для нее характерно использование преимущественно кварца (89 %). Нуклеусы небольших размеров. Обрабатывались тремя способами: биполярным, с использованием отбойника и ударом гальки о наковальню. Скальваемые отщепы были небольшие, без фасетированных площадок.

В индустрии Чжоукоудяня преобладают орудия, изготовленные из отщепов с минимальной вторичной обработкой. В орудийном наборе преобладают скребки и скребла, острия, небольшую серию составляют «клювовидные» изделия, есть и рубящие орудия типа чопперов и чоппингов.

Первоначально индустрию Чжоукоудяня характеризовали как галечную с большим числом галечных рубящих орудий. Это связано с тем, что культуросо-

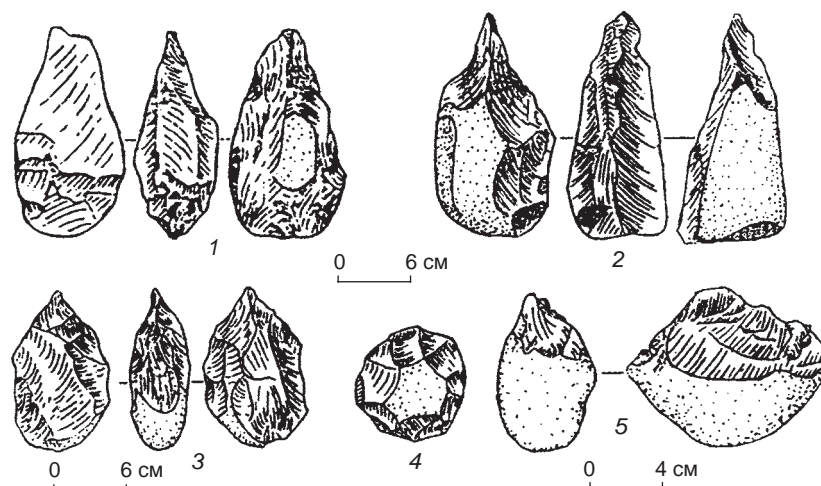

Рис. 19. Нижнепалеолитические орудия из р. Лишуй, пров. Хунань.

державшие горизонты в основном представляют собой брекчию различной степени цементации. Во время полевых работ вначале извлекались орудия крупных размеров. Позднее, когда стали разбирать брекчию, оказалось, что индустрия отщепная, с преобладанием орудий небольших размеров.

Местонахождение Чжоукоудянь датировалось в широком хронологическом диапазоне: от финала нижнего до финала среднего неоплейстоцена. С использованием различных методов получена серия дат: слои 11 и 13 – более 730 тыс. л.н. (термолюминесцентный); 11-й – 460 (аминокислотный); 10-й – 462 ± 45 (трековый) и 592–417 (термолюминесцентный); слои 8, 9 – 390 (аминокислотный); 7-й – 400–370 (термолюминесцентный); 4-й – 310–290 (термолюминесцентный); 3-й – 270 (аминокислотный); слои 1–3 – 220–290 тыс. л.н. (по урановой серии). Имеются и другие варианты геохронологии Чжоукоудяня.

Некоторые артефакты из пунктов 1 и 13, первоначально определенные как чоппинги, нуклеусы и т.д., Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хэнгён [2005] относят к бифасиальным орудиям типа ручных рубил (рис. 20). В орудийном наборе из пункта 15 они выделяют чопперы, чоппинги, сфероиды, кливеры, небольшие изделия, напоминающие диски и леваллуазские острия.

Целая серия местонахождений, где хорошо представлена бифасиальная техника на территории Китая, относится к финалу среднего неоплейстоцена, периоду Динцунь–Дали (рисс-вюрм). Наибольшую известность среди них имеют местонахождения Динцуня. Под этим названием объединено по одним данным 13 пунктов, по другим – более 20. Все местонахождения располагаются на третьей террасе р. Фэнхэ (один из притоков Хуанхэ) на юге пров. Шаньси. Некоторые из них содержали только фаунистические остатки, некоторые – каменные орудия, а большинство – и то, и другое [Pei et al., 1958; Movius, 1956; Wang J., Tao, Wang Y.R., 1994; Абрамова, 1994; Кучера, 1996; Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хэнгён, 2005]. Всего известно более 2 000 изделий из Динцуня. Большая часть (1 566 экз.) извлечена из культуросодержащих горизонтов, остальные находились в поверхностном залегании. Сырьем служили роговик, черная метаморфизованная скальная порода, реже – сланец, кварцит, базальт и др. В качестве исходного материала использовались в основном аллювиальные гальки.

Нуклеусы (10 % всей коллекции) можно разделить на ортогональные, с несколькими ударными площадками; галечные – с минимальным числом снятий и близкие по форме к дисковидным. Большинство отщепов было получено техникой наковальни [Pei et al., 1958]. Использовался также ударный способ. Массивные отщепы в основном без фасетированной ударной площадки. Угол расщепления у большинства из них

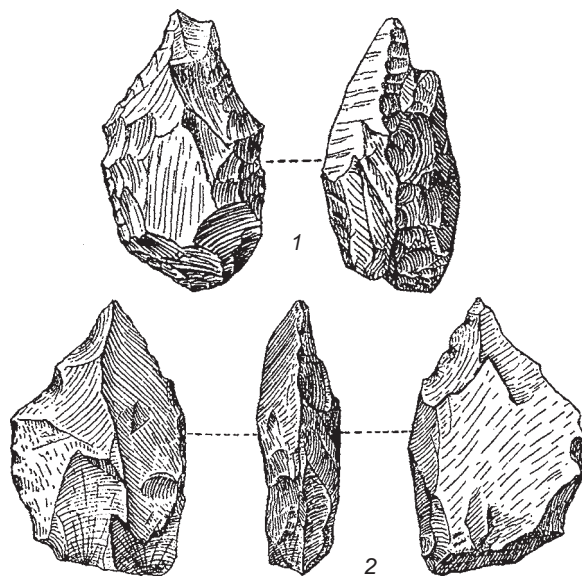

Рис. 20. Бифасиальные орудия из пункта 1 Чжоукоудянь (по: [Black et al., 1933]).

от 110 до 130°. Небольшое количество отщепов имеет следы эпизодической подправки и использования.

Для индустрии Динцуня наиболее типичны боковые скребла на массивных отщепах, конвергентные на поперечных отщепах, двойные с альтернативной обработкой (рис. 21, 4–6). Лезвия у них прямые, зубчатые и выпуклые. Некоторые скребловидные инструменты выполнены на небольших отщепах и классифицируются как скребки. Среди орудий выделены также чопперы, чоппинги и сфероиды. Особую группу составляют остроконечники и остроконечные орудия небольших размеров, выполненные на отщепах (рис. 21, 1–3). Ретушью у них с одной стороны оформлялись острие и края. «Динцуньские острия», или пики, изготавливались из крупных отщепов и специальных заготовок. Имеются в коллекции и бифасиально обработанные орудия (рис. 22, 3, 4), а также изделия типа кливеров (рис. 22, 1, 2).

До настоящего времени остается дискуссионной проблема датировки местонахождений Динцуня. Очевидно, что они разновременны и относятся к финалу среднего неоплейстоцена, к рисс-вюрмскому, или динцуньскому, интерстадиалу, т.е. их возраст – 90–120 тыс. лет. Горизонт с костями человека датируется в пределах 90–70 тыс. л.н. Некоторые исследователи относят индустрию Динцуня к поздней стадии среднего неоплейстоцена [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хэнгён, 2005].

По технико-типологическим показателям к динцуньским близки стоянки в районе г. Саньмынься, в среднем течении р. Хуанхэ, на 60-метровой террасе [Хуан Вэйвэнь, 1964; Ларичев, 1985]. Хуан Вэйвэнь

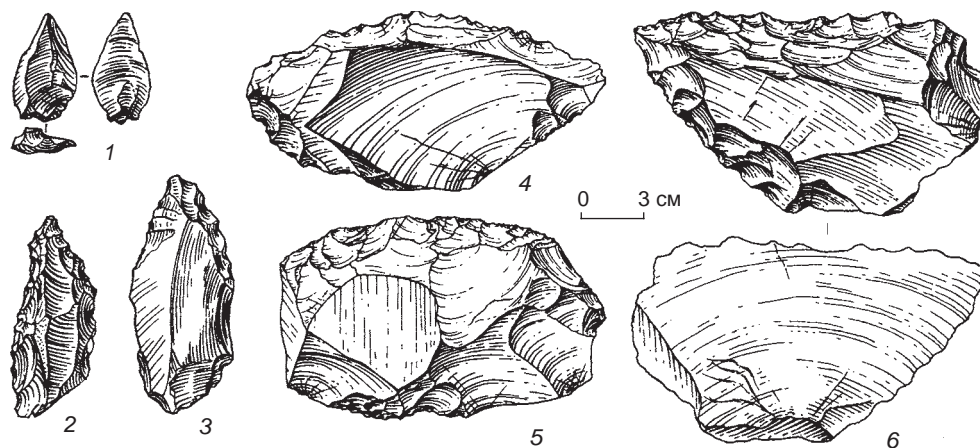

Рис. 21. Остроконечники (1–3) и скребла (4–6) из Динцуня (по: [Абрамова, 1994]).

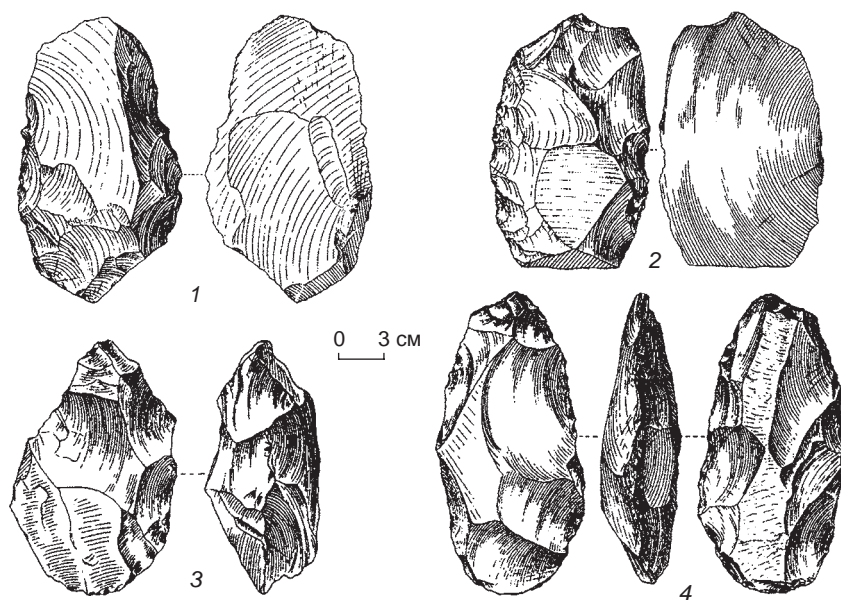

Рис. 22. Кливеры (1, 2) и ручные рубила (3, 4) из Динцуня (по: [Pei et al., 1958]).

выделил в этом районе два местонахождения – Шуйгоу и Хуэйсингоу, расположенные в 200 м друг от друга, а затем объединил их в одну стоянку Саньмынься [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005]. Культуросодержащий горизонт залегал в толще серо-зеленой и песчанистой глины, которую перекрывают лессы лиши, датированные финалом среднего неоплейстоцена. Для производства каменных орудий на этой стоянке использовались аллювиальные гальки из магматических пород, кварца, кварцита, кремнистого сланца. Среди орудий выделены рубящие и скребловидные типа чопперов и чоппингов, галечные скребла, сфероиды, бифасиально обработанные изделия, пики и орудия типа кливера.

В данной части исследования рассмотрены не все местонахождения конца среднего и ранней поры верхнего неоплейстоцена, где найдены бифасиально обработанные изделия, пики и остроконечники. Некоторые археологи [Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003] отмечают такие местонахождения в бассейнах р. Шуйянцзян (в провинциях Южная Аньхой и Аньхой), р. Ханьшуй (пров. Хубэй) и других районах Китая.

Рассмотренные раннепалеолитические местонахождения Китая позволяют сделать несколько выводов. Самые ранние стоянки, где выявлена бифасиальная техника, – Юньсянь и Пинлян в районе Ланьтянь; их возраст более 1 млн лет. На севере Китая бифасиальная техника представлена единичными ору-

диями. Наиболее многочисленные местонахождения с бифасиально обработанными изделиями открыты на юге, в котловине Байсэ. На палеолитических местонахождениях Китая, датируемых ок. 800–600 тыс. л.н., помимо бифасов встречаются остроконечники, пики, изделия, которые китайские археологи называют кливерами. Орудий, имеющих бифасиальную или унифасиальную обработку, небольшое количество, а на отдельных местонахождениях они обнаружены в единичных экземплярах. Первичная обработка на всех раннепалеолитических стоянках связана с биполярной, ударной техникой и ударом гальки о наковальню. Среди рубящих орудий преобладают галечные – типа чопперов или чоппингов. Бифасиально обработанные изделия на палеолитических местонахождениях не демонстрируют непрерывную динамику в своем развитии и преемственность. Они встречаются в широком хронологическом диапазоне, и исследователи определяют их по технико-типологическим показателям. Ни в одном районе Китая, даже на юге, невозможно выделить регион, где бифасиальные орудия, кливеры, пики изготавливались бы в большом количестве в течение длительного времени.

В хронологическом диапазоне позднего нижнего – первой половине верхнего неоплейстоцена бифасы то появляются в различных районах на территории Китая, то исчезают. С моей точки зрения, к примеру, между бифасами из котловины Байсэ и Динцуня нет никакой технико-типологической преемственности. Но на всех этих проблемах остановимся более подробно ниже.

Истоки бифасиальной техники на территории Китая

Термин «рубило» в китайской литературе впервые введен Цзя Ланьпо в 1956 г., когда были найдены бифасиально обработанные каменные орудия в Динцуне [Цзя Ланьпо, 1956]. Оценка бифасов сразу же вызвала неоднозначное отношение к ним ученых. А. Брейль [Breuil, 1965], прекрасно знавший европейские ашельские рубила, не видел их принципиального отличия от азиатских и не соглашался с Пэй Вэньчжуном, который, учитывая всю совокупность индустриального динцуньского комплекса, не основывался на сходстве или отличии типолого-морфологических характеристик самих бифасов, а видел принципиальные различия каменных индустрий в Китае и Европе. Среди китайских ученых до настоящего времени нет единства в терминологии и в определении функционального назначения бифасиально обработанных орудий. Одни называют их ручными рубилами и отождествляют комплексы, содержащие бифасы, с ашеллем Евразии [Хуан Вэйвэнь, 1987, 1993; Хуан

Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун, 1991; Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005; Се Гуанмао, 1991, 2002; Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань, 2003]; другие относят двусторонне оббитые изделия к нуклеусам и топорам [Линь Шэнлун, Хэ Найхань, 1995] или проторубилам [Ань Чжиминь, 1990]. Нет единства среди китайских ученых также в типологическом и функциональном определении кливеров и пик.

Главная проблема не в разногласиях относительно терминологии или типологического определения и функционального назначения тех или иных орудий труда, которые ассоциируются с ашеллем Евразии, а в решении вопроса о древних миграционных потоках популяций человека с запада на восток и с востока на запад в неоплейстоцене. Если появление бифасов, кливеров, пик связано с ашельской индустрией, то необходимо установить, когда произошло проникновение древних популяций человека с запада в Восточную Азию и в какой степени близки раннепалеолитические индустрии Запада и Востока.

Рассмотрим вначале хронологический аспект проблемы. Если принять точку зрения китайских ученых и признать справедливость датировки находок в пещере Лунгупо (ок. 2 млн л.н.) и наличия там кливеров и пик [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005], то они, безусловно, древнейшие в мире. В Олдувае кливеры с широким рабочим лезвием появляются в слое IV, т.е. в позднем олдувае – раннем ашеле [Leakey, 1951], а древнейшие кливеры Тернифина – позже 500 тыс. л.н. [Brèzillon, 1971]. Бифасиальная обработка орудий в Китае впервые зафиксирована на стоянках Юньсянь и Пинлянь. Юньсянь находится на юге Китая; ее возраст ок. 1 млн лет. Здесь в культуросодержащем горизонте были обнаружены чопперы, бифасы, пики и кливеры [Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён, 2005]. На севере Китая на стоянке Пинлянь в культуросодержащем горизонте, датируемом эпизодом Харамильо, найдено одно орудие из крупного отщепы с бифасиальной обработкой. На местонахождениях в уезде Ланьтянь, датируемых в хронологическом диапазоне 800–600 тыс. л.н., также обнаружены единичные изделия типа пик, остроконечники, орудия с бифасиальной и унифасиальной обработкой. Наиболее многочисленные местонахождения с бифасиально обработанными артефактами, относящиеся к этому же времени, исследуются в котловине Байсэ, где в орудийном наборе китайскими исследователями выделено 18 % пик, 6,6 % орудий с двусторонней обработкой и 18 % кливеров. К индустрии Байсэ близок комплекс палеолитических местонахождений среднего плейстоцена в бассейне рек Лишуй и Ханьшуй. На севере Китая в пунктах 1 и 13 Чжоукоудяня также найдено несколько двусторонне обработанных орудий. Среди местонахождений финала среднего – начала верхнего неоплейстоцена, где обнаружены двусторонне обра-

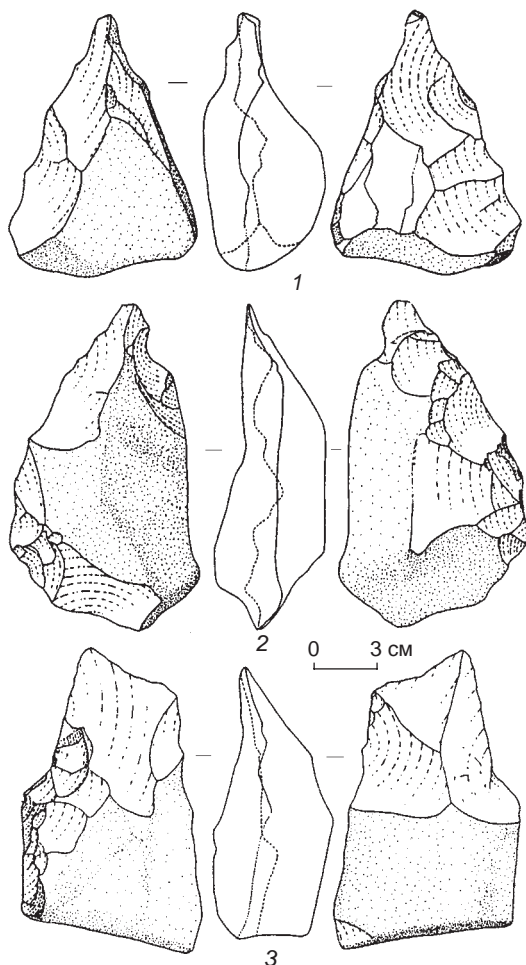

Рис. 23. Ручные рубила со стоянки Бори (Индия)
(по: [Mishra et al., 1995]).

ботанные орудия, остроконечники, пики и изделия, которые китайские исследователи называют кливерами, наиболее бесспорные сосредоточены в Динцуне и в районе г. Саньмынься.

По мнению китайских ученых, изделия типа кливеров появляются на территории Китая ок. 2 млн л.н., а рубила и пики – ранее 1 млн л.н. Если признать, что эти орудия действительно имеют связь с ашельской индустрией, то необходимо ответить на вопрос, какие сопредельные территории были транзитными.

На местонахождениях Стеркфонтейн и Сварткранц в Южной Африке были обнаружены артефакты раннего ашеля или развитого олдувая, ориентировочно датированные временем ок. 1,8–1,6 млн л.н. В числе каменных орудий выявлено несколько с частичной двусторонней обработкой, что позволило отнести эту индустрию к раннему ашелю [Brain et al., 1988; Clark, 1985; Clark, Schick, 1988]. Первые бесспорные рубила зафиксированы в Олдувае II и Конго Гардула, возраст которых ок. 1,4 млн лет [Leaky, 1971; Asfaw et al., 1992].

Наиболее ранняя стоянка с рубилами в Евразии – Убейдия в Израиле, которая датируется ок. 1,4 млн л.н. [Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993; Tchernov, 1987, 1988, 1992]. Далее на восток, на территории Ирана, Афганистана, Пакистана, Туркмении, Узбекистана не найдено палеолитических местонахождений с рубилами древнее 400 тыс. л.н. Все это свидетельствует о том, что распространение бифасиальной техники на восток Азии не могло произойти ранее этого времени.

В Индии в последние 20 лет открыты ранние доашельские местонахождения с двусторонне обработанными орудиями, типологически близкими к рубилам. На стоянке Бори в штате Махараштра исследуются культуросодержащие горизонты, залегающие в гравии, включенном в слой тефры, для которой по $^{39}\text{Ar}/^{40}\text{Ar}$ получена дата $0,67 \pm 0,03$ млн л.н. Здесь в слое с чопперами (нуклеусами), полиэдрами обнаружены шесть двусторонне обработанных орудий [Mishra et al., 1995]. Типологически и по технике обработки они отличаются от типичных ашельских рубил, широко распространенных в Индии на раннепалеолитических местонахождениях, датированных 350–300 тыс. л.н., и более поздних (рис. 23), и относятся к индустриальной традиции Китая и Юго-Восточной Азии.

Следует отметить, что наиболее ранние бифасиальные орудия в Китае единичны и ряд исследователей не включает их в класс ручных рубил. Логично в данном случае предполагать, что ранее 1 млн л.н. на этой территории техника двусторонней обработки появляется конвергентно. Более многочисленные двусторонне обработанные орудия, пики, изделия, относимые некоторыми китайскими учеными к кливерам, известны в комплексах, датируемых в хронологическом диапазоне 800–600 тыс. л.н. Но, по имеющимся данным, на территории Южной и Центральной Азии ашельских местонахождений такого возраста нет, что не подтверждает возможность проникновения древних популяций с ашельской индустрией с запада в Восточную Азию в столь раннее время. Известные в Китае местонахождения с бесспорно двусторонне обработанными орудиями относятся к позднему среднему – началу верхнего неоплейстоцена.

Не менее важно рассмотреть проблему возможности появления ашельской индустрии на территории Китая в контексте раннепалеолитической индустриальной традиции в этом регионе. Ручные рубила и галечные рубящие орудия типа чопперов и чоппингов в раннепалеолитических индустриях западных районов Евразии, безусловно, яркий показатель своеобразия технокомплексов и один из индикаторных элементов. Их наличие и соотношение особенно важны для разделения олдувайских и ашельских местонахождений. В ашеле количественные характеристики ручных рубил и галечных рубящих орудий далеко не всегда являются определяющими для индустрии в целом.

Преобладание или отсутствие в комплексах одного из этих типов изделий детерминируется многими причинами: спецификой хозяйственной деятельности, качеством исходного сырья, палеоэкологической ситуацией, изменением адаптационных стратегий и др. В Африке рубила и кливеры являются одними из главных индикаторных признаков ашеля. Но и здесь в разных районах наблюдается различное соотношение рубящих орудий типа рубил, кливеров и чопперо-чоппинговых изделий. Особенно показательно сочетание бифасов с чопперами и чоппингами в Северной Африке [Balout, Biberson, Tixier, 1967; Alimen, 1978]. Так, на хорошо исследованном местонахождении Тернифин в Алжире из 652 орудий к классу рубил отнесено 12 экз., кливеров – 107, чопперов – 331 экз. [Balout, Biberson, Tixier, 1967]. Еще более сложная ситуация в раннем палеолите Европы, где в ашельских комплексах наблюдается большой процент чопперов, а также параллельно с ашеллем существуют индустрии типа буда и клетон. Это позволяет сделать очень важный вывод: чопперы и рубила, безусловно, важный индикаторный элемент в некоторых раннепалеолитических индустриях, но при сравнительном анализе комплексов, определении их специфики, динамики индустрий во времени и пространстве диагностирующими являются сочетание макро- и микроформ, характер первичного расщепления, вторичной обработки, специализация и вариабельность орудийного набора в целом. Однако некоторые исследователи при изучении раннепалеолитических комплексов продолжают уделять гипертрофированное внимание наличию и соотношению рубил и чопперо-чоппинговых орудий.

На территории Китая уже в раннем палеолите, в индустриях типа Ланьтяня и Кэхэ, сформировалась система первичного расщепления, которая характеризуется тремя техническими приемами: ударным с применением жесткого отбойника, биполярным и ударом гальки о наковальню. Ни на одном раннепалеолитическом местонахождении в Китае не обнаружены нуклеусы с подготовленными ударными площадками. Отщепы скалывались с галечной поверхности ядрищ. Только при использовании принципа снятия от ребра, когда ударной площадкой служил негатив предшествующего скола, галечная корка отсутствует. Нуклеусы в основном галечные, различной формы; с них скалывали небольшое количество отщепов, и в большинстве случаев они также сохраняют галечную поверхность. Среди нуклеусов присутствуют немногочисленные дисковидные и полиэдрические. По типу, а самое главное по технике первичного расщепления, нуклеусы в Китае принципиально отличаются от ядрищ в западных районах Евразии.

При сравнении ранних двусторонне обработанных орудий Китая и ручных рубил Евразии также видны принципиальные различия как в форме изделий, так

и в технике их обработки. Типологии ручных рубил, системе их обработки, как в региональном, так и в глобальном плане, посвящены многочисленные работы. Причина очевидна: ручные рубила использовались длительное время, почти 1,5 млн лет, и на значительной части Старого Света. Они производились, как минимум, двумя таксонами гоминидов: *Homo erectus* и *Homo sapiens neandertalensis*, или *Archaic Homo sapiens*. Некоторые исследователи полагают, что при изготовлении ручных рубил древний мастер имел в голове некий шаблон и эволюция рубил связана с развитием умственных способностей у ранних гоминидов.

Под ручным рубилом понимают крупное, удлиненное, заостренное с двух сторон орудие. У ранних рубил значительная часть гальки или заготовки в виде крупного отщепа оставалась без обработки. С течением времени бифасиально обработанная часть увеличивается, рубило становится меньше, очертания приобретают овальную, миндалевидную форму. Это общая схема. В реальности ручные рубила Старого Света отличаются большим разнообразием, как по форме, так и по стратегии обработки. Т. Уинном и Ф. Тиерсоном [Wynn, Tierson, 1990] были изучены 1 100 ручных рубил с 17 местонахождений, расположенных в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и Индии. Они указали три возможные причины различий рубил по регионам: непостоянство и качество сырья, разновременность и региональные культурные особенности.

Многие исследователи считают, что рубила подвергались переоформлению и та форма, которую имеет изделие, обнаруженное в процессе раскопок, является конечным результатом редукции. Не существует единого мнения и по другому вопросу: является рубило орудием, или нуклеусом, или тем и другим одновременно? Очевидно одно: форма рубила представляет собой стадии непрерывного процесса редукции.

Бифасиальные изделия в Китае отличаются крупными размерами, и у них обрабатывался преимущественно один конец крупными сколами. Большинство этих изделий можно отнести к нуклеусам, с которых скалывание производилось по принципу от ребра, но особая заостренность у т.н. рубил и пик свидетельствует о том, что они могли использоваться в качестве рубящих орудий или для выкапывания корней съедобных растений. Вопрос о функциональном назначении бифасиально обработанных изделий в Китае остается окончательно нерешенным. Наиболее вероятно, что они были одновременно и нуклеусами, и орудиями. Только единичные изделия оббиты со всех сторон и имеют дополнительную подправку острого конца и по краям. Форма, а главное, приемы обработки принципиально отличают бифасиальные изделия Китая от ашельских западной части Евразии.

Выделяемые китайскими учеными кливеры по форме и системе обработки также принципиально

отличаются от ашельских. К данной категории относятся орудия на отщепах или гальках не только с поперечным, но и с боковым лезвием. Многие из таких изделий с местонахождений в котловине Байсэ с наименьшим основанием можно причислить к чопперам и скреблам. Выделение кливеров в Китае в хронологическом диапазоне от 2 млн до 100 тыс. л.н. и более позднего времени и отнесение их к ашелью Евразии также не выдерживают критики. Вполне вероятно, что в раннем палеолите Китая, особенно Южного, на гальках и отщепах оформлялись своеобразные рубящие орудия, но типологически, по системе обработки, а самое главное, своим происхождением, они никак не связаны с ашелем Евразии. При сравнении индустрии финала нижнего – среднего неоплейстоцена в Китае с комплексами в западных районах Евразии очевидны принципиальные различия в системе первичного расщепления, типах каменных орудий и их оформлении. После первоначального заселения Юго-Восточной и Восточной Азии *Homo erectus* развитие каменной индустрии здесь происходило независимо от западных традиций в течение длительного времени. В раннем палеолите Аффо-Евразии популяции человека из-за своей малочисленности занимали наиболее благоприятные экологические ниши, не образуя зону сплошного заселения, и были в значительной степени изолированы друг от друга. Кажущееся однообразие раннепалеолитических технологий можно объяснить не тем, что от Атлантического до Тихого океана развивались близкие культуры, а ограниченными возможностями первобытного человека, обуславливавшими медленный прогресс в развитии техники обработки камня, с одной стороны, и небольшой вариативностью технических приемов первичной обработки, типов и способов оформления орудий – с другой. Независимо от удаленности ашельские местонахождения по составу орудийного набора мало отличаются друг от друга. Различия наблюдаются только в формах и типах орудий, характере ретуши, специфических приемах обработки камня, что детерминировалось исходным сырьем, изменением экологических условий и необходимостью выработки новых адаптационных стратегий.

Закономерно предположить, что древние популяции, разделенные значительным расстоянием, могли независимо друг от друга прийти к одной и той же форме орудия. И следует ли все новое в технике и типах каменных орудий сводить к распространению новаций только из одного района? Если принять это предположение, то возникает вопрос: само изобретение передавалось от одной популяции к другой или шло переселение «прогрессивной» популяции на другие территории? Не исключая возможности древнейших миграций, все-таки считаю более предпочтительной версию передачи новаций эстафетно в регионах «сплошного» заселения и конвергентного

появления одинаковых типов орудий у популяций, живших изолированными группами. Сама модель возникновения ручного рубила крайне проста: со временем постепенно увеличивается площадь оббивки поверхности чоппинга и совершенствуется отделка рабочей части орудия. Такая эволюция в обработке камня вполне естественна и логична, следовательно, двусторонне оббитые изделия могли появиться в раннем палеолите на любой территории. Допуская возможность конвергентного развития каких-либо типов каменных орудий, важно не впасть в другую крайность: все новации сводить только к местной основе и конвергенции. Надежный критерий здесь – анализ системы первичного расщепления, а также орудийного набора и сравнение их с материалами более ранних местонахождений на данной территории и в сопредельных районах. Это позволит получить достоверную информацию о генезисе и истоках всех новаций в индустриях древнего человека.

Конвергентное появление на территории Китая, как и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии, орудий с двусторонней обработкой на одном конце типа пик, рубил, кливеров ок. 1 млн л.н. вполне закономерно. Тот же процесс происходил и на п-ве Индостан, где задолго до прихода популяций человека с ашельской индустрией появились бифасиально обработанные орудия.

Весь раннепалеолитический индустриальный комплекс Китая представляет собой гомогенное единство. Первичная обработка принципиально отличается от таковой в соседних западных районах Евразии, а появление крупных рубящих орудий, в т.ч. с бифасиальной обработкой, объясняется экологической обстановкой и адаптационными стратегиями древних популяций.

На севере Китая рубящие орудия не столь многочисленны, там в основном развивалась отщепная индустрия. Двусторонне обработанные изделия на палеолитических местонахождениях, за исключением Динцуня, единичны. Чопперы, чоппинги, бифасиальные орудия, пики, кливеры в основном распространены в Южном Китае, а также в Юго-Восточной Азии. В раннем и среднем неоплейстоцене здесь преобладала тропическая и субтропическая растительность с большим разнообразием лесных ассоциаций. Совершенно справедливо Д. Поуп [Pope, 1988, 1989] выдвинул гипотезу о том, что в районах Юго-Восточной Азии, богатых лесами, древние популяции создали свою индустрию, в которой преобладали рубящие орудия, необходимые для обработки дерева. Особенно большую роль в жизни человека играл бамбук, использовавшийся не только в пищу, но и главным образом для изготовления различных орудий труда. Ареалы бамбуковых лесов совпадают с территориями широкого распространения рубящих орудий [Pope, 1983]. Племена тасадаи и андаманцев, живущие в

лесных районах Юго-Восточной Азии, до недавнего времени делали из бамбука ножи, копья, палки-копалки и другие инструменты.

В орудийном наборе из котловины Байсэ 37,8 % составляют рубящие орудия типа чопперов и чоппингов, 18 % – пики, 6,6 % – т.н. рубила, 17,6 % – скребла. Все они могли использоваться для рубки и обработки бамбука, из которого изготавливали различные орудия труда. Рубящие орудия применялись, видимо, и для раскапывания съедобных корней растений. Очень важно отметить, что во многих районах Южного Китая и Юго-Восточной Азии отсутствовало сырье, которое давало при раскалывании хороший режущий край. В котловине Байсэ использовались в основном кварц, кварцит, песчаник и в меньшей степени кремнистые и вулканические породы. Из такого сырья трудно было изготовить орудие высокого качества. Поэтому в течение длительного времени, на протяжении раннего и среднего неоплейстоцена, в данном регионе Евразии существовали индустрии, сочетавшие крупные рубящие и отщеповые орудия, и бамбуковая. Х. Мовиус и ряд его последователей видят в этом некоторое отставание и регресс культуры, а самого *Homo erectus* – гоминидом с ограниченными способностями, что совершенно не соответствует реалиям. Сапиентный уровень, уровень интеллектуальных возможностей древних популяций человека, определяется их способностью приспосабливаться к определенной окружающей среде, вырабатывая необходимые адаптационные стратегии. Азиатский *Homo erectus* и близкие к нему ранние и поздние синантропы смогли не только адаптироваться, но и самостоятельно перейти к унифасиальной и бифасиальной технике обработки каменных орудий, создать свою индустриальную базу, которая была эффективной на протяжении сотен тысяч лет.

Ашельская индустрия в восточных районах Евразии и проблема среднего палеолита в Китае

В развитии культуры человека огромную роль сыграла ашельская индустрия, которая зародилась в Африке и распространилась на большей части Евразии. Это была вторая глобальная миграционная волна древних популяций человека [Деревянко, 2001, 2003, 2004, 2005, 2006а–в; Derevianko, 2001].

В Европе наиболее раннее появление ашельской индустрии зафиксировано на местонахождениях Карьер Карпантье – ок. 600 тыс. л.н. [Tuffreau, Antoine, 1995], Нотарчирико – более 600 тыс. л.н. [Belli et al., 1991], Фонтана Ронукио – ранее 400 тыс. л.н. [Segre, Ascenzi, 1984], Атапуэрка – ок. 450 тыс. л.н. [Carbonell et al., 2001].

Не позднее 450–400 тыс. л.н. началось продвижение ашельской индустриальной традиции с Ближнего Востока на восток Евразии, связанное с новым миграционным потоком древних популяций человека. Оно сопровождалось распространением позднеашельской индустрии с леваллуазской системой первичного расщепления и бифасами. На многих территориях новая популяция человека встречала потомков первой глобальной миграционной волны (*Homo erectus*), и поэтому там происходил процесс аккультурации: смешение двух индустрий – автохтонной и позднеашельской. В Азии он проявляется по-разному: на одних территориях прослеживается больше ашельских элементов в первичной и вторичной обработке, на других – автохтонных. Восточная и Юго-Восточная Азия не были вовлечены в этот процесс.

В Южной Аравии несколько ранее 400 тыс. л.н. распространилась ашельская индустрия убейдийско-латамской традиции. Основными ее диагностическими показателями являются обилие рубил, орудий на отщепах, незначительное количество чопперов, абсолютное господство техники одноплощадочного нуклеуса параллельного принципа скалывания леваллуазского типа и отсутствие кливеров [Амирханов, 2006].

Одной из важнейших территорий, через которую проходили глобальные миграции человека из Африки и с Ближнего Востока, было Иранское нагорье. Но, к сожалению, территория Ирана, за исключением Загроса, изучена очень плохо. В 2006 г. участниками Российско-иранской экспедиции обнаружено одно местонахождение доашельской стадии [Деревянко и др., 2006а, б]. За последние 10 лет в нескольких районах Ирана интернациональными экспедициями были открыты местонахождения раннего палеолита с немногочисленными рубилами, но без точных геохронологических привязок.

Ранний палеолит Афганистана также изучен недостаточно. Два местонахождения, обнаруженные Л. Дюпри в ущелье Дарраидадил и на оз. Даштинавур, датированы им нижним палеолитом [Dupree, 1980], однако есть сомнения в справедливости отнесения их к стоянкам, связанным с деятельностью человека. Трудно не согласиться с одним из выдающихся исследователей палеолита Азии В.А. Рановым, который ознакомился с коллекцией из ущелья Дарраидадил и пришел к выводу, что это просто обломки галек, побывавших в сильном водном потоке. В 2004 г. он посетил это ущелье и собрал аналогичные предметы, «имевшие, вместе с тем, безусловно, естественное происхождение» [Ранов, Каримова, 2005]. По мнению В.А. Ранова, к финалу раннего палеолита в Афганистане можно отнести артефакты, собранные Итальянской археологической миссией на древней дневной поверхности в долине Хазарсум. Среди них имеются отщепы клектонского типа и два-три бифаса.

Наиболее яркое проявление ашельской индустрии прослеживается на п-ве Индостан. Первое палеолитическое орудие в Индии было найдено Р.Б. Футом 30 мая 1863 г. в Паллаварама, неподалеку от Мадраса, в Тамил Наду. Это хорошо оформленное рубило залегало в гравийных отложениях детритового латерита [Рарри, 2001].

На п-ве Индостан выделены три основные культуры: соанская, мадрасская и махаревская. В настоящей работе не ставится вопрос о правомерности выделения этих культур, их характеристик и других аспектов. Главная проблема – соотношение в них ашельских и галечных компонентов. Соанская и махаревская культуры распространены на севере Индостана, в основном в Пенджабе и в бассейне р. Нармада. В индустриальных комплексах доминируют галечные рубящие орудия типа чопперов и чоппингов. В центральной и южной частях Индостана распространена мадрасская культура с преобладанием рубил и кливеров. Таким образом, на юге доминируют ашельские элементы, на севере – чопперо-чоппинговые изделия [Jayaswal, 1978, 1982]. Большинство исследователей палеолита Индостана полагают, что во всех трех культурах присутствуют и те, и другие. Преобладание тех или иных орудий объясняется разными причинами: особенностями сырья, разными адаптационными стратегиями, различными экологическими условиями в среднем неоплейстоцене и т.д.

Для датировки палеолитических местонахождений в Индии до недавнего времени использовались палеонтологические, геологические и геоморфологические данные. В последние два десятилетия применяются торий-урановый, калий-аргоновый и термолюминесцентный методы. На стоянке Махараштра вулканический пепел датирован 670–530 тыс. л.н.; на местонахождениях Едурвади (штат Корнотака), Дидвана (штат Раджастан), Неваса (штат Махараштра) получены даты соответственно > 350 тыс. л.н., > 390 и > 350 тыс. л.н. [Рарри, 2001]. Наиболее поздние ашельские стоянки датированы поздним неоплейстоценом. Так, на местонахождении Ади Чади Вао термолюминесцентным методом получена дата $69\,000 \pm 3\,800$ л.н. Р. Папу ашель Индии датирует в хронологическом диапазоне 600–66 тыс. л.н. [Рарри, 2001]. Известная исследовательница Ш. Мишра на симпозиуме в г. Новосибирске демонстрировала слайды с двусторонне обработанными орудиями, возраст которых, по ее мнению, более 1 млн лет. Возможно, здесь и решается одна из проблем раннего палеолита Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии: развитие индустрии на этих территориях шло конвергентно с первого появления здесь древних популяций человека.

На п-ве Индостан не выявлены стратиграфические свидетельства эволюции типологии или технологии

изготовления ашельских орудий. Выделяются две стадии: ранний ашель, характеризующийся грубой обработкой, и поздний – с орудиями ашельского типа [Ibid]. Большинство ранних стоянок с бифасами найдены в погребенном состоянии, с хорошей стратиграфией, а поздние – в основном в поверхностном залегании. Леваллуазская система первичного расщепления наиболее типична для позднего ашеля. Видимо, на п-ве Индостан техника двусторонней обработки рубящих орудий, как и на территории Китая и Юго-Восточной Азии, появилась конвергентно ок. 1 млн л.н. или несколько позже. Об этом свидетельствуют бифасы со стоянки Бори (см. рис. 23). Человеческие популяции с ашельской индустрией достигли п-ва Индостан 400–300 тыс. л.н., встретив здесь автохтонное население, которое уже использовало технику двусторонней обработки орудий.

В Центрально-Азиатском регионе в индустриях позднего этапа раннего и в среднем палеолите ашельские элементы наиболее четко прослеживаются на территориях Туркмении и Казахстана. В Туркмении самые древние каменные артефакты обнаружены в Янгаджа-Каратенгирском комплексе местонахождений с рубилами ашельского типа [Любин, 1984; Любин, Вишняцкий, 1985; Вишняцкий, 1996]. С моей точки зрения, они относятся к позднему ашелю – среднему палеолиту и имеют возраст не более 300 тыс. лет.

В западной, южной, центральной и северо-восточной частях Казахстана обнаружено более 10 местонахождений с рубилами и леваллуазским принципом первичного расщепления [Медоев, 1964, 1970; Волошин, 1988, 1990]. Новый район дислокации позднеашельских стоянок открыт совместной Российско-казахской экспедицией в 1999–2000 гг. на севере, на западном склоне Мугоджарских гор в верховьях р. Эмбы. Здесь обнаружено более 10 местонахождений открытого типа. Они отличаются друг от друга количеством и концентрацией материала. Одни представляли остатки поселенческих комплексов, другие – мастерские на выходах сырья [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 1999; Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001а, б].

Первичное расщепление на мугоджарских местонахождениях было связано в основном с леваллуазской системой. Леваллуазские нуклеусы представлены ядрищами для снятия черепаховидных отщепов, пластин и острий. Орудийный набор включал скребла различных модификаций, зубчато-выемчатые, пикообразные изделия, орудия с «носи́ком» и острым шипом, пластины и отщепы с ретушью, комбинированные орудия; большую долю составляли рубила (рис. 24, 25). Так, на местонахождениях Мугоджары-3–6 найдено 85 рубил и двусторонне обработанных изделий. Рубила разделены на несколько типов: сердцевидные, листовидные, овальные, подпрямоугольные, в виде

запятой, типа Les Pendus, с усеченным концом, близкие по типу к кливерам с обушком.

Наиболее ранние артефакты на мугоджарских местонахождениях имели средне- и сильнокоррадированную поверхность. Их ориентировочный возраст 250–300 тыс. лет (финал ашеля). По целому ряду показателей эти технокомплексы достаточно хорошо отличались от более ранних в данном регионе и более позд-

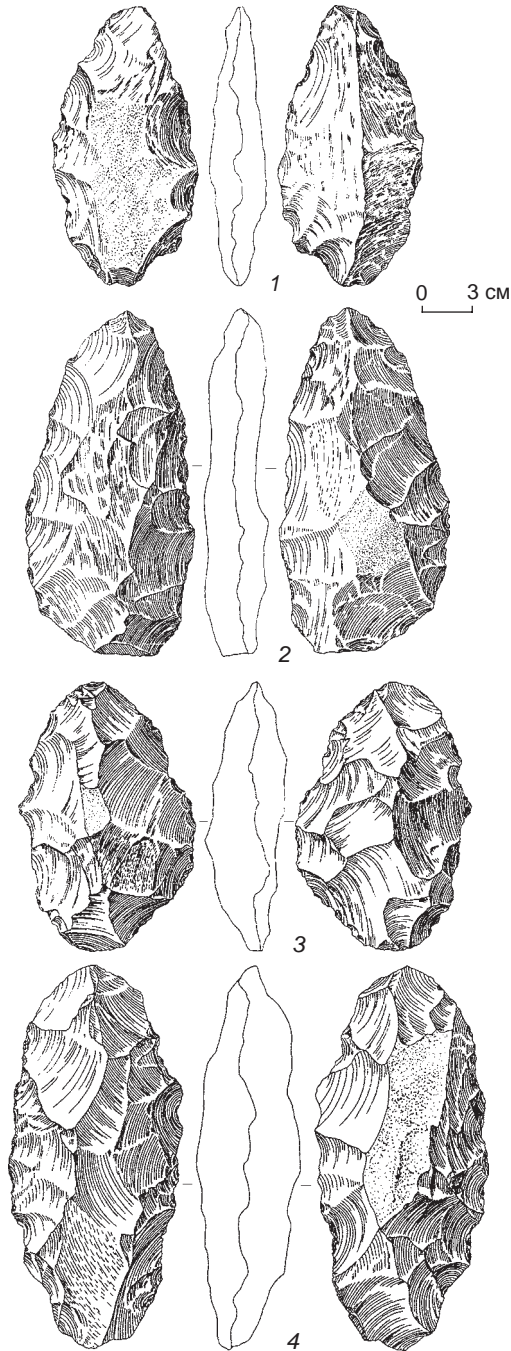

Рис. 24. Рубила из пунктов 1 (4) и 2 (1–3) Мугоджар-10 (по: [Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001а]).

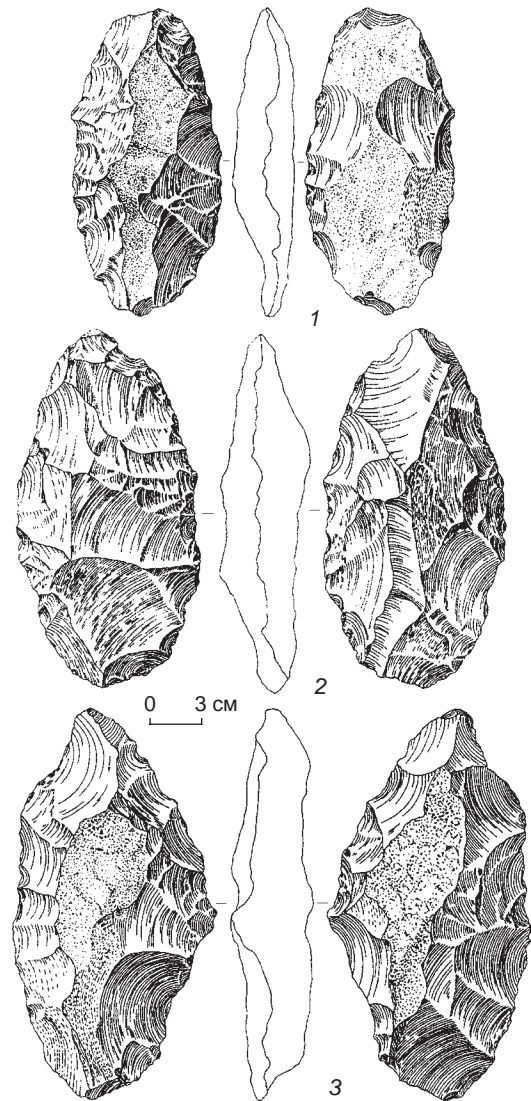

Рис. 25. Рубила из пункта 1 Мугоджар-12 (по: [Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001б]).

них, среднепалеолитических. Следует подчеркнуть, что наличие на мугоджарских местонахождениях рубил отражает не конвергенцию, а аккультурацию – смешение ашельской и местной индустриальных традиций каменного века в результате переселения на эту территорию популяций человека с индустрией ашельского типа.

Подобные стоянки в Казахстане были открыты в Северном Прибалхашье в горах Семизбугу. Особенно отчетливо прослеживаются позднеашельская и раннесреднепалеолитическая индустрии на местонахождениях Семизбугу-2 и -4 [Деревянко, Аубекеров, Петрин, 1993; Артюхова и др., 2001]. По основным технико-типологическим показателям эти комплексы близки к мугоджарским, но в орудийном наборе в них больше среднепалеолитических элементов.

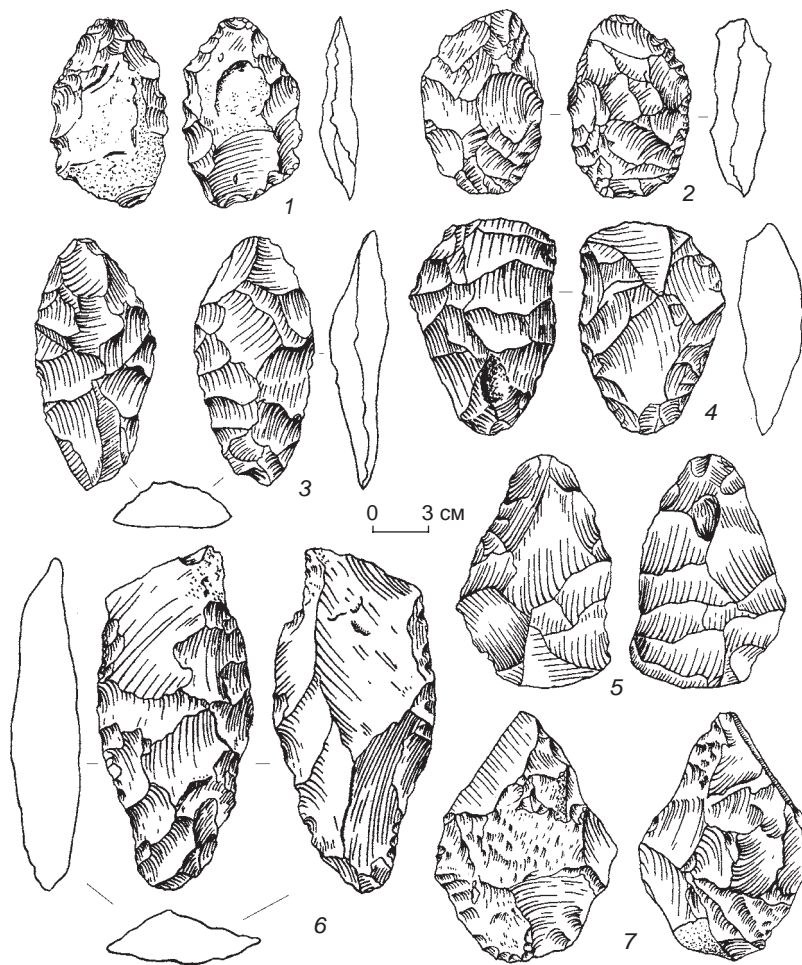

Рис. 26. Рубила (1–6) и заготовка рубила (7) из Монголии
(по: [Окладников, 1986]).

1, 3, 4, 6 – Дно Гоби, пункт 2; 2, 5, 7 – Ярх.

На территории Таджикистана в индустриях, относящихся к позднему этапу раннего и среднему палеолиту, проявляются преимущественно галечные элементы. Благодаря самоотверженному труду подвижника науки В.А. Ранова здесь открыты одни из самых ранних местонахождений в Азии: Кульдара, Каратау-1, Обимазар-4, -6, Лахути-1 и др., датируемые в хронологическом диапазоне 900–500 тыс. л.н. [Ранов, 1988, 1992, 2000; Ранов, Шеффер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Период 300–100 тыс. л.н. наименее изучен на территории Таджикистана. Вполне возможно, в равнинной части и среднегорье в дальнейшем будут обнаружены палеолитические местонахождения с позднеашельской индустрией.

Процесс аккультурации прослеживается и в Узбекистане. Наиболее ранним стратифицированным палеолитическим местонахождением здесь является пещерная стоянка Сельунгур. В этой индустрии в первичной и вторичной обработке преобладают га-

лечные традиции, но в небольшом количестве в нижних горизонтах представлены кливеры, рубила и лимасы [Исламов, Крахмаль, 1995]. Судя по геохронологии, фаунистическим и палинологическим данным, Сельунгур, видимо, относится к среднему неоплейстоцену [Величко и др., 1990]. Новая миграционная волна древних популяций достигла территории Узбекистана, вероятно, 350–300 тыс. л.н.

Одним из ключевых районов, где фиксируется приход мигрантов с позднеашельской индустрией, является Монголия. За последние 20 лет на территории Монгольского Алтая и Южной Гоби обнаружено более 1000 стоянок каменного века [Деревянко, Дорж, Васильевский и др., 1990; Деревянко, Петрин, Цэвээндорж и др., 2000; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996, 1998, 2000].

Открытие местонахождений Ярх и Дно Гоби позволили А.П. Окладникову [1986] поставить проблему наличия в ранних индустриях Монголии двусторонне обработанных изделий – рубил (рис. 26). Мастерская в котловине Дно Гоби – явление уникальное. Ее дислокация связана с выходами темно-коричневой яшмы, которая использовалась как исходное сырье. Среди огромного количества изделий с большой степенью достоверности здесь удалось выделить

единовременные комплексы. Для мастерской Дно Гоби типичны миндалевидные, подтреугольные, уплощенно-вытянутые рубила, а также их заготовки. К этому комплексу следует отнести дисковидные и леваллуазские ядрища. Крупные рубила с достаточным основанием можно выделить не только на местонахождениях Ярх и Дно Гоби, но и на других в Монголии. На местонахождении Нарийн-гол-17, помимо древнейшего комплекса, найдены изделия, отличающиеся более слабой степенью коррозии. Среди них наиболее типичные – леваллуазские и дисковидные нуклеусы. Есть также два бифаса с двусторонней обработкой. Весь этот комплекс имеет хорошо выраженный ашельский облик. По характеру коррозии и исходному материалу он отличается как от более древнего, так и от более поздних – средне- и верхнепалеолитических.

Одним из интереснейших комплексов позднего ашеля является местонахождение Баралгин-гол-1

на территории Большого Гобийского заповедника. Для него типичны леваллуазские нуклеусы, одно- и двусторонние радиальные ядрища, нуклеусы веерообразного и параллельного принципа расщепления, остроконечники, леваллуазские пластины и отщепы, скребла, сколы с анкошем, ретушированные пластины с естественным обушком с многорядной лицевой ретушью и др.

Одно из самых ярких местонахождений с позднеашельской индустрией – Кремневая Долина на юго-востоке хребта Арц-Богдо, открытая в 1995 г. [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 2002]. Древние поверхности здесь перекрыты плиоценовыми кремневыми брекчиями, которые в раннем и среднем палеолите постоянно использовались как сырьевая база. На отдельных участках на 1 м² приходится до 600 находок, а площадь, занятая мастерскими, составляет ок. 20 км². Это уникальный природно-антропогенный комплекс с миллионами артефактов, где представлена эволюция индустрии от позднего ашеля до позднего палеолита. На памятнике Кремневая Долина выделены комплексы с рубилами, поверхность которых сильно-, средне- и слабокоррадирована (рис. 27). Материалы этих и других местонахождений свидетельствуют о том, что бифасиальная техника наряду с леваллуазским расщеплением, бесспорно, использовалась на финальном этапе раннего палеолита и в среднем палеолите.

Индустрия Монголии является ярким примером аккультурации: с приходом на эту территорию миграционной волны с позднеашельской технологией здесь наряду со многими элементами галечной традиции распространились леваллуазский метод первичного расщепления и бифасиальная техника.

На территории Южной Сибири наиболее яркий комплекс, относящийся к домустьерскому времени, открыт недалеко от границы с Монголией, в 3 км от пос. Торгалык, в 30 км от оз. Убсу-Нур, входящего в систему монгольской Котловины Больших озер [Астахов, 1988, 1990]. Находки дислоцировались на поверхности аллювиально-делювиального шлейфа, высота которого достигает 22 м над руслом р. Курбун-Шивэй. Артефакты были перемещены и встречались на большой площади (30 тыс. м²), не образуя скоплений. Частичные сборы составили ок. 500 экз.

Среди предметов первичного расщепления С.Н. Астахов выделил ок. 100 нуклеусов и 31 атипичный нуклеус. Преобладают одноплощадочные удлиненные, плоские, односторонние, значительно меньше укороченных, имеются также близкие к леваллуазским, нуклеусы-бифасы и шаровидные. Площадки их, как правило, гладкие, угол скалывания тупой, негатив ударного бугорка обширный. Среди крупных отщепов преобладают удлиненные, массивные, с гладкими площадками.

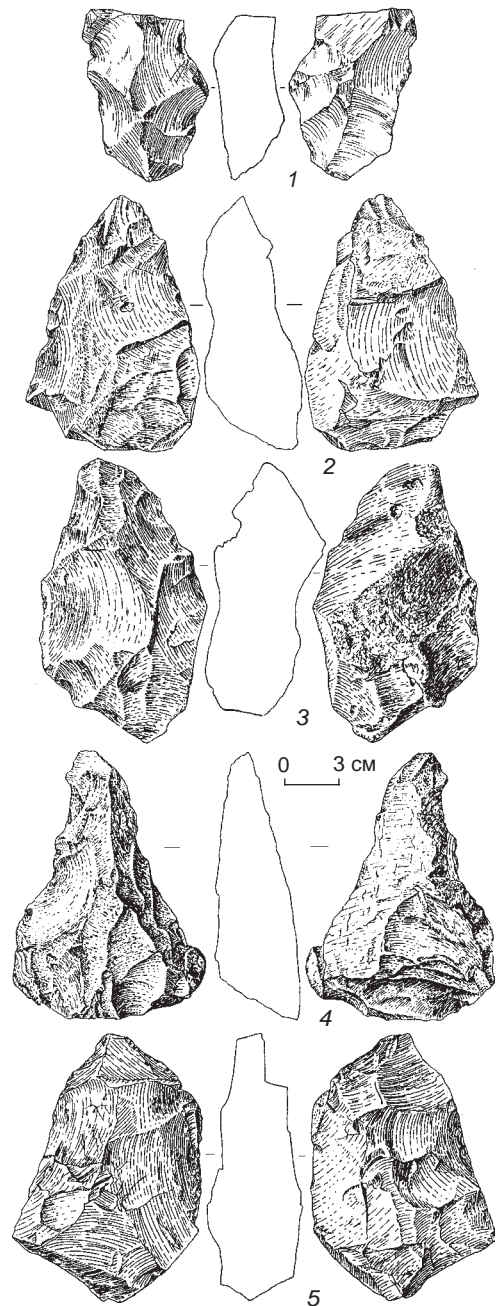

Рис. 27. Сильнодефлированные изделия из пункта 3 Кремневой Долины (по: [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 2002]).

Орудийный набор невелик – 40 экз. С.Н. Астахов выделил семь хорошо оформленных рубил: три протолиманда, два миндалевидных, лиманд и овальное. Лиманд длиной 12,7 см, шириной 7,2 см тщательно оформлен. Уплощенное рубило имеет извилистые края (рис. 28, 2). К типичным рубилам близки нуклеусовидные двусторонне обработанные изделия и рубящие со сколами по двум краям, образующими

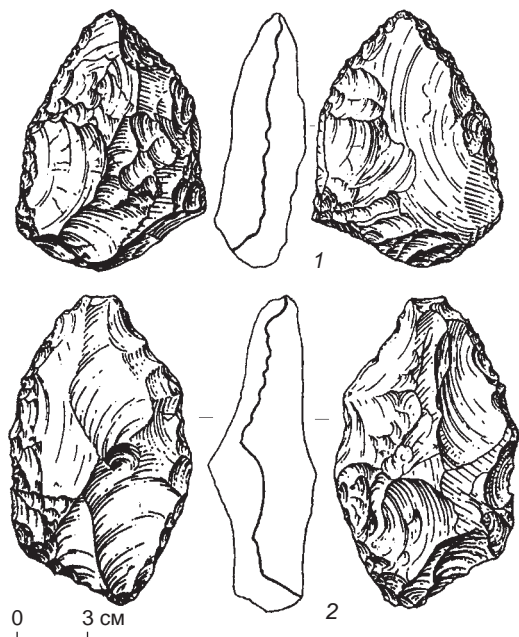

Рис. 28. Скребло (1) и рубило (2) с ашельского местонахождения Торгалык (по: [Астахов, 1995]).

зигзагообразное лезвие. Скребла и скребловидные орудия – простые боковые, выпуклые и прямые; лезвия неровные, оформлены лицевой крупной крутой ретушью (рис. 28, 1). Имеются два массивных скребка на концах удлинённых отщепов, треугольные в сечении острия, выемчатые, зубчатые, скребловидные орудия и резчики клювовидной формы.

В целом комплекс Торгалык характеризуется примитивной техникой расщепления; во вторичной обработке преобладает оббивка и крупная краевая лицевая ретушь, встречается чередующаяся, крутая и средняя. Плоская подтеска единична. Бифасы оббивались в некоторых случаях с площадок. Выемчатые изделия оформлялись как одним сколом, так и ретушью или комбинированной обработкой. Среди орудий наиболее выразительны бифасы. Большинство предметов подверглось сильной коррозии; ретушь на некоторых из них исчезла совсем, остались лишь трудночитаемые следы. По технике расщепления, вторичной обработке, типологии, степени коррозии комплекс из Южной Тувы отнесен С.Н. Астаховым к домустьерскому времени.

В Восточной и Юго-Восточной Азии на палеолитических местонахождениях, относящихся к финалу среднего – верхнему неоплейстоцену, нигде не зафиксировано леваллуазской системы первичного расщепления. Древние популяции человека второй миграционной волны с позднеашельской индустрией не проникли на восток далее Индии и Монголии. Рубящие орудия типа рубил и кливеров в Восточной и

Юго-Восточной Азии в хронологическом диапазоне 200–100 тыс. л.н. sporadически то появляются, то исчезают. Они, например, зафиксированы на стоянке Чонгкни на Корейском п-ве, относящейся к периоду 120–70 тыс. л.н. Индустрия Чонгкни близка по технико-типологическим показателям к динцуньской.

На территории Китая в хронологическом диапазоне 200–30 тыс. л.н. продолжалась использоваться традиционная техника в первичном расщеплении – биполярная, прямого удара и наковальни (block-on-block). Вследствие этого здесь, как и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии, в отличие от остальной части Евразии, из-за отсутствия убедительных диагностирующих признаков невозможно четко разграничить палеолитические индустрии, на основании чего можно было бы выделить средний палеолит как новый этап. В Восточной и Юго-Восточной Азии он выделяется декларативно, по аналогии с остальной частью Старого Света. Эта проблема уже рассматривалась исследователями [Schick, Dong Zhuan, 1993; Гао Син, 1999].

В комплексах Китая в хронологическом диапазоне 200–30 тыс. л.н. не наблюдается не только каких-либо коренных изменений в первичной обработке, но и принципиально новых форм и типов каменных орудий. Д. Айгнер [Aigner, 1981] справедливо отмечала изолированность палеолитической индустрии Китая от западных влияний. Средний палеолит как этап выделяется на этой территории лишь хронологически, потому что нет в среднепалеолитических комплексах технико-типологических отличий от раннепалеолитических. Это, конечно, не означает монотонности и отсталости в технико-типологическом и культурно-историческом аспектах палеолита Восточной Азии по сравнению с Европой. У древних популяций человека в Восточной Азии были свои адаптационные модели и отличные от западно-евразийской стратегии выживания в привычных для них экологических условиях. И не случайно в Юго-Восточной Азии и на юге Китая в орудийном наборе на протяжении всего палеолита наряду с орудиями на отщепах значительную долю составляли рубящие изделия типа чопперов, чоппингов, бифасов, кливеров, что связано с большой ролью в хозяйстве дерева, а также бамбука.

Заключение

Первоначальное заселение *Homo ergaster* – *Homo erectus* Восточной и Юго-Восточной Азии происходило ок. 1,8–1,5 млн л.н. Палеолитические индустрии и физический тип человека на этой территории развивались в довольно изолированной среде без каких-либо существенных влияний со стороны древнего населения соседних западных регионов.

На протяжении более миллиона лет в Восточной и Юго-Восточной Азии была распространена индустрия с макро- и микроорудиями. В первичном расщеплении в основном использовались три техники: удара о наковальню, биполярная и прямого удара. С нуклеусов, которые редко имели подготовленную площадку, скалывались отщепы и из них изготавливались различные орудия труда: скребла, скребки, резцы, проколки и т.д. Рубящие орудия представлены чопперами, чоппингами, бифасами. На специальных заготовках оформлялись орудия типа пик, острокопечники. Бифасиальные изделия на территории Китая появляются ок. 1 млн л.н. в результате конвергентного развития индустрии. По археологическим материалам на протяжении всего неоплейстоцена невозможно проследить приход на эту территорию новой миграционной волны с другой техникой в первичной и вторичной обработке камня.

Вторая глобальная миграция древних популяций человека с позднеашельской индустрией, индикатором которой была леваллуазская система первичного расщепления, распространилась с Ближнего Востока на большую часть Евразии, но не продвинулась на восток далее Индии и Монголии: в Восточной и Юго-Восточной Азии на палеолитических местонахождениях не зафиксировано леваллуазской техники, а бифасиальные орудия отличаются как по форме, так и по технике изготовления от ашельских рубил.

В Китае, в отличие от других районов Евразии, невозможно выделить средний палеолит как самостоятельный этап и определить время начала формирования позднего палеолита, потому что в индустриях нет четких диагностирующих признаков, позволяющих говорить о наступлении нового этапа в развитии культуры человека. Формирование *Homo sapiens sapiens* в Восточной и Юго-Восточной Азии происходило на основе азиатских *Homo erectus* и более поздних его форм. Этот процесс был медленным, эволюционным. Исходя из антропологических и археологических материалов, пока трудно с уверенностью сказать, когда здесь сформировался *Homo sapiens sapiens*. Но не исключено, что этот процесс завершился достаточно рано.

В китайско-малайской зоне, где нельзя выделить средний палеолит такого же типа, как в остальной части Евразии, середину позднего неоплейстоцена характеризует значительное увеличение орудий на отщепах, в т.ч. на небольших сколах. В палеолите Китая и сопредельных районов ввиду отсутствия в первичном расщеплении леваллуазской техники пластинчатая индустрия появилась позже 30 тыс. л.н. в связи с приходом древнего населения с территории Монголии и Южной Сибири.

Новый этап, датируемый 30–25 тыс. л.н., в палеолитических индустриях Китая связан с появлением

здесь пластинчатой техники. Происходит процесс аккультурации. В период 25–18 тыс. л.н. наряду с орудиями на отщепах широкое распространение получают инструменты на пластинах, а затем и микропластинах.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность профессору Тан Чуну, директору Центра китайской археологии и искусств и Археологического музея Китайского университета Гонконга, за приглашение осмотреть памятники каменного века Южного Китая, выступить с открытой лекцией перед студентами и специалистами университета, а также за любезно предоставленные в наше распоряжение фотодокументы; профессору Се Гуанмао, заведующему лабораторией доисторических культур Гуансийского отряда по изучению памятников материальной культуры, за содействие в организации нашей работы на памятниках на плато Байсэ и возможность ознакомиться с материалами раскопок; профессору Хуан Цишаню, директору Музея Гуанси-Чжуанского автономного района; профессору Цзян Тинюю и всем китайским коллегам и друзьям, сопровождавшим нас в поездке, за их постоянную поддержку и помощь.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. – М.: Наука, 1994. – С. 63–138.
- Амирханов Х.А.** Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 693 с.
- Ань Чжиминь.** Китайские проторубила и их традиция // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1990. – № 9. – С. 303–311 (на кит. яз.).
- Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К.** Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.
- Археологический отряд** по изучению памятников материальной культуры Гуанси // Каогу. – 1983. – № 10. – С. 865–868 (на кит. яз.).
- Астахов С.Н.** К вопросу о соотношении палеолитических индустрий Тувы с древним палеолитом Центральной Азии // Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – 1988. – Вып. 14. – С. 14–23.
- Астахов С.Н.** Открытие древнего палеолита в Туве // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. / СО АН СССР, ИИФиФ. – Новосибирск, 1990. – С. 40–43.
- Астахов С.Н., Ямских А.Ф.** Новые данные о палеолите Тувы // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 4–9. – (Археол. изыскания; вып. 24).
- Ван Цянь.** Определение резца древнего человека из пещеры Лунгупо уезда Ушань // Acta Anthropologica Sinica. – 1996. – Vol. 15 (4). – P. 320–323 (на кит., англ. яз.).
- Величко А.А., Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Исламов У.И., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Удар-**

цев В.П., Чиколлини Н.И. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. / СО АН СССР, ИИФиФ. – Новосибирск, 1990. – С. 76–79.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский Дом, 1996. – 213 с.

Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. – 1988. – № 4. – С. 199–203.

Волошин В.С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. / СО АН СССР, ИИФиФ. – Новосибирск, 1990. – С. 99–106.

Гай Пэй, Ю Юйчжу. Некоторые особенности палеолитических каменных орудий, найденных в районе Ланьтяня в пров. Шэньси // Гуцзичжундунью юй гужэньлэй. – 1976. – Т. 14, № 3. – С. 198–203 (на кит. яз.).

Гао Син. К вопросу о «среднем палеолите Китая» // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1999. – № 1. – С. 1–13 (на кит. яз.).

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Деревянко А.П. Две основные миграционные волны древних популяций человека в Азию // Тр. Отд-ния ист. филол. наук РАН. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 11–24.

Деревянко А.П. Проблемы антропогенеза и заселения человеком восточной части Евразии // Современные проблемы науки. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 52–72.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразию и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 22–36.

Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккумуляция в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006а. – Кн. 1. – С. 25–47.

Деревянко А.П. Палеолит Китая: итоги и некоторые проблемы в изучении. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. – 83 с.

Деревянко А.П. Раннепалеолитические микролитические индустрии в Евразии: миграция или конвергенция? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006в. – № 1. – С. 2–32.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т. Палеолит Северной Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит). – Новосибирск, 1993. – 114 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с. – (Каменный век Монголии).

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Кривошапкин А.И., Зайди М. Палеолит Северо-Западного Ирана (Ардебиль): Разведочные исследования Российско-Иранской археологической экспедиции в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006а. – Т. 12, ч. 1. – С. 94–101.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Кривошапкин А.И., Зайди М. Первая Российско-Иранская археологическая экспедиция: результаты изучения палеолита Южного Прикаспия в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. – Т. 12, ч. 1. – С. 87–93.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 296 с. – (Каменный век Монголии).

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 343 с. (на рус., англ., монг. яз.).

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Мыльников В.П., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Брантингхэм П.Д., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с. (на рус., англ., монг. яз.).

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 2. – С. 20–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001б. – 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.П., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 50–55.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с. – (Каменный век Монголии).

Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека из Центральной Азии. – Ташкент: ФАН, 1995. – 220 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 432 с.

Ларичев В.Е. Новые материалы по нижнему палеолиту Китая // Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 10–41.

Ли Цян. Краткий доклад об археологических раскопках палеолитического памятника Посилин уезда Тяньдун, пров. Гуанси // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 59–64 (на кит. яз.).

Ли Яньсянь, Ю Юйчжу. Обнаружение палеолита в уезде Байсэ провинции Гуанси // Гуцзичжундунью юй гу-жэньлэй. – 1975. – Т. 13, № 4. – С. 225–228 (на кит. яз.).

Линь Шэнлун, Хэ Найхань. О рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1995. – № 14. – С. 118–131 (на кит. яз.).

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26–45.

Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточном Туркменистане // Памятники Туркменистана. – 1985. – № 2. – С. 22–23.

Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1964. – № 6. – С. 90–98.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – С. 200–216.

Окладников А.П. Палеолит Монголии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 231 с.

Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. – М.: Просвещение, 1988. – 154 с.

Ранов В.А. Генезис и периодизация памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. – Душанбе: [Хисор], 1992. – С. 28–48.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (изучение и современное представление). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.

Ранов В.А. Лессово-почвенная формация в Южном Таджикистане и лессовый палеолит // Археологические работы в Таджикистане в 2000 г. – Душанбе, 2000. – Вып. 27. – С. 21–49.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Ранов В.А., Шеффер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Се Гуанмао. Изучение рубил Байсэ // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуаняньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 32–41 (на кит. яз.).

Се Гуанмао. К вопросу о рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 65–73 (на кит. яз.).

Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия Байсэ. – Пекин: Вэньу, 2003. – 180 с. (на кит. яз.).

Тан Инцзюнь, Цзун Гуаньфу, Лэй Юйлу. Новые находки палеолитических орудий в верховьях р. Ханьшуй // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1987. – Т. 6, № 1. – С. 55–60 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь. Палеолитические каменные орудия из района Саньмынься, Западная Хэнань // Vertebrata Pal'Asiatica. – 1964. – Vol. 8, N 2. – С. 162–177 (на кит., англ. яз.).

Хуан Вэйвэнь. Китайские рубила // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1987. – Вып. 6, № 1. – С. 61–68 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь. Типология массивных орудий начального периода палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии – критика классификационной системы Мовиуса // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1993. – № 12. – С. 297–304 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Си Найхань, Сагава Масатоси. Комплексное изучение ручных рубил, найденных на стоянках Байсэ в Гуанси, Китай. – Пекин: Вэньу, 2001. – 201 с. (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён. Галечные орудия в палеолите Китая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 2–15.

Хуан Вэйвэнь, Ци Гоцинь. Первичные исследования палеолитического памятника Ляньшань // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1987. – № 6. – С. 236–243 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун. Индустрия каменных орудий латерита Южного Китая // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуаняньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 18–26 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо. Новый взгляд на каменные орудия пекинского человека // Каогу Тунсунь. – 1956. – № 6. – С. 1–8 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо. Особенности микролитических орудий в Китае, их традиции, происхождение и распространение // Цзюшичи шидай каогу луньвэнь сюань (Избр. статьи по археологии палеолита). – Пекин: Вэньу, 1984. – С. 194–201 (на кит. яз.).

Чжу Хэнфу. В Шиянь провинции Хубэй обнаружено два ручных рубила // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1999. – № 2. – С. 72–74 (на кит. яз.).

Юань Баонинь, Хоу Ямэй. Некоторые вопросы изменения среды на палеолитических памятниках Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1999. – № 18. – С. 215–222 (на кит. яз.).

Aigner J.S. Archaeological Remains in Pleistocene China. – München: Verlag C.H. Beck, 1981. – 351 p.

Alimen H. L'évolution de l'Acheuléen en Sabara Nord-Occidental Saoura, Ougarta, Tabelbala. – Meudon: CNRS, 1978. – 596 p.

An Z.S., Ho C.K. New Magnetostratigraphic Dates of Lantian Homo erectus // Quaternary Research. – 1989. – Vol. 32. – P. 213–221.

Asfaw B., Beyene Y., Suwa G., Walter R.C., White T.D., Woldegabriel G., Yemane T. The earliest Acheulean from Kongo-Gardula // Nature. – 1992. – N 360. – P. 732–735.

Balout L., Biberson P., Tixier J. L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement d'Atlantropie // L'Anthropologie. – 1967. – T. 71, N 3–4. – P. 217–268.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The Lithic Assemblages of Ubeidiya: A lower palaeolithic site in the Jordan Valley. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1993. – 265 p.

Belli G., Belluomini G., Cassoli P.F., Cechi S., Cucarzi M., Delitala L., Fornaciari G., Mallegni F., Piperno M., Segre A.G., Segre-Naldini E. Découverte d'un fémur humain acheuléen à Notarchirico (Venosa, Basilicate) // Anthropologie. – 1991. – Vol. 95. – P. 47–88.

Black D., Chardin T. de, Young C.C., Pei W.C. Fossil man in China. – Peking: Geological survey of China, 1933. – 162 p. – (Geological Memoirs. Ser. A (11)).

Brain C.K., Churcher C.S., Clark J.D., Grine F.E., Shipman P., Susman R.L., Turner A., Watson V. New evidence of early hominids, their culture and environment from the Swartkrans cave // South African J. of Science. – 1988. – N 84. – P. 828–833.

Breuil H. Comment on Dingcun stone industry // Pei W. Professor Henri Breuil, pioneer of Chinese Paleolithic archaeology, and its progress after him. – Barcelona: [S.n.], 1965. – P. 251–271. – (Miscellanea en Homage à l'Abate Henri Breuil; vol. 2).

Brézillion M.N. La dénomination des objets de pierre taillée // Archaeology. – P., 1971. – Vol. 24, N 1. – P. 127–272.

- Carbonell E., Mosquera M., Ollé A., Rodriguez X.P., Sahnocini M., Sala R., Verges J.M.** Structure morphologique de L'industrie lithique du Pléistocène inférieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne) // *Anthropologie*. – 2001. – Vol. 105. – P. 281–299.
- Clark J.D.** Early Acheulian with *Homo habilis* at Sterkfontein // *Hominid evolution: Past, present and future: Proceedings of the Taung Diamond jubilee Intern. Symp.*, Johannesburg and Mmabatho, Southern Africa (27.01–04.02. 1985). – L.: Liss, 1985. – P. 287–298.
- Clark J.D., Schick K.D.** Context and content: impressions of Paleolithic sites and assemblages in the People's Republic of China // *J. of Human Evolution*. – 1988. – Vol. 17. – P. 439–448.
- Dai E.J.** The Paleolithic found at Lantian man locality of Gongwangling and its vicinity // *Vertebrata Palasiatica*. – 1966. – Vol. 10(1). – P. 30–32.
- Derevianko A.P.** Two Major Waves of the Early Human Population Migration into Asia // *The 6th International Symposium: Suyanggae and Her Neighbours*. – Chongjoo, 2001. – P. 33–60.
- Dupree L.** Afghanistan. – Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1980. – 778 p.
- Gao X., Huang W., Hao X., Chen B.** Fission track dating of ancient man site in Baise, China, and its significances in space research, paleomagnetism and stratigraphy // *Radiation Measurements*. – 1997. – Vol. 28(1/6). – P. 565–570.
- Hou Yamei, Potts R., Yuan Baoyin, Guo Zhengtang, Deino A., Wang Wei, Clark J., Xie Guangmao, Huang Weiwen.** Mid-Pleistocene Acheulean-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // *Science*. – 2000. – Vol. 287, N 5458. – P. 1622–1626.
- Huang Wanpo, Ciochon R., Gu Y.M., Larick R., Fang Q.R., Schwarz H., Yonge C., Vos I., Rink W.** Early Homo and associated artifacts from Asia // *Nature*. – 1995. – Vol. 378(6554). – P. 273–278.
- Jayaswal V.** Palaeohistory of India: A Study of the Preparedated Core technique. – Delhi: Agam Kala Prakashan, 1978. – 243 p.
- Jayaswal V.** Chopper-Chopping Component of Palaeolithic India. – Delhi: Agam Kala Prakashan, 1982. – 180 p.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge: A report on the evolution of the Handaxe culture in Beds I–IV. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1951. – 117 p.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1971. – Vol. 3. – 306 p.
- Li Y.X., Ji H.X., Li T.Y., Feng X.P., Li W.S.** The stone artifacts from the Yunxian nan site // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1998. – Vol. 17(2). – P. 94–120 (на кит., англ. яз.).
- Mishra S., Venkatesan T.R., Rajagurus S.N., Somayajulu H.** Earliest Acheulian industry from Peninsular India // *Current Anthropology* – 1995. – Vol. 36, N 5. – P. 847–852.
- Movius H.** The Lower Paleolithic cultures of Southern and Eastern Asia // *Transactions of the American Philosophical Society*. New Ser. – 1949. – Vol. 38 (4). – P. 329–420.
- Movius H.L.** New palaeolithic sites, near Ting-Tsun in the Fen River, Shansi province, North China // *Quaternaria*. – 1956. – Vol. 3. – P. 13–26.
- Pappu R.S.** Acheulian Culture in Peninsular India. – New Delhi: D.K. Printworld (P) Ltd., 2001. – 170 p.
- Pei W., Wu R., Jia L., Zhou M., Liu X., Wang Z.** Report on the excavation of Palaeolithic Sites at Ting-tsun, Hsiangfensien, Shansi province, China // *Memoirs of the Inst. of Vertebrate Palaeontology and Palaeanthropology*. Ser. A. – 1958. – N 2. – P. 1–111.
- Pope G.G.** Evidence on the Age of the Asian Hommonidae // *Proc. Natl. Acad. Science USA*. – 1983. – Vol. 80. – P. 4988–4992.
- Pope G.G.** Recent advances in Far Eastern Paleoanthropology // *Annual Review of Anthropology*. – 1988. – N 17. – P. 43–77.
- Pope G.G.** Bamboo and Human Evolution // *Natural History*. – 1989. – Vol. 10. – P. 49–56.
- Schick K., Dong Zhuang.** Early Paleolithic of China Eastern Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1993. – Vol. 2(1). – P. 22–35.
- Segre A., Ascenzi A.** Fontana Ronuccio: Italy's earliest Middle Pleistocene hominid site // *Current Anthropology* – 1984. – Vol. 25. – P. 230–233.
- Tchernov E.** The age of Ubeidiya Formation, an Early Pleistocene hominid site in the Jordan Valley, Israel // *Isr. J. Earth Sci.* – 1987. – Vol. 36. – P. 3–30.
- Tchernov E.** The biogeographical history of the Southern Levant // *The zoogeography of Israel*. – Dordrecht: Junk, 1988. – P. 159–250.
- Tchernov E.** Eurasian-African biotic exchanges through the Levantine corridor during the Neogene and Quaternary: Mammalian migration and dispersal events in the European Quaternary // *Courier Forsch. Inst. Senckenberg*. – 1992. – Bd. 153. – S. 103–123.
- The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations** / Eds. A.P. Derevianko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. – Urbana: Chicago Univ. of Illinois Press, 1998. – 406 p.
- Tuffreau A., Antoine P.** The earliest occupation of Europe: Continental Northwestern Europe // *The earliest occupation of Europe*. – Leiden: Univ. of Leiden, 1995. – P. 147–165.
- Wang J., Tao F.H., Wang Y.R.** Preliminary Report on Investigation and Excavation of Dingcun Paleolithic Sites // *J. of Chinese Antiquity*. – 1994. – Vol. 3. – P. 1–75.
- Wynn T., Tierson F.** Regional Comparison of the Shapes of Later Acheulean Handaxes // *American Anthropologist*. – 1990. – Vol. 92. – P. 73–84.
- Yi Seonbok, Clark G.A.** Observations on the Lower Paleolithic of Northeast Asia // *Current Anthropology*. – 1983. – Vol. 24, N 2. – P. 181–202.
- Yunxian Man** / Eds. T.Y. Li, X.P. Feng. – Hubei: Science and Technique Press, 2001. – 218 p.

Материал поступил в редколлегию 12.11.07 г.

УДК 903.2

П.Ю. Павлов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия
E-mail: pavlov.hist@mail.komisc.ru*

ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Введение

В статье рассмотрены материалы палеолитических стоянок, расположенных на территории, ограниченной 58–68° с.ш. и 50–60° в.д. Регион включает северо-восточную часть Русской равнины (восточную часть бассейнов Северной Двины (р. Вычегда) и Мезени (южный Тиман), бассейны Печоры и верхней Камы) и западные предгорья Урала (от северной части Среднего до Полярного) (рис. 1). Значительная протяженность в меридиональном направлении, сложный рельеф определяют разнообразие его природных условий. Северная часть территории расположена в зоне тундры и лесотундры, южная – в зоне бореальных (таежных) лесов.

Северо-восток Европы отличается развитой гидрографической сетью. Реки относятся к бассейнам Северного Ледовитого океана (Печора, Вычегда и Мезень) и внутреннему Арало-Каспийскому (Кама). Основные водные артерии – Кама в южной части региона и Печора в северной – входят в число крупнейших рек Европы. В верхнем течении Камы (центральная часть Пермского края) в середине 50-х гг. XX в. создано Камское водохранилище. Прилегающая к нему территория представляет собой всхолмленную равнину с отметками 200–300 м над ур. м., сильно расчлененную речными долинами

и оврагами. На западе это приподнятая часть Русской равнины, на востоке – предгорья и западные хребты Уральской горной страны. Бассейн Печоры представляет собой равнину, занимающую обширные пространства между Уралом и Тиманом. Наибольшие высоты наблюдаются на его восточной окраине по Уральскому хребту (свыше 1 500 м над ур. м.).

Исследования палеолита северо-востока Европы имеют давнюю историю. Первые палеолитические памятники были открыты в регионе еще в конце 30-х гг. XX в. [Талицкий, 1940]. Изыскания продолжались с разной степенью интенсивности на протяжении второй половины прошлого столетия (см.: [Бадер, 1964; Канивец, 1976; Павлов, 1996]). В результате стационарных и разведочных работ в начале 90-х гг. XX в. и первые годы текущего столетия источниковедческая база исследований палеолита северо-востока Европы была значительно пополнена как в количественном, так и в качественном отношении (см.: [Павлов, 2002]). Новые материалы позволили существенно скорректировать разработанные ранее концепции развития палеолитической культуры в регионе (О.Н. Бадер, В.И. Канивец).

Палеогеография региона в среднем и позднем плейстоцене

Рост и разрушение ледниковых щитов, распространявшихся из Скандинавии и с шельфов Баренцева и Карского морей, имели определяющее значение для палеогеографии северо-востока Европы в эпоху плейстоцена и существенно влияли на заселение человеком

*Работа выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21) и гранта фонда The Wenner Gren Foundation, ICRG41 «Colonization of the Northern World» (2002–2006 гг.).

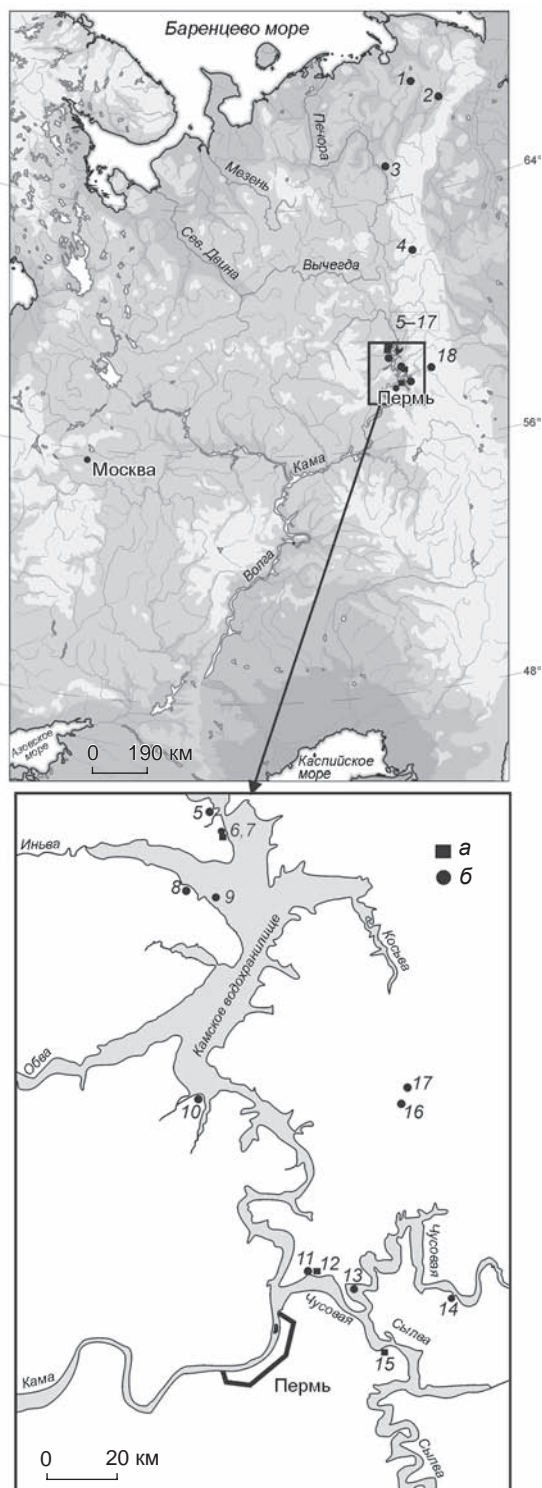

Рис. 1. Расположение палеолитических памятников на северо-востоке Европы.

1 – Пымва-Шор I; 2 – Мамонтова Курья; 3 – Бызовая; 4 – Медвежья пещера; 5 – Усть-Пожва; 6, 7 – Гарчи I; 8 – Широфаново II; 9 – Горка; 10 – Ганичата II; 11 – стоянка Талицкого; 12 – Пещерный Лог; 13 – Горная Талица; 14 – Заозерье; 15 – Ельники II; 16 – грот Столбовой; 17 – грот Ближнецова; 18 – грот Большой Глухой.

a – памятники раннего и среднего палеолита, б – верхнего.

северных широт континента. Во времена максимумов оледенений в раннем и среднем плейстоцене большая часть Русской равнины была покрыта обширными ледниковыми щитами [Velichko et al., 2003].

Результаты новейших исследований существенно изменили наши представления о палеогеографии северной части региона в течение последнего (валдайского) ледникового цикла. Климат этого продолжительного периода был более изменчивым, чем считалось прежде. В эпоху раннего валдая значительные ледниковые покровы сформировались на шельфе Баренцева и Карского морей и, очевидно, распространялись и на материке, в пределах Печорской низменности [Svendsen et al., 2003]. Ледниковый щит блокировал сток северных рек в Ледовитый океан, и на северо-востоке Европы в период 90 000–80 000 л.н. образовалась система обширных подпружных приледниковых озер [Krinner et al., 2004].

В течение среднего валдая (MIS3) северо-восток Европы был полностью свободен от ледниковых покровов (может быть, на Урале сохранились небольшие горные ледники) [Svendsen et al., 2003]. Природные условия этой эпохи можно охарактеризовать как умеренно-холодные. Средний валдай был одним из самых благоприятных периодов для заселения региона древним человеком.

В позднем валдае (MIS2) основные ледниковые покровы формировались в Скандинавии и на шельфе Баренцева моря. Шельфовый ледник не распространялся на материк, в то время как Скандинавский ледниковый щит достиг своего максимального развития на северо-западе Русской равнины [Svendsen et al., 2003]. В позднем валдае отчетливо выделяются два периода. Первый (24 000–18 000 л.н.) являлся климатическим минимумом плейстоцена (LGM) [Velichko et al., 2003]. Повсеместно, как на севере, так и на юге региона, в отложениях этого периода прослежены криогенные деформации пород в виде крупных мерзлотных клиньев и мощных солифлюкционных горизонтов. В первой половине позднего валдая доминировали открытые пространства холодных засушливых тундростепей. Видовой состав флоры был очень беден, преобладали элементы тундростепной растительности, которые не образовывали сплошного покрова [Paus, Svendsen, Matiouchkov, 2003]. Практически полное отсутствие костных остатков крупных стадных копытных, датируемых этим интервалом [Косинцев, 2003], также свидетельствует о существенной деградации растительного покрова. Таким образом, природно-климатические условия северо-востока Европы в первой половине позднего валдая были крайне неблагоприятны для жизни палеолитических людей. Вторая его половина (18 000–13 000 л.н.) в целом отличалась более умеренным климатом по сравнению с предшествующим периодом. [Спиридонова, 1989].

В составе фауны среднего и второй половины позднего валдая на северо-востоке Европы были представлены: мамонт, носорог, овцебык, бизон, лошадь, северный олень, бурый и пещерный медведь, песец, волк, заяц [Кузьмина, 1971].

Таким образом, в среднем и позднем плейстоцене на северо-востоке Европы неоднократно происходили резкие смены палеогеографических обстановок. Относительно короткие теплые интервалы сменялись протяженными периодами суровых климатических условий. Наиболее благоприятными для продвижения палеолитического человека на северо-восток Европы были средний и вторая половина позднего валдая.

Памятники раннего и среднего палеолита

Ранний палеолит. Местонахождение Ельники II расположено в бассейне верхней Камы (координаты: 58°01' с.ш., 56°45' в.д.). В отложениях III террасы р. Сылва совместно с костями трогонтериевого слона (*Archidiscodon trogonterii* Pohl.; определение В.Е. Гарутта, ЗИН РАН) были найдены два артефакта – чоппинг (рис. 2, 1) и отщеп. На основании стратиграфических и био-стратиграфических данных памятник датируется средним плейстоценом, к первой половине которого традиционно относят время существования трогонтериевого слона. Местонахождение, вероятно, является одной из древнейших стоянок человека на территории Русской равнины.

Средний палеолит. Стоянка Гарчи I расположена в бассейне верхней Камы (59°04' с.ш., 56°07' в.д.). Стратифицированные артефакты из нижнего слоя памятника приурочены к отложениям верхней части мезинского почвенного комплекса и, по данным OSL-датирования, имеют возраст ок. 100 тыс. лет. Для каменного инвентаря характерно абсолютное преобладание изделий с двусторонней сплошной или частичной плосковыпуклой обработкой – бифасиальных ножей с площадкой, близких типам *Kiellmessergruppe* (рис. 2, 2, 4, 5), угловатых и конвергентных скребел (рис. 2, 8, 11, 12), остроконечников (рис. 2, 7) и листовидных бифасов (рис. 2, 3, 6). В орудийном наборе самыми многочисленными являются бифасиальные обушковые плосковыпуклые ножи и скребла, а также угловатые скребла и остроконечники. Для их вторичной обработки характерна ин-

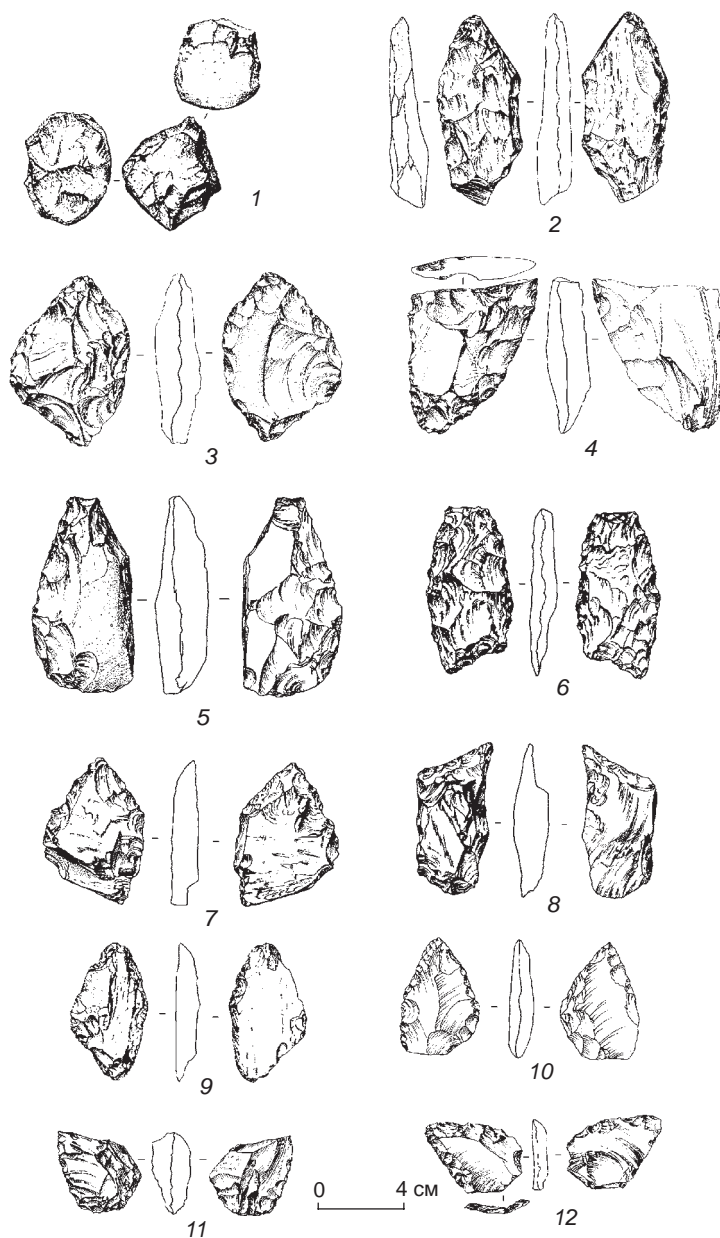

Рис. 2. Каменный инвентарь памятников раннего и среднего палеолита северо-востока Европы.
1 – Ельники II; 2–8, 11, 12 – Гарчи I (нижний слой); 9, 10 – Пещерный Лог.

тенсивная плосковыпуклая ретушь, часто полностью модифицирующая исходную заготовку.

Аналогичные характеристики имеет небольшой, но выразительный комплекс местонахождения Пещерный Лог (58°10' с.ш., 56°31' в.д.), открытого еще в 1939 г. М.В. Талицким. В коллекции представлены сегментовидные, частично двусторонние однолезвийные продольные скребла – ножи (рис. 2, 9), остроконечники (рис. 2, 10), небольшие плосковыпуклые бифасы треугольной формы, угловатые и конвергентные скребла.

Каменный инвентарь среднепалеолитических местонахождений региона имеет близкое сходство между собой и полностью соответствует типологическим признакам индустрий восточного микока.

Памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита

Мамонтова Курья расположена в бассейне Печоры (66°34' с.ш., 62°25' в.д.). Возраст памятника, определенный по серии (7) радиоуглеродных дат, составляет 34 000–38 000 лет. Стоянка является древнейшим свидетельством освоения человеком арктических широт Евразии [Pavlov, Indrelid, Svendsen, 2001]. В фаунистических материалах преобладают костные остатки мамонта; северный олень, лошадь и волк представлены единичными костями. Культурный слой на памятнике отсутствует. Находки переотложены и залегают в аллювиальных отложениях. Небольшая коллекция состоит из пяти каменных предметов, в т.ч. фрагмента двояковыпуклого бифаса (рис. 3, 1) и орнаментированного бивня мамонта. Культурную принадлежность памятника по имеющемуся материалу установить невозможно. Хронологические аналогии прослеживаются по наиболее выразительной находке – орнаментированному бивню [Svendsen, Pavlov, 2003]. Орнамент составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу. Подобные орнаменты известны по материалам древнейших памятников верхнего палеолита Европы [D'Errico et al., 2003].

Состав фаунистических остатков и топографическое положение Мамонтовой Курьи характерны для естественных скоплений костей крупных млекопитающих – «кладбищ мамонтов».

Стоянка Заозерье расположена в бассейне верхней Камы (58°09' с.ш., 56°59' в.д.) Для культурного слоя памятника получены следующие радиоуглеродные (AMS) даты: 33 150 ± 410 (Poz-5075); 33 450 ± 420 (Poz-5076); 33 720 ± 310 / – 280 (GrA-28191); 35 140 ± 390 / – 310 (GrA-28187) [Pavlov, Roebroeks, Svendsen, 2004; Павлов, 2004]. В фаунистических материалах абсолютно доминируют остатки лошади. Найдены также кости зайца, носорога и северного оленя. Выявлены остатки трех кратковременных стоянок небольших коллективов охотников [Павлов, 2004]. Коллекция каменного и костяного инвентаря насчитывает ок. 2 000 предметов. Технику первичного раскалывания характеризуют призматические нуклеусы. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины и пластинки с параллельной огранкой. В орудином наборе отчетливо выделяются две техноморфологические группы изделий. Первая состоит из орудий на призматических пластинах верхнепалеолитических типов. Это острия (рис. 3, 9, 15), резцы на

сломе и боковые с ретушированной площадкой (рис. 3, 10, 13), пластины с разнообразной краевой и крутой чешуйчатой ретушью, напоминающей ориньякскую (рис. 3, 11, 12). Ко второй группе относятся изделия мустьерской морфологии: небольшие плосковыпуклые бифасы овальной формы (рис. 3, 2, 4), обушковый двусторонне обработанный нож типа Kielmesser (рис. 3, 3), скребла и скребки на отщепах с вентральной подтеской и (или) редукцией ударного бугорка заготовки (рис. 3, 5–8, 14). Костяные орудия и изделия из рога представлены проколами и заготовкой рогового наконечника. Украшения, найденные в культурном слое памятника, относятся к архаичной группе [Абрамова, Сеницын, 2002]. Это овальные подвески из раковин *Unio* с двумя просверленными отверстиями и бусины округлой формы с одним просверленным отверстием, изготовленные из ископаемых морских лилий [Павлов, 2004].

По характеристикам каменного и костяного инвентаря и типам украшений Заозерье имеет общие черты с памятниками начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

К ранней поре верхнего палеолита относится верхний слой стоянки Гарчи I [Павлов, Макаров, 1998]. Для культурного слоя памятника имеется радиоуглеродная (AMS) дата – 28 750 ± 795 (TUA-941) [Pavlov, Indrelid, 2000]. Найдены кости лошади (преобладают), северного оленя и мамонта. Выявлены остатки двух наземных жилых конструкций [Павлов, Макаров, 1998]. Коллекция каменного инвентаря насчитывает ок. 6 000 предметов. Техника первичного раскалывания представлена плоскими нуклеусами. Отмечен также специфический прием контрударного расщепления небольших кремневых галек. Для коллекции характерен ограниченный набор категорий орудий. Более половины составляют треугольные двусторонне обработанные наконечники и скребки. Наконечники представлены типичными для костенковско-стрелецкой культуры формами со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы (рис. 3, 16–18). Большая часть скребков изготовлена из коротких треугольных отщепов и имеет вентральную подтеску (рис. 3, 19, 21, 24, 26). Единичны скребки с выделенным шипом на краю лезвия, кареноидные (рис. 3, 23, 25) и двойные с ретушью по продольным краям (рис. 3, 22). Среди резцов типологически выражены только трансверсальные; большинство изделий с резцовым сколом аморфны. В инвентаре представлены стамески с высоким выемчатым лезвием, изготовленные из пластинчатых заготовок; кремневые плитки с краевой двусторонней ретушью; одно удлиненное острие (?) с основанием, обработанным скребковой ретушью. Изделия мустьерской морфологии немногочисленны. Это продольные прямые (рис. 3, 20) и выпуклые скребла, иногда с плосковыпуклой обработкой лезвий.

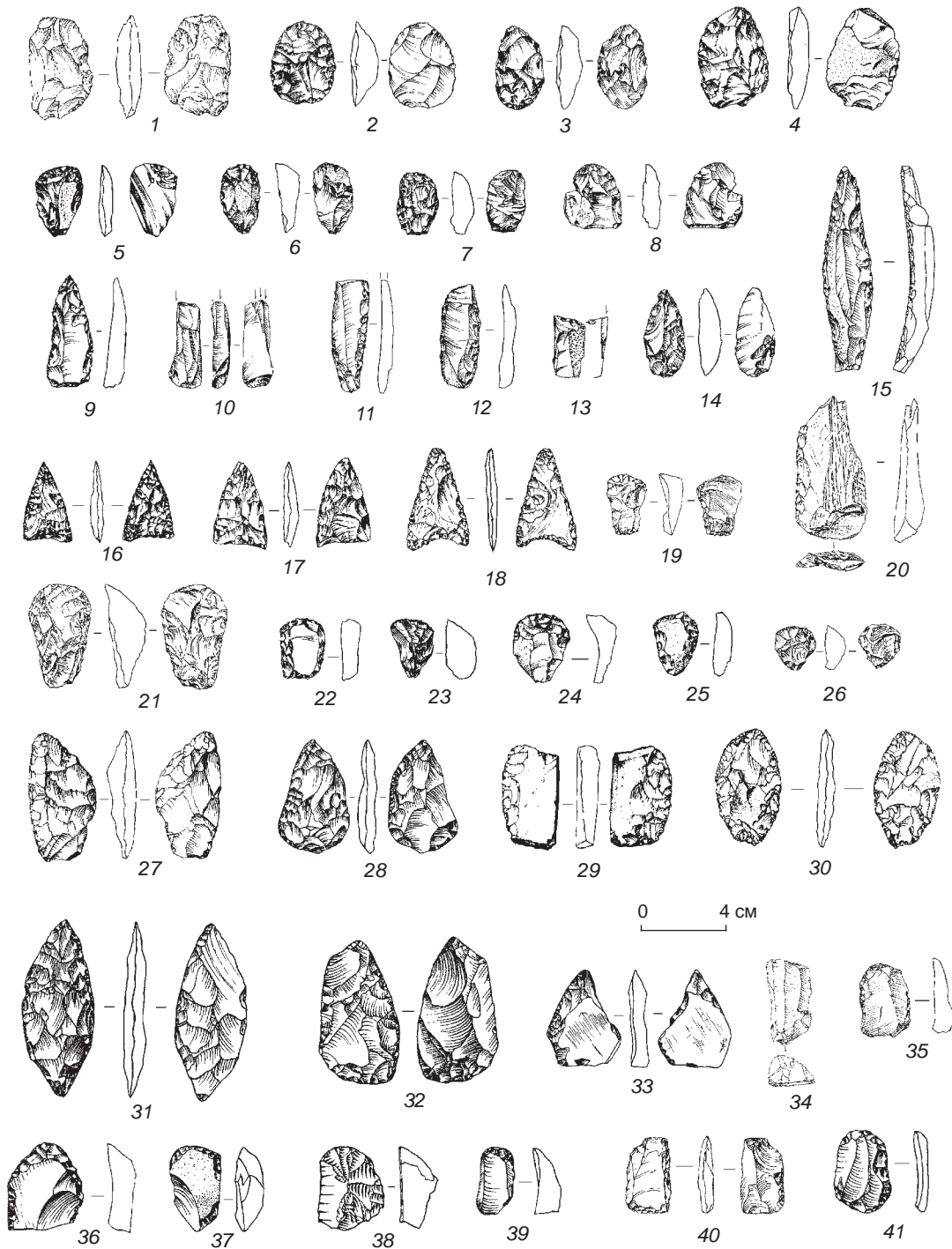

Рис. 3. Каменный инвентарь памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы.

1 – Мамонтова Курья; 2–15 – Заозерье; 16–26 – Гарчи I (верхний слой); 27–41 – Бызовая.

Памятник относится к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу каменного инвентаря, он представляет собой неоднократно посещавшуюся

охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления каменных орудий.

Бызовая – одна из самых северных стоянок ранней поры верхнего палеолита в Европе; она расположена на средней Печоре (65°01' с.ш., 57°25' в.д.) [Канивец,

1976]. Возраст памятника, определенный по большой серии (24) радиоуглеродных дат, составляет ок. 29 тыс. лет [Павлов, 2002]. Среди фаунистических остатков абсолютное большинство (97,7 %) принадлежит мамонту. Кости животных других видов (северный олень, лошадь, волк, бурый медведь, овцебык) единичны. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 278 предметов. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного (рис. 3, 34) и плоскостного расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы – мустьерская и верхнепалеолитическая. Первая представлена плосковыпуклыми бифасами, в т.ч. обушковыми сегментовидными ножами типа Kielmesser (рис. 3, 27, 28, 32) и разнообразными скреблами (рис. 3, 29); вторая – концевыми скребками на отщепе и пластинчатых заготовках (рис. 3, 35, 37, 39, 41), кареноидными и стрелчатыми скребками (рис. 3, 36, 38), долотовидными орудиями (рис. 3, 40), остриями (рис. 3, 33), тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками (рис. 3, 30, 31). На стоянке найдено несколько предметов, изготовленных из рога северного оленя, в т.ч. мотыга типа Лингби.

По базовым характеристикам структуры каменного инвентаря (сочетанию верхнепалеолитической и мустьерской групп) Бызовая имеет сходство с более ранним памятником Заозерье, а по некоторым типам каменных орудий – с одновременной стоянкой Гарчи I. Ряд особенностей каменного инвентаря, состава фаунистических остатков, а также топографического положения позволяет интерпретировать памятник как кратковременную стоянку на «кладбище мамонтов» [Там же].

К ранней поре верхнего палеолита относится, вероятно, грот Близначева [Щербакова, 2001]. Коллекция памятника (ок. 300 экз.) характеризуется преобладанием приемов объемного расщепления. Найдены скребки высокой формы, изготовленные из массивных обломков кремня, и концевые скребки на пластинах. Культурная принадлежность памятника неясна.

Памятники позднего и финального палеолита

Поздний палеолит. На северо-востоке Европы в настоящее время известны пять позднепалеолитических стоянок (Талицкого, Ганичата II, Широфаново II, Медвежья пещера, грот Большой Глухой) [Павлов, 1996; Щербакова, 1994; Макаров, 2002], которые относятся к хронологическому интервалу 19 000–16 000 л.н. Их материалы обнаруживают существенное сходство. После открытия в регионе стоянок ранней поры верхнего палеолита, резко отличающихся от позднепалеолитических по технико-типологическим параметрам

каменного и костяного инвентаря, характерные черты этой группы памятников выступили более рельефно. Они заключаются в следующем. Источником сырья служили преимущественно аллювиальные галечники. Первичная обработка была основана на объемном и плоскостном расщеплении. Нуклеусы – призматические (рис. 4, 1), уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием, конические и торцовые; для изготовления пластин и микропластин использовались вторичные ядрища. Характерен прием подтески карниза ударной площадки призматических нуклеусов. В больших комплексах обязательно имеются плоские ядрища (рис. 4, 2). Ведущим типом скола являются пластины длиной 3–5 см с неправильной огранкой, присутствуют также крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины. Особенностью вторичной обработки является широкое использование различного рода шипов и выступов при оформлении орудий.

В составе орудийного набора представлены концевые скребки на удлиненных отщепах, пластинах и их фрагментах, в т.ч. и высокой формы (рис. 4, 3–7, 9–11), небольшие округлые скребки на отщепах (рис. 4, 8), боковые, поперечные и угловые резцы (рис. 4, 12–15), долотовидные орудия (рис. 4, 16), пластины с притупленной спинкой (рис. 4, 17), с краевой ретушью (рис. 4, 18, 19), усеченные пластины (рис. 4, 20), шиповидные и зубчатые изделия (рис. 4, 21). В инвентаре обязательно присутствуют галечные орудия – чопперы и чоппинги. Характерны также крупные унифасы и скребла с прямым выпуклым и вогнутым лезвием (рис. 4, 22, 23). Костяной инвентарь сравнительно беден. Определяющими являются вкладышевые двусторонние и односторонние наконечники и изделия с пазами, в ряде случаев – из бивня мамонта (рис. 4, 24). На некоторых памятниках найдены скребла, изготовленные из фрагментов крупных трубчатых костей. Украшения представлены костяными бусинами-пронизками и подвесками из раковин. Найдены орнаментированные изделия – костяные пластинки и плитки сланца с нанесенными продольными и поперечными линиями, образующими ромбическую сетку. К уникальным относится кремневая фигурка мамонта, обнаруженная на стоянке Широфаново II.

Финальный палеолит. К финальному палеолиту в регионе относятся Пымва-Шор I, Горная Талица, грот Столбовой, III слой грота Большой Глухой, Усть-Пожва, Горка [Павлов, Мельничук, 1987; Щербакова, 2001; Макаров, 1997]. Они датируются позднеледниковьем и ранним голоценом (11 000–9 500 (?) л.н.).

В качестве сырья использовался галечный материал. Первичная обработка была основана на объемном и плоскостном расщеплении. Нуклеусы – призматические, одно- и двухплощадочные (рис. 4, 25, 26), встреча-

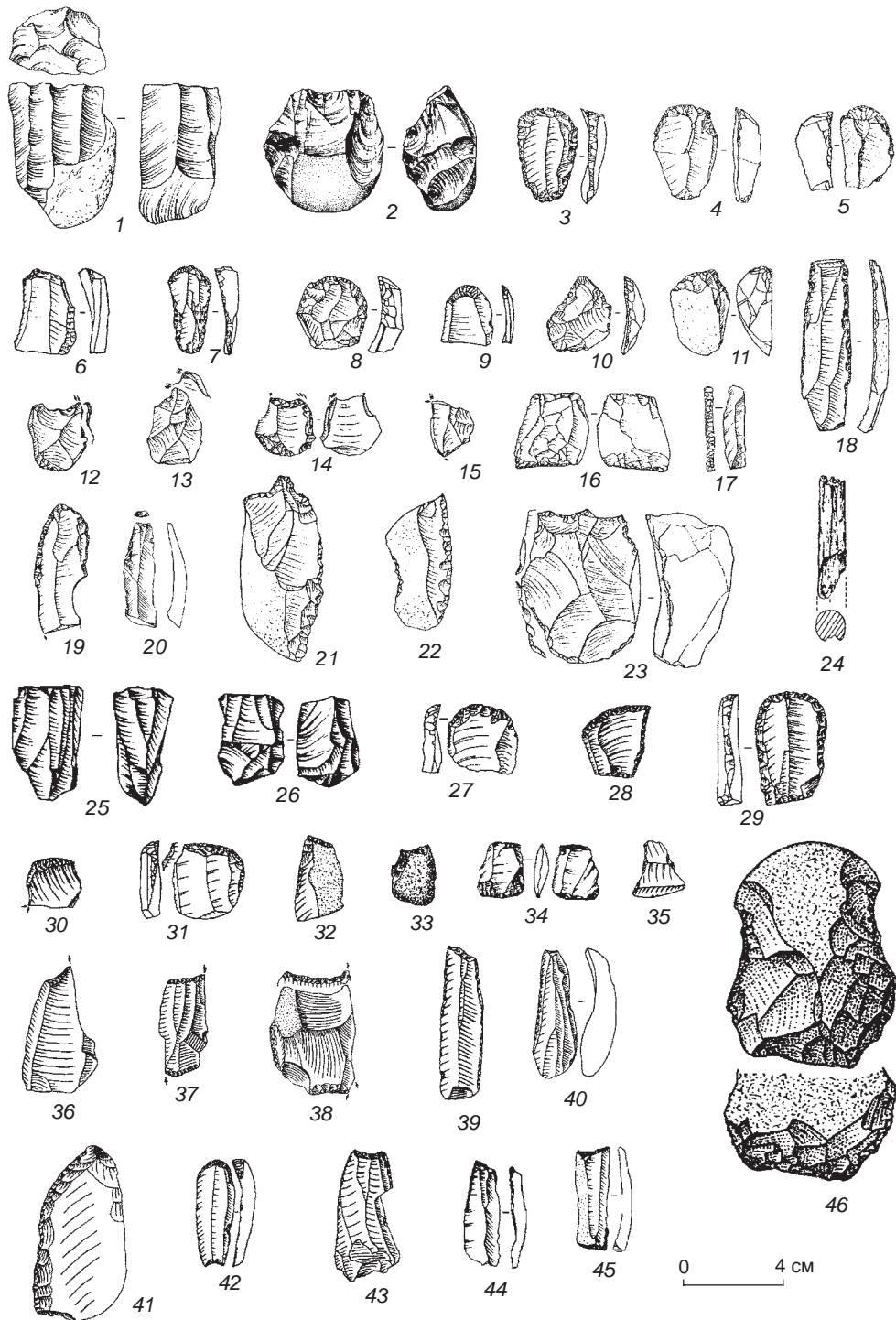

Рис. 4. Каменный и костяной инвентарь памятников позднего и финального палеолита северо-востока Европы.

1, 2, 17 – Ганичата II; 3–16, 18, 19, 21–23 – Широфаново II (по: [Макаров, 2001]); 20, 24 – Медвежья пещера; 25, 26, 34, 44, 45 – Горная Талица; 27–33, 36–38, 46 – Усть-Пожва (по: [Макаров, 1997]); 35, 39–43 – Горка (по: [Макаров, 2001]).

ются конические, торцовые и уплощенно-призматические, значительно реже – плоские ядрища. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины с непараллельной огранкой; пластинки и микроплас-

тинки имеют правильное ограничение; в небольшом количестве присутствуют пластины, снятые с нуклеусов плоскостного расщепления. Орудия изготавливались в основном из пластин; в то же время в инвентаре

довольно значительна доля изделий из отщепов и естественных заготовок. Орудийный набор представлен концевыми скребками на пластинах, округлыми – на отщепах и естественных заготовках (рис. 4, 27–31), резцами (боковыми, угловыми, срединными) (рис. 4, 36–38), шиповидными и клювовидными изделиями (рис. 4, 32, 33, 44), усеченными пластинами (рис. 4, 39, 40, 42, 43, 45), пластинами с притупленной спинкой и с притупленной спинкой и усеченными концами, скошенными остриями, долотовидными орудиями (рис. 4, 34), скребками (рис. 4, 41), галечными орудиями – чопперами и кварцитовыми топорами с перехватом (рис. 4, 46). Единичны высокие выемчатые трапеции (рис. 4, 35) и бесчерешковые наконечники стрел на пластинах с вентральной ретушью. На стоянке Горная Талица найдена плитка песчаника с гравированным изображением головы лося [Павлов, Мельничук, 1987].

Таким образом, в составе сырья, технике первичного раскалывания, наборе категорий орудий, отдельных типах изделий прослеживается сходство позднего и финальнопалеолитических комплексов северо-востока Европы. Вместе с тем в коллекциях памятников финального палеолита наблюдаются некоторые отличия. Основным является наличие пластинок с притупленной спинкой и обработанными концами, высоких трапеций, скошенных острий, бесчерешковых наконечников с вентральной ретушью и топоров с перехватом.

Памятники позднего палеолита с тождественными характеристиками структуры комплексов каменного инвентаря широко распространены во всем Уральском регионе: на средней Каме, на восточном и западном склонах Северного, Среднего и Южного Урала. Это Драчево [Мельничук, Павлов, 1985], грот Бобылек [Волокитин, Широков, 1997], Кульюрттамак [Нехорошев, Гиря, 2004], пещеры Байсланташ [Котов, 2004], Капова [Щелинский, 1997], Игнatieвская [Петрин, 1992], стоянка Гари [Сериков, 2000]. Исследователи данных памятников отмечают сходство их каменного и костяного инвентаря с материалами стоянок бассейна верхней Камы и подчеркивают их промежуточное культурно-хронологическое положение между позднепалеолитическими (Талицкого, Широфаново II) и финальнопалеолитическими (Горная Талица) комплексами северо-востока Европы [Нехорошев, Гиря, 2004; Котов, 2004; Щелинский, 1997; Петрин, 1992].

Таким образом, в каменном инвентаре практически всех позднего и финальнопалеолитических стоянок северо-востока Европы и Урала прослеживаются общие принципы отбора сырья, расщепления нуклеусов и производства орудий. Близкое сходство наблюдается также в типологии орудий из камня и кости. Определенные различия в каменном инвентаре стоянок носят несущественный характер и легко могут быть объяснены функциональной вариабельностью и степенью изученности конкретных памятников.

Обсуждение материалов

В результате исследований, проведенных на северо-востоке Европы в конце 90-х гг. XX в. и начале текущего столетия, сделан ряд важных открытий. Впервые в регионе выявлены раннепалеолитические памятники, подтверждено наличие археологических объектов мустьерской эпохи и определен их возраст, найдены памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита, получены новые данные по позднему и финальному палеолиту. Все это позволило сделать ряд выводов об основных этапах развития палеолитической культуры на северо-востоке Европы.

Единственное местонахождение раннего палеолита Ельники II доставило единичные артефакты, стационарно не изучалось, и поэтому делать какие-либо выводы об облике региональных раннепалеолитических индустрий явно преждевременно.

Памятники мустьерской эпохи – нижний слой стоянки Гарчи I и местонахождение Пещерный Лог – по характеристикам каменного инвентаря имеют значительное сходство с микокскими Восточной Европы. В орудийных наборах восточно-европейского микока обязательно присутствуют двусторонние симметричные и асимметричные острия и скребла, зачастую с обушками; простые и конвергентные скребла, часто с разнообразными вентральными утончениями. Технологическая основа этой индустрии – отщеповое расщепление и плосковыпуклая двусторонняя обработка орудий [Чабай, 2004]. По типологическим параметрам каменный инвентарь среднепалеолитических местонахождений северо-востока Европы полностью укладывается в приведенную характеристику. Эти местонахождения, вероятно, маркируют северо-восточную границу ареала восточно-европейского микока на раннем (?) этапе его существования.

К начальной и ранней поре верхнего палеолита (38 000–28 000 л.н.) на северо-востоке Европы относятся четыре памятника. Древнейшими в этой группе являются стоянки Мамонтова Курья (38 000–34 000 л.н.) и Заозерье (35 000–33 000 л.н.). В Мамонтовой Курье артефакты крайне малочисленны, поэтому определить культурную принадлежность памятника невозможно.

Возраст стоянки Заозерье, особенности каменного и костяного инвентаря, а также типы украшений позволяют уверенно отнести ее к начальной поре верхнего палеолита [Sinitsyn, 2003; Vishnyatski, Nehoroshev, 2004]. Эта каменная индустрия, несмотря на ряд отличий в типологии орудийного набора, близка к комплексам начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Важнейшей ее особенностью является наличие двусторонних изделий с плосковыпуклой обработкой, имеющих аналоги в материалах мустьерских памятников восточно-европейского микока. В то же время для инвентаря стоянки

характерны такие определяющие признаки верхнепалеолитических индустрий, как объемное первичное раскалывание, направленное на получение крупных пластин, крупные пластины с крутой чешуйчатой ретушью, двуконечные острия на массивных пластинах, резцы с ретушированной площадкой и скребки высокой формы. Стоянка Заозерье – один из самых ранних памятников верхнего палеолита Восточной Европы, где в гомогенной индустрии сочетаются мустьерские и верхнепалеолитические технологии.

В центре Русской равнины к ранним этапам верхнего палеолита относятся стоянки древней хронологической группы (36 000–32 000 л.н.) Костенковско-Борщевского района на верхнем Дону. Это Костенки XVII (слой II) и XIV (слой IVб) [Synitsyn, 2003], древнейшие памятники костенковско-стрелецкой культуры Костенки XII (слой III) и XI (слой V) [Аникович, 1997; Sinitsyn, 2003]. Каменный инвентарь второго слоя Костенок XVII совершенно лишен каких-либо архаичных черт. Для индустрии характерна техника объемного расщепления. Изделия со вторичной обработкой представлены концевыми скребками на пластинах с неретушированными краями и немногочисленными удлиненными скребками высокой формы. Основную часть коллекции составляют боковые косоретушные резцы. Есть долотовидные орудия и острия. Представлены микропластины и пластины с притупленной спинкой. Верхнепалеолитическая группа каменного инвентаря стоянки Заозерье имеет некоторое сходство с этой индустрией. Однако оно, по моему мнению, в значительной степени касается технологии; типологический же облик индустрий различен, и объединение их в какую-либо культурную группировку невозможно.

Для небольшой коллекции каменного инвентаря из слоя IVб стоянки Костенки XIV (возраст по ^{14}C 32–36 тыс. лет) [Синицын, 2002] также характерна пластинчатая техника первичного раскалывания с применением нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального расщепления. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы [Там же]. Характерные для Заозерья типы орудий также отсутствуют, за исключением овальных бифасов, которые все же имеют иную морфологию. Следует заметить, что каменный инвентарь из слоя IVб Костенок XIV немногочислен и, возможно, впоследствии с пополнением коллекции сходство этих стоянок может усиливаться.

Рассматриваемые памятники объединяет одна очень важная черта – наличие украшений. По технике изготовления наиболее близки заозерским изделия из второго слоя Костенок XVII. На обеих стоянках применялось одностороннее коническое сверление. В Костенках XVII широко представлены подвески из

белемнитов, уплощенных галек, ископаемых раковин, кораллов и клыков песка [Палеолит..., 1982]. Если здесь украшения сохраняют естественные очертания заготовки, то на стоянке Заозерье подвескам и бусинам специально придавалась овальная или округлая форма. Это предполагает более сложный процесс их изготовления. Сначала подготавливалась заготовка нужной конфигурации, а затем изготавливалось само изделие. Типы украшений также различны. На стоянке Костенки XVII все подвески имеют одно отверстие, а в Заозерье есть и с двумя, расположенными в ряд.

Использование ископаемых раковин в качестве украшений отмечено для слоя IVб Костенок XIV. Однако они не обрабатывались; отверстия в них пробивались, а не просверливались, как на стоянке Заозерье [Синицын, 2002].

С древнейшими памятниками костенковско-стрелецкой культуры верхнего Дона прослеживается меньшее сходство. Оно выражается лишь в наличии предметов мустьерской морфологии с плосковыпуклой ретушью. Технично-типологический состав коллекций различен. Особенно отличает стоянку Заозерье от этих памятников развитая пластинчатая техника, отсутствие бифасов-наконечников, наличие украшений, костяных и роговых орудий.

Таким образом, стоянка Заозерье не имеет прямых аналогов среди одновозрастных памятников центра Русской равнины и может быть выделена в особый культурный тип.

На северо-востоке Европы общие черты с заозерской индустрией имеет комплекс значительно более поздней стоянки Бызовая [Павлов, 2004]. Прежде всего они проявляются в одинаковой структуре каменного инвентаря, состоящего из двух техникоморфологических групп изделий – мустьерской и верхнепалеолитической. Первая представлена ножами типа Kielmesser и скреблами, вторая – орудиями на пластинах: скребками, резцами и остриями. Близость между памятниками прослеживается и в стратегии эксплуатации сырьевых ресурсов. На обоих отмечено широкое использование кремня из коренных месторождений, расположенных на довольно значительном расстоянии (до 60 км на стоянке Бызовая) от них.

К концу ранней поры верхнего палеолита (29 000–28 000 л.н.) в регионе относятся стоянки Гарчи I (верхний слой) и Бызовая. Гарчи I, без сомнения, представляет костенковско-стрелецкую культуру. Многочисленный каменный инвентарь (свыше 5 тыс. экз.) позволяет определить позицию памятника в системе ее периодизации, разработанной М.В. Аниковичем [1991]. В развитии этой культуры выделяются три хронологических этапа: ранний – 36 000–32 000 л.н. (слой III Костенок XII и Костенки VI), средний – 32 000–28 000 (в Костенках представлен материалами слоя V Костенок I и немногочисленными коллекция-

ми из слоя V Костенок XI и слоя Ia Костенок XII) и финальный – 27 000–25 000 л.н. (Сунгирь, Бирючья Балка). Хронологически стоянка Гарчи I относится к среднему этапу. По мнению М.В. Аниковича, ее индустрия типологически наиболее близка к комплексу слоя V Костенок I, что соответствует хронологии памятников [Там же]. Присоединяясь в целом к этому мнению, все же отмечаю ряд важных особенностей коллекции со стоянки Гарчи I, не укладывающихся полностью в типологическую характеристику среднего этапа костенковско-стрелецкой культуры.

В технике первичной обработки на памятнике, наряду с типичным для данной культуры плоскостным расщеплением, выделен особый прием получения стандартизированных заготовок – контрударное раскалывание округлых кремневых галек, – совершенно неизвестный на других костенковско-стрелецких памятниках. Эта специфика, впрочем, может объясняться особенностями сырьевой базы стоянки.

Орудийный набор с памятника Гарчи I демонстрирует сочетание типов, характерных для всех трех хронологических этапов костенковско-стрелецкой культуры. С комплексами раннего этапа (Костенки XII, слой III) эту индустрию сближает наличие таких редких изделий, как массивные стамески с поперечным выемчатым лезвием, острия с основанием, обработанным скребковой ретушью, и кремневые плитки с прямым лезвием, оформленным двусторонней ретушью; среднего (Костенки I, слой V) – некоторые типы наконечников и присутствие в их коллекциях трансверсальных резцов; позднейшего (Сунгирь) – вытянутой треугольной формы с прямым основанием наконечники, небольшие округлые скребки. Преобладающими на стоянке Гарчи I являются типы изделий, характерные для среднего и финального этапов развития костенковско-стрелецкой культуры.

Существенно отличает Гарчи I от памятников костенковской группы присутствие «ориньякских» скребков – кареноидных; двойных с ретушью по продольным краям; с шипом на углу лезвия. Аналогичные орудия представлены в коллекции стоянок Сунгирь и Бызовая.

Коллекция печорского памятника ранней поры верхнего палеолита Бызовая отличается значительным своеобразием как по составу, так и по типологическим характеристикам каменного инвентаря. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного и плоского расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий – мустьерская и верхнепалеолитическая. Первая представлена плосковыпуклыми бифасами, в т.ч. обушковыми сегментовидными ножами типа *Kiellmesser*, и разнообразными скребками, включая классические типа Кина. Наиболее близкие аналоги этих мустьерских орудий обна-

руживаются в материалах памятников старосельской фации крымской микокской традиции (Староселье, Кабази II и др.) [Чабай, 2004]: сегментовидные ножи с обушком, асимметричные подтреугольные бифасы, подтрапиевидные трехлезвийные скребла с унифасиальной обработкой. Верхнепалеолитическая группа представлена концевыми скребками на пластинчатых заготовках, кареноидными и стрелчатыми скребками, угловыми резцами на пластинах, крупными долотовидными орудиями, остриями, тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками.

Как уже было отмечено, по базовым характеристикам структуры каменного инвентаря – сочетанию в нем мустьерской и верхнепалеолитической групп изделий – Бызовая имеет сходство с более ранней стоянкой Заозерье. В то же время некоторые типы орудий находят аналогии в материалах костенковско-стрелецкой культуры. Это кремневые плитки с двусторонней ретушью, двуконечное плосковыпуклое острие и крупные ножи полудунной формы с выпуклым, двусторонне обработанным лезвием. Прослеживается сходство и с памятниками позднего этапа костенковско-стрелецкой культуры, особенно со стоянкой Сунгирь. Близки сунгирским скребки на коротких пластинчатых заготовках с прямым лезвием. На обоих памятниках представлены роговые мотыги типа Лингби [Бадер, 1978]. В каменном инвентаре стоянки Бызовая имеются и типичные «ориньякские» орудия – кареноидные и стрелчатые скребки, крупные долотовидные изделия. Их наличие в сочетании с типами орудий, характерными для костенковско-стрелецкой культуры, сближает комплекс Бызовой с индустрией Гарчи I. Однако, несмотря на отмеченное сходство, относить эту стоянку к числу памятников костенковско-стрелецкой культуры неправомерно, т.к. в ее инвентаре отсутствуют такие определяющие для данной культуры типы изделий, как треугольные, двусторонне обработанные наконечники и подтреугольные скребки с вентральной ретушью. В целом индустрия стоянки Бызовая уникальна и может быть выделена в отдельную культурную единицу, но с учетом специфического типа памятника этот вывод нуждается в дополнительном обосновании.

Немногочисленная коллекция грота Близначева не позволяет провести ее полноценный сравнительный анализ.

Итак, для начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы характерны индустрии, сочетающие признаки мустьерской и верхнепалеолитической традиций. Предположения об участии мустьерских индустрий микок Восточной Европы в генезисе верхнепалеолитических культур этого региона неоднократно высказывались исследователями [Аникович, Рогачев, 1984; Аникович, 2006; Кoen, Степанчук, 2001; Vishnyatski, Nehoroshev, 2004]. Материалы стоянок

севера Восточной Европы являются дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы.

Позднепалеолитические памятники на северо-востоке Европы датируются второй половиной позднего валдая (19 000–16 000 л.н.). Это стоянки Талицкого, Широфаново II, Медвежья пещера, Ганичата II. Их материалы обнаруживают наибольшее сходство с комплексами среднего этапа (от 27–24 до 18–17 тыс. л.н.) позднего палеолита Сибири. Этот этап характеризуется появлением микропластинчатой индустрии [Vasil'ev, 2000; Лисицын, Свеженцев, 1997; Зенин, 2002]. Территориально наиболее близки к памятникам позднего палеолита северо-востока Европы раннесарматские стоянки данной культурно-хронологической группы, расположенные в Западной Сибири: Шестаково (уровни 24–17), Ачинская, Томская, Евалга [Лисицын, Свеженцев, 1997; Деревянко и др., 2000; Зенин, 2002]. Все они имеют общие черты в каменном инвентаре, которые отчетливо фиксируются в технике расщепления и сочетании основных категорий орудий. В коллекциях представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготовкой были пластины длиной 2–5 см. Среди изделий со вторичной обработкой представлены пластины с краевой ретушью, в т.ч. образующей выемки; усеченные пластины; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, в т.ч. высокой формы, и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия [Лисицын, Свеженцев, 1997; Зенин, 2002; Акимов, 2006]. Различия между комплексами отмечаются в деталях вторичной отделки орудий и их типологическом разнообразии.

Как уже было отмечено, для позднепалеолитических индустрий северо-востока Европы также характерны призматические, уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием и плоские ядрища. Ведущим типом скола являются пластины длиной 3–5 см. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины. В составе орудийного набора представлены концевые скребки на удлинённых отщепах, пластинах и фрагментах пластин, в т.ч. и высокой формы; небольшие округлые скребки на отщепах; боковые, поперечные и угловые резцы; долотовидные орудия; пластины с выемками, образованными краевой ретушью; с притупленной спинкой; усеченные; галечные орудия. Показательно наличие такого типа изделий, как пластинки с ретушью, нанесенной со спинки на месте ударной площадки (см. рис. 4, 20). По данным В.Н. Зенина [2002], подобный способ оформления достаточно специфичен для палеолита Сибири и встречается на ряде местонахождений «мальтинского» круга.

Таким образом, несмотря на ряд отличий, основным из которых является большое количество (до 20 % от орудийного набора) и типологическое разнообра-

зие резцов на стоянках северо-востока Европы, черты сходства в комплексах преобладают. Можно предположить, что после получения дополнительных данных позднепалеолитические индустрии северо-востока Европы будут включены в круг сибирских мелкопластинчатых. В.Н. Зенин также отмечает значительное сходство микроиндустриальных комплексов Западной Сибири и Урала на хронологическом отрезке 25(27) – 18(16) тыс. л.н. [Там же].

Вероятно, в конце позднего валдая на основе позднепалеолитических комплексов (Талицкого, Широфаново II, Медвежья пещера, Гари) сформировалась региональная уральская культура. К ней могут быть отнесены такие стоянки, как гроты Большой Глухой, Бобылек, пещеры Кульюрттамак, Байсланташ, Капова и Игнатьевская. Их возраст 13–15 тыс. лет. Финальный этап существования культуры характеризуют памятники Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Пымва-Шор I и третий культурный слой грота Большой Глухой. Они, вероятно, относятся к позднеледниковью и раннему голоцену (11 000–9 500 (?) л.н.).

Заключение

Полученные в ходе многолетних исследований данные позволяют выявить особенности развития палеолитической культуры на северо-востоке Европы. В регионе отмечено «кустовое» распределение палеолитических стоянок, характерное для палеолита Евразии [Синицын, Праслов, 1997]. Основным районом концентрации местонахождений (от ранне- до финальнопалеолитических) является довольно ограниченный участок долины верхней Камы от устья Иньвы до нижнего течения ее крупного притока – Чусовой. Такое распределение, вероятно, в значительной степени объясняется природно-географическими условиями этого участка холмисто-увалистой полосы западного склона Уральских гор. Здесь на сравнительно небольшой территории сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересеченные долинами крупных рек. Мозаичность ландшафтов создавала особенно привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных и, следовательно, для первобытных охотников. Особо следует подчеркнуть, что в периоды резких изменений климата, характерных для среднего и позднего плейстоцена, разнообразие биотопов должно было обеспечить сохранение относительно благоприятных условий, по крайней мере, на части этой территории.

Палеолит северо-востока Европы представлен памятниками, вероятно, всех хронологических подразделений этой эпохи. В настоящее время установлено, что первые стоянки на юге региона, в бассейне верхней Камы, появились еще в среднем плейстоцене. На крайнем северо-востоке, в бассейне Печоры, самые ранние

кие памятники Северного Приуралья. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1985. – С. 7–14. – (МАЕСВ; вып. 9).

Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфим. археол. вестн. – 2004. – Вып. 5. – С. 12–35.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1996. – 200 с.

Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс, 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск: Докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 192–209.

Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). – Сыктывкар, 2004. – 36 с. – (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; вып. 467).

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1998. – С. 4–17. – (МАЕСВ; вып. 15).

Павлов П.Ю., Мельничук А.Ф. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита Верхнего Прикамья // Памятники древней истории Удмуртии. – Устинов: НИИ при Сов. мин. Удмурт. АССР, 1987. – С. 5–17.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. – Л.: Наука, 1982. – 283 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Нижнетаг. гос. пед. ун-т, 2000. – 271 с.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 219–236.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 141 с.

Спиридонова Е.А. Основные этапы развития растительного покрова позднего плейстоцена внеледниковой зоны Восточной Европы // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. – Л.: Наука, 1989. – С. 40–43.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1940. – № 6/7. – С. 136–140.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 321 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. – Уфа: Ин-т ист., яз. и лит. УНЦ РАН, 1997. – С. 29–38.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1994. – 64 с.

Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близначева на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 156–169.

D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., Baffier D. Many awls in our arguments. Bone Tool manufacture

and use in the Chatelperronian and Aurignacien Levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure // The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 247–272. – (Trabalhos de Archaeologia; N 33).

Krinner G., Mangerud J., Jakobsson M., Crucifix M., Ritz C., Svendsen J.-I. Enhanced ice sheet growth in Eurasia owing to adjacent ice-dammed lakes // Nature. – 2004. – Vol. 427. – P. 429–431.

Paus A., Svendsen J.-I., Matiouchkov A. Late Weichselian (Valdaian) and Holocene vegetation and environmental history of the northern Timan Ridge, European Arctic Russia // Quaternary Science Reviews. – 2003. – Vol. 22. – P. 2285–2302.

Pavlov P., Indrelid S. Human Occupation in Northeastern Europe during the period 35 000–18 000 // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP / Eds. W. Roebroeks et al. – Leiden: Leiden University, 2000. – P. 165–172.

Pavlov P., Indrelid S., Svendsen J.-I. Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // Nature. – 2001. – Vol. 413. – P. 64–67.

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.-I. The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research // Journal of Human Evolution. – 2004. – Vol. 47, N 1/2. – P. 3–17.

Sinit'syn A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Palaeolithic of Northern Eurasia // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 89–108. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Svendsen J.-I., Gataullin V., Mangerud J., Polyak L. The glacial history of the Barents and Kara Sea region // Quaternary Glaciations: Extent and Chronology / Eds. J. Ehlers, P. Gibbard. – Amsterdam: Elsevier, 2003. – Vol. 1: Europe. – P. 234–311.

Svendsen J.-I., Pavlov P. Mamontovaya Kurya – An Enigmatic, Nearly 40,000 Years Old Palaeolithic Site in the Russian Arctic // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 109–122. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Vasil'ev S. The Siberian Mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP / Eds. W. Roebroeks et al. – Leiden: Leiden University, 2000. – P. 173–196.

Velichko A., Faustova M., Gribchenko Yu., Pisareva V., Sudakova N. Glaciations of the East European Plain – distribution and chronology // Quaternary Glaciations: Extent and Chronology / Eds. J. Ehlers, P.L. Gibbard. – Amsterdam: Elsevier, 2003. – Vol. 1: Europe. – P. 377–354.

Vishnyatski L., Nehoroshev P. The Beginning of the Upper Palaeolithic on the Russian Plain // The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley: University of California Press, 2004. – P. 80–96.

УДК 903.2

А. Зеба¹, В. Ситливый², К. Собчик¹, А.В. Колесник³¹*Ягеллонский университет Кракова, Институт археологии
Краков, Польша**Jagiellonian University of Cracow**Institute of Archaeology**Rue de Berghes, 6/41, 4020 Liège, Belgium**aleksandra.zieba@teledisnet.be*²*Королевские музеи искусств и истории, Брюссель, Бельгия**Royal Museums of Art and History, Parc du Cinquantenaire, 10, B-1000, Brussels, Belgium*³*Донецкий областной краеведческий музей**ул. Крымская, 11, Донецк, 83062, Украина*

ЭКСПЛУАТАЦИЯ СЫРЬЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА НА СТОЯНКАХ ПЕКАРЫ ПА И КНЯЗЯ ЖОЗЕФА БЛИЗ КРАКОВА (конец среднего и начало верхнего палеолита)

Введение

Вновь открытые индустриальные последовательности на стоянках Князя Жозефа и Пекары в районе Кракова хронологически укладываются в рамки кислородно-изотопной стадии 3, охватывая конец среднего палеолита, переходный период и ранний верхний палеолит. Поздний средний палеолит представлен индустриями пластинчатого леваллуа-мустье, леваллуа-мустье, мустье и пластинчатого мустье, не содержащими бифасиальных орудий. Комплексы с верхнепалеолитическими чертами явно не ориньякские, относятся к местной пластинчатой традиции раннего верхнего палеолита ([Valladas et al., 2003; Sitlvy, Zieba, Sobczyk, 2006; Sitlvy, Zieba, 2006], см. также: Zieba A. The Middle Palaeolithic in Krakow // Piekary Pa, Krakow, ul. Ksiecica Jozefa sites, in European context: PhD thesis, Jagiellonian University. – Krakow, 2005. – 394 p.).

В семиметровой толще отложений вновь открытой стоянки Князя Жозефа (рис. 1) зафиксированы один мустьерский и два ранних верхнепалеолитических слоя (ок. 44–40 тыс. л.н.) [Sitlvy et al., 1999b, 2004]. Для изготовления каменных артефактов использовались преимущественно продолговатые, толстые,

большого и среднего размера желваки местного юрского кремня. Сырье в основном хорошего и среднего качества; выходы его находятся в радиусе 1 км от памятника, но не на нем. Кремень этого типа использовался во всех изученных индустриях, а также в средне- и верхнепалеолитических комплексах района Звержинца в Кракове. Артефакты имеют свежие поверхности, патина и механические постдепозиционные повреждения встречаются редко, но многие кремни несут следы воздействия огня.

Стоянка под открытым небом Пекары Па (рис. 2) содержит три слоя позднего среднего палеолита (пластинчатое леваллуа-мустье, леваллуа-мустье и пластинчатое мустье) и один слой раннего верхнего палеолита (между 60 и 31/26 тыс. л.н. [Valladas et al., 2003; Mercier et al., 2003]), планиграфическая конфигурация которых при некоторых общих чертах имеет также и ряд существенных различий.

Стоянка Князя Жозефа

Культурный слой III (Нижний комплекс). Для этого слоя характерна высокая насыщенность находками,

что свидетельствует, вероятно, о существовании здесь большой, многофункциональной стоянки. Зафиксированы остатки 29 кострищ, а также скопления каменных артефактов, демонстрирующих значительную вариабельность использовавшихся технологий расщепления – от отщеповых (в основном нелеваллуазских, с применением многогранных, дисковидных и параллельного скалывания нуклеусов, а также нуклеусов комбева и вторичных типа Pucueil [Delagnes, 1996]) до пластинчатых верхнепалеолитического типа [Sitlivy, Zieba, 2006]. Орудийный набор содержит почти равные доли простых скребел, выемчатых изделий и ретушированных отщепов, дополняемых *raclettes*, ножами с естественным и ретушным обушком, зубчатыми изделиями и редкими скребками. Ретушь нераспространенная, часто краевая или тонкая крутая краевая.

Артефакты (22 362 шт.) принадлежат верхней части литологического горизонта III-2, представленного средне- и крупнозернистыми песками [Sitlivy et al., 19996]. Мощность культурного слоя невелика (5–10 см), площадь ок. 80 м². Состав манупортов и артефактов (см. таблицу) свидетельствует о том, что на памятнике производилось первичное раскалывание. Ему, судя по преобладанию среди находок мелких сколов (< 2 см), сопутствовали ретуширование и переоформление орудий. Последнее подтверждается и ремонтажем целого ряда скребел и зубчато-выемчатых изделий. Наличествуют также куски кремня, опробованные и необработанные желваки (сырьевые запасы), преформы, а также галечные отбойники (25 шт.) и ретушеры. Чрезвычайно многочисленны типологически неидентифицируемые обожженные предметы (559 шт., или 2,5 % от всего комплекса). Отношение нуклеусов к орудиям составляет 2 : 1. Отношение заготовок к нуклеусам много выше – 31 : 1. Таким образом, общий состав каменных артефактов, а также результаты реконструкции посредством ремонта процессов первичного раскалывания, вторичной обработки и слома артефактов (терминологию см.: [Cziesla, 1990]) указывают

Рис. 1. Общий вид на стоянку Князя Жозефа, раскопки 2000 г.

Рис. 2. Общий вид на стоянки Пекары II, Па и III (фото З. Хольцера).

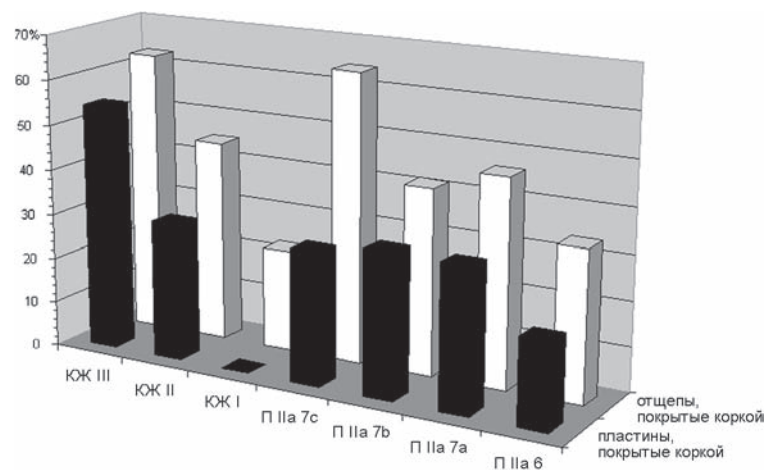

Рис. 3. Доля первичных пластин и отщепов. Стоянки Князя Жозефа (КЖ) и Пекары (П) Па.

Состав находок со стоянок Князя Жозефа (КЖ) и Пекары (П) Па

Находки	КЖ III		КЖ II		КЖ I		П IIa 7c		П IIa 7b		П IIa 7a		П IIa 6	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Желваки	9	0,04	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,1	—	—
Обломки	174	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гальки	131	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Термальные осколки	18	0,08	—	—	2	2,9	18	11,2	3	0,5	38	2,5	17	1,1
Отходы	85	0,4	14	0,65	1	1,5	47	29,2	12	2,1	81	5,4	13	0,9
Обожженные обломки	559	2,5	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,1	6	0,4
Куски с пробными сколами	14	0,06	—	—	—	—	—	—	1	0,2	—	—	1	0,1
Преформы	8	0,03	—	—	—	—	1	0,6	—	—	—	—	—	—
Нуклеусы	257	1,1	13	0,6	2	2,9	7	4,3	9	1,6	20	1,3	14	1
Чешуйки (< 2см)	12 544	56,1	1571	71,8	10	14,7	8	5	107	18,9	471	31,5	561	38,9
Отщепы	7 521	33,6	241	11	34	50	60	37,3	314	55,4	725	48,5	392	27,2
Пластины	421	1,9	275	12,6	15	22	15	9,3	82	14,5	113	7,6	322	22,3
Пластинки	45	0,2	49	2,2	—	—	2	1,2	9	1,6	5	0,3	63	4,4
Обломки пластин/отщепов	—	—	14	0,65	1	1,5	—	—	11	1,9	11	0,7	18	1,2
Резцовые сколы	4	0,02	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	0,4
Отбойники	25	0,1	—	—	—	—	—	—	2	0,3	—	—	—	—
Галечные ретушеры	9	0,04	5	0,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Орудия	538	2,4	7	0,3	3	4,4	3	1,9	17	0,3	28	1,9	29	2
<i>Всего</i>	22 362	99,97	2 189	100	68	99,9	161	100	567	99,9	1 494	99,9	1 442	99,9

на то, что на стоянке производилось расщепление нуклеусов, изготавливались и использовались орудия.

В отличие от других индустрий, в описываемом комплексе очень много отщепов и пластин, у которых более половины поверхности покрыто коркой. Среди отщепов их 64 %, среди пластин – 55 % (рис. 3). Пластин с корковым обушком в 2 раза больше, чем таких же отщепов (42 против 18 %), и гораздо больше, чем пластин, сохраняющих корку на спинке, тогда как среди отщепов образцы, целиком и наполовину покрытые коркой, а также с обушком, покрытым коркой, встречаются в равном количестве.

Материал, образуя отдельные густые скопления, был распространен по всей вскрытой территории жилой площадки (рис. 4). Наибольшая плотность находок зафиксирована в южной части. Выявлено несколько участков, где представлены следы отдельных эпизодов расщепления. Они варьируют по размеру, плотности, составу находок (продукты первичного расщепления, отходы производства орудий, куски сырья, скопления обожженных артефактов комбинированного состава) и характеру осуществлявшихся на них действий. Крупные скопления обожженных камней связаны с кострищами или расположены вокруг них. Изолировано залегают обожженные артефакты.

Пепел и древесный уголь встречаются в большом количестве по всей вскрытой площади. Кострища по форме (круглая, овальная) и размерам (диаметр 50–70 см) более или менее постоянны; все они имеют четкие границы. Кострища ориентированы по-разному; преобладающего направления нет, что свидетельствует об их залегании *in situ*. Имеются, однако, структуры иного типа, представляющие собой обширные (диаметр более 100 см) зольно-углистые пятна без четких границ. Эти пятна могут включать несколько маленьких кострищ. Мощность этих кострищ варьирует от 1–2 до 5–7 см (рис. 5, 6).

По характеру заполнения выделяются три типа кострищ: 1) содержащие только обожженные камни; 2) заполненные в основном кремнями с неизменными поверхностями и имеющие на периферии обожженные артефакты; 3) небольшие, круглые «стерильные» или содержащие лишь немногочисленные необожженные кремни кострища, окруженные кремневыми изделиями.

Выявлены 29 кострищ, которые образуют пять основных скоплений: 1) северное (кв. L2, L1, K3, K2, K1, I1) – небольшие компактные кострища без артефактов; 2) центральное (кв. K-1, K-2, I-1, H0, H-1, G0) – в основном большие, многосоставные,

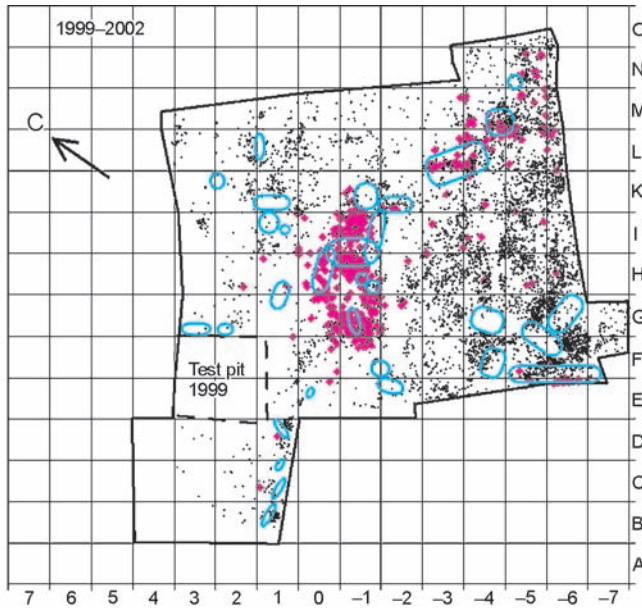

Рис. 4. Горизонтальное распространение артефактов (черные точки), обожженных камней (красные ромбы) и кострищ (голубые линии), каждый квадрат соответствует 1 м². Стоянка Князя Жозефа, слой III.

Рис. 5. Очаги и скопления кремня в плане с разрезами. Стоянка Князя Жозефа, слой III.

Рис. 6. Разрезы очагов. Стоянка Князя Жозефа, слой III.

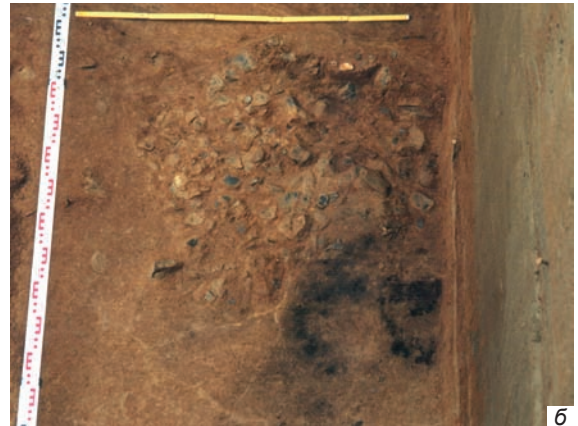

Рис. 7. Очаги и скопления кремня в плане. Стоянка Князя Жозефа, слой III.

подвергшиеся размыву кострища, содержащие только обожженные кремни; 3) западное (кв. E0, D1, C1, B1) – несколько небольших овальных кострищ, не содержащих обожженных материалов. На их периферии встречаются артефакты в основном с неизменными поверхностями и лишь немногие – со следами воздействия огня; 4) восточное (кв. N-5, M-5, M-4, L-4, L-3, K-3) – разные типы кострищ: крупные со смешанным (обожженным и необожженным) заполнением (см. рис. 5, 7, а) и небольшие, не содержащие артефактов; 5) южное (кв. G-4, F-4, G-5, F-5, E-5,

G-6, F-6, E-6, F-7, E-7) – небольшие, не содержащие артефактов кострища, окруженные необожженными кремнями (рис. 7, б); лишь одно отличается крупными размерами и содержит как обожженный, так и необожженный материал.

Функционирование кострищ могло: а) предшествовать осуществлению на данном участке деятельности по раскалыванию камня (кострища, содержащие артефакты со свежими поверхностями); б) протекать одновременно с такой деятельностью (кострища разных типов); в) следовать за ней (обильный обожженный материал).

Фиксируются кремневые артефакты разной степени обожженности: 1) целые, слегка изменившие под воздействием огня свой цвет (красноватые пятна), но не имеющие трещин и иных, видимых невооруженным глазом, повреждений; 2) расколовшиеся в результате быстрого прокаливания (например, после того, как кремль бросили в огонь) на крупные куски, приобретшие беловатый или сероватый цвет; фрагменты таких вещей (часто это орудия), как показывает ремонт, могут залегать на расстоянии до 1 м друг от друга; 3) испытывавшие долгое и постепенное прокаливание (в случае, когда кострища устраивались на участках, где до этого производилось расщепление камня), сильно обожженные целиком или частично (часто только с одной стороны), изменившие вследствие этого цвет, покрытые сетью трещин и давшие в результате растрескивания в огне множество мелких осколков (из 2 557 кремневых осколков, собранных в нескольких скоплениях, почти половина несла следы воздействия огня, а 79 % из них принадлежали к категории «огневых осколков»). Многие растрескавшиеся в огне, но сохранившие целостность вещи распадились в процессе раскопок.

Кремни, залегающие в кострищах центрального скопления и рядом с ними, несут следы воздействия высоких температур. Обожженные артефакты демонстрируют все степени прокаливания, что может свидетельствовать о длительном функционировании этих очагов.

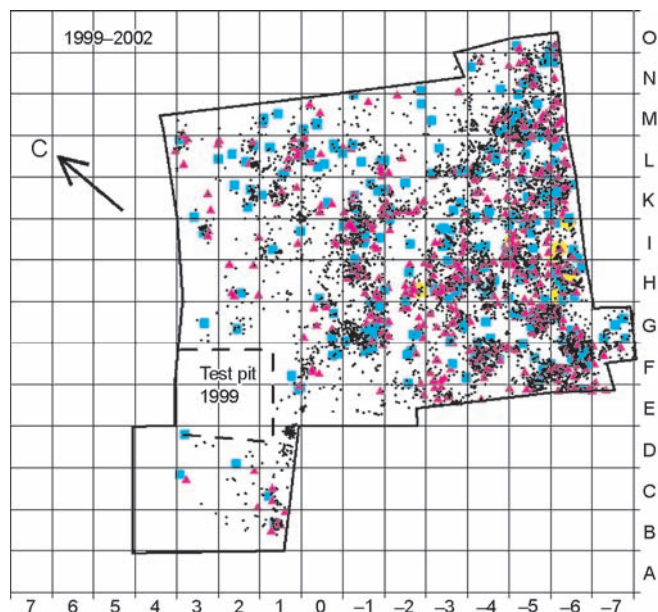

Рис. 8. Горизонтальное распределение артефактов (черные точки), орудий (красные треугольники), нуклеусов (голубые квадраты) и необработанных кремневых желваков (желтые кружки).

Стоянка Князя Жозефа, слой III.

Что касается горизонтального распределения нуклеусов, то оно довольно равномерное, хотя выделяются три зоны их повышенной концентрации: кв. G (-1) / F (-1); F (-6) / G (-6) и M (-4) / (-5). Орудия на всей поверхности, кроме нескольких участков (I (-4), I (-5), H (-4) и H (-5)), распределены также равномерно (рис. 8). Кремни, составившие в результате ремонта подборки отдельных нуклеусов и орудий, образовывали скопления, плотность которых зависела от массы исходного предмета расщепления. Было реконструировано свыше 300 таких (исходных) блоков, причем обломки их залегали на небольшом или среднем расстоянии друг от друга. Кремни, удаленные друг от друга на большое расстояние, а также со следами длительного цикла использования встречаются редко, хотя отдельные артефакты являются примерами и того, и другого. Продукты расщепления нуклеусов часто залегают *in situ*, там, где они были сколоты. Среди них, как ни странно, встречаются и орудия, оставленные на рабочей площадке вместе с отходами и воссоединяемые в процессе ремонта с исходным нуклеусом.

Планиграфический, технологический и типологический анализы вместе с ремонтом позволяют предложить общую модель эксплуатации сырьевых материалов (рис. 9). Сырье доставлялось на стоянку в виде больших желваков и кусков породы (от 1 до 5 кг), которые гораздо крупнее, чем найденные на памятнике нуклеусы и крупные первичные отщепы (ок. 500 г).

Использовался местный кремль. Исключением является пластина из матового белого юрского кремня, происходящего из района Сикорников. Проверка качества кремня производилась на стоянке, о чем свидетельствуют куски с пробными сколами и пренуклеусы на желваках.

Выделяются следующие стадии срабатывания нуклеусов: снятие корки, редукция без подготовки или предварительная оббивка, снятие заготовок, чередующееся с подправкой, и, наконец, истощение и завершение эксплуатации, хотя последнее могло иметь место и на более ранних технологических фазах. Многочисленные пренуклеусы весом до нескольких килограммов контрастируют со столь же широко представленными остаточными нуклеусами, среди которых есть микроэкземпляры весом всего 13 г. Для эксплуатации нуклеусов на желваках и нуклеусов на отщепах применялись разные стратегии расщепления. Первые демонстрируют все стадии срабатывания. Как показал ремонт, из одного желвака часто делали несколько нуклеусов, у каждого из них была своя «технологическая жизнь». Некоторые из них, будучи сработанными до предела, использовались как орудия. Отдельные нуклеусы на отщепах также отражают полный технологический цикл – от инициализации (нуклеусы

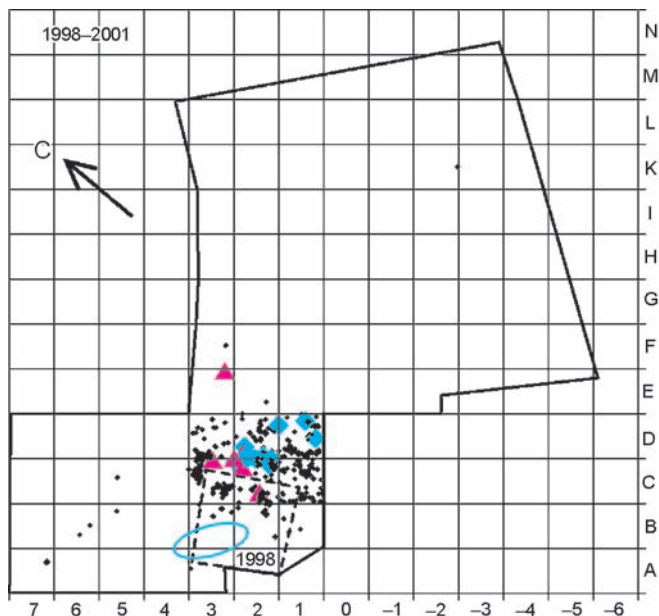

Рис. 10. Горизонтальное распределение кремневых артефактов (черные точки), нуклеусов (голубые ромбы), орудий (красные треугольники) и очагов (голубые линии). Стоянка Князя Жозефа, слой II.

Рис. 11. Очаги в плане. Стоянка Князя Жозефа, слой II.

Рис. 12. Очаги в сечении. Стоянка Князя Жозефа, слой II.

годится. Таким образом, причины частого использования нуклеусов на отщепах для описываемого памятника не совсем ясны.

Все имеющиеся данные указывают на сложный, необычный характер эксплуатации сырья и технологического поведения, что свидетельствует о принадлежности объекта к особой разновидности памятников. К комплексу слоя III стоянки Князя Жозефа вполне применимы слова, сказанные о материалах стоянки Маастрихт-Бельведер J: «...на самом деле легче определить, на что не похожа эта технология обработки кремня, чем на что она похожа» [Roebroeks et al., 1997].

Культурный слой II (Средний комплекс). Небольшой участок жилой стоянки (?) или, скорее, краткосрочной мастерской с остатками очагов и высокой концентрацией кремней был вскрыт в горизонте III-I (иловатые пески). В коллекции 2 189 артефактов. Технология ориентирована на производство пластин ($\text{Pam} = 57,3$) несколькими характерными для верхнего палеолита методами, включая оформление ребра, систематическое оживление ударной площадки. Представлены торцовые нуклеусы встречного скалывания на желваках и отщепах и объемные призматические нуклеусы [Sitlivy et al., 1999b, 2004]. Обнаружены всего семь орудий; они представлены двумя ретушированными отщепами, пластиной, выемчатым изделием, *pièce esquillée*, проколкой и обломком скребла. Нет ни типично среднепалеолитических форм, ни орудий, характерных для ориньяка.

Большинство находок локализуется на небольшом участке (площадь ок. 6 м²). На остальной части раскопанной площади (80 м²) выявлены единичные кремневые артефакты (рис. 10). Анализ пространственного распределения находок показывает, что орудия концентрируются в западной, а нуклеусы – в центральной и восточной частях. Полностью сохранившийся производственный участок с высокой плотностью залегания чешуек и иных мелких отходов служил местом получения пластин; рядом с ним находится очаг (рис. 11, 12).

Состав артефактов комплекса довольно специфичен (см. таблицу). Мелкие сколы составляют наиболее многочисленную группу (> 72 %); их доля среди находок здесь выше, чем на других памятниках, исследовавшихся в районе Кракова. Пластины и пластинки на втором месте. Отношение орудий к нуклеусам 0,5 : 1. Отношение заготовок к нуклеусам 44 : 1, а если брать только пластины, оно будет составлять 26 : 1. Последняя цифра отражает высокую интенсивность срабатывания нуклеусов. Состав каменных артефактов и ремонт указывают на то, что на памятнике

производилось преимущественно расщепление нуклеусов. Здесь, в отличие от комплекса слоя III и многих других стоянок и стоянок-мастерских региона, необработанные желваки, обломки сырьевой породы, пробные нуклеусы и пренуклеусы отсутствуют, равно как и сколы переоформления и резцовые сколы. Интересно, что среди многочисленных сколов с хорошо выраженными ударными бугорками и 13 сработанных нуклеусов (шесть из них реконструированы посредством ремонта) отмечено всего пять мелких галек, нет ни одного отбойника. Тем не менее частое использование твердого каменного отбойника несомненно. Это, а также высокий индекс фасетирования площадок нуклеусов ($IF1 = 30$, $IFs = 24,2$) – две среднепалеолитические черты, характеризующие технологию данной индустрии. Преобладание сколов без корки ($> 55\%$), малочисленность первичных и полупервичных отщепов и пластин (47 и 5 соответственно) и отношение их количества к количеству нуклеусов, как 4 : 1, свидетельствуют о проведении декорткации большинства нуклеусов вне памятника. С помощью ремонта выявлены лишь два случая снятия корки с нуклеусов (небольшого размера) непосредственно на стоянке.

Судя по морфологии первичных и обычных отщепов (241 шт.), а также ремонту, на стадии подготовки нуклеусов с них снимались в основном отщепы. Довольно многочисленные пластины с естественным обушком скалывались для поддержания поверхности расщепления в рабочем состоянии. Пластинчатые сколы представлены в основном фрагментами (ок. 90 %, в слое III – 63 %) или аморфными изделиями. Тем не менее негативы пластин и пластинок на нуклеусах имеют правильную форму. К одному нуклеусу из кремня на редкость хорошего качества не удалось подобрать ни одного скола с площади ок. 80 м². Изделия (в т.ч. заготовки) из кремня этого типа в коллекции крайне малочисленны. Упомянутый нуклеус подвергся предварительной подготовке за пределами раскопанного участка; пластины, снятые с него, отсутствуют. Учитывая эти данные и наличие большого количества чешуек и осколков, можно сделать вывод о специализированном производстве пластин и пластинок, переоформлении некоторых из них в орудия на стоянке и последующей транспортировке с нее.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что рассматриваемый памятник представлял собой специа-

лизированную мастерскую, где в ходе нескольких (?) кратких посещений людьми на ограниченном участке производилось интенсивное расщепление нуклеусов для пластин. Судя по составу коллекции, опробование сырья, удаление корки и начальная подготовка некоторых нуклеусов совершались вне памятника. Крупные отщепы доставляли в мастерскую, чтобы использовать в качестве торцовых нуклеусов для получения пластин и пластинок.

Целью расщепления было получение средних и небольших (редко более 100 мм) узких пластин хорошего качества, а также пластинок. Эти пластины в отличие от пластин из нижележащего слоя III более длинные и менее массивные. Кроме того, на памятнике изготавливались некоторые орудия. Нуклеусы (среди них имеются сработанные до предела, один обожжен), технические сколы (реберчатые снятия, «таблетки»), отходы расщепления, а изредка и целые пластины и пластинки (их 10,5 %, большая часть неправильной формы) и невыразительные орудия оставляли на территории мастерской. Напротив, хорошие заготовки вместе с отдельными орудиями уносили; не оставляли и галечные отбойники (рис. 13).

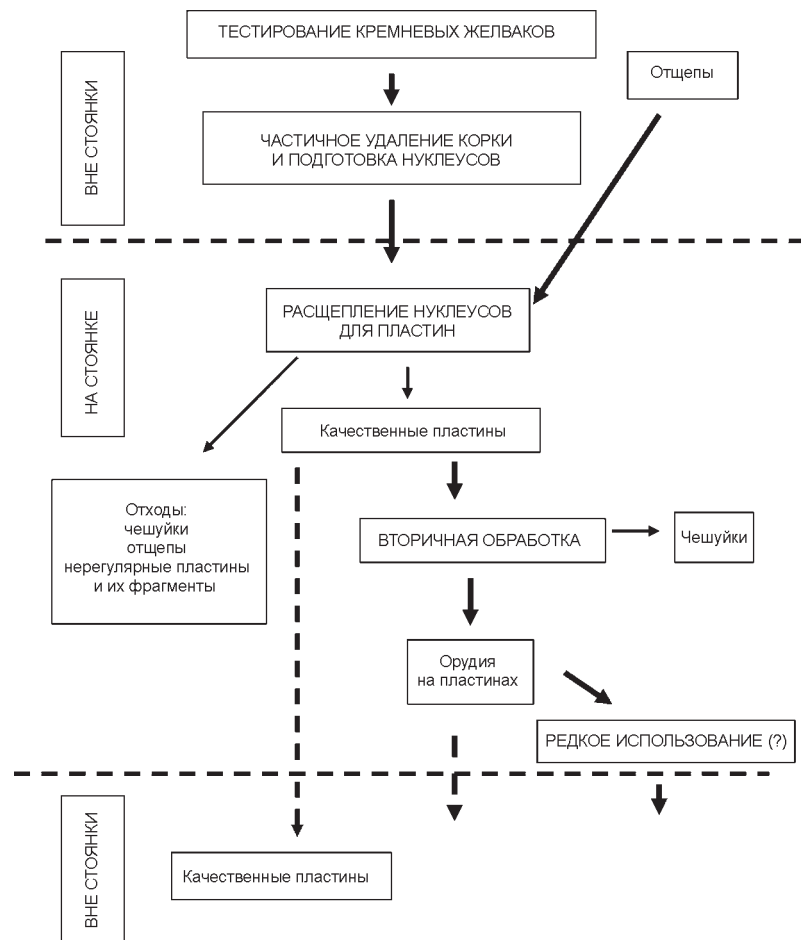

Рис. 13. Модель эксплуатации сырья. Стоянка Князя Жозефа, слой II.

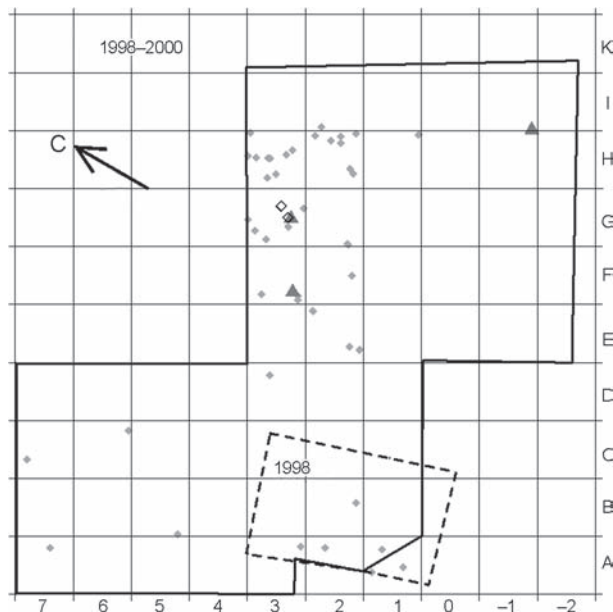

Рис. 14. Горизонтальное распределение артефактов (серые точки), нуклеусов (ромбы) и орудий (треугольники). Стоянка Князя Жозефа, слой I.

Культурный слой I (Верхний комплекс). Артефакты залегали в нижней и средней частях литологической пачки II (илистые отложения). Культурный слой I не богат, хотя в северной части раскопа отмечена повышенная концентрация артефактов (рис. 14). В этом скоплении есть нуклеусы и зубчатое орудие, которое входит в подборку объемного нуклеуса для пластин и острий. Остальные орудия находились за пределами скопления; они равномерно распределены по всему раскопанному участку. Пластинчатые заготовки, двускатные реберчатые пластины и признаки использования мягкого отбойника свидетельствуют о господстве верхнепалеолитической технологии. Орудия редки, специфические формы отсутствуют. Единственный леваллуазский отщеп имеет сильно окатанную поверхность и в этом плане существенно отличается от остальной, «свежей», части комплекса. Этот комплекс, представляющий верхнепалеолитическую пластинчатую технологию, некоторое влияние со стороны богунисьена в стратегии расщепления и включающий нейтральные в культурном отношении орудия, может интерпретироваться либо как периферия или разрушенная часть крупного поселения, либо, что более вероятно, как кратковременная стоянка.

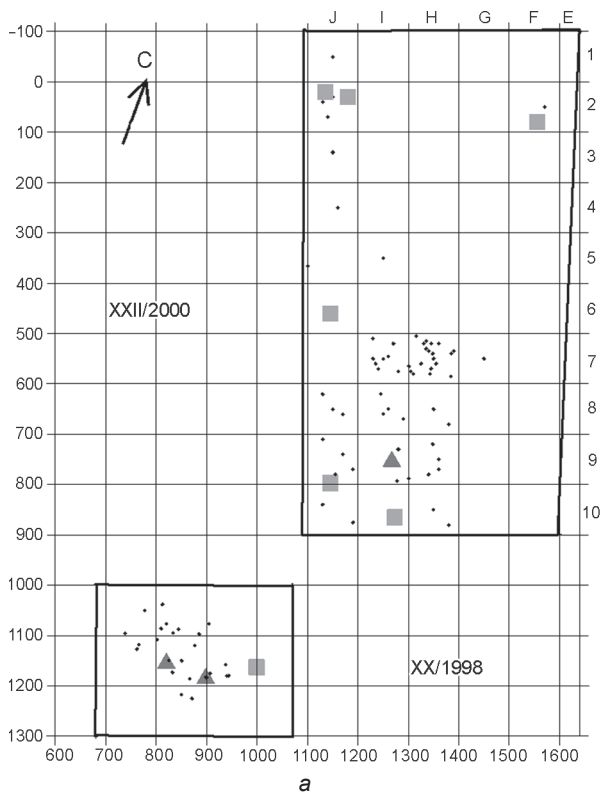
Пекары Па

Новые исследования в Пекарах позволили выявить несколько доверхнепалеолитических пластинчатых

индустрий в отложениях местонахождения Па, датированных 61 – 35/33 тыс. л.н. [Sitlvy et al., 1999a, 2004; Valladas et al., 2003; Mercier et al., 2003; Kalicki, Budek, 2004]. Нижняя часть колонки Пекар Па содержала четыре комплекса, лишенных бифасиальных орудий и определяемых как пластинчатое леваллуа-мустье (слой 7с), леваллуа-мустье (слой 7b), пластинчатое мустье (слой 7a) и местный неориньякоидный ранний верхний палеолит (слой 6) ([Sitlvy, Zieba, Sobczyk, 2006; Sitlvy, Zieba, 2006], см. также: Zieba A. The Middle Palaeolithic...).

По составу все эти комплексы сходны; характерно преобладание сколов при низкой частоте встречаемости орудий и нуклеусов (см. таблицу). Невысокая доля чешуек во всех коллекциях Пекар может быть частично объяснена постдепозиционными процессами, хотя постепенное нарастание этого процента от слоя 7с к слою 6, возможно, связано с деятельностью человека. На Пекарах Па, как и на всех других памятниках в районе Кракова, отношение количества орудий к количеству нуклеусов составляет 2 : 1 и менее (самые низкие значения этого показателя зафиксированы для слоя 7с Пекар Па и слоя I стоянки Князя Жозефа, где материал залегает разреженно и где были либо кратковременные стоянки, либо периферийные части стоянок). Напротив, отношение количества заготовок к количеству нуклеусов для всех памятников, кроме двух, только что упомянутых, иное – 55,5 : 1 (слой 6 Пекар Па). Для пластин этот показатель обоих ранневерхнепалеолитических комплексов составляет (27,5 : 1 – для слоя 6 Пекар Па и 26 : 1 – для слоя II стоянки Князя Жозефа), для комплекса пластинчатого мустье слоя 7a Пекар Па – всего 7 : 1. Для всех пунктов Пекар характерны отсутствие запасов сырья и малочисленность пробных нуклеусов; это совсем не соответствует тому, что выявлено в культурном слое III стоянки Князя Жозефа. В целом комплексы Пекар вписываются в категорию стоянок-мастерских с менее полным, чем в слое III стоянки Князя Жозефа, циклом обработки каменного сырья. Следует также отметить, что в слое 6 Пекар Па, где встречены куски гематита с гравировками и типичные верхнепалеолитические орудия, особенности, присущие мастерским, выражены менее четко, чем в слое II стоянки Князя Жозефа, представляющем специализированную мастерскую по производству пластин и пластинок.

Плотность залегания находок на стоянках Пекар варьирует от низкой до средней, но имеет тенденцию нарастать снизу вверх по разрезу (тогда как для стоянки Князя Жозефа характерна противоположная тенденция). В распределении материала в плане никаких особенностей не прослеживается; сколько-нибудь четко выраженные скопления также отсутствуют. Имеет место значительное рассеивание арте-

фактов по вертикали, что может быть следствием как слияния разных горизонтов обитания (палимпсест), так и воздействия постдепозиционных процессов. В этом плане Пекары тоже отличаются от стоянки Князя Жозефа, где хорошо сохранились жилые горизонты слоев III и II.

Слой 7с. Плотность находок невелика. В раскопе XX артефакты залегали в центральной части (рис. 15, а), а в раскопе XXII они локализовались главным образом у западной стенки вблизи старого раскопа XIII, заложенного В. Моравским и давшего самую богатую коллекцию изделий этой индустрии для всего района Пекар. Одно большое скопление (кв. Н-I 7) включало вместе с прочими находками пластины и орудия; нуклеусы в двух новых раскопах разрозненны.

Слой 7б. В данном слое обнаружено больше находок, чем в слое 7с. В целом артефакты распределены в плане равномерно, но в раскопе XXII выделяются два скопления (рис. 15, б). Первое находится в его южной и юго-восточной частях (линии 9 и 10). Второе, меньшей площади, выявлено в северной части в кв. G4 и F4. Продукты леваллуазского расщепления рассеяны по всей площади. Орудия залегали внутри обоих скоплений, а нуклеусы тяготели к их периферии.

Слой 7а. Слой характеризуется самой высокой плотностью залегания находок, которые распределены в пространстве довольно равномерно (рис. 15, в).

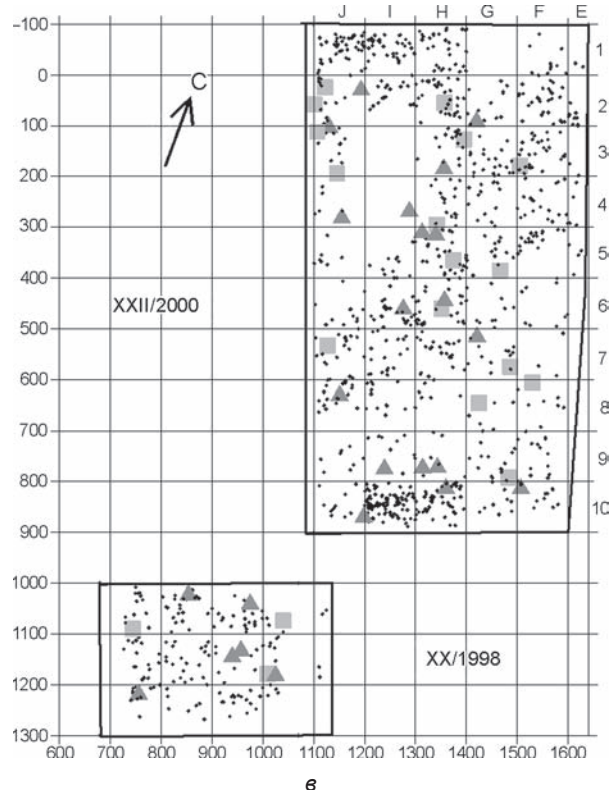
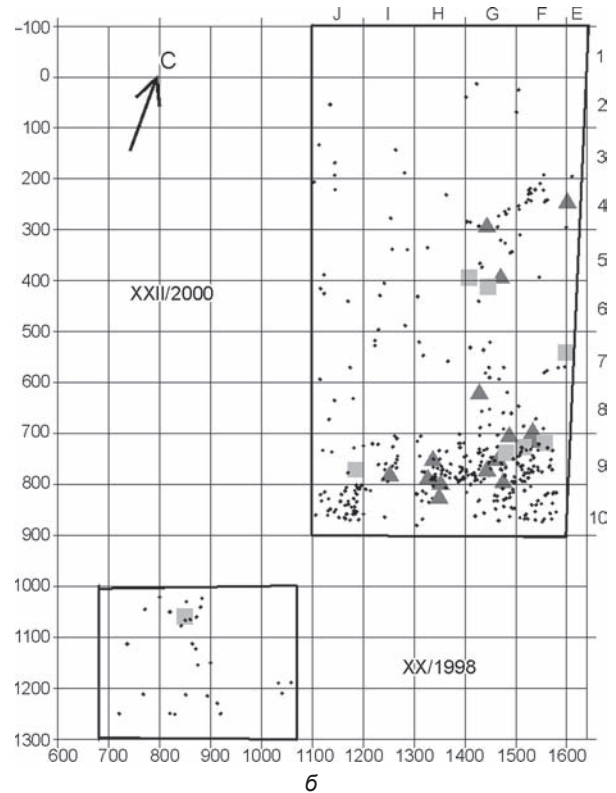

Рис. 15. Горизонтальное распределение артефактов (черные точки), нуклеусов (квадраты) и орудий (треугольники), каждый квадрат соответствует 1 м². Пекары Па, слой 7а (в), 7б (б), 7с (а).

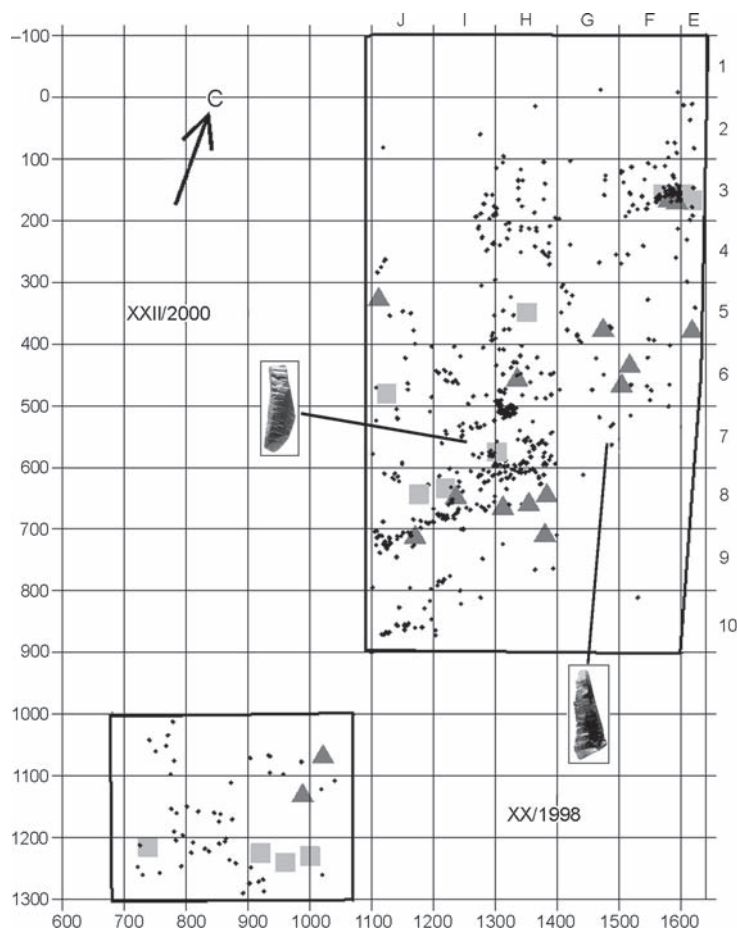

Рис. 16. Горизонтальное распределение артефактов (черные точки), нуклеусов (квадраты) и орудий (треугольники). Пекары Па, слой 6.

В раскопе XXII выделяются два скопления кремневых изделий – в юго-западной (кв. Н-І 10) и северо-западной (кв. Н-І 1) частях. Нуклеусы и орудия не образуют скоплений, если не считать повышенной концентрации орудий в кв. Н-І 9, 10.

Характер пространственного распределения археологических материалов в культурных слоях Пекар изменяется от раскопа к раскопу. Наиболее заметные изменения в распределении находок на поверхности наблюдаются в слое 7а. В материалах этого слоя из раскопок В. Моравского и из раскопа XX/1998 [Sitlivy et al., 1999a] продукты расщепления среднепалеолитической техники, нацеленной на получение отщепов, преобладают над продуктами пластинчатого расщепления верхнепалеолитического типа. Напротив, в раскопе XXII/2000 в той же стратиграфической позиции (в слое 7а) встречены в основном свидетельства производства пластин, в частности нуклеусы для их получения, и сопутствующие побочные продукты. Вместе с тем все орудия, найденные в этих раскопах, являются среднепалеолитическими. Выделяются

две зоны: в раскопе XX представлены в основном продукты срабатывания дисковидных нуклеусов, включая небольшие краевые (*débordant*) отщепы, а в раскопе XXII – продукты производства пластин. Большая часть побочных продуктов пластинчатого расщепления и все нуклеусы для получения пластин были найдены именно в раскопе XXII (кроме одного, обнаруженного в раскопе XX).

Слой 6. Пространственное распределение находок в этом слое (особенно в большом раскопе XXII) в какой-то мере отражает направление солифлюкции вдоль склона, приблизительно по оси С – Ю. В северной и центральной частях раскопа XXII были выявлены небольшие участки скопления материала, в т.ч. нуклеусов и орудий (рис. 16).

Раскоп XX меньше, чем раскоп XXII, и выявить здесь какую-либо структурированность в характере залегания артефактов труднее. Кроме того, плотность залегания находок здесь ниже, чем на других раскопанных участках. Орудия и нуклеусы в раскопе XX образуют две отдельные зоны, в раскопе XXII – одно скопление в кв. Е-І 3.

Вследствие воздействия постдепозиционных процессов нельзя утверждать, что материал залегает *in situ*, и трудно определить, как повлияла на положение находок солифлюкция. Следует, однако, подчеркнуть, что артефакты имеют «свежие» поверхности (иногда слегка патинированные); возможен как ремонт сломанных изделий, так и технологические реконструкции.

Заключение

Сравнение семи поздних среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов двух памятников позволило выявить различия в степени их сохранности, в их функциях, пространственной организации, характере эксплуатации сырья и человеческого поведении. Соответствующая слою II стоянки Князя Жозефа небольшая (несколько (?) кратких посещений людьми) специализированная мастерская по производству пластин с ее четкими границами, очагом и очень малым рассеиванием в пространстве изделий, соединяемых посредством ремонта, резко контрастирует с отложившимся в слое III крупным поселением, которое характеризует высокая плотность залегания находок, сложная пространственная организация, разнообразные тех-

нологические схемы и поведенческие модели. На последнем поселении производились разные операции по расщеплению кремня, интенсивно использовался огонь, а посещения стоянки были как кратковременные, так и продолжительные (расстояние между изделиями, соединяемыми посредством ремонта, как правило, небольшое или среднее; встречаются изделия с признаками длительного использования). В Пекарах IIa пространственная организация следов человеческого обитания менее выразительна (отчасти вследствие постдепозиционных нарушений) и позволяет восстановить лишь очень незначительную часть картины. Тем не менее на разных его участках установлены две независимые технологии (представлены в слое 7a – отщеповая и нелеваллуазская пластинчатая). В целом слои Пекар IIa можно рассматривать как остатки стоянок-мастерских вне мест выходов источников сырья.

Благодарности

Это исследование стало возможным благодаря финансовой поддержке в виде грантов Национального фонда научных исследований (Льежский университет), Министерства науки и культуры Бельгии (МО/38/003 и МО/38/010 Королевские музеи искусств и истории), Польского комитета научных исследований (Ягелонский университет), а также стипендиям, полученным одним из авторов (К. Собчик) от Министерства науки и культуры Бельгии (Королевские музеи искусств и истории) и Национального фонда научных исследований (Льежский университет).

Авторы благодарят Р. Миллер за помощь в редактировании английской версии этой статьи и рецензентов за ценные замечания.

Список литературы

- Bernard-Guelle S., Porraz G.** Amincissement et débitage sur éclat: définitions, interprétations et discussion à partir d'industries lithiques du Paléolithique moyen des Préalpes du nord françaises // *Paleo.* – 2001. – Vol. 13. – P. 53–72.
- Cziesla E.** On refitting of stone artefacts // *The Big Puzzle International Symposium on Refitting Stone Artefacts. Studies in Modern Archaeology* / Eds. E. Cziesla, S. Eickhoff, N. Arts, D. Winter. – 1990. – Vol. 1. – P. 9–44.
- Delagnes A.** L'industrie lithique de la série B du Pucueil // *Paléolithique moyen en pays de Caux (Haute-Normandie). Le Pucueil, Etuttevill: deux gisements de plein air en milieu loessique* / Eds. A. de Delagnes, A. Ropars. – P.: Maison des Sciences de l'Homme, 1996. – P. 59–130. – (Documents d'Archéologie Française; N 56).
- Kalicki T., Budek A.,** 2004, Paleolithic Site at Piekary in the Vistula River Valley Near Cracow: New Stratigraphical and Micromorphological Data // *The Geoarchaeology of River Valleys, Archeolingu. Ser. Minor, Budapest* / Eds. H. Dobrzańska, J. Erzsebet, T. Kalicki. – 2004. – Vol. 18. – P. 87–104. – (Archeolingu, Ser. Minor; vol. 18).
- Mercier N., Valladas H., Froget L., Joron J-L., Reyss J-L., Balescu S., Escutenaire C., Kozłowski J., Sitlivy V., Sobczyk K., Zieba A.** Luminescence dates for the palaeolithic site of Piekary IIa (Poland): comparison between TL of burnt flints and OSL of a loess-like deposit // *Quaternary Science Reviews.* – 2003. – Vol. 22. – P. 1245–1249.
- Roebroeks W., Kolen J., Van Poecke M., Van Gijn A.** Site «J»: an early Weichselian (Middle Palaeolithic) flint scatter at Maastricht-Belvedere. The Netherlands // *Paleo.* – 1997. – Vol. 9. – P. 143–172.
- Sitlivy V., Sobczyk K., Morawski W., Zięba A., Escutenaire C.** Piekary IIa Palaeolithic Industries: Preliminary Results of a New Multidisciplinary Investigations // *Préhistoire Européenne.* – 1999a. – Vol. 15. – P. 45–64.
- Sitlivy V., Sobczyk K., Kalicki T., Escutenaire C., Zięba A., Kaczor K.** The New Palaeolithic Site of Księcia Józefa (Cracow, Poland) With Blade and Flake Reduction // *Préhistoire Européenne.* – 1999b. – Vol. 15. – P. 87–111.
- Sitlivy V., Sobczyk K., Escutenaire C., Kalicki T., Kolesnyk A., Kozłowski J., Mercier N., Tisnerat-Laborde N., Valladas H., Zieba A.** Late Middle and Early Upper Palaeolithic complexes of Cracow region, Poland // *Acts of the XIVth Congress of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique supérieur. The Upper Palaeolithic. General Sessions and posters.* – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 305–317. – (BAR International Series; N 1240).
- Sitlivy V., Zieba A.** Eastern and Central Europe before 30 kyr BP: Mousterian, Levallois & Blade industries // *Kabazi II: 70.000 Years Since the Last Interglacial. The Palaeolithic sites of Crimea* / Eds. V. Chabai, J. Richter, T. Uthmeier. – Simferopol, Cologne: Shlyakh, 2006. – Vol. 2. – P. 361–419. – (The Paleolithic sites of Crimea; vol. 2).
- Sitlivy V., Zieba A., Sobczyk K.** The Middle-to-Upper Palaeolithic transition in Cracow region // *Hugo Obermaier-Gesellschaft für Erforschung des Eiszeitalters und der Steinzeit e.V. 48. Tagung in Köln, 18–22 April 2006.* – Köln: [n.p.], 2006. – P. 29–30.
- Valladas H., Mercier N., Escutenaire C., Kalicki T., Kozłowski J., Sitlivy V., Sobczyk K., Zięba A., Van Vliet-Lanöe B.** The Late Middle Palaeolithic blade technologies and transition to the Upper Palaeolithic in Southern Poland: TL dating contribution // *Eurasian Prehistory.* – 2003. – Vol. 1, N 1. – P. 57–82.

Материал поступил в редколлегию 19.01.07 г.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Введение

Понятия «керамика охотского типа», «охотская культура» впервые были использованы японскими археологами в начале XX в. для обозначения чего-то выходящего за рамки общей археологической периодизации истории Японского архипелага, того, что на севере Хоккайдо резко отличалось от культур дзёмон или сацумон. В связи с накопившимися на сегодняшний день новыми данными назрела необходимость пересмотра понятия «охотская культура» [Василевский, 2006]. Попытаемся дать свое видение ситуации на основе собственного анализа материалов второй половины I – начала II тыс. н.э. с Сахалина, Хоккайдо, из Приамурья, Северо-Западного Приохотья.

Современное прочтение охотской культуры

Исследованием охотской культуры занимаются в основном российские и японские исследователи. Первые «керамика, не имеющая веревочного орнамента» была обнаружена еще в 1890 г. Сирота Камэдзиро на о-ве Рэбун у северной оконечности о-ва Хоккайдо [Накамура Ицуки, 1979, с. 58]. В 1913 г. Ёнэмура Киёси назвал глиняные изделия, найденные на памятнике Моёро у г. Абасири, керамикой типа моёро [Кикиути Тэцуо, 1972, с. 5]. В 1932 г. Сугияма Суэо для керамики с Курильских островов, а также Хоккайдо и Сахалина дал обобщенное название «керамика хоккай» [1932, с. 432–437]. В 1933 г. Коно Хиромити для керамики этого региона вводит определение «керамика охотского типа», которое и закрепилось на многие

годы. По находкам с Моёро он выделил четыре группы керамики [Коно Хиромити, 1933, с. 19–20]. Керамика группы А имела оттиски гребенчатого и фигурного штампов, группы В – резной орнамент и насечки, группы С – волнообразный налепной валик, группы Д – лапшевидные налепные полоски. Сосуды первых трех групп найдены в нижнем, а четвертой – в верхнем слоях. После Коно Хиромити предпринимались попытки дать другие названия охотской керамике. Так, Сугихара Сёсукэ предлагал название «керамика охотского побережья» [Накамура Ицуки, 1979, с. 59], а Баба Осаму, исследовавший охотские памятники в северной части Курильских островов, использовал термин «керамика хоппо» (северная керамика) [Кикиути Тосихико, 1995, с. 34].

В основе всех имеющихся на сегодняшний день периодизаций данной керамики лежит периодизация Ито Нобуо, созданная в 1930-е гг. для находок с Южного Сахалина. Он выделил следующие, последовательно сменявшиеся на его взгляд, типы керамики, которые в дальнейшем увязывались с «охотской культурой»: сусуя, товада, эноура-В, эноура-А, минамикайдзука и хигаси-тарайка; их названия происходят от японских топонимов на Сахалине [1942, с. 19–44]. В настоящее время среди японских археологов нет единства по поводу периодизации охотской культуры [Усиро Хироси, 1991, 1995; Фудзимото Цуёси, 1966; Маэда Усио, 1987]. Одни относят к ней все типы керамики и отсчет ведут от сусуйского типа, другие считают, что началу охотской культуры соответствует керамика типа товада.

В советский период в России охотская культура, имевшая протонивхские корни, определялась нача-

лом I тыс. до н.э. – серединой II тыс. н.э. [Васильевский, Голубев, 1976]. Сейчас в российской археологии доминирует мнение, что охотская культура представляет собой этнокультурную совокупность последовательно хронологически (V в. до н.э. – XIII в. н.э.) и географически соседствовавших культур – сусуйской, онкороманной, товада и собственно охотской культуры. А в последней А.А. Василевским в 1999 г. выделены еще сахалинский и хоккайдский варианты и тобинитай [с. 129–133]. Однако в дальнейшем исследователь, учитывая сходство в гончарстве охотской и мохэской культур, предметов материкового происхождения на Сахалине и Хоккайдо, выступил с положением об охотской культуре как об островном варианте мохэской [2005б].

Типы керамики охотской культуры

Кратко охарактеризуем типы керамики, которые были выделены и отнесены к охотской культуре Ито Нобуо, а также археологами последующих поколений (см. *таблицу*).

Керамика типа сусуя. Представлена кругло-, остро- и плоскодонными сосудами без горловины, с широким открытым устьем. Орнамент состоит из различных композиций, исполненных оттисками шнура или гребенчатого штампа. Памятники с данной керамикой в настоящее время выделяются в отдельную сусуйскую культуру. Они связаны с традициями культур эпидзёмон, датируются периодом от V–IV вв. до н.э. (юг Сахалина) до II–V вв. н.э. (юг Сахалина, север Хоккайдо). По мнению Ямаура Киёси, сосуды типа сусуя на севере Хоккайдо в отличие от сахалинских не украшены гребенчатым орнаментом [1985, с. 57]. Однако данный орнамент имеется на керамике, обнаруженной на памятниках на севере Сахалина и в устье Амура. Это керамика типа эсутору [Ниикока Такэхико, 1970] и типа 1а (памятник Хандуза) [Там же], которая в российской археологии входит в керамические комплексы набильской культуры [Василевский и др., 2005]. Учитывая отсутствие гребенчатого орнамента на сосудах с Хоккайдо, можно предположить, что влияние керамики набильской культуры на юге Сахалина начало проявляться во II в. н.э. Возможно, что ее распространение в этой части острова было связано с вытеснением некоторых племен с севера носителями польцевской культуры.

Керамика типа товада. Слабопрофилированные сосуды, орнаментированные проколами под краем венчика и резными линиями с насечками. Данная керамика бытовала в V–VI вв. на юго-западе Сахалина и севере, северо-востоке Хоккайдо. По нашему мнению, она, судя по морфологическим отличиям от сусуйской керамики и керамики типа эноура, является прояв-

лением самостоятельной культуры. На юго-востоке о-ва Сахалин в это время, возможно, продолжали жить люди, изготавливавшие керамику типа сусуя [Шубина, 1999, с. 238].

По мнению Ямаура Киёси, керамика типа товада своим происхождением обязана материковым культурам [1985, с. 61]. Возможно, она каким-то образом связана с охотничьими племенами, представлявшими самаргинскую культуру, керамика которой имеет сквозные отверстия или наколы под краем венчика [Дьяков, 1982]. Это предположение не лишено основания – финал самаргинской культуры, согласно последним исследованиям в Северо-Восточном Приморье [Дьякова, Дьяков, 2000], стыкуется с мохэским периодом, т.е. совпадает с появлением на Сахалине керамики товада. Вместе с тем нельзя исключать возможность формирования керамики типа товада на основе керамики тымского типа, которая бытовала на Сахалине в I тыс. до н.э.*

Керамика типа эноура. Вдоль южного побережья Охотского моря вплоть до северной части Курильских островов находятся памятники VII–IX вв. с керамикой типа эноура, которую мы склонны относить к первой фазе развития охотской культуры (рис. 1). Отдельные ее образцы фиксируются даже на севере Хонсю [Судзуки Кацухико, Тэрада Токухо, 1993]. Поскольку на севере Курильских островов керамика тобинитай, минами-кайдзука, сацумон не обнаружена [Игараси Кунихиро, 1989], то вполне вероятно, что в том районе традиция изготовления керамики типа эноура сохранялась до XIII в. Считается, что основой формирования гончарной традиции эноура являются керамические традиции найфельдской группы мохэской культуры [Като Симпэй, 1975; Кикиути Тосихико, 1995]. Однако не исключено, что в ее основе лежат гончарные традиции польцевской культуры. На такую возможность указывают и японские исследователи [Кикиути Тосихико, 1995, с. 109–110].

На северо-западном побережье Охотского моря среди материалов токаревской культуры и раннего железного века [Лебединцев, 1990] имеется керамика, аналогичная керамике типа эноура-В (стоянка Спафарьева) и эноура-А (стоянка Кухтуй VIII) [Дерюгин, 2006].

В устьевой зоне Амура выделена тэбахская культура [Копытько, 1989], которая, по нашему мнению, является лишь локальным вариантом охотской культуры. Среди ее материалов наряду с керамикой типа эноура представлена группа керамики тэбахского типа – слабопрофилированные сосуды с наlepным валиком под венчиком, штамповым орнаментом по горловине и вафельными оттисками по тулову.

*Керамика тымского типа выделена по результатам исследований в 2006 г.

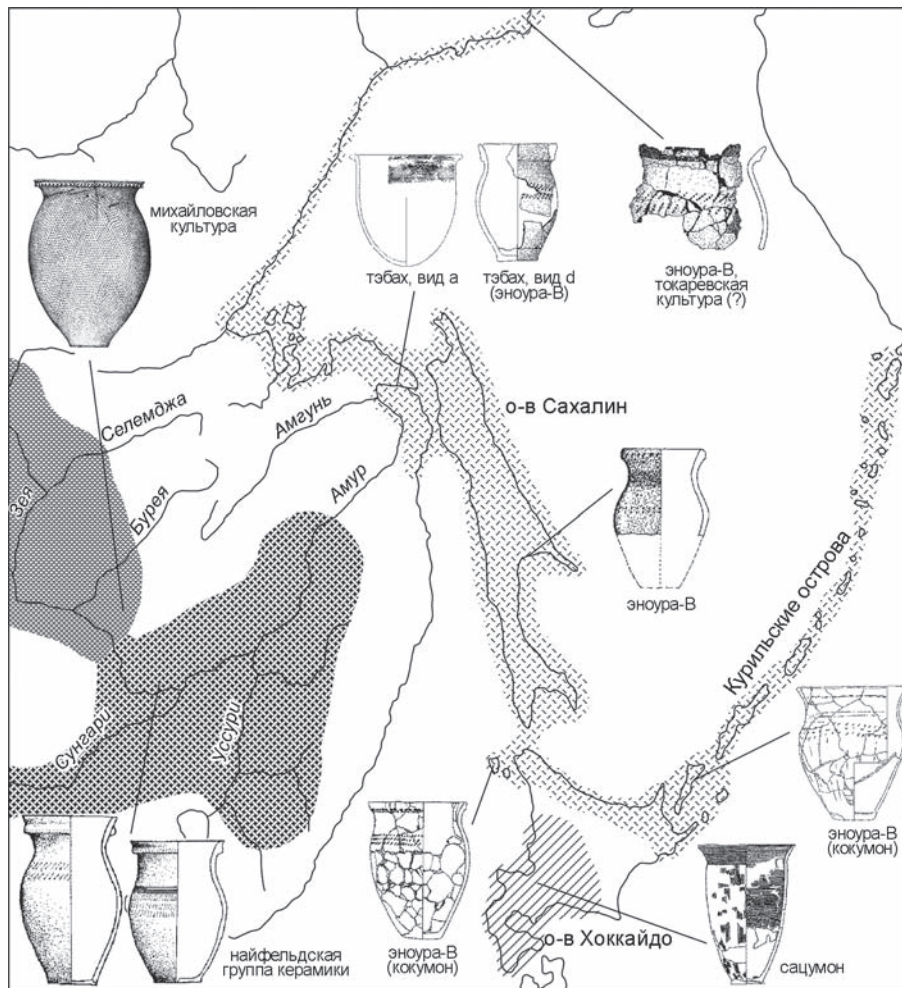

Рис. 1. Распространение основных керамических традиций в Приамурье и Охотоморье в VII в.

Ее особенностью (вид а) является круглое дно. Впоследствии традиции керамики тэбахского типа сливаются с традицией керамики эноура, в результате чего формируется поздняя керамика типа эноура-3, которая зафиксирована на Амуре [Дерюгин и др., 2003, с. 121, 127], Сахалине [Кумаки Тосиаки, 2004, с. 73], в Северо-Западном Приохотье [Дерюгин, 2006, с. 149].

Керамика типа эноура-В, которая представлена горшковидными сосудами, часто украшенными гребенчатыми оттисками по тулову и наlepным валиком под краем венчика, бытовала достаточно непродолжительное время. По-видимому, она связана с каким-то единичным проникновением на острова обитателей материка.

Уже с VIII в. в силу разбросанности пришлого населения на широкой территории, от устья Амура до северных Курильских островов, проявляются локальные различия, что ярко видно на примере трансформации керамики типа эноура. На Хоккайдо в данной гончарной традиции отмечен переход от рез-

ной и штамповой орнаментации (кокумон) к развитию налепного орнамента (сомэммон).

Среди исследователей утвердилось мнение о связи охотской культуры с морскими зверобоями, хотя остеологические данные указывают на то, что основой хозяйства носителей охотской культуры было морское рыболовство. По расчетам Нисимото Тоёхиро, их рацион питания, согласно материалам памятника Кабукаи, по калорийности на 80 % состоял из морской рыбы [Охоцуку..., 1982, с. 100–101]. Не стоит завышать роль свиноводства у охотского населения на Хоккайдо. Подавляющее количество костей свиньи обнаружено лишь на памятниках Кабукаи и Фунадомари на о-ве Рэбун [Ямада и др., 1995, с. 74], самом близком островке к Сахалину, тогда как на остальных охотских памятниках обнаружено менее 3 % костей этого животного от общего числа найденного остеологического материала.

Погребения охотской культуры на Хоккайдо представлены неглубокими могильными ямами прямо-

угольной формы. Черепа ориентированы обычно на северо-запад. При раскопках на памятнике Моёро в ящике из плоских камней отмечено погребение останков кремации [Охоцуку..., 1982, с. 64]. Носители охотской культуры накрывали лицо покойника камнем или перевернутым вверх дном сосудом. В захоронениях часто находят изделия материкового происхождения, например, каменные и металлические части комбинированных ушных сережек, стеклянные бусы, наконечники металлических копий, мечи с прямой рукоятью, детали наборных поясов и т.д. Многие из них аналогичны материалам культур Приамурья VII – начала XI в. [Кикути Тосихико, 1995, с. 292–300].

Керамика типа минами-кайдзука. Поздний период охотской культуры представлен различными вариантами керамики типа минами-кайдзука в виде слабопрофилированных сосудов со штамповым и резным орнаментом, относимой к середине IX – XIII в. (рис. 2). Ее ареал включает весь Сахалин и устье Амура (вид f тэбахской культуры). Керамика типа минами-кайдзука по происхождению связана, по-видимому, со станковой керамикой покровской культуры [Дерюгин, 1998]. Но в ее основе лежат гончарные традиции эноура и керамики тэбахского типа. Подобная керамика имеется и в Северо-Западном Приохотье среди материалов древнекорякской культуры со стоянки Станюковича [Дерюгин, 2006]. На Хоккайдо керамика типа минами-кайдзука найдена только на памятнике

Уэннай; в сосуде с поселения Чито-Н [Удзиэ Тосифуми, 1995] можно видеть лишь смешение традиций сацумон и минами-кайдзука. Видимо, в X в. влияние на население Хоккайдо обитателей Сахалина полностью прекращается.

Керамика типа хигаси-тарайка. Толстостенные слабопрофилированные сосуды, украшенные защитными, резным, штамповым и лепным орнаментом. Распространена в Центральном и, возможно, на Южном Сахалине. Данная керамика залегает ниже слоя с керамикой минами-кайдзука [Федорчук, 1995]; радиоуглеродная дата с памятника Промысловое-2 указывает на бытование керамики хигаси-тарайка в конце VIII – начале IX в. [Федорчук, 1998, с. 151].

Керамика типа моточи. На самом севере Хоккайдо зафиксирована керамика смешанного типа, получившая название по местности Моточи на о-ве Рэбун [Оои Харуо, 1972]. Толстостенные сосуды с отогнутым наружу венчиком оформлены резным и штамповым орнаментом. По некоторым предположениям, эта керамика появилась у охотского населения в IX в. с приходом на северные островки носителей культуры сацумон [Кабукай-5..., 1999, с. 159–167]. Время ее бытования, видимо, было непродолжительным.

Керамика типа тобинитай. В позднем периоде охотской культуры на северо-востоке Хоккайдо и на юге Курильских островов ассимилированные носителями культуры сацумон остатки охотского населе-

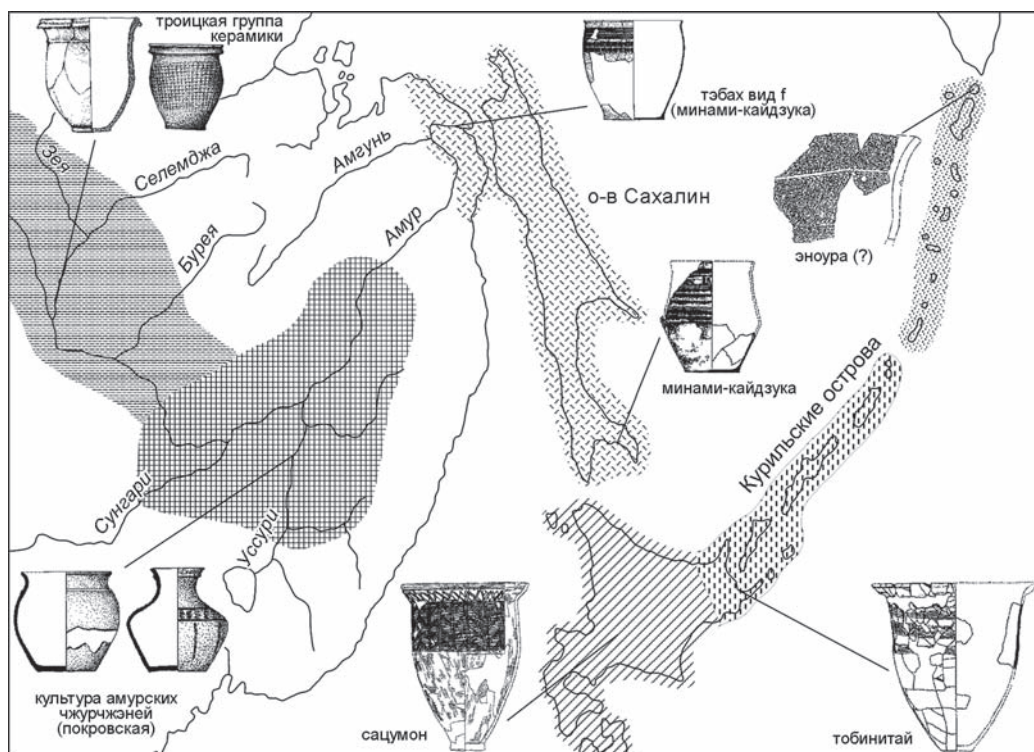

Рис. 2. Распространение основных керамических традиций в Приамурье и Охотоморье в IX–X вв.

ния дали начало культуре тобинитай [Кикиути Тэцуо, 1972]. Пока не установлено, какое население было доминирующим в процессе ее сложения.

Керамика тобинитай X–XIII вв. представлена высокими слабопрофилированными горшками и невысокими кубками. Горшки двух видов: а) с выраженной горловиной и прямым отогнутым венчиком, характерные для охотской культуры; б) без выраженной горловины с рельефным венчиком, как у изделий культуры сацумон. Наблюдается совмещение принципов орнаментации. Выпуклый декор из горизонтальных рядов тонких волнистых налепных полос т.н. лапшевидного орнамента, присущего поздним охотским сосудам, сочетается с типично сацумонским орнаментом из чередующихся наклонных и пересекающихся резных линий.

В домостроительстве также наблюдается смешение традиций культур сацумон и охотской. Отмечены жилища как пятиугольные в плане с расположенным в центре очагом с каменной обкладкой (охотская традиция), так и квадратные в плане, имеющие очаг с обкладкой или печь типа камадо (сацумон).

Хозяйственный уклад носителей культуры тобинитай преимущественно такой же, как у охотского населения. Доминировали рыбный промысел и добыча морского зверя. Однако на памятниках данного этапа развития охотской культуры на Хоккайдо отсутствуют кости свиньи и предметы, которые можно было бы отнести к материковым изделиям [Наката Юка, 1996, с. 149–151]. По-видимому, в этот период наступила временная стабилизация населения Хоккайдо; основные торговые пути проходили вдоль западного побережья острова, что вызвало некоторую изоляцию носителей культуры тобинитай.

Таким образом, изучение средневековой керамики показывает, что т.н. охотская культура распадается на ряд культур, которые, кроме схожих принципов хозяйствования, обусловленных существованием в одной экологической нише, практически ничего общего между собой не имеют. По нашему мнению, собственно охотскую культуру представляет керамика, связанная с гончарной традицией эноура (ранний период) и минами-кайдзука (поздний период).

Локальными вариантами конца первого периода охотской культуры следует считать керамику типов хигаси-тарайка и моточи. Культура тобинитай может считаться самостоятельной в силу сильных трансформаций, но она генетически связана с ранним периодом охотской культуры. Керамика тэбахского типа в устье Амура является инокультурным явлением, но население, изготавливавшее ее, было вовлечено в процесс формирования охотской культуры. Керамику типов сусуя и товада следует считать проявлением отдельных культур, т.к. сменяющая их керамика типа эноура не имеет с ними ничего общего.

Этническая принадлежность носителей охотской культуры

Сложным для решения остается вопрос об этническом составе носителей охотской культуры. Гипотеза об алеуто-эскимосских корнях [Befu, Chard, 1964, р. 11–13] в настоящее время не поддерживается исследователями. Японские археологи склоняются в основном к двум предположениям. Первое высказано Фудзимото Цуёси: культуры, предшествовавшие охотской периоду эпидзёмон, связаны с предками айнов, а культура сусуя на севере Хоккайдо и юге Сахалина восходит к культурам эпидзёмона [1966, с. 28–44]. Об айнской основе в формировании популяций охотского населения высказывались и российские ученые [Шубин, 1977, с. 7]. На наш взгляд, данное предположение правомерно лишь в отношении носителей сусуйской культуры. Согласно второму предположению, развитие охотской культуры связано с миграцией населения с Приамурья.

Китайские летописи сообщают, что в VII в. Сахалин населяло племя люгуй, в XIII в. – другие племена: цилими, кувэй, юлиань [Охоцуку..., 1982, с. 66–67, 86, 194]. Представителями культуры сацумон на Хоккайдо, по мнению большинства специалистов, были предки айнов [Утагава Хироси, 1988]. По поводу этнической принадлежности носителей охотской культуры имеются разные суждения. Есть мнение, что охотскую культуру представляли протонивхи, генетически тесно связанные с неолитическими племенами нижнего Амура [Васильевский, Голубев, 1976]. Кикиути Тосихико поддерживает эту гипотезу, считая, что носители охотской культуры (люгуй и цилими, по данным китайских летописей) являются предками нивхов [1995, с. 155–169]. Однако относительно племени люгуй имеются и другие мнения. А.А. Васильевский, основываясь лишь на фонетическом сходстве названия народа в китайских хрониках и самоназвания народов северной части побережья Охотского моря, приходит к выводу, что люгуй по языку и происхождению близки к корякам и чукчам [1999, с. 132].

Еще первые исследователи охотской культуры отмечали влияние на ее формирование континентальных культур. С точки зрения Ёсида Садаёси, носителями охотской культуры были тунгусские племена сушеней, которые испытали влияние со стороны айнов и эскимосов (см.: [Накамура Ицуки, 1979, с. 58, 61, 62]). Б.О. Пилсудский высказывал предположение о том, что носители охотской культуры – легендарные тончи – по происхождению связаны с тунгусоязычными сушенями [1991, с. 97–99]. Оно было подвергнуто критике [Васильевский, Голубев, 1976, с. 35]. Однако в пользу гипотезы Б.О. Пилсудского свидетельствуют результаты краниологических исследований, а также сообщения японских летописей о приезде мисихасэ

(сушень) на о-в Садо еще в 544 г. [Судзуки Ясутами, 1996, с. 46], хотя, по китайским источникам, сушени обитали в Приморье и на нижнем Амуре в III–IV вв. [Хигути Кадзуси, 1996, с. 80–81]. Согласно краниологическим материалам с Хоккайдо, Сахалина и Южных Курил, охотское население периода эноура не соотносится с современными нивхами или айнами, но очень близко по своим параметрам к современным ульчам и нанайцам [Спеваковский, 1989; Исида Хадзимэ, 1991; Исида Хадзимэ, Ёнэмура Тэцухидэ, 1993; Ishida Hajime, 1994], т.е. к байкальскому краниологическому типу. Возможно, население, генетически связанное с носителями охотской культуры и имевшее древние тунгусские корни, продолжало жить на севере Курильских островов вплоть до Нового времени. Первые европейцы, посетившие эти острова, отмечали сходство их жителей именно с тунгусами [Георги, 1999, с. 131].

Среди аргументов в пользу гипотезы о происхождении охотского населения от представителей найфельдской группы мохэской культуры особого внимания заслуживают краниологические серии из Западного Приамурья. Череп из могильника Шапка, относящегося к найфельдской группе памятников мохэской культуры конца VII – IX в., соотносимой с племенами хэйшуй мохэ, принадлежат не байкальскому, а дальневосточному типу монголоидов [Чикишева, Нестеров, 2000]. Череп же из Троицкого могильника в Западном Приамурье, который, как считается, служил местом погребения сумо мохэ, соотносится с байкальским типом [Алексеев, 1980, с. 106–130]. Если носители охотской культуры на Сахалине и Хоккайдо восходят к найфельдской группе, то почему их краниологические признаки характерны для черепов троической группы, а не найфельдской? Ответ на данный вопрос в настоящее время отсутствует.

Согласно китайским хроникам XIII в., на заключительном этапе охотской культуры на Сахалине среди народа цилими жили и оленеводы бэйшань ежэнь [Охоцуку..., 1982, с. 193]. О том, что в охотское время население Амура занималось оленеводством, свидетельствуют петроглифы у бывшего стойбища Май, которые стилистически соотносятся с материалами тэбахской культуры. По мнению А.П. Окладникова, оленеводческие племена, оставившие майские петроглифы, возможно, мигрировали на Амур со стороны бассейна Ангара ок. X в. [1971, с. 130]. Это предположение было поддержано нами, но на основании современных представлений о времени существования керамики тэбахского типа время выхода оленеводческих племен на Амур было удревнено до VI–VII вв. [Дерюгин, Косицына, 1999]. А.А. Василевский, исходя из анализа расположения летних и зимних стойбищ на севере Сахалина, допускает, что оленеводство было в охотское (тэбахское) время [2005а, с. 135].

Для нас предпочтительнее выглядит гипотеза о полиэтничном составе носителей охотской культуры (см.: [Дерюгин, 2002]). Однако нельзя обойти вниманием мнения об охотской культуре как о «локальных мохэских археологических культурах» и о «метисной мохэско-айнской культуре тобинитай» [Василевский, 2005б, с. 75]. Айнский компонент у носителей культуры тобинитай присутствует, т.к. имеются достаточно убедительные доказательства принадлежности культуры сацумон, которая послужила основой для формирования культуры тобинитай, предкам айнов. Но использование в отношении охотской культуры этнонима мохэ, который, как показали исследования в Западном Приамурье [Древности Буреи, 2000], применяется к различным этническим группам, считаем несколько преждевременным.

Заключение

Вносимые ранее в типологию охотской культуры памятники с керамикой типа сусуя и товада, судя по их морфологическим отличиям от керамики последующего периода, представляют самостоятельные культуры. Понятие «охотская культура» следует связывать с населением, которому принадлежала гончарная традиция эноура. Памятники с керамикой типа минами-кайдзука следует отнести к позднему этапу развития охотской культуры, т.к. имеется преемственность между керамикой этого типа и керамикой типа эноура. Выделяемые некоторыми исследователями культуры (например, тэбахская), которые сосуществовали с охотской культурой, можно считать лишь локальными вариантами последней. Некоторые локальные типы керамики (например, хигаси-тарайка, моточи), связанные с гончарной традицией эноура, требуют более детального изучения.

Носители охотской культуры представляют разные этносы, но часть их была связана с тунгусами, мигрировавшими на побережье Охотского моря из Приамурья. Среди охотского было и местное островное население, о чем можно судить по динамике разнообразных локальных вариантов керамики типа эноура.

Поддерживая предположение о найфельдских истоках гончарной традиции эноура, мы не можем согласиться с трактовкой охотской культуры как «локальной мохэской археологической культуры». Существенные различия между этими культурами, которые проявлялись в погребальном обряде, домостроении, хозяйственном укладе и были обусловлены экологическим своеобразием их ареалов, не позволяют говорить о присутствии в Охотоморье мохэской культуры. Чтобы объяснить наличие общих элементов в охотской и мохэской культурах, требуется органи-

зовать дополнительные исследования в Северо-Восточном Приамурье, где должны были происходить контакты между этими двумя культурами.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106–130.
- Василевский А.А.** Охотская проблема и ее современное прочтение в России и Японии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 129–133.
- Василевский А.А.** Стратегия адаптации в деятельности человека в условиях островных экосистем // Северная палеоантропология – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: Мат-лы Междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». – Магадан: Изд-во Север. междунар. ун-та, 2005. – С. 135–138.
- Василевский А.А.** Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой // Movement in Medieval North-East Asia – people, material, goods, technology: Vladivostok International Symposium. – Vladivostok, 2005. – Vol. 1. – P. 67–76.
- Василевский А.А.** К понятию «охотская культура» // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 246–248.
- Василевский А.А., Грищенко В.А., Кашицын П.В., Федорчук В.Д.** Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) // Уч. зап. Сахалин. гос. ун-та. – 2005. – Вып. 5. – С. 48–56.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Георги И.Г.** Курильцы (курильские айны) // Айну миндзоку канрэнкэнкю ронбунхонякусю (Сборник переводов исследований по айнской тематике). – Нэмуру: Хоппо бунка кэнкюкай, 1999. – С. 127–134 (на яп. яз.).
- Дерюгин В.А.** Керамика «тэбахского типа» // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 71–80.
- Дерюгин В.А.** Охотоморская культурная общность? (эпизод первый) // Зап. Гродековского музея. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3. – С. 53–66.
- Дерюгин В.А.** Керамика Северо-Западного Приохотья, сопоставимая с материалами тэбахской и охотской культур // Пятые Гродековские чтения: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий». – Хабаровск: Хабар. кр. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2006. – Ч. 1. – С. 148–156.
- Дерюгин В.А., Косицына С.Ф.** Относительно керамического изделия с изображением всадников, найденного на поселении Чля-3 // Project Amur. – Цукуба: Цукуба дайгаку тиики кэнкюка, 1999. – С. 84–87 (на яп. яз.).
- Дерюгин В.А., Денек А.Б., Роганов Г.В., Косицына С.Ф.** Раскопки на поселении Аэропорт в устье Амура // Амуро-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. – Хабаровск: Хабар. краевед. музей, 2003. – С. 111–144.
- Древности Бурей** / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Дьяков В.И.** Куксинская стоянка и ее значение для выделения самаргинской археологической культуры // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 62–70.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И.** Новые исследования в долине реки Самарги // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 27–34.
- Игараси Кунихиро.** Керамика охотского типа на Курильских островах // Нэмуроси хакубуцукан кайсэцубисицу киё. – 1989. – № 3. – С. 9–37 (на яп. яз.).
- Исида Хадзимэ.** Череп периода охотской культуры с памятника Осенная на о-ве Рэбун // Кокурицу кагаку хакубуцукан сэмпо. – 1991. – № 24. – С. 149–154 (на яп. яз.).
- Исида Хадзимэ, Ёнэмура Тэцухидэ.** Кости человека охотского периода из пещеры Омагири-7 у г. Абасири // Кокурицу кагаку хакубуцукан сэмпо. – 1993. – № 26. – С. 143–149 (на яп. яз.).
- Ито Нобуо.** Периодизация керамики доисторического периода Карафутто // Ёсида Садакити хакасэ цуто кинэн кокуси ронсю (Сборник статей по истории государства, посвященный памяти проф. С. Ёсида). – Токио: Дайтосёкан, 1942. – С. 19–44 (на яп. яз.).
- Кабукаи-5** исэки хаккуцу тэса хококусё (Памятник Кабукаи-5: Отчет о раскопках 2). – Рэбун: Рэбунтё кёикуинкай, 1999. – 260 с. (на яп. яз.).
- Като Симпэй.** Переправившись через пролив Мамия // Этоносу. – 1975. – № 4. – С. 40–52 (на яп. яз.).
- Кикүти Тосихико.** Хокуто Адзиа кодай бунка-но кэнкю (Исследование древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: Хоккайдо дайгакутосё канкокай, 1995. – 544 с. (на яп. яз.).
- Кикүти Тосихико.** Охотская культура // Сирой куни но ута. – 1998. – № 5. – С. 4–13 (на яп. яз.).
- Кикүти Тэцуо.** О группах керамики тобинитай // Токоро. – Токио: Токё дайгаку бунгакубу, 1972. – С. 447–461 (на яп. яз.).
- Коно Хиромити.** Группа керамики охотского типа // Хоккайдо гэнси бунка сюэй (Развитие первобытных культур Хоккайдо). – Сайкава: Сайкава кайхэн, 1933. – С. 19–20 (на яп. яз.).
- Копытько В.Н.** Тэбаховская культура (некоторые результаты исследований) // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. – С. 24–28.
- Кумаки Тосиаки.** Ситуация с исследованием керамики на Сахалине // Сахарин-кара Хокуто Нихокайики-ни окэру кодай, тьосэй корюси-но кокогакутэки кэнкю (Археологические исследования торговых путей в древности и средневековье между Сахалином и северо-восточными районами Японского архипелага). – Саппоро: Ун-т Хоккайдо, 2004. – Т. 1. – С. 73–80 (на яп. яз.).
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 258 с.
- Маэда Усио.** Хоппо сюрёмин но кокогаку (Археология северных зверобоев). – Токио: Досэйся, 1987. – 291 с. (на яп. яз.).
- Накамура Ицуки.** История исследований охотской культуры до 1955 года // Хоккайдо кокогаку. – 1979. – № 14. – С. 57–68 (на яп. яз.).

Наката Юка. Развитие древнего общества на Хоккайдо и культурные связи в X–XIII вв. // Кодай Эдзо но сэкай то корю (Культурные связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 141–168 (на яп. яз.).

Нииока Такэхико. Заметки о доисторической керамике бывшей территории Карафутто // Хоккайдо кокогаку. – 1970. – № 6. – С. 1–14 (на яп. яз.).

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Оои Харуо. Относительно охотской керамики с памятника Моточи на о-ве Рэбун // Хоппо бунка кэнкю. – 1972. – № 6. – С. 1–36 (на яп. яз.).

Охоцуку бунка но сёмондай (Проблемы охотской культуры) / Под ред. Харуо Оои. – Токио: Гакусэйся, 1982. – 226 с. (на яп. яз.).

Пилсудский Б.О. Аборигены Сахалина. – Южно-Сахалинск: Сахалин. отд-ние Советского Фонда культуры, 1991. – 109 с.

Спеваковский А.Б. Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов // СЭ. – 1989. – № 5. – С. 50–63.

Сугияма Суэо. Керамика с «медвежьим» орнаментом // Дзинриугаку дзасси. – 1932. – № 347–11. – С. 432–437 (на яп. яз.).

Судзуки Ясугами. Связи древнего Эдзо с окружающим миром // Кодай Эдзо-но сэкай то корю (Связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 13–72 (на яп. яз.).

Судзуки Кацухико, Тэрада Токухо. Охотская керамика, впервые обнаруженная на Хонсю // Хоккайдо кокогаку. – 1993. – № 29. – С. 21–28 (на яп. яз.).

Удзиэ Тосифуми. Заметки о керамике типа минамикайдзука // Хоккайдо кокогаку. – 1995. – № 31. – С. 229–240 (на яп. яз.).

Усири Хироси. Некоторые проблемы хронологии охотской культуры // Хоккайдо кайтаку кинэнкан кэнкю нэмпо. – 1991. – № 19. – С. 23–52. (на яп. яз.).

Усири Хироси. Хронологические сопоставления изменений в охотской культуре // Кита но рэкиси бунка корю кэнкю дзигё (Исследования по культурным и историческим связям с Севером). – Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1995. – С. 45–62 (на яп. яз.).

Утагава Хироси. Айну бунка сэйрицуси (История становления айнской культуры). – Саппоро: Хоккайдо сьоппан кикаку сэнта, 1988. – 376 с. (на яп. яз.).

Федорчук В.Д. Археологические исследования Поронайского историко-этнографического музея в 1993–1994 гг. // Вестн. Сахалин. музея. – 1995. – № 2. – С. 29–48.

Федорчук В.Д. Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалин. музея. – 1998. – № 5. – С. 143–162.

Фудзимото Цуеси. Об охотской керамике // Кокогаку дзасси. – 1966. – № 51–4. – С. 28–44.

Хигути Кадзуси. Эмиси-ватарисима // Кодай Эдзо-но сэкай то корю (Связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 73–102 (на яп. яз.).

Чикишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 458–462.

Шубин В.О. Локальный вариант охотской культуры на о-ве Сахалине: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1977. – 21 с.

Шубина О.В. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-часи на Южном Сахалине // Вестн. Сахалин. музея. – 1999. – № 6. – С. 227–252.

Ямада Горо, Хиракава Ёсинага, Кобаяси Юкио, Усири Хироси, Сато Такахиро. Находки материкового происхождения с памятников охотской культуры // Кита но рэкиси бунка корю кэнкю дзигё (Исследования по культурным и историческим связям с Севером). – Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1995. – С. 65–80 (на яп. яз.).

Ямаура Киёси. Доисторическая керамика Карафутто. 1 // Кокогаку дзасси. – 1985. – № 71–1. – С. 44–68 (на яп. яз.).

Befu H., Chard Ch. S. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk sea // American Antiquity. – 1964. – Vol. 30, № 1. – P. 3–14.

Ishida Hajime. Skeletal morphology of the Ohkotsk people on Sakhalin island // Anthropol. Sci. – 1994. – № 102. – P. 257–269.

Материал поступил в редколлегию 18.01.07 г.

УДК 903.2

В.И. Молодин, Н.С. ЕфремоваИнститут археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РоссияE-mail: bronz@us.nsc.ru
Efremova@archaeology.nsc.ru100-летию академика
Алексея Павловича Окладникова
посвящаем**КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС КУЙЛЮ (КУЧЕРЛА-1):
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА****...Исторический процесс имеет свои закономерности, преемственность и непрерывность традиций на протяжении тысячелетий. В настоящем есть всегда элементы прошлого и будущего.*

А.П. Окладников [1967, с. 58]

Введение

Одна из главных задач археологического исследования – реконструкция на основе предметов материальной культуры комплекса представлений, которыми человек ушедшей эпохи руководствовался в бытовой и духовной жизни. Этот комплекс во многом определял оформление самобытности этноса в целом, формировал специфические черты общности. Незаменимым источником, позволяющим воссоздать мировоззрение людей прошлого, является памятник, сочетающий в себе следы материальной и духовной культуры, – культовое место-жертвенник под наскальными изображениями. Данный тип исторического источника, введенный в научный оборот О.Н. Бадером в середине XX в. [1954], зафиксирован во многих регионах России [Окладников, 1955, с. 100–104; Савватеев, 1970; Кочмар, 1994; Мазин, 1994; Тиваненко, 1989, 1994; и др.].

Исследования выполнены в рамках Программы фундаментальных исследований «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Для территории Горного Алтая святилище-жертвенник – редкость. В литературе отмечались случаи обнаружения артефактов у подножия сосредоточения петроглифов (см., напр.: [Фролов, Сперанский, 1967; Цхай, 1989]). Кучерлинский культовый комплекс (рис. 1) открыт в 1939 г. В.И. Шемелевым [Хороших, 1947, с. 30], первое исследование петроглифов на нем производилось Е.П. Маточкиным [Маточкин, 1988]. Святилище, известное также как грот Куйлю, расположено в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай. Оно отличается мощностью культурных слоев, в которых обнаружены многочисленные находки; это ставит его в ряд уникальных. Археологически данный памятник изучен полностью (рис. 2); отдельные аспекты исследования освещены в ряде работ [Деревянко, Молодин, 1991; Молодин, 1996, 2005; Молодин, Ефремова, 1996б, 1997а, б, 2005; и др.]. Культурные слои памятника содержат остатки эпохи ранней и развитой бронзы, раннего железа, средневековья и этнографического времени. Параллельно с их формированием на скалу наносились изображения, что в совокупности, по-видимому, и определяло характер мистерий, проходивших на этом месте [Молодин, Ефремова, 2005]. В настоящей

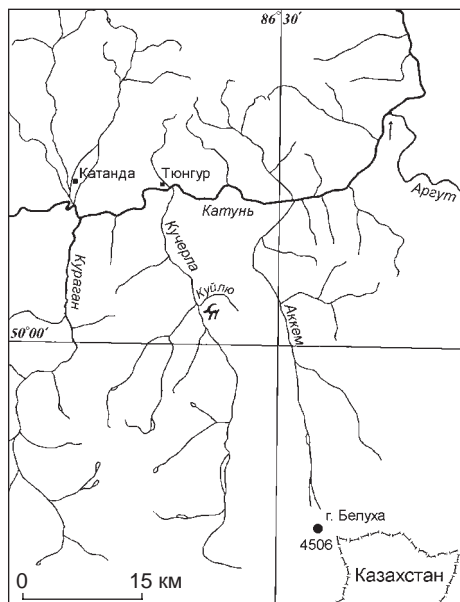

Рис. 1. Местоположение святилища Куйлю (Кучерла-1).

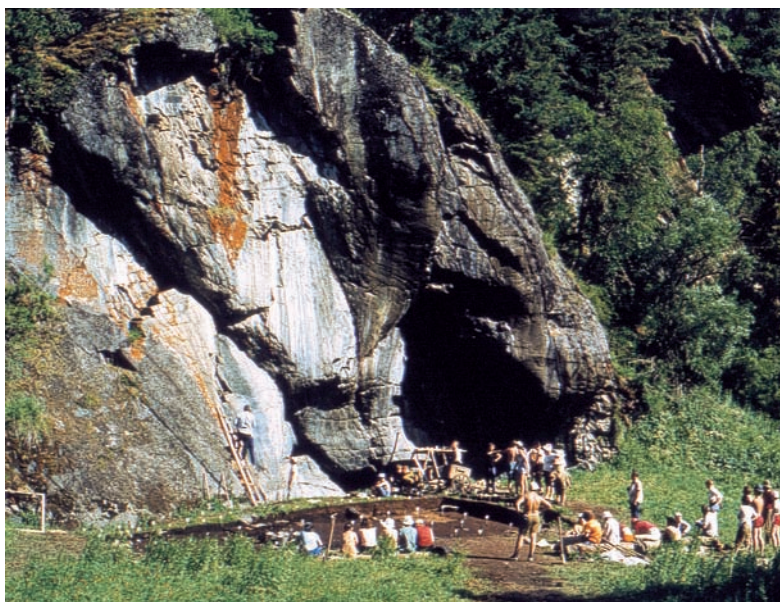

Рис. 2. Процесс исследования культурных слоев. Вид на скалу с северо-востока.

статье нам представляется важным не только провести анализ культовой практики каждой эпохи, получившей отражение на памятнике, но и рассмотреть преемственность этой практики фактически (с существенными перерывами) на протяжении пяти тысячелетий.

Результаты исследования

Выявление доказательств связи культурных слоев памятника с наскальными изображениями помогает

Рис. 3. Каменные очаги в культурном слое эпохи раннего железа.

установить, сопровождалось ли нанесение петроглифов на скалу обрядами, следы которых обнаруживаются в культурных слоях памятника в виде артефактов и остеологического материала (в данном случае перед нами разные проявления культовой практики, дополняющие друг друга), или же процессы создания наскальных изображений и накопления культурных слоев проходили автономно. Кроме того, установление этой взаимной зависимости обуславливает объективность интерпретации сути явления. Семантическое значение последнего, как показывает историография, может быть различным. Так, по данным этнографии, на Нижней Олекме (Якутия) подношения-жертвы перед скалами предназначаются духам – посредникам в общении охотника с хозяйкой леса и тайги. Согласно представлениям древних эвенков, местом обитания божества являются не скалы с петроглифами, а скальные останцы, около которых установлены шэнкэны – деревянные идолы [Алексеев, 1978, с. 49]. В других регионах жертвенниками были скалы с рисунками; об этом же свидетельствуют характер комплекса и обнаруженные здесь артефакты.

Культурные слои Кучерлинского святилища находятся на компактной площадке перед останцем с петроглифами; они частично перекрывают последние. Сам каменный останец представляет собой огромную плоскость с отрицательным уклоном; он образует плавно профилированный навес, пригодный как для нанесения на нем петроглифов, так и для сооружения под ним площадок, удобных для любых видов деятельности человека.

Раскопки выявили наличие четырех основных горизонтов, относящихся к афанасьевскому времени,

эпохам раннего железа, средневековья и этнографической современности. Эпохой бронзы датируется незначительная доля (от общего количества находок) фрагментов глиняных сосудов [Молодин, Ефремова, 2001]. Единичные предметы связаны с эпохой раннего средневековья. В других слоях широко представлены остеологический и керамический материалы. Отмечены артефакты, выполненные из камня, бронзы, железа, кости и рога. Здесь же имелись очаги (рис. 3) и участки прокаленной почвы. Интересно, что характер освоения площадок человеком в разные эпохи был в общем схож.

Кости животных подвергнуты пищевой утилизации; набор остеологических остатков специфичен: преобладают кости конечностей и черепов, встречаются лопатки. Велика доля рогового сырья – щепы, пластин, члененных роговых отростков марала. Некоторые кости имели явные следы обработки. Из рога и кости сделаны заготовки изделий, в основном наконечников стрел. Самая значительная доля остеологического материала принадлежит группе козлов-баранов (*Capra-Ovis*) – 3 229 костей и фрагментов как минимум 305 особей*: в слое афанасьевской культуры их представлено соответственно 175/11, эпохи раннего железа – 1 861/198, средневековья – 917/62, этнографическом слое – 276/34. Обнаружено 2 987 костей марала (*Cervus elaphus*) как минимум 84 особей: в слое афанасьевской культуры – 171/5, эпохи раннего железа – 1 511/30, средневековья – 915/32, этнографическом слое – 300/14 (без привязки к слою учтено 90 костей как минимум трех особей). Костей косули (*Capreolus pygargus*) выявлено 1 451 шт./46 особей: в слое афанасьевской культуры – 48/4, эпохи раннего железа – 444/15, средневековья – 886/22, этнографическом слое – 61/4 (без указания слоя – 12/1). Костей коровы (*Bos taurus*) зафиксировано 573 шт./34 особей: в слое афанасьевской культуры – 23/2, скифской эпохи – 384/22, средневековья – 127/7, этнографическом слое – 22/2 (без указания слоя – 17/1). Костей лошади (*Equus caballus*) отмечено 1 432 шт./29 особей: в слое афанасьевской культуры – 70/3, эпохи раннего железа – 690/13, средневековья – 560/8, этнографическом слое – 77/3 (без указания слоя – 35/2). Таким образом, можно сделать вывод об изменениях приоритетов видового состава жертвенных животных, использовавшихся при проведении ритуалов.

В эпоху ранней бронзы доминирующими жертвенными животными являлись козлы-бараны (как минимум 11 особей). Эта тенденция сохранялась и в последующие эпохи, достигая апогея в скифское время: животные данной группы наиболее часто использовались в качестве жертвы (как минимум 198 особей). В средние века численность принесенных в жертву ба-

ранов и козлов постепенно снижается (62 особи в эпоху средневековья, до 34 – в этнографический период). Причиной может быть ослабление интенсивности использования святилища, по сравнению с эпохой раннего железа (это нашло отражение в стратиграфической колонке памятника: слой скифского времени является наиболее мощным и насыщенным находками).

Доля остеологических остатков марала меньше, а в отложениях скифского времени значительно меньше, чем доля козлов-баранов. Наибольший удельный вес марала в качестве жертвенного животного соответствует средневековью (32 особи: афанасьевская эпоха – 5, эпоха раннего железа – 30, этнографический период – 14). По-видимому, к этому времени трансформировалась значимость марала в иррациональных взглядах охотников, в результате чего частота принесения этого зверя в жертву также возрастала (для сравнения: соотношение остеологических остатков маралов и козлов-баранов в эпоху средневековья – 1 : 2, в скифское время – 1 : 6). Подобная динамика просматривается по остеологическим остаткам косули; для названных периодов характерен постепенный рост количества жертвенных животных до эпохи средневековья включительно (4 – 15 – 22 особи), затем в этнографический период количество костей косули уменьшается (4 шт.).

Количество остеологических остатков лошади и коровы во все эпохи, за исключением скифского времени, практически одинакова и исчисляется единицами (семь-восемь особей в средние века). В эпоху раннего железа корова в качестве жертвенного животного использовалась почти в 2 раза чаще, чем лошадь (13 и 22 особи соответственно).

Среди остеологического материала в гораздо меньшем объеме отмечены остатки еще нескольких видов копытных (кабарга, сибирский горный козел, архар, верблюд), хищников (лисица, волк, рысь, соболь, медведь), грызунов и птиц. Согласно результатам анализа встречаемости костей животных по слоям, случаи принесения в жертву представителей указанных, за исключением горного козла, во все эпохи единичны. Это объяснялось, возможно, трудностью промысла. Добыча, полученная по счастливой случайности, в благодарность за удачную охоту могла быть принесена на святилище.

Присутствие в остеологическом материале большого количества остатков домашних животных (козлы-бараны, корова, лошадь) объясняется тем, что именно скот и продукты скотоводства были основным видом жертвы у тюркских народов [Данилов, 1995, с. 96; Петри, 1918, с. 236]. Алтайским духам-покровителям охоты могли жертвовать как домашних, так и диких (овцы, лошади, горные козлы) животных [Потапов, 1929, с. 144]. Возможно, на Кучерлинском святилище нашел отражение обмен: продукты ско-

*Определение канд. биол. наук С.К. Васильева.

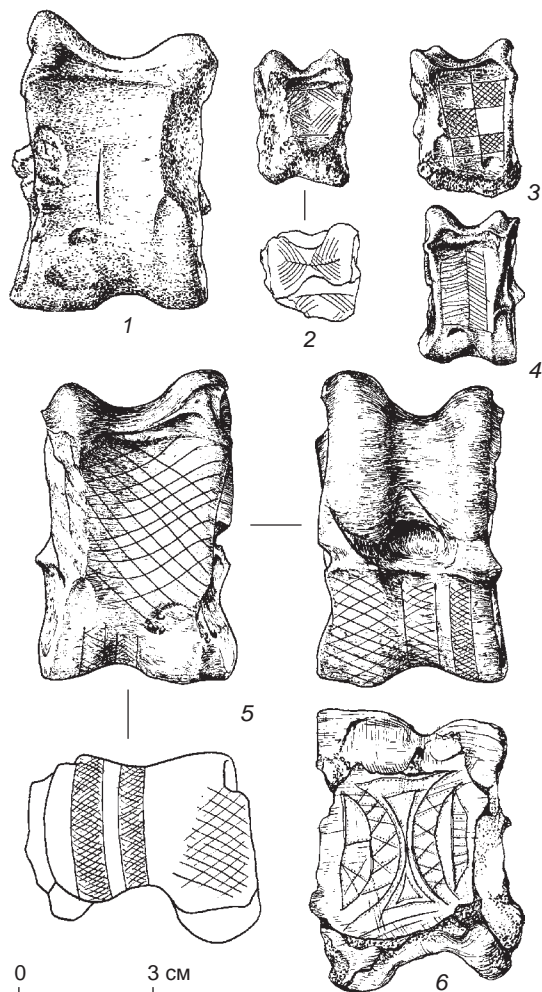

Рис. 4. Астрагалы с орнаментом из культурных горизонтов афанасьевской эпохи (1), эпохи раннего железа (2–4), средневековья (5, 6).

товодства приносили в жертву духу-хозяину в обмен на получение охотничьей добычи. Существование подобного принципа в жертвоприношении уже отмечалось у народов Восточной Сибири [Жамбалова, 1991, с. 140].

Еще одна категория находок, характеризующая все эпохи, которые представлены на памятнике, – фрагменты глиняной посуды. Керамический комплекс насчитывает более 1 тыс. фрагментов; из них ок. 75 % составляют находки из слоя раннего железного века, в т.ч. фрагменты сосуда большереченского облика с неординарной зооморфной орнаментацией [Молодин, Ефремова, 1996а]. Среди общей массы керамического материала отмечено лишь четыре развала сосудов (один в слое афанасьевского времени, три в слое эпохи раннего железа), однако эти сосуды реконструируются не полностью. Отдельные фрагменты не позволяют определить даже профиль сосудов. Таким образом,

можно говорить об отсутствии археологически целых сосудов, поскольку всю посуду, вероятно, целенаправленно разбивали в ходе ритуальных действий.

Среди обнаруженных артефактов необходимо отметить еще две группы находок. Одну из них составляют астрагалы (рис. 4) в основном копытных животных – марала, коровы, косули, барана и козла; имеется несколько свиных альчиков. Всего обнаружено 177 астрагалов, из них 35 орнаментированных. Количественно альчики распространены по выделенным культурно-хронологическим горизонтам неравномерно. Наиболее насыщенным является слой эпохи раннего железа – 114 шт., из них 24 орнаментированных. В слое эпохи позднего средневековья насчитывается 54 астрагала (девять орнаментированных), в слое афанасьевской эпохи – девять астрагалов (два орнаментированных). Не зафиксировано ни одного четко локализованного скопления; во всех культурных слоях астрагалы располагались обособленно. Орнаментальные мотивы на альчиках представлены насечками, прочерченной сеткой – прямой или диагональной, шахматным узором, геометрическим елочным орнаментом и др. Особый интерес вызвал астрагал со схематичным изображением козла – одного из главных персонажей петроглифов святилища и, по-видимому, проводившихся перед ним ритуальных мистерий.

Орнаментированные астрагалы, обнаруженные в культурных слоях различных эпох, ярко демонстрируют семантическую близость обрядовой практики, что, несомненно, свидетельствует о преемственности традиции. Уже приходилось отмечать двойственную сущность подобных предметов (игральная кость – амулет) [Молодин, Ефремова, 1998], бытовавших в различные эпохи на огромных пространствах Евразии (в т.ч. в Сибири) вплоть до этнографической современности. Весьма плодотворна, с нашей точки зрения, идея Б.Г. Петерс о двойном семантическом предназначении астрагалов. «Мгновенно приходящая возможность выигрыша способствовала тому, что изображение астрагалов стало символом везения и удачи, амулетом счастья и, кроме того, оберегом, отвращающим дурной глаз» [Петерс, 1986, с. 81]. Многочисленные астрагалы, оставленные у подножия Кучерлинской скалы с рисунками, могли нести именно такую семантическую нагрузку; они были призваны способствовать воспроизводству животных и удачной охоте.

Вторая группа находок – наконечники стрел и заготовки для них (рис. 5). Найдены 16 наконечников из кости и рога (один наконечник выполнен из железа), а также десять заготовок. Наконечники как черешковые, так и втульчатые, причем последние (5 шт.) представляют собой томары. По слоям наконечники стрел распределялись следующим образом: наиболее древний, афанасьевский, культурный горизонт – два;

горизонт эпохи раннего железа – десять наконечников и девять заготовок; слой эпохи средневековья – три наконечника, в т.ч. железный, одна заготовка и фрагмент шарика-свистунка, являющегося, по-видимому, составляющей охотничьей стрелы; этнографический слой – один наконечник. Данные предметы, демонстрируя очевидную преемственность традиции использования стрел в ритуальных целях, могли быть связаны тесным образом с обрядовой практикой представителей разных эпох. Разумеется, обряд мог проявляться в различных формах (от стрельбы из лука по наскальным изображениям до изготовления наконечника и оставления последнего на святилище). Перечисленные артефакты, остеологический и керамический материал позволяют сделать вывод о тесной связи культурных слоев с наскальными изображениями.

Первым доказательством взаимосвязи культурных напластований с петроглифами можно считать компактное расположение культурных отложений под скальной плоскостью с рисунками. Формирование культурных слоев памятника началось на аллювиальной гальке крупных и средних размеров, уровень слоя которой понижается по мере удаления от скалы. У скалы галечник образует всхолмление высотой до 0,8 м, связанное с изменением русла реки, такие уступы в настоящее время фиксируются у берегов поймы. Изображения нанесены на скальную поверхность, обращенную на запад; солнце полностью выходит из-за хребта и освещает интересующую нас площадку только после полудня. Сама долина мало пригодна для постоянного обитания ввиду незначительной ширины, большой влажности (рис. 6), а местами заболоченности, однако она очень удобна для занятий отгонным скотоводством и охотой. Постоянная сырость, сохраняющаяся до полудня, обеспечивает стабильный травостой; здесь и в настоящее время пасут овец при перегоне на высокогорные пастбища. Кроме того, по сообщениям информаторов, даже в самые засушливые годы в долине было достаточно корма для скота. Относительная труднодоступность долины, а также обильные солонцы обеспечили сохранение здесь различных видов фауны, традиционно являвшихся объектами охотничьего промысла местного населения.

Стратиграфическая колонка памятника мощностью 1,5 м (рис. 7) и компактное планиграфическое распространение культурных слоев свидетельствуют, таким образом, не о бытовом, а, скорее, о культовом использовании данной территории. Исследованный участок представляет собой неправильный прямоугольник общей площадью ок. 387,5 м². Мощный комплекс слоев в центральной части площадки перед наскальными рисунками постепенно истощался к периферии памятника. Та же тенденция характерна и для распределения находок.

Рис. 5. Наконечник стрелы из слоя средних веков (железо).

Рис. 6. Долина р. Кучерла.

О рассматриваемой взаимосвязи свидетельствует и тот факт, что петроглифы в центральной части памятника перекрыты культурным слоем. Более того, в слое скифского времени были найдены два обломка скалы с изображениями копытных животных, идентичными имеющимся на скале петроглифам эпохи раннего железа. Таким образом, деятельность человека, обусловившая формирование культурных слоев, в течение веков связывалась именно с этой узко локализованной площадью в непосредственной близости от наскальных изображений.

Четкие соответствия находит хронологическая дифференциация культурных отложений и составляющих палимпсеста, что позволяет уточнять дату наскальных изображений, сохраняющих стилистичес-

Рис. 7. Стратиграфический разрез культурных горизонтов святилища Куйлю (Кучерла-1).

кие особенности в течение длительных периодов. Петроглифы на скале располагаются широким фризом, скальная поверхность разделена на грани естественными трещинами; в эти природные «рамки» вписаны как отдельные изображения, так и композиции. Было зафиксировано 17 граней; одна из них – центральная подтреугольная скальная поверхность – выглядит

«алтарной» частью святилища (рис. 8). Все рисунки можно разделить на четыре группы в соответствии с эпохами. Каждую группу характеризует своя степень патинизации: самые ранние изображения имеют особый зеленоватый «загар», у поздних рисунков более светлый «загар», у палеоэтнографических он отсутствует. Наиболее ранний пласт представлен изображениями трех маралов, занимающими верхнюю центральную часть скалы (рис. 9) [Молодин, 1996]. Это самые крупные рисунки писаницы, выделяющиеся также стилистически. Учитывая археологический контекст, в частности наличие афанасьевского слоя, композиция может датироваться эпохой ранней бронзы.

Основная часть петроглифов относится к скифскому времени и представлена изображениями маралов, козлов, баранов. Дату определяют стилистические особенности изображений – характерная поза «на цыпочках», завитки на голове оленей, изображение оленя с клювовидной мордой (рис. 10, 11). Многие одновременные рисунки образуют палимпсесты. Весьма вероятно, что культовый комплекс

Рис. 8. «Алтарная» часть святилища.

Рис. 9. Петроглифы афанасьевской культуры.

Рис. 10. Петроглифы скифского времени. «Алтарная» часть святилища.

Рис. 11. Петроглифы скифского времени.
Фрагмент композиции. Грань 2.

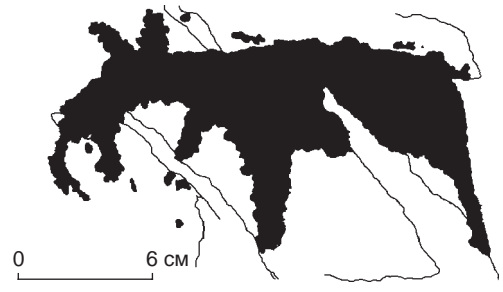

Рис. 12. Изображение раненого животного.
Фрагмент композиции. Грань 14.

функционировал на протяжении всего скифского времени: имеются как стилистически различные изображения, так и композиции, объединенные общей сюжетной линией, семантику которых еще предстоит реконструировать.

Комплекс функционировал, по-видимому, непродолжительное время в гуннскую эпоху. Это предположение подтверждают отдельные находки и дата, полученная по гуминовым кислотам.

К средневековью относится несколько изображений козлов, лошадей, лучника, отличающихся по стилю и степени «загара» камня от основной массы рисунков. Выбивка производилась, как правило, металлическим инструментом, иногда поверх более древних рисунков. Часто поверхность выбивки полностью либо частично шлифована. Животные переданы как в статичных позах, так и в динамике. Выбитые линии, черточки, примыкающие к туловищам отдельных животных, призваны показать поражение зверя каким-либо метательным оружием (рис. 12). Лучник в длинном халате (рис. 13) также может быть персонажем сцены охоты на зверя.

Изображения пораженных животных и охотника связывает с культурным слоем наличие в нем наконечников стрел. Присутствие таких наконечников в каждом хронологическом горизонте памятника говорит прежде всего о древности неординарных воззрений на стрелу и о преемственности подобных взглядов у разных этнических групп, у которых одно из приоритетных мест в хозяйственном укладе занимала охота. На площадке перед рисунками изготавливались стрелы: в культурных слоях залегают заготовки для наконечников из рога, а также роговая щепка. Подобные стрелы могли изготавливаться специально для принесения в жертву – некоторые недостаточно обработанные наконечники не могли использоваться в промысле. На северо-востоке Европы сходство с кучерлинскими петроглифами и изображениями на сосудах имеют плоские кремневые скульптурки в виде птиц, пресмыкающихся и рыб. Они определяются как наконечники культовых стрел, служивших для умерщвления жертвенных животных. Данные кремневые изображения

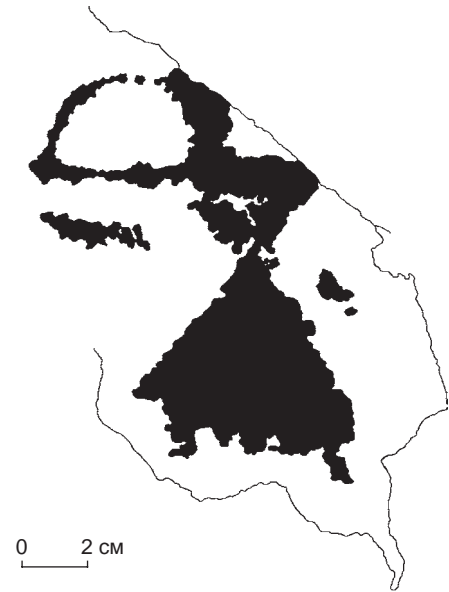

Рис. 13. Изображение лучника. Грань 13.

рассматриваются также в качестве функционального аналога петроглифов [Замятин, 1948, с. 112–113]. Учитывая присутствие в сюжетах наскальных изображений пораженных стрелами зверей, нам представляется возможным интерпретировать найденные стрелы как атрибуты культов, связанных с промысловой магией, а именно с обеспечением охотничьей удачи либо с жертвоприношением духу-хозяину скалы. Отсутствие острия у большинства найденных стрел также свидетельствует, скорее всего, о ритуальном назначении этих орудий охоты: они «поражали» изображенных на скале животных и гарантировали таким образом успех. Вероятно, считалось, что охотничьей удаче способствовали колдовские приемы, основанные на законе подобия, т.н. гомеопатическая, или имитативная, магия [Фрэзер, 1986, с. 19]. У остяцких шаманов, например, магическое действие над изображением имело целью «улавливание» души намеченного объекта, облегчавшее убийство самого животного. Магический акт включал изготовление изображения

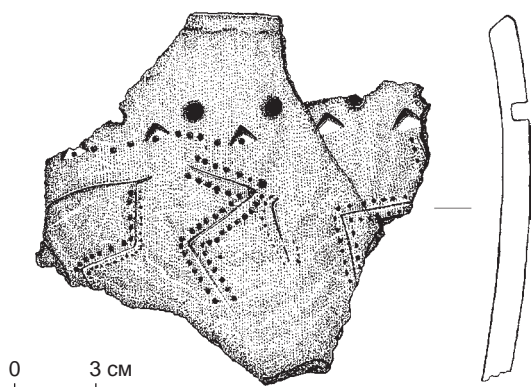

Рис. 14. Фрагмент сосуда с изображением козлов.

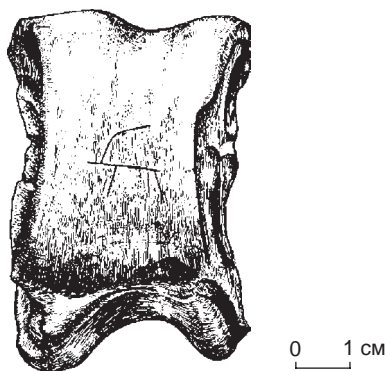

Рис. 15. Астрагал с изображением козла.

животного и ритуальный выстрел в него. Считалось, что душа зверя вселялась в изображение, «улавливалась» и подчинялась шаману [Вяткина, 1949, с. 422].

Взаимосвязь рисунков с культурным слоем жертвенника подчеркивается также иконографией изображений и видовым составом животных, установленным по остеологическому материалу, среди которого преобладают остатки копытных – козлов, маралов, косули, лошади. В наскальных изображениях фигуры козлов составляют также наибольшую группу – 81 рисунок. Такая же связь просматривается в представительности костей и изображений марала – 41 рисунок. Образ косули запечатлен в 12 изображениях, лошади – в трех. Отмечены единичные фигуры хищников, что соответствует единичным костным остаткам.

И, наконец, особую категорию находок составляют артефакты, декорированные изображениями животных, аналогичными сюжетам петроглифов. Например, фигурки козлов отмечены на уже упоминавшихся фрагменте сосуда (рис. 14) и астрагале (рис. 15). Уникальные процарапанные изображения козлов эпохи раннего железа нанесены на небольшие

роговые пластинки – вероятно, заготовки изделий (рис. 16). В повторяющихся образах и композициях на скалах и предметах, возможно, скрыт более глубокий смысл, нежели в обыденных изображениях объектов охоты. Так, антропоморфные фигуры на позднеэнеолитическом сосуде и аналогичные рисунки на писаницах Среднего Урала связываются с известными на данной территории мифологическими повествованиями, значимыми для больших коллективов [Кокшаров, 1990]. Животные, приносившиеся в жертву на площадке перед петроглифами, возможно, не только были объектами подношения духам, но и использовались в ином качестве. Например, чукчи изображают кровью или охрой зверей на магических дощечках, которые служат для «размножения» животных; считается, что с помощью этой крови звери оживут, приобретут жизненную силу и получают реальное воплощение [Окладников, 1955, с. 107]. Такие обряды, включающие создание рисунков и известные у многих народов, имеют древние корни. В Швеции, например, как считают специалисты, наскальное искусство связано с местами совершения обрядов промыслового культа. Рисунки здесь находятся на крутых скальных склонах или вблизи крутых обрывов и порогов. Даже при отсутствии артефактов под писаницами наскальное искусство Швеции рассматривается как результат отправления различных ритуальных обрядов, совершавшихся в течение нескольких тысяч лет [Форсберг, 2002, с. 114].

Нанесение рисунка на скалу могло быть своеобразной молитвой в камне. Отмечена двойственная направленность промысловых культов – чтобы обеспечить охотничью удачу и размножение поголовья добываемых зверей [Окладников, 1955, с. 106]. Стремление к сохранению природного равновесия во все времена являлось частью охотничьей этики и, по-видимому, также могло быть связующим звеном в предметности ритуальных действий на памятнике. Тогда животные, приносимые в жертву перед скалой, олицетворяли благодарность за удачный промысел, кости при этом оставались в распоряжении милостивого духа-хозяина – владельца зверей, который мог вернуть им жизнь. Кости и шкура связывались с душой зверя; через первые можно было влиять и на второе [Штернберг, 1936, с. 304]. Бережное отношение к костям жертвенных животных не раз отмечалось исследователями [Руденко, 1953, с. 341]. Кости оставляли в священном месте, возможно, и с другой целью – чтобы напомнить божеству о принесенной жертве [Зеленин, 1934, с. 10].

Культовое действо, возможно, состояло из двух частей: «молитвенной», проводившейся перед охотой, и «благодарственной», следовавшей за промыслом. Согласно этнографическим данным, наскальные изображения могли быть «обещанием жертвы» духу-

хозяину: «случается, что кто-нибудь... не может сразу обеспечить назначенное в жертву животное или не хочет его давать, пока не убедится в помощи духа, добившись успеха... По Гондатти, вогул в таких случаях делает из бересты фигурку обещанного животного и хранит ее в жертвенной коробке, пока не достанет настоящее животное» [Карьялайнен, 1996, с. 64]. Сходные взгляды могли иметь и древние охотники, оставлявшие жертвы на Кучерлинском святилище, поскольку налицо как изображения животных (на скалах и артефактах), так и реальная охотничья добыча, представленная остеологическим материалом (кости маралов, горных козлов и др.).

Кучерлинское святилище отражает, таким образом, совокупность существовавших до этнографической современности промысловых ритуалов, имеющих сходство с ритуалами, бытовавшими у различных народов, как в объектах поклонения, так и в методах отправления культов. Петроглифы, артефакты и остеологический материал, обнаруженные в культурных отложениях Кучерлы-1, свидетельствуют о связи памятника с промысловой деятельностью древнего населения в разные исторические периоды. Следовательно, были причины, обусловившие отправления культов различными этническими группами на одном святилище.

Важно отметить местоположение культового места и петроглифов. У многих коренных сибирских народов с древности известно почитание естественных природных объектов – озер, рощ, источников, гор. Горы в мировоззренческой картине обитателей Алтая занимали особое место. Исследователи отмечают сложившийся у них в этнографический период культ гор [Потапов, 1946, с. 145–160; Ефремова, 2002]. Скалы необычной формы издавна были объектами поклонения и местами жертвоприношений. По верованиям алтайцев, как количество промыслового зверя и удача в охоте, так и рождение и здоровье детей зависели от духа родовой горы. В представлениях древнего населения скальные ниши являлись воплощением женского начала горы; отмечается также связь пещер с образом богини Умай [Мэнэс, 1986, с. 97; Сагалаев, 1991, с. 59]. Возможно, этим объясняется наличие скоплений петроглифов в скальных углублениях-нишах (что отмечено на Кучерлинском святилище); здесь обращались к горепокровительнице с просьбами об обилии и умножении промысловых животных. В этнографический период скалы с петроглифами почитаются большей частью не как физические объекты, а как места обитания сверхъестественного существа, духа-хозяина, оживотворяющего материальную природу [Харузин, 1905, с. 130]. В 50 м от скалы с петроглифами протекает ручей, который и сегодня почитается местными жителями (рис. 17, 18). У истоков ключа по сей день можно видеть приклады в виде светлых полосок ткани, привязанных к веткам кустов и деревьев. Вероятно, неслучайно в окрестностях

Рис. 16. Роговая пластина с изображением козла.

Рис. 17. Священный ручей.

Рис. 18. Исток ручья. Действующее святилище алтайцев рядом с культовым комплексом.

памятника был обнаружен железный котел гуннского времени [Бородовский, Новиков, 1999], использовавшийся, возможно, в обрядовой практике. По сведениям информатора Г.К. Чамтыева, вода источника обладает целебными свойствами. Химические исследования,

проведенные в Институте катализа СО РАН, показали высокое содержание в ней радона, широко применяющегося в современной медицине. (Воды, содержащие радон, используют при лечении заболеваний нервной и сердечно-сосудистой системы, органов дыхания и пищеварения, костей, суставов и мышц, гинекологических заболеваний, нарушений обмена веществ и др.) Вполне вероятно связь священного ручья с исследуемым памятником. Целебные ключи – аржаны – с древности привлекали к себе как человека, так и животных. Аржаны были объектами особого почитания; в отдельных районах духам-хозяевам источника приносили жертвы – овцу или шатра – фигурку зверя из сыра, олицетворявшую реального животного [Алексеев, 1980, с. 67]. Исследователями отмечена характерная для Сибири связь культового места не с архитектурным сооружением, а с неординарным природным объектом [Мартынова, Мартынов, 1987]. Наличие естественной живописной скальной ниши и целебного источника определило появление святилища именно на этом участке. Композиции из крупных фигур маралов, представляющие самый ранний пласт наскальных изображений, занимают центральные плоскости святилища. Следовательно, в афанасьевскую эпоху рисунки на скале могли быть одной из составляющих проводившихся ритуалов. В культурном слое этого времени отмечено восемь очагов, что свидетельствует об использовании при жертвоприношении огня. Как уже упоминалось, присутствуют также остеологический и керамический материалы, артефакты из кости, рога, камня и металла. Эти составляющие отправлявшегося кulta практически в неизменном виде представлены и в позднейших культурных слоях, наиболее ярко – в отло-

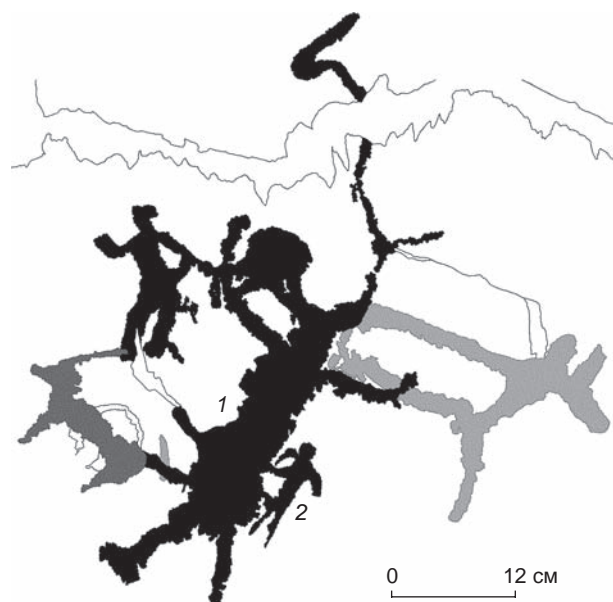

Рис. 19. Изображения камлающего шамана (1) и духа (?) (2). Фрагмент композиции. Грань 4.

жениях раннего железного века. Мы видим здесь, таким образом, проявление многовековых культовых традиций. Это изображения одних и тех же животных. Появившиеся на скалах как образы мифологических божеств и тотемных предков, они семантически трансформировались в обыденные объекты охоты. Происходит как бы утрата первоначального смысла ритуальных действий, что характерно для этнографического времени вплоть до современности (новые изображения выполняются на древних палимпсестах). Этнографами отмечено двойственное значение нанесения рисунков после удачной охоты. «...Остяк с Конды, убив большого зверя – медведя, оленя или бобра, вырезает изображение этого зверя на сосне у тропы... Однако эти изображения не имеют никакого религиозного значения – просто “люди должны видеть, что был убит такой зверь”» [Карьялайнен, 1996, с. 10]. Вместе с тем, «если иртышский остяк убил своего первого лося осенью, то он вырезает его фигуру на сосне вблизи деревни и даже готовит угощение... небесному богу» [Там же, с. 21]. Многие святилища-писаницы несут следы явного подновления древних петроглифов [Адрианов, 1888, с. 142]; это отмечено и на плоскостях рассматриваемого памятника на Кучерле. Следуя этнографическим аналогиям, подобные действия имели целью придать изображениям «свежие силы», возможно, «оживить» их [Формозов, 1969, с. 251]. Человек, подновлявший древний рисунок, был, таким образом, заинтересован в его «жизнеспособности», следовательно, был знаком с запечатленным образом и, вероятно, знал о его семантической нагрузке. Именно в прошлом человек искал решения многочисленных проблем, в т.ч. связанных с духовными исканиями [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 30]. Сообщества, объединенные природно-климатическими условиями и общностью территории, должны были иметь сходный комплекс мифологически закреплённых взглядов на окружающий мир и поведение в этом мире человека в рамках сложившейся формы хозяйственного уклада. Святилище могло быть местом передачи мифологических сказаний, этических норм, мастерства в промыслах от предков потомкам.

Ритуальные действия, внешне сходные у представителей различных эпох, возможно, имели разную смысловую нагрузку. Уже на пороге раннего средневековья у населения Алтая сосуществовали два направления в религиозной практике: тотемистический культ предков и аниматизм – оживотворение природы, культ гор, рек, озер [Гумилев, 1993, с. 79–80]. Однако институт шаманства и духов-помощников окончательно оформился только к XII в. [Там же, с. 85]. Это находит подтверждение в материалах исследуемого нами памятника. Здесь отмечено несколько антропоморфных изображений; возможно, так переданы образы шаманов (рис. 19, 1) и сопутствующих им духов (рис. 19, 2). Рисунки перекрывают ряд фигур животных и отличаются более светлой патиной.

В этой связи интересна точка зрения исследователей на изображения шаманских атрибутов, перекрывающие древние рисунки. Первые имеют функцию оберега от чужой, следовательно, чуждой и, возможно, враждебной магии [Боковенко, Еремин, Кулиmeeва, 1997, с. 47]. Изображения шаманского снаряжения перекрывают древние рисунки лишь частично; такое наложение трактуется не как уничтожение, а как подчинение чужого [Дэвлет, 1997, с. 115]. Что касается духов-помощников, то главным среди них у алтайцев считался олень (марал) [Соколова, 1972, с. 94].

Заключение

Образы зооморфных божеств Кучерлинского святилища были известны не только населению, запечатлевшему их, но и последующим обитателям Горного Алтая, которые продолжали использовать культовое место. Общность подобных изобразительных традиций подчеркивал Н.К. Рерих. «На темной скале в Кочурлинской долине были выбиты круторогие козлы. Рерих видел такие же петроглифы в Индии, китайском Синьцзяне, потом он увидит их в Монголии. Повторявшие друг друга и по стилю, и по технике исполнения, они свидетельствовали о каких-то общих путях родственных народов» [Шапошникова, 1998, с. 47]. С определенного времени общий тотемный предок на протяжении веков, возможно, обеспечивал преемственность культовых традиций, а местом передачи иррациональных знаний служило древнее родовое святилище. У нового населения возникают свои святилища [Славнин, 1990], которые при внешних отличиях от существовавших ранее культовых мест и синкретизме, выраженном в симбиозе элементов различных религиозных систем, сохраняют архаичные традиции, связанные с производственными культурами древности.

Древние традиции не утратили жизненной силы и в настоящее время благодаря преемственности в иррациональных знаниях. Охотники по-прежнему обращаются к традиционным божествам со своими просьбами. Удача часто считается посланием доброго духа. Магические обряды по-прежнему призваны обеспечить благополучие социума и воспроизводство природных ресурсов. Отправление охотниками ритуала жертвоприношения в Горном Алтае отмечено и в XX в. [Потапов, 1935, с. 143]. Преемственность культовых традиций обусловила сложный многовековой путь развития религиозных воззрений – от зооморфных божеств до аниматических духов-хозяев. В данной связи уместно подчеркнуть, что в этнической общности доминируют вертикальные, диахронные информационные связи [Арутюнов, Чебоксаров, 1972, с. 19], это, несомненно, способствовало устойчивости иррациональных традиций.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению РГО и его ЗСО // Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО. – Омск, 1888. – Кн. 8, вып. 2. – 144 с.
- Алексеев А.Н.** Новое о петроглифах Нижней Олекмы // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – С. 48–49.
- Алексеев Н.А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 318 с.
- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.** Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. – Т. 2. – М.: Наука, 1972. – С. 8–30.
- Бадер О.Н.** Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – Вып. 21. – С. 241–258.
- Боковенко Н.А., Еремин Л.В., Кулиmeeва В.К.** Шаманские символы и образы в наскальном искусстве (из фондов Хакасского республиканского национального музея-заповедника) // Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее. – Абакан: Изд-во ХакНИИИЯЛИ, 1997. – С. 45–48.
- Бородавский А.П., Новиков А.В.** Средневековый котел из долины реки Кучерла (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 288–295.
- Вяткина К.В.** Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // СМАЭ. – 1949. – Т. 12. – С. 417–484.
- Гумилев Л.П.** Древние тюрки. – М.: Тов-во «Клышников-Комаров и К°», 1993. – 528 с.
- Данилов С.В.** Жертвенный комплекс у села Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 92–101.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. – С. 3–7.
- Дэвлет М.А.** Палимпсесты – древняя символика // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 110–117.
- Ефремова Н.С.** Производственные культы – древность и современность (по материалам алтайских святилищ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 316–321.
- Жамбалова С.Г.** Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 174 с.
- Замятин С.Н.** Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. – 1948. – Т. 10. – С. 85–123.
- Зеленин Д.К.** Истолкование пережиточных религиозных обрядов // СЭ. – 1934. – № 5. – С. 3–16.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – Т. 3. – 264 с.
- Кокшаров С.Ф.** О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскаль-

ных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 79–83.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 264 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 102 с., 229 рис.

Мартынова Г.С., Мартынов А.И. К вопросу о культурных центрах и святилищах в археологии Сибири // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. – М., 1987. – С. 190–191.

Маточкин Е.П. Петроглифы грота Куйлю – памятник древнего искусства Сибири // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 80–88.

Молодин В.И. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 178–181.

Молодин В.И. Изображения животных на фрагментах рога святилища Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае // Мир наскального искусства. – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – С. 186–189.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Керамика с зооморфными изображениями культового комплекса Кучерла-1 как источник семантической реконструкции // Керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. ин-та, 1996а. – С. 70–73.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Первый (этнографический) культурный слой культового комплекса Кучерла-1 (Республика Алтай) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – С. 182–184.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. К вопросу об обрядах охотничьей магии населения Горного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам святилища Кучерла-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997а. – С. 233–238.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. К реконструкции обрядовой практики населения Горного Алтая в эпоху средневековья (по материалам культового комплекса Кучерла-1) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997б. – С. 172–175.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 300–309.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Керамика эпохи бронзы в материалах культового комплекса Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 368–373.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Святилище Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае. Проблема соотношения наскальных изображений и культурных напластований // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 176–180.

Мэнэс Г. О семантике теонима Ульген // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук, 1986. – С. 93–101.

Окладников А.П. История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 432 с.

Окладников А.П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 136 с.

Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1986. – 192 с.

Петри Б.Э. Орнамент кудинских бурят // СМАЭ. – 1918. – Т. 5, вып. 1. – С. 215–252.

Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – Кн. 5. – С. 123–149.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 145–160.

Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. – № 4/5. – 1935. – С. 134–152.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 402 с., 120 табл.

Савватеев Ю.А. Залавруга. – Л.: Наука, 1970. – 444 с.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 154 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

Славнин В.Д. Старинное святилище близ села Ело в Горном Алтае // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, философии и филологии. – 1990. – Вып. 2. – С. 67–69.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 216 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 150 с.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 256 с.

Форсберг Л. Обрядность и ландшафт – анализ наскального искусства центральных районов Северной Швеции // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 114–115.

Фролов Б.В., Сперанский А.И. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае // АО 1966 года. – М.: Наука, 1967. – С. 158–161.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. – М.: Политиздат, 1986. – 704 с.

Харузин Н. Этнография. – СПб.: [Гос. типография], 1905. – Т. 4: Верования. – 330 с., 295 с. лит.

Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. – 1947. – № 14. – С. 26–34.

Цхай Э.В. Новые петроглифы I тыс. до н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 66–67.

Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. – М.: Междунар. центр Рерихов, 1998. – 336 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 572 с., 12 ил.

Материал поступил в редколлегию 06.09.07 г.

УДК 903.2

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет
Свободный пр., 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: pmandryka@yandex.ru

САМОДЕЛКИНСКИЙ ТИП КЕРАМИКИ ФИНАЛЬНОГО ПЕРИОДА БРОНЗОВОГО ВЕКА НА БЕРЕГАХ ЕНИСЕЯ

Несмотря на более чем 100-летнее археологическое изучение лесостепных и южно-таежных районов среднего Енисея, многие вопросы хронологии и культурогенеза памятников финального периода бронзового века остаются нерешенными. К концу II тыс. до н.э. относится появление в лесостепной части района комплексов с бронзовыми предметами карасукского облика, объединенных в красноярский вариант карасукской культуры [Рыгдылон, 1955; Членова, 1972; Мандрыка, Адамович, 2003]. Одновременно с ними в южно-таежной зоне продолжали развиваться комплексы с «тонкошнуровой» керамикой шепилевского типа, а в пограничье южной тайги и северной части лесостепи – с «вафельной» керамикой самоделкинского типа [Мандрыка, 2006] (рис. 1), выделенного нами по материалам стоянки Самоделка-2.

Стоянка Самоделка-2 расположена на правом берегу Енисея в 40 км ниже устья р. Ангары против г. Лесосибирска на восьмиметровой приустьевой террасе. В 1988 г. в раскопе площадью 15 м² на глубине 30–35 см в темно-коричневом суглинке был зафиксирован единственный культурный слой, который содержал 112 фрагментов керамики и 25 каменных отщепов. Черепки принадлежали шести сосудам и одной льячке с накипью от бронзы на внутренней поверхности стенок (ККМ, кол. 10883/479-1-11)*.

*Мандрыка П.В. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1988 году. – Архив ИА РАН. Р-1. № 13098. С. 93–95.

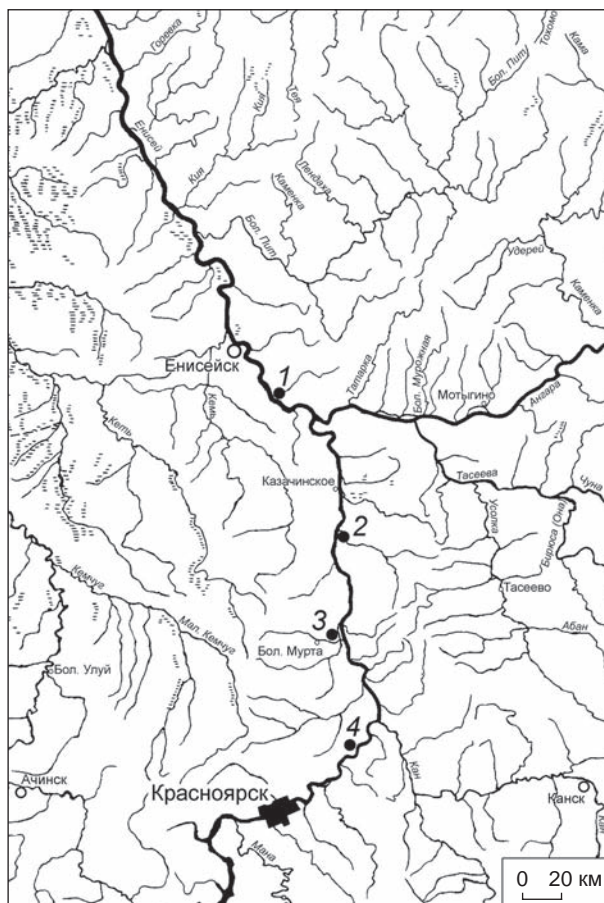

Рис. 1. Расположение памятников с керамикой самоделкинского типа.

1 – Самоделка-1; 2 – Островки-2; 3 – Подъемная-2; 4 – Малая.

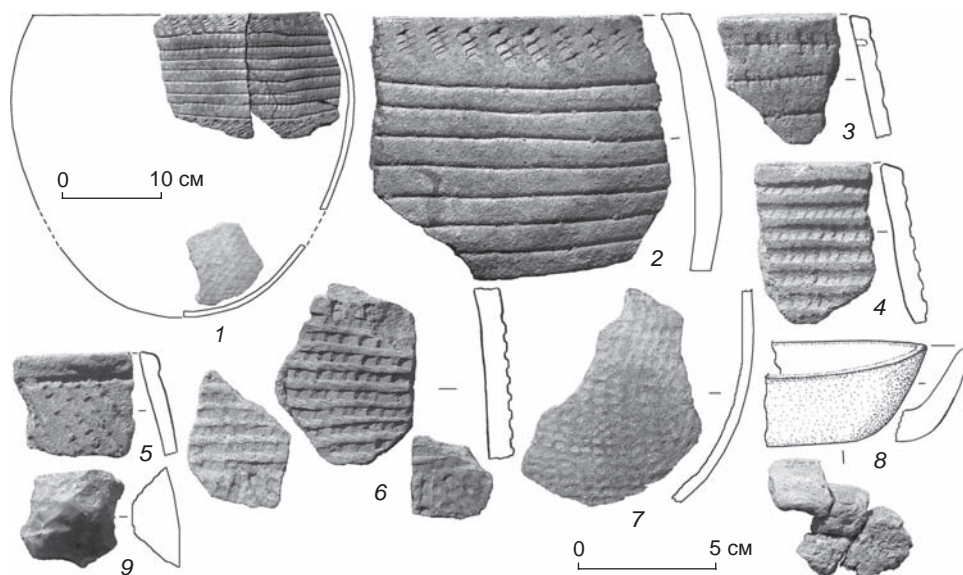

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов (1–7), керамическая льячка (8) и каменный скол (9) со стоянки Самоделка-2.

Вся найденная на стоянке керамика однотипна (рис. 2, 1–7). Формовочная масса состоит из глины с примесью песка и дресвы. С наружной стороны стенки оформлялись выколоткой «вафельной» колотушкой. Квадратно-прямоугольные оттиски четкие, но не глубокие, очевидно, заглаживались. Средние фиксируемые размеры ячейки $0,4 \times 0,5$ см. С внутренней стороны стенки гладкие, имеют вмятины: под точку удара, скорее всего, подкладывали небольшую округлую гальку. Все сосуды закрытой формы, с прямым венчиком и слабо раздутым туловом. Обрез венчика прямой или слегка скошен наружу. Судя по частично реставрированной форме и отдельным фрагментам, дно у горшков было округлым. Толщина стенок в зоне венчика 0,6–1,2 см, тулова – 0,5–0,6, дна – 0,7–1,0 см. Орнамент наносился в верхней трети сосудов палочкой с прямым или «двухчастным» рельефным рабочим концом; применялась отступающая техника. Под краем венчика оттиски располагаются горизонтальными, реже наклонными рядами. Часто широкое орнаментальное поле сверху и снизу подчеркивается рядами коротких отрезков, наклонных, вертикальных или образующих треугольники – своеобразную «бахрому». Фигурный край «двухчастного» орнамента напоминает кромку зуба животного. Эксперименты показали, что наиболее близким получался отпечаток от отступающе-накользящих движений резца бобра и зуба зайца.

Аналогичная керамика отмечается еще на трех памятниках на берегах Енисея: поселениях Островки-2, Подъемная-2 и стоянке Малая (см. рис. 1).

Поселение Островки-2 расположено в створе Казачинского порога на Енисее на четырех – шести-

метровой пойменной террасе северной оконечности одноименного острова. Памятник открыт мной в 1992 г.; на нем был заложен раскоп площадью 21 м². В 1996 г. Л.В. Коваленко расширила его, вскрыв еще 40 м² площади*. Исследование памятника показало наличие трех культурных слоев, которые разделяются стерильными песчаными прослойками и относятся к раннему железному веку (слой 1) и разным стадиям бронзового (слои 2 и 3).

Керамика самоделкинского типа залегала здесь в третьем культурном слое на глубине 80–110 см. Слой приурочен к темно-серой мелкозернистой песчаной погребенной почве, которая распространяется только по восточному сектору раскопа, т.е. по возвышенной части террасы, и перекрывается стерильной песчаной прослойкой с мелким галечником, указывающей на кратковременное затопление поверхности террасы во время ледоходов после образования почвы, с чем, очевидно, и связан вынос слоя в западном секторе памятника.

Находки залегали одним скоплением. В почве среди черепков были отмечены три округлых пятна окислов размером $3,6 \times 3,8$ см. Возможно, это следы от капель бронзы или каких-то разложившихся тонких предметов из медьсодержащего металла. Со слоем условно связывается небольшой бронзовый пластинчатый двулезвийный нож с оттянутыми лезвиями, который был зафиксирован в осыпавшейся части слоя в борту террасы. Ребро посередине клинка указывает

*Коваленко Л.В. Отчет о полевых археологических исследованиях в Казачинском районе Красноярского края в 1996 г. – Архив ЛА СФУ. Р-1. № 12.

на возможное использование орудия в качестве кинжала. Размеры изделия $1,7 \times 5,2$ см при толщине 0,3 см (рис. 3, 16).

Из каменных предметов представлены только два нуклеуса (очевидно, заготовки) из кремнистых галек. На их поверхности местами сохранилась галечная корка. По форме нуклеусы конические, монофронтальные. Ударная площадка оформлена несколькими снятиями. Размеры изделий $3,5 \times 4,0 \times 2,8$ см (рис. 3, 9, 10).

Интересно отметить наличие в слое керамического грузила биконической формы (рис. 3, 17). Его длина 5,0 см, диаметр в центральной части 3,7, на торцах – 2,2 см, диаметр продольного отверстия 1,0 см. Изделие выполнено из глины с примесью песка. Керамическое грузило – редкая находка на берегах Енисея, но подобные вещи имели широкое распространение в Обском бассейне.

Более многочисленна коллекция керамики – 346 фрагментов от 13 сосудов. По способу изготовления и орнаментации они разнообразны, но по составу формовочной массы (глина с примесью песка и дресвы) идентичны. Большинство сосудов (10 экз.) с гладкими плотными стенками, черного, серого и коричневого цвета. Венчики прямые, плавно утолщаются к краю. Орнаментом покрывалась верхняя треть сосуда. Для

этого использовались зубчатые штампы – гребенка, «личиночный» и др. На пяти сосудах орнаментальное поле заполнено горизонтальными рядами наклонных гребенчатых оттисков (рис. 3, 1–4, 11). На одном фрагменте венчика основной орнамент дополнен поясом ямок под краем (рис. 3, 1). В двух случаях отмечен мотив «елочка» (рис. 3, 5, 12), еще в двух гребенчатыми оттисками выполнены горизонтальные линии (рис. 3, 6, 7). Интересен сосуд, для орнаментации которого использовался своеобразный зубчатый орнаментир, оставляющий клетчатые отпечатки (рис. 3, 8). Под краем венчика расположен ряд наклонных оттисков, а ниже – серия горизонтальных линий.

Три сосуда имеют на внешней поверхности «шнуровые» отпечатки колотушки, обмотанной толстым витым шнуром. На стенках частично реставрированного закрытого сосуда с расширенным туловом и прямым венчиком присутствуют только технологические оттиски (рис. 3, 13). На двух других горшках в зоне венчика нанесен орнамент, который состоит из горизонтальных линий, выполненных в отступающе-накольчатой технике «двухчастным» орнаментиром. От нижней линии в зону тулова спускаются короткие наклонные отрезки (рис. 3, 15) или серия горизонтальных (рис. 3, 14). Именно этот стиль орнаментации характерен для керамики самоделькинского типа.

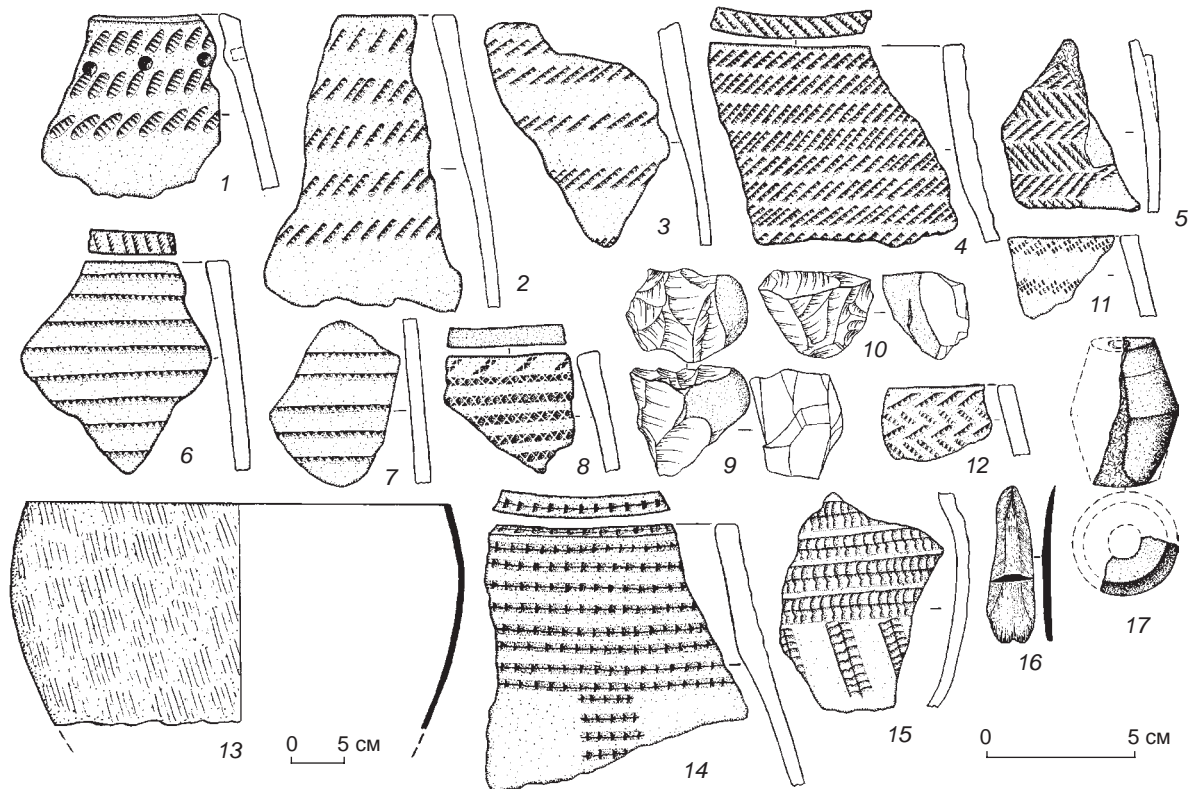

Рис. 3. Керамика (1–8, 11–15), каменные нуклеусы (9, 10), бронзовый нож (16) и глиняное грузило (17) с поселения Островки-2.

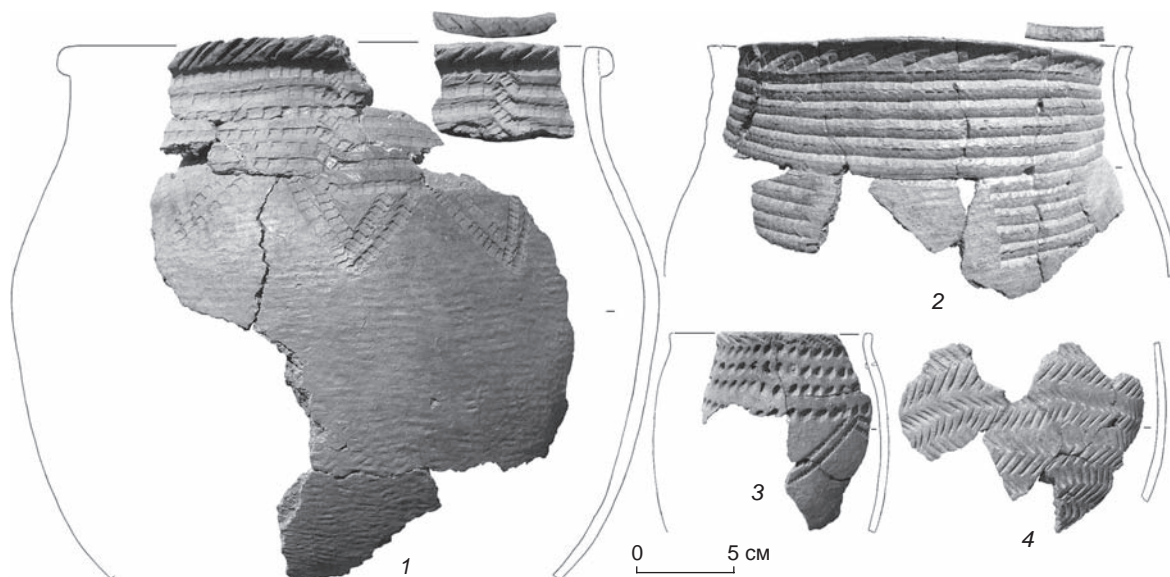

Рис. 4. Керамика с поселения Подъемная-2.

Итак, в комплексе третьего культурного слоя поселения Островки-2 преобладает посуда, украшенная зубчатыми штампами. Среди нее отмечаются и сосуды самодельного типа, при изготовлении которых применяли колотушку, обмотанную грубыми толстыми витыми нитями.

Поселение Подъемная-2 расположено на мысовидном выступе 12–14-метровой левобережной террасы р. Верхняя Подъемная в 2,5 км к югу от д. Береговой Подъемной Большемурутинского р-на Красноярского края. Памятник открыт А.М. Буровским в 1985 г.*, а в 1987 и 1990 гг. им вскрыта площадь до 100 м², на которой изучен один культурный слой. Судя по результатам работ в 1987 г.** [Гильманшина, Буровский, 1989, с. 83], в которых я принимал участие, культурный слой был приурочен к светло-серой и коричневатой мелкопористой пылеватой супеси и залегал на глубине 15–25 см. Кроме керамики самодельного типа он содержал каменные скребки, нож, нуклеус и отщепы, обломок костяного предмета листовидной формы с грибовидным выступом на кончике, а также фрагменты костей животных. В 1990 г.

на памятнике было вскрыто грунтовое погребение*, которое по найденному инвентарю относится к карасукской культуре [Новых, Макаров, Петренко, 1993].

Керамика представлена фрагментами четырех сосудов со слабо выраженной шейкой и раздутым туловом (рис. 4). Формовочная масса – глина с примесью песка и дресвы. На двух сосудах большой емкости фиксируется уплотнение стенок выколоткой, для чего использовалась колотушка. В одном случае стенки покрыты «шнуровыми» оттисками, в другом – «вафельными» с прямоугольными ячейками размером 1,0 × 0,2 см. Оттиски частично заглаживались. Все черепки плотные, что указывает еще и на хороший обжиг горшков. Стенки одного сосуда покрыты наклонными гладкими насечками, образующими мотив «елочка». На остальных горшках орнамент выполнен в отступающей технике прямым или «двухчастным» штампом. В зоне шейки его оттиски располагаются горизонтальными рядами, иногда преломляющимися. Под краем венчика отмечены наклонные отрезки таких же оттисков или косые прочерченные линии. В последнем случае край венчика утолщен налепным валиком. В зоне плечиков расположен ряд двойных треугольников вершинами вниз (зигзаг) или группы горизонтальных отрезков.

Итак, в культурном слое поселения Подъемная-2 преобладает керамика самодельного типа, наряду с которой отмечен сосуд, орнаментированный гладкими насечками.

*Буровский А.М. Отчет о полевых работах в Сухобузимском и Большемурутинском районах Красноярского края, проведенных в июле–августе 1985 г. экспедицией Дворца пионеров и школьников под руководством аспиранта ЛОИА без отрыва от производства на основании Открытого листа по форме 3 № 550. – Архив ИА РАН. Р-1. № 10895. 9 л. + Альбом иллюстраций. Р-1. № 10895а. 18 л.

**Буровский А.М. Отчет о полевых исследованиях в Сухобузимском и Большемурутинском районах Красноярского края, проведенных в июле 1987 г. – Архив ИА РАН. Р-1. № 12424. Л. 9.

*Отчет о полевых археологических работах 1990 г. А.М. Буровским не был подготовлен, однако отдельные археологические материалы были переданы во вспомогательный фонд ККМ (без номера).

Стоянка Малая расположена на левом берегу Енисея в 80 км к северу от г. Красноярска против о-ва Малого в 4 км от с. Атаманова. Памятник открыт и изучался Н.П. Макаровым при моем участии в 1985 г.* В разведочном раскопе площадью 4 м², который вскрыл весь неразрушенный участок памятника, зафиксированы два культурных слоя. Керамика самоделькинского типа найдена во втором. Он залегал на глубине 20–25 см и был приурочен к коричневой супеси. Кроме керамики в слое найдены два каменных концевых скребка (рис. 5, 5, 6), призматический нуклеус (рис. 5, 7) и обломок бронзового ножа с выделенной рукояткой (рис. 5, 9) (ККМ, кол. 9202/317).

Керамика представлена 28 фрагментами пяти сосудов, изготовленных из глины с примесью песка и дресвы. Наружная поверхность стенок гладкая, без следов технического декора. Частичная гипотетическая и натурная реставрация позволяет отметить разнообразие форм, но все сосуды закрытые, с расширяющимся туловом.

По морфологическим признакам и орнаменту, только один сосуд можно отнести к самоделькинскому типу. У него прямой обрез венчика, прямая шейка, слегка раздутое тулово. Под краем венчика с внутренней и наружной сторон нанесена полоса наклонных гладких оттисков. Ниже на внешней поверхности располагаются горизонтальные линии из отступающих оттисков орнамента с М-образным рабочим концом (ласточкин хвост), а в зоне плечиков – наклонные. Возле края черепка просверлено коническое отверстие, вероятно, для стягивания трещины в стенке сосуда (рис. 5, 1).

Остальные горшки, несмотря на морфологическую близость с керамикой самоделькинского типа, украшались по-иному. Отмечены ряды оттисков зубчатого штампа с прочерченной линией между ними (рис. 5, 2), вертикальных ногтевых наколов (рис. 5, 3), гладких насечек, образующих мотив «елочка», дополненный поясом ямок (рис. 5, 4). Один сосуд украшен тремя налипными валиками, рассеченными пальцевыми защипами (рис. 5, 8).

Таким образом, все представленные енисейские памятники

объединяются наличием на них своеобразной керамики самоделькинского типа, для определения времени существования которой следует учитывать материалы каждого изученного объекта. Стратиграфическое залегание культурных слоев с такой керамикой на всех этих памятниках одинаковое. Они приурочены к коричневой супеси и залегают под поддерновой супесчаной почвой темно-серого цвета, которая формировалась на енисейских берегах в течение последних 2,5–2,7 тыс. лет. Следовательно, эти культурные слои должны быть древнее раннего железного века, т.е. могут относиться к финальной стадии эпохи бронзы. На такой же возраст указывают редкие хорошо датируемые предметы. На поселении Самоделка-1 это керамическая ладьевидная льячка, аналоги которой были широко распространены на территории Сибири с развитого бронзового века. К финальной стадии эпохи бронзы может относиться и двулезвийный бронзовый нож из третьего культурного слоя поселения Островки-2. Аналогичные по форме и размерам кинжалы есть в комплексах карасукской культуры Красноярской лесостепи. Такой датировке не противоречит и стратиграфическое залегание слоя, ниже второго, отнесенного по керамике к раннему железному веку. В конце эпохи бронзы были распространены и выпуклобушковые ножи с выделенной рукояткой, аналогичные изделию, найденному во втором слое стоянки Малая, перекрытом слоем с обломком железного предмета. К позднему

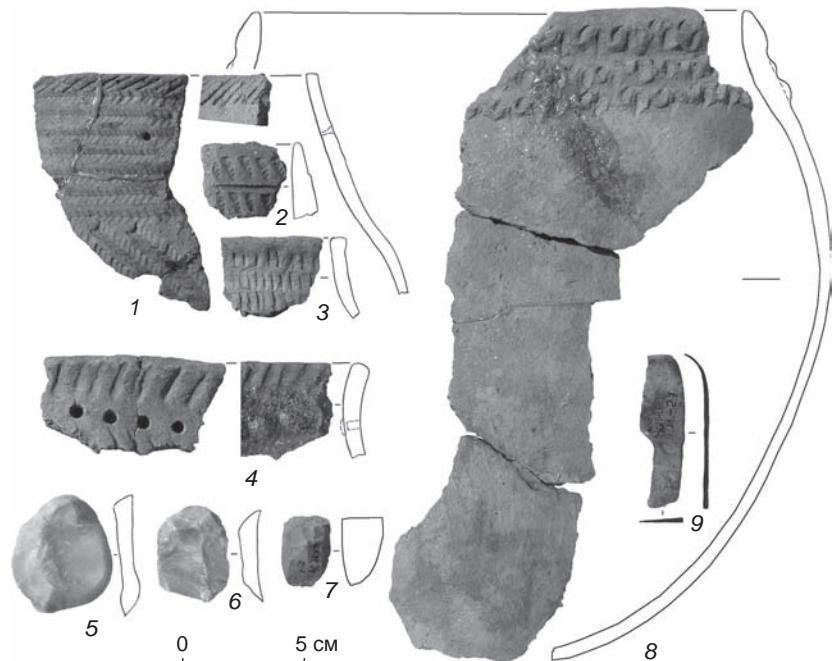

Рис. 5. Керамика (1–4, 8), каменные скребки (5, 6), нуклеус (7) и бронзовый нож (9) со стоянки Малая.

*Макаров Н.П. Отчет о работе археологической экспедиции ККМ в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края в 1985 г. – Научный архив ККМ. № 750/05-142.

бронзовому веку может быть отнесен и культурный слой поселения Подъемная-2 с грунтовым погребением, содержащим типично карасукские бронзы (коленчатый нож, массивный листовидный наконечник копья с прорезью между лопастями, двулопастные втульчатые наконечники стрел и т.п.).

Не противоречит предложенной датировке памятников и наличие в культурных слоях керамики не самоделкинского типа. Сосуд с налепными валиками, рассеченными пальцевыми защипами, со стоянки Малая близок к керамике, найденной на селище конца бронзового века Заостровка-2 в створе Казачинского порога. Посуда, украшенная оттисками зубчатых штампов и гладкими насечками, также была распространена в конце II тыс. до н.э. не только в Красноярской лесостепи [Мандрыка, Адамович, 2003, с. 71, рис. 4], но и в Приангарье [Мандрыка, 2006].

Происхождение керамики самоделкинского типа связано с развитием традиции изготовления посуды бобровского типа с гребенчато-пунктирной орнаментацией. Она характеризует культуру местного енисейского населения в ранний и развитой периоды бронзового века [Археология..., 2003, с. 170]. В конце II тыс. до н.э. в Енисейское Приангарье с севера проникли носители ымыяхтахской традиции изготовления керамической посуды (с «вафельным» и «шнуровым» техническим декором), что привело к формированию нового типа керамики. Надо отметить сосуществование этой керамики и посуды заостровского и шепилевского типов. Слияние различных традиций отчетливо прослеживается в материалах памятников не только рассматриваемого, но и сопредельных районов. Так, в Канской лесостепи исследователи выделяют четыре группы памятников бронзового века: мезенскую, маслеевскую, улюкольскую и казачинско-патанчетскую. Из них только в последней, которая относится к началу II тыс. – началу I тыс. до н.э., можно отметить посуду, сходную по отдельным элементам формы и орнамента с керамикой самоделкинского типа. Сходство проявляется в сочетании двойных горизонтальных и наклонных линий из отступающих оттисков орнамента, а также в способе выколачивания стенок обмотанной шнуром колотушкой [Генералов, Дзюбас, 1991, с. 124–125]. На поселении Казачка во втором культурном слое найден почти идентичный самоделкинскому сосуд с орнаментом, нанесенным отступающей лопаткой и имеющим «бахрому» от нижнего горизонтального ряда [Хлобыстин, 1987, с. 340]. О распространении самоделкинской традиции на запад свидетельствуют, например, материалы поселения Линево, где такая керамика сосуществует с поздней ирменской и другой посудой переходного времени от бронзового к железному веку (VII–VI вв. до н.э.) [Молодин, Мыльникова, 2005, с. 403, рис. 2].

Продолжение самоделкинских керамических традиций можно проследить на посуде каменского типа, который складывается на енисейских берегах в VII–VI вв. до н.э. и в раннем железном веке распространяется по всей зоне южной тайги Средней Сибири [Мандрыка, 2007].

Список литературы

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на среднем Енисее / П.В. Мандрыка, А.А. Ямских, Л.А. Орлова, Г.Ю. Ямских, А.А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 222 с.

Генералов А.Г., Дзюбас С.А. К вопросу об изучении бронзового века Канской лесостепи // Палеоэкологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 121–126.

Гильманшина Д.В., Буровский А.М. Предварительные итоги изучения каменного века в Сухобузимском и Большемурутинском районах // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1989. – С. 81–83.

Мандрыка П.В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 414–417.

Мандрыка П.В. Каменский тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 80–85.

Мандрыка П.В., Адамович В.А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 68–73.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика поселения Линево-I переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 400–405.

Новых Л.В., Макаров Н.П., Петренко А.Л. Новые материалы позднебронзового века из окрестностей Красноярска // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Регион. археол. студ. конф. – Абакан: Абакан. гос. пед. ин-т, 1993. – С. 19–20.

Рыгдылон Э.Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИА. – 1955. – Вып. 60. – С. 129–134.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–344.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

УДК 903'16

С.В. Баштанник

*Институт экологии человека СО РАН
Ленинградский пр., 10, Кемерово, 650065, Россия
E-mail: abai@yandex.ru*

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ДОЛИНЫ РЕКИ АРЫСЬ*

Введение

Земледелие является важным компонентом производящей экономики многих обществ прошлого. Остатки культурных и сопутствующих растений, отлагающиеся в культурных слоях археологических памятников, позволяют выявить многие его особенности: природно-экологическую обстановку, в которой оно развивалось, состав возделывавшихся культур, антропогенное влияние на естественные ландшафты.

Цель археоботанических работ заключалась в изучении состава сельскохозяйственных культур и реконструкции на этой основе некоторых особенностей земледелия средневекового населения долины р. Арысь.

Методика работ

Для извлечения археоботанического материала на полевом этапе исследований проводилась флотация культурного слоя памятников. Метод флотации (водная сепарация) почвы основан на разнице удельного веса воды и погруженных в нее органических и минеральных веществ. Первые, удельный вес которых 0,3–0,6 г/см³, всплывают на поверхность, а вторые, более тяжелые, оседают на дно [Руководство..., 2000, с. 11–12]. В емкости вместимостью 10–12 дм³ зама-

чивали 3–4 дм³ грунта, размешивали и взбалтывали. Затем в течение 10–12 мин проходило оседание тяжелых минеральных частиц и всплывание органических веществ, сепарация которых осуществлялась посредством сита с диаметром ячеек 0,5–3 мм. Лабораторный этап исследования заключался в количественном подсчете, родовом и видовом определении растительных остатков с помощью атласов растительности, определителей плодов и семян и эталонных коллекций. На интерпретационном этапе устанавливались соотношения разных видов растительности и производилась реконструкция растительного покрова, ландшафтов и палеоклимата, особенностей земледелия и собирательства. Определялась насыщенность растительными остатками проб и представляемых этими пробами стратиграфических и планиграфических контекстов.

Археоботанические материалы, полученные путем флотации, более информативны, нежели зерновые скопления (плодов, семян), поскольку позволяют получить данные обо всех этапах функционирования памятника, тогда как скопление фиксирует ситуацию на момент, когда оно было погребено.

Общая характеристика археоботанического материала

Основная масса материала представлена карбонизированными, т.е. обугленными под действием высокой температуры, растительными остатками. Меньшая часть плодов и семян сохранилась в некарбонизированном состоянии, что объясняется особенностями строения и химической структуры их тканей, а также

*Автор выражает благодарность за постоянное содействие в полевых работах директору Института археологии МОН РК акад. НАН РК К.М. Байпакову, главному научному сотруднику этого института д-ру ист. наук Т.В. Савельевой, научному сотруднику Д.А. Воякину.

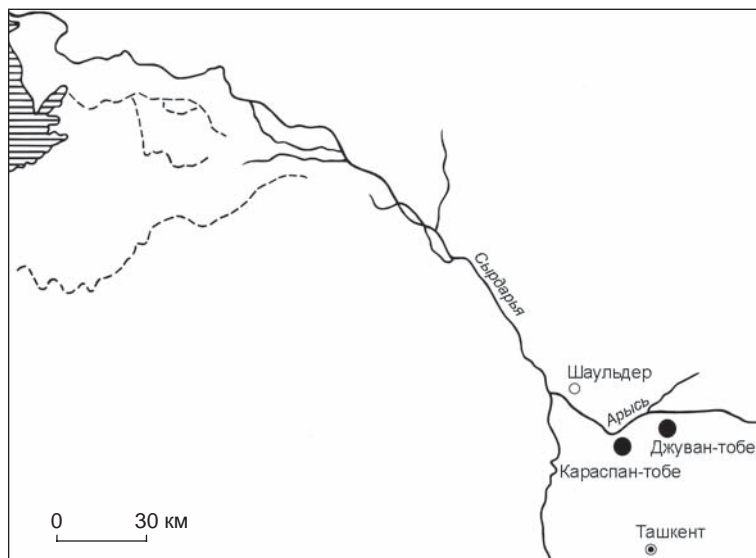

Рис. 1. Локализация городищ с кольцевыми рабадами.

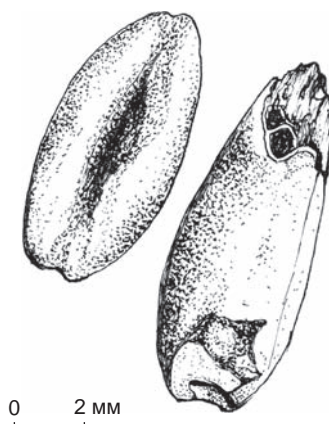

Рис. 2. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*.

сухостью культурного слоя. Это, как правило, косточки плодовых, плоды и семена сорных или диких растений, колосковые чешуи злаков. Растительные остатки залегают внутри и около печей, в зольниках, мусорных ямах сравнительно равномерно по всей их глубине и площади. Чтобы исключить попадание в пробы современной флоры, их отбирали в местах, где культурный слой не был нарушен перекопами или норами животных. Современная сельскохозяйственная деятельность на территории памятников не ведется.

Для археоботанических исследований были выбраны два средневековых городища – Джуван-тобе и Караспан-тобе, находящиеся поблизости друг от друга в долине р. Арысь (в среднем ее течении) – правого притока Сырдарьи (рис. 1). Городища расположены на дне древней поймы реки. Еще до их возникновения Арысь, которая течет в направлении меридиана, под влиянием суточного вращения Земли на движение частиц воды (закон Бэра) подмыла правый берег и отошла к северу.

Джуван-тобе – двухчастное городище, состоит из высокого бугра в центре (цитадель) и кольцевого рабада. Бугор четырехугольной формы, ориентирован по сторонам света. Его высота более 20 м, диаметр основания 90–120, верхней плоской площадки – 70–80 м. Высота округлого в плане рабада 4–5 м, ширина от 30 до 60 м. Городище датируется VI–X вв.

По сообщению арабского географа X в. Ибн-Хаукаля, «между Фарабом (Отрар), Кенджиде и Шашем (Ташкент) хорошие пастбища, там проживало около 1000 семей тюрок, уже принявших ислам... Субаникент – главный город области Кенджиде» [Прошлое Казахстана..., 1997, с. 36]. В анонимном сочинении «Худуд-аль-алем» (X в.) в дополнение

к этому сообщается, что «Субаникент – приятный, процветающий и богатый город» [Там же, с. 33]. Область Кенджиде, по определению В.В. Бартольда, находилась в среднем течении р. Арысь [1965, с. 232]. Городище Джуван-тобе соотносится с главным городом данной области, т.е. с раннесредневековым Субаникентом. Поскольку о Субаникенте не упоминается в источниках, датированных позднее X в., а на городище нет слоев, относящихся ко времени позднее X в., Джуван-тобе было отождествлено Е.И. Агеевой с этим городом*.

В 1950-х гг. на городище работала Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич, которые отмечают наличие зерновок ячменя и проса (без видового определения), а также косточек дыни**.

В 2002 г. на Джуван-тобе с уровня полов и из зольников верхнего строительного горизонта (X в.) были взяты три пробы для археоботанического анализа, содержавшие 178 карбонизированных плодов и семян. Установлено, что земледелие базировалось на возделывании злаков, среди которых преобладали ячмень двурядный пленчатый (*Hordeum vulgare distichum*) – 65 зерновок (рис. 2), просо метельчатое (*Panicum milliaceum*) – 61 (рис. 3), пшеница мягкая (*Triticum aestivum*) – 24 зерновки (рис. 4). Бобовые представлены горохом посевным (*Pisum sativum*) – 14 семян (рис. 5), чечевицей столовой (*Lens culinaris*) – 4 семени, машем (*Phaseolus aureus*) – 4 стручка с семенами.

*Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции. Алма-ата, 1951, с. 3–10. – Архив Института археологии МОН РК.

**Там же.

В 2004 г. археоботанические исследования были продолжены. Отобрано пять проб, описание которых приводится ниже.

Проба 1. Раскоп, 2-й строительный горизонт. Улица в южной части раскопа. Зольное заполнение тандыра. Глубина 160 см. Объем пробы 10 дм³.

1. Пшеница карликовая – *Triticum compactum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки размерами 5 × 3 × 2 и 4,5 × 2,5 × 2 мм – 3 шт.

2. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 4 × 2 × 1,5 мм – 6 шт.

3. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 2,3 × 1,8 мм – 31 шт.

4. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Сильно разрушенные вследствие карбонизации семена диаметром 4–6 мм – 27 шт.

5. Виноград винный – *Vitis vinifera*, семейство Виноградовые – Vitaceae. Косточки размерами 3 × 4 и 2,5 × 2,8 мм – 2 шт.

6. Водный перец – *Polygonum hidropiper*, семейство Гречишные – Polygonaceae. Семянка 1,3 × 1,7 мм.

Проба 2. Раскоп. Сырцовый кирпич из строительных конструкций 2-го строительного горизонта.

Марь белая – *Chenopodium album*, семейство Маревые – Chenopodiaceae. Сильно разрушенное семя диаметром 0,85 мм. Возможно, попало случайно при изготовлении кирпича.

Проба 3. Стратиграфический шурф. Зольник в западной бровке. Его устье расположено на уровне 2-го строительного горизонта (конец IX – начало X в.). Проба взята со дна зольника. Глубина 170 см. Объем пробы 30 дм³. После флотации органический материал оказался представлен в основном шипами колючего растения – несколько тысяч.

1. Воробейник полевой – *Lithospermum arvense*, семейство Бурачниковые – Boraginaceae. Плоды-орешки пепельно-серого цвета размером 3 × 2,5 мм – 7 шт. (рис. 6).

2. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 7 × 3 × 2 мм – 7 шт.

3. Ячмень двурядный голозерный – *Hordeum vulgare distichum* var. *nudum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка 6 × 3 × 1,7 мм.

4. Рис – *Oriza sativa*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка размером 5 × 1,5 × 2 мм.

5. Пшеница карликовая – *Triticum compactum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки размерами 5 × 3 × 2 и 4,6 × 2,5 × 2 мм – 8 шт.

6. Верблюжья колючка – *Alhagi pseudalhagi*, семейство Бобовые – Fabaceae (рис. 7). Два семени, одно из которых обуглено, а другое сохранило естественный цвет. Длина семян 2,5 мм.

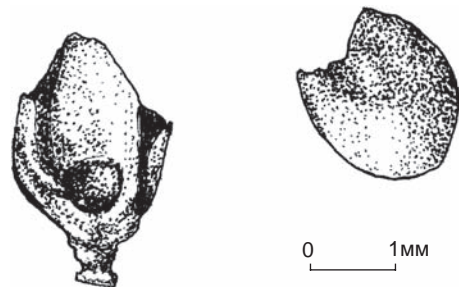

Рис. 3. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*.

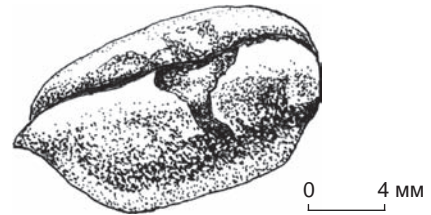

Рис. 4. Пшеница мягкая – *Triticum aestivum*.

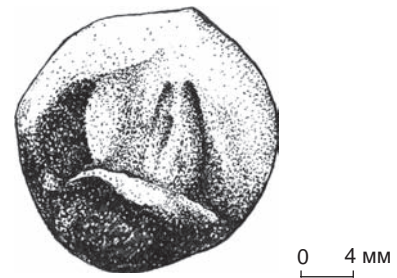

Рис. 5. Горох посевной – *Pisum sativum*.

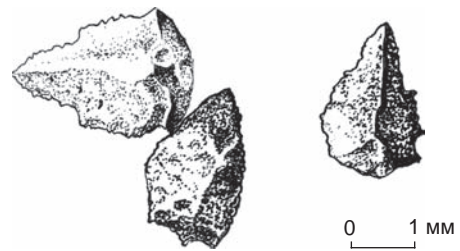

Рис. 6. Воробейник полевой – *Lithospermum arvense*.

Рис. 7. Верблюжья колючка – *Alhagi pseudalhagi*.

7. Семена диких растений семейства Бобовые – Fabaceae.

8. Яблоня/груша – *Pyrus/malus*, семейство Розоцветные – Rosaceae. Семена – 2 шт. (рис. 8).

9. Разрушенные вследствие карбонизации косточки плодовых растений – 10 шт.

Состав пробы указывает на то, что представленное в ней отложение формировалось в процессе утилизации бытовых отходов растительного происхождения.

Проба 4. Стратиграфический шурф на северной стороне цитадели, у западной бровки. Заполнение мусорной ямы под зольником. Твердый суглинок серо-зеленоватого цвета с вкраплениями обломков костей животных. Глубина 270 см. Объем пробы 10 дм³.

1. Пшеница карликовая – *Triticum compactum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки размерами $4 \times 2,6 \times 2$; $3 \times 1,5 \times 1,7$; $4,2 \times 2,8 \times 1,8$ мм – 5 шт.

2. Пшеница круглозерная – *Triticum sphaerococcum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки $4 \times 3,9 \times 3$ мм – 2 шт.

3. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка $6 \times 3 \times 1,7$ мм.

4. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки $2(2,1) \times 3$ мм – 32 шт. Некоторые сохранили колосковые чешуи.

5. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Семена, распадающиеся на семядоли, пять семядолей диаметром 5–5,5 мм; целое семя диаметром 4 мм с хорошо сохранившимися деталями морфологии.

Проба 5. Стратиграфический шурф на северной стороне цитадели в 320 см от восточной бровки. За-

полнение мусорной ямы – бадраба, 4-й строительный горизонт. Суглинок серо-зеленоватого цвета. Глубина 300 см. Объем пробы 10 дм³.

1. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки размерами $5 \times 2 \times 1,5$; $4 \times 5 \times 2 \times 1$; $5 \times 5 \times 2 \times 2$ мм – 3 шт.

2. Ячмень двурядный голозерный – *Hordeum vulgare distichum* var. *nudum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка $4,5 \times 2,7 \times 1,8$ мм.

3. Пшеница мягкая – *Triticum aestivum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка $6 \times 3 \times 2$ мм.

4. Пшеница карликовая – *Triticum compactum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка $3 \times 2 \times 1,7$ мм.

5. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки $1,9 \times 2$ мм – 2 шт.

6. Семя бобовых – Fabaceae, сильно разрушенное, размером 3×4 мм.

7. Виноград винный – *Vitis vinifera*, семейство Виноградовые – Vitaceae. Карбонизированная косточка $5 \times 3 \times 2,7$ мм с обломанным «клювиком» (рис. 9).

Археоботанические исследования проводились также на городище **Караспан-тобе**, расположенном в 10 км к западу от Джуван-тобе и аналогичном ему по планировке. На городище получен материал из слоев позднекангюйского времени (культура каунчи II). Собрано более 100 плодов и семян, относящихся к 13 ботаническим видам. В основном это полевые и плодовые культурные растения. В 2004 г. с южной стороны кольцевого рабада, окружающего цитадель, был заложен стратиграфический шурф, в котором и отобраны пробы.

Проба 6. Глубина 40 см, 9-й уровень обитания. Заполнение ямы представлено суглинком коричневого цвета. Объем пробы 10 дм³.

1. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Семя диаметром 4 мм.

2. Воробейник полевой – *Lithospermum arvense*, семейство Бурачниковые – Boraginaceae. Плод-орешек пепельно-серого цвета размером $3 \times 2,5$ мм.

Проба 7. Квадрат Д-7. Глубина 340 см, 7-й уровень обитания. Заполнение норы землеройного животного. Темно-коричневая супесь, насыщенная горелой органикой. Объем пробы 10 дм³.

Гадючий лук – *Muscari*, семейство Лилейные – Liliaceae. Орешки диаметром 2,0–2,3 мм – 5 шт.

Проба 8. Зольник в супесчаном культурном слое. Глубина 380 см, 7-й уровень обитания, кангюйское время (IV–V вв.). Имеются фрагменты керамики красного цвета с серым ангобом. Объем пробы 10 дм³.

Слива – *Prunus domestica*, семейство Розоцветные – Rosaceae. Сильно разрушенная карбонизированная косточка.

Проба 9. Зольник в супесчаном культурном слое в северной части шурфа. Глубина 390 см, 7-й уровень

Рис. 8. Яблоня/груша – *Pyrus*.

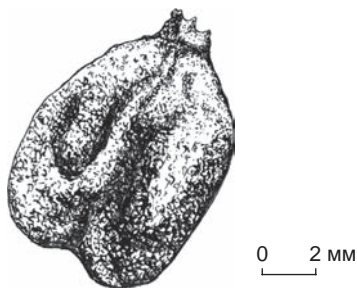

Рис. 9. Виноград винный – *Vitis vinifera*.

обитания, кангюйское время (IV–V вв.). Имеются фрагменты керамики красного цвета с серым ангобом, обломки костей, горелое дерево. Объем пробы 30 дм³.

1. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 2,3 × 1,8 мм – 12 шт.

2. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка 7 × 3 × 2 мм.

3. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Сильно разрушенные вследствие карбонизации семена диаметром 4–5 мм – 5 шт.

4. Виноград винный – *Vitis vinifera*, семейство Виноградовые – Vitaceae. Косточки 4...6 × 3,5...5 × × 2,8...3,2 мм – 36 шт.

5. Бузина черная – *Sambucus nigra*, семейство Жимолостные – Caprifoliaceae. Косточки 5 × 3,5 мм – 2 шт. (рис. 10).

6. Гадючий лук – *Muscari*, семейство Лилейные – Liliaceae. Орешек диаметром 1,8 мм.

Проба 10. Напольный супесчаный темно-коричневый слой золы и прокала мощностью 5 см. Глубина 395 см, 7-й уровень обитания, позднее кангюйское время (IV–V вв.). Объем пробы 10 дм³.

1. Пшеница мягкая – *Triticum aestivum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 5 × 3 × 2 мм – 3 шт.

2. Рис – *Oriza sativa*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка 5 × 1,5 × 2 мм.

3. Ячмень двурядный пленчатый – *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки 6 × 3 × 2 мм – 7 шт.

4. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки диаметром 2 мм – 5 шт.

5. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Сильно разрушенное вследствие карбонизации семя 3 × 4 мм.

6. Виноград винный – *Vitis vinifera*, семейство Виноградовые – Vitaceae. Косточка 4 × 3,7 мм.

7. Марь белая – *Chenopodium album*, семейство Маревые – Chenopodiaceae. Сильно разрушенное семя диаметром 0,9 мм.

8. Плоды растений семейства Гречишные – Polyopaseae – 8 шт. (рис. 11).

Проба 11. Отобрана в заполнении хозяйственной ямы на глубине 3,75–3,9 м. Объем пробы 10 дм³.

1. Горох посевной – *Pisum sativum*, семейство Бобовые – Fabaceae. Семя 4 × 4,2 мм.

2. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновка диаметром 2 мм.

Проба 12. Заполнение сосудов культуры каунчи II, коричневая супесь. Глубина нахождения сосудов 420 см. Объем пробы 3 дм³.

1. Просо метельчатое – *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые – Poaceae. Зерновки диаметром 2 мм – 2 шт.

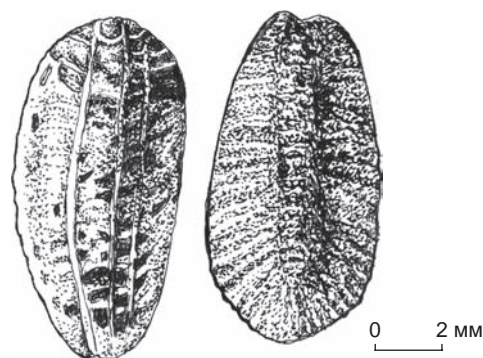

Рис. 10. Бузина черная – *Sambucus nigra*.

Рис. 11. Плоды растений семейства гречишных.

Рис. 12. Гадючий лук – *Muscari*.

2. Верблюжья колючка – *Alhagi pseudalhagi*, семейство Бобовые – Fabaceae. Сильно разрушенное вследствие воздействия высокой температуры семя 3 × 1 мм.

3. Гадючий лук – *Muscari*, семейство Лилейные – Liliaceae. Некарбонизированные орешки диаметром 1,8 мм – 6 шт. (рис. 12).

Обсуждение результатов

Весь археоботанический материал сведен в таблицу. Полученные данные позволяют сделать некоторые выводы о значении в аграрном производстве тех или иных культур.

Рис. По одной зерновке обнаружено в слое IV–V вв. на Караспан-тобе и в слое VII в. на Джуван-тобе. Их малочисленность не позволяет говорить о самостоятельной роли этой культуры в земледелии. Возможно, рис ввозился. Подтвердить его возделывание

Археоботаническая коллекция с городищ Джуван-тобе и Караспан-тобе

Вид	Караспан-тобе, слой II–V вв.	Джуван-тобе			Всего
		Шурф, 4-й строительный горизонт, VII в.	Раскоп, 2-й строительный горизонт, IX–X вв.	Итого	
Пшеница круглозерная – <i>Triticum sphaerococcum</i>	–	1	–	1	1
П. карликовая – <i>Tr. compactum</i>	–	14	3	17	17
П. мягкая – <i>Tr. aestivum</i>	3	1	24	25	28
Ячмень двурядный пленчатый – <i>Hordeum vulgare distichum</i>	8	11	69	80	88
Я. двурядный голозерный – <i>H. vulgare distichum nudum</i>	–	2	–	2	2
Я. шестирядный пленчатый – <i>H. vulgare hexastichum</i>	–	–	2	2	2
Просо метельчатое – <i>Panicum milliaceum</i>	20	34	92	126	146
Рис – <i>Oriza sativa</i>	1	1	–	1	2
Горох посевной – <i>Pisum sativum</i>	8	7	41	48	56
Чечевица столовая – <i>Lens culinaris</i>	–	–	4	4	4
Маш – <i>Phaseolus aureus</i>	–	–	8 стручков	–	–
Виноград – <i>Vitis vinifera</i>	37	1	6	7	43
Яблоня/груша – <i>Pyrus/malus</i>	–	–	2	2	2
Слива – <i>Prunus domestika</i>	1	–	–	–	1
Верблюжья колючка – <i>Alhagi pseudalhagi</i> и дикие бобовые	2	11	–	11	12
Гадючий лук – <i>Muscari</i>	7	–	–	–	7
Водный перец – <i>Polygonum hidropiper</i>	8	–	1	1	9
Воробейник полевой – <i>Lithospermum arvense</i>	1	7	–	7	8
Бузина черная – <i>Sambucus nigra</i>	2	–	–	–	1
Марь белая – <i>Chenopodium album</i>	3	–	100	100	103
Косточки неопределимых плодовых	–	10	–	10	10
Всего	101	100	348	444	993

на средней Арыси могло бы присутствие типичных засорителей этой культуры, но таких данных пока нет. Рис ранее был найден в слоях VII в. на городище Коныр-тобе в Отрарском оазисе и тоже в очень малых количествах. В слоях IX–X вв. и в более поздних он пока не обнаружен. Такая же ситуация характерна для изучавшихся ранее городищ Отрарского оазиса [Баштанник, Байпаков, Зиняков, 2001].

Наиболее вероятно, что земледелие основывалось на возделывании двух злаков – проса и ячменя.

Просо. Зерновок метельчатого проса (*Panicum milliaceum*) по всем слоям больше, чем зерновок ячменя. Но это объясняется тем, что они очень мелкие (в среднем 2 мм в диаметре) и в метелке проса зерновок гораздо больше, чем в колосе ячменя. Размеры найденных зерновок проса $2,3 \times 1,7$; $1,5 \times 1,5$; $1,8 \times 2$ мм, поэтому с учетом уменьшения зерна при карбонизации его размеры можно восстановить как $1,9...2,1 \times 2,1...2,4$ мм, каковыми характеризуется современное метельчатое просо. Некоторые зер-

новки деформированы – у них утерян зародыш, на месте которого осталась впадина.

Просо на ранних стадиях роста имеет замедленные темпы развития и боится сорняков, поэтому посевы надо пропалывать или использовать чистые незасоренные земли – целину или залежь, т.к. просо хорошо использует накопленное в них плодородие. Засоренность зерновых запасов семенами мари белой, которая могла попасть в них при уборке урожая, говорит о засоренности полей и указывает на то, что в округе городищ велось интенсивное земледелие на старопашотных землях. Вегетационный период проса 50–80 дней для скороспелых сортов и 100–200 – для позднеспелых. По анатомическому строению корневой системы оно типичное ксерофитное растение. Усваивающая способность корней у проса лучше, чем у пшеницы и ячменя. Это одно из самых малотребовательных к влаге растений, способно переносить сильное обезвоживание тканей. Даже при близком к мертвому содержанию влаги в почве корни проса

способны ее извлекать. Тем не менее эта культура отзывчива на орошение. На неполивных землях только почти полное отсутствие осадков во второй половине лета мешало снимать два урожая в год. Средней урожайностью считается 20–25 ц/га. Все это делало просо одним из самых удобных для возделывания злаков в условиях аридных степей и полупустынь [Растениеводство, 1967, с. 79].

О возделывании проса в Южно-Казахстанском регионе есть сообщения средневековых арабоязычных и европейских авторов, и, хотя эти свидетельства относятся к более позднему времени, они отражают устоявшуюся практику. Йакуби отмечает, что «в Туркестане нет земледельцев, кроме сеющих просо». Ал-Омари пишет о кыпчаках, проживавших по Сырдарье и в предгорьях Каратау: «...посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаше всего у них встречается просо, им они питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда». Плано Карпини (XIII в.) сообщает о среднеазиатских кочевниках-монголах, что «они варят просо с водой» [Путешествия..., 1993, с. 32]. Русский посол В. Кобяков, ездивший в 1695 г. в г. Туркестан – ставку хана Тауке, – отмечает уже более разнообразный набор злаков в округе этого сырдарьинского города: «Хлеба у Тевке-хана родится многое число, пшеница, и ячмень, и просо, и хлебы сеют озимые и яровые» [Прошлое Казахстана..., 1997, с. 165]. По свидетельству русского путешественника А.И. Левшина (первая треть XIX в.), просо было главным зерновым растением казаха-земледельца [1996, с. 205].

Ячмень. Наиболее распространенным в ячменных посевах был двурядный пленчатый (*Hordeum vulgare distichum*) с симметричными зерновками и расширяющимися к вершине неглубокими бороздками. Даже с учетом соответствующих поправок на уменьшение при обугливание найденные зерновки имеют меньшие размеры, чем у современных ячменей. Культивировались мелкозерные сорта, что было обусловлено сухостью климата и бедностью почв. Преобладали рыхлоколосые виды с удлинненными зерновками, у которых индекс отношения длины к ширине 1,7–2,2. Ячмень требует влаги несколько больше, чем просо, но меньше пшеницы. Вследствие раннего посева (не требователен к теплу) и скороспелости (80–100 дней) использует весенние запасы влаги и не боится летней засухи и суховея, что определяет его более высокую по сравнению с пшеницей урожайность в южных районах.

Пшеница. Изученные зерновки по отношению длины к ширине могут быть разделены на три группы: 1) 28 зерновок имеют индекс 1,6–2, присущий мягкой пшенице – *Triticum aestivum*; 2) у 17 он составляет от 1,1 до 1,5, что соответствует карликовой пшенице – *Tr. compactum*; 3) одна зерновка имеет

почти круглую форму, характерную для круглозерной пшеницы – *Tr. sphaerocum*.

У современных пшеничных зерновок индексы несколько больше. Различие объясняется тем, что при обугливание зерновка укорачивается и расширяется. Карликовая пшеница имеет короткий и плотный колос и соответственно мелкие, короткие и широкие зерна, иногда приближающиеся к округлым. Такое зерно при помоле дает меньше отрубей, т.к. поверхность шара наименьшая по сравнению с поверхностями тел такого же объема, но другой формы. Карликовая пшеница отличается от мягкой короткой и устойчивой к полеганию соломиной, что дает ей преимущества на высокоплодородных почвах, где она не полегает. Таким условиям отвечают целинные и вновь осваиваемые залежные земли. Карликовая пшеница также обладает скороспелостью, засухоустойчивостью и неприхотливостью. По сравнению с мягкой пшеницей ее урожай меньше, но устойчивей по годам.

Изученные зерновки карликовой и мягкой пшеницы мелкие и сходны по размерам с наиболее мелкозерными современными сортами этих видов. Они отражают существование смешанных посевов *Triticum aestivum* и *Tr. compactum*, где шла их спонтанная гибридизация, о чем свидетельствуют зерновки с переходной величиной индекса 1,5. Растения смешанных популяций должны обладать одинаковыми биологическими свойствами, прежде всего одновременностью созревания, что важно при уборке урожая. С генетической точки зрения оба вида пшеницы обладают гексаплоидным набором хромосом и геномом AABBDD. Ряд исследователей рассматривают карликовую пшеницу как один из подвидов мягкой (*Tr. aestivum* subsp. *compactum*) [Zohary, Hopf, 1994, p. 47]. Интересно, что смешанные посевы этих видов существовали в средневековье и в других регионах, удаленных от Средней Азии и Казахстана: на территории Германии, Польши, в Новгороде и Приднестровье [Янушевич, 1976, с. 87–92].

Горох. Представлен во всех изученных слоях на обоих памятниках. К IX–X вв. культивирование гороха приобрело большее значение, чем ранее. Семена карбонизированы, лишены оболочки и имеют неправильную шарообразную форму. Это указывает на то, что под действие огня попали не полностью созревшие и подсушенные горошины, а еще сохранившие некоторое количество влаги. Корешок часто утерян, диаметр горошин 3,5–4 мм, до обугливания он мог быть 4,2–5 мм. Размеры семян современного гороха находятся в пределах 3,5–10 мм. Изученные семена принадлежали мелкосеменному подвиду *Pisum sativum* subsp. *asiaticum*, возделывавшемуся в Передней и Центральной Азии [Жуковский, 1964, с. 333]. Горох предъявляет повышенные требования к влаге: для прорастания семян ее требуется 100–150 % от веса семян; наиболее высокие

урожаи снимают, когда влажность почвы близка к оптимальной – 80 % от почвенной влагоемкости, поэтому в долине Арыси он мог выращиваться только на основе искусственного орошения. Горох является хорошим предшественником для многих культур, т.к. синтезирует азот воздуха, а его корневая система растворяет труднодоступные фосфаты, что могло использоваться средневековыми земледельцами для восстановления плодородия почвы после злаковых.

В материалах IX–X вв., полученных на городище Джуван-тобе в 2004 г., представлены и другие культурные бобовые, в частности **маш** и **чечевица столовая**. Легкая карбонизация и засушливые условия региона позволили сохраниться не только семенам последней, но и плодам – стручкам.

Маш (фасоль золотистая – *Phaseolus aureus*) в настоящее время возделывается в Средней Азии как основное пищевое бобовое растение при условии искусственного орошения. Его семена содержат 25 % белка, 50 % углеводов и 1,5 % жирных масел. Используется также на зеленое удобрение.

Виноград. Обращает внимание большое количество его семян (косточек). Морфологически они делятся на две группы: более мелкие округлые (винные сорта) и более крупные и вытянутые (столовые сорта). Косточки сохранились в карбонизированном состоянии. По мнению известного ботаника П.М. Жуковского, регион входит в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида. Культурный виноград не был импортирован в регион извне и происходит от дикого *Vitis silvestris*, северной границей распространения которого являются близлежащие горы Каратау, где он приручен к местам древних поселений [Там же, с. 568] и был введен в культуру их обитателями. П.М. Жуковский считает, что в Средней Азии винных сортов очень мало и вино готовят из кишмишных и столовых сортов, но в то же время в Западном Тянь-Шане есть одичалый виноград, по типу винный. Исчезновение винных сортов можно связать с распространением ислама и запретом употреблять вино. С тех пор селекция направлялась на получение сортов для приготовления изюма и столовых. Их использовали как источник сахара, но это произошло позже.

Дикие и сорные виды растений могут использоваться для оценки степени антропогенного влияния на природу. На Караспан-тобе (слои IV–V вв.) встречен водный перец и другие виды семейства гречишных, которые предпочитают влажные местообитания и произрастают на берегах водоемов. Их наличие указывает на достаточную увлажненность в округе городища. В слоях VII в. на Джуван-тобе плодов таких растений пока не обнаружено, а в слое IX–X вв. – только одно семя, что объясняется либо особенностями формирования культурных слоев на памятнике, либо отдалением источников воды (отход

р. Арысь к северу) и усыханием ландшафтов. С этим же может быть связано и отсутствие влаголюбивого риса в верхних слоях.

Воробейник полевой – растение, характерное для пастбищных лугов, его присутствие указывает на выпас скота в округе городищ. Верблюжья колючка является дикорастущим видом засушливых районов, предпочитает песчаные почвы. Гадючий лук – растение сухих местообитаний. Оно, как и бузина черная, относится к числу рудеральных, произрастающих на заброшенных местах, подвергнутых антропогенному воздействию. Марь белая – космополитный сорняк, произрастает на свалках, перекопанной почве, руинах.

Археоботанические исследования, проведенные на средневековых городищах в долине р. Арысь, позволили реконструировать особенности земледелия и антропогенное влияние на природные ландшафты. Свидетельством долгой оседлости и антропогенного воздействия на естественные местообитания являются остатки сорной травянистой и кустарниковой растительности. Присутствие в культурных слоях памятников, расположенных в засушливой полупустынной зоне, видов семейства гречишных, произрастающих на влажных местообитаниях, указывает на искусственное орошение, что подтверждается наличием следов ирригационных систем. Земледелие основывалось на культивировании ячменя, проса, пшеницы, риса.

Список литературы

- Бартольд В.В.** Соч.: В 9 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 3: К истории орошения Туркестана. – 425 с.
- Баштаник С.В., Байпаков К.М., Зиняков Н.М.** Культурные растения средневекового Семиречья и Южного Казахстана по археологическим находкам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 131–137.
- Жуковский П.М.** Культурные растения и их сородичи. – Л.: Колос, 1964. – 792 с.
- Левшин А.И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
- Прошлое Казахстана** в источниках и материалах. – Алматы: Казахстан, 1997. – 383 с.
- Путешествия** в восточные страны. Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы: Гылым, 1993. – 248 с.
- Растениеводство.** – М.: Просвещение, 1967. – 559 с.
- Руководство** по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). – М.: Ин-т геогр. РАН, Ин-т археол. РАН, 2000. – 88 с.
- Янушевич З.В.** Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 210 с.
- Zohary D., Hopf M.** Domestication of plants in the Old World. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 279 p.

УДК 903.2

А.А. Тишкин¹, В.П. Мыльников²¹*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tishkin@hist.asu.ru*²*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru*

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНА 31 ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН II НА АЛТАЕ*

Введение

Раскопки курганов скифо-сакского времени на Алтае дали огромный пласт археологических источников. Часть полученных материалов имеет этнографическую сохранность. Известны сотни деревянных предметов самого разнообразного функционального назначения. Их всестороннее изучение позволило получить обширную информацию об одном из основных видов древних производств на территории Южной Сибири – деревообработке [Семенов, 1956; Мыльников, 1999; Мыльников и др., 2002; Самашев, Мыльников, 2004].

По данным трасологического анализа следов отпечатков орудий, а также путем физического моделирования при изготовлении реплик-копий археологических предметов и экспериментальных работ выявлены инструменты и приемы работы ими. При этом восстановлены способы изготовления основных категорий деревянных изделий. Обозначены три главных направления (отрасли) в деревообработке: строительное дело, плотнишко-столярные работы и резьба (простая, сложная, художественная). На основе функ-

ционального анализа артефактов определены виды производства предметов по отраслям. Зафиксированы основные типы погребальных сооружений и лож.

Исследования показали, что деревообработка богата своими традициями. Реконструкция, систематизация и классификация приемов и способов рассматриваемого древнего производства позволили определить конкретные свойства, присущие структурным характеристикам используемого материала, и особенности его применения. Они оказывали влияние на развитие морфологии предметов и архитектуры конструкций, что связано и с культурно-историческим развитием этноса.

Раскопки памятников булан-кобинской археологической культуры (II в. до н.э. – первая половина V в. н.э.) около устья р. Большой Яломан (левый приток Катунь, Онгудайский р-н Республики Алтай) показали, что и в каменных погребальных конструкциях в виде ящиков при наличии соответствующих факторов предметы из органики тоже могут иметь этнографическую сохранность [Тишкин, 2005, 2007б; Тишкин, Горбунов, 2003, 2006; Горбунов, Тишкин, 2006]. Всестороннее изучение деревянных изделий из комплекса Яломан II с привлечением других материалов в будущем даст возможность проследить развитие деревообработки на Алтае в т.н. гунно-сарматское время [Савинов, 2002, с. 150]. Введение в научный оборот новых данных позволит расширить представления о традициях в технологии обработки дерева в постпазырыкскую эпоху.

*Работа выполнена в рамках программы «Северная Азия в эпоху палеометалла: этногенез и культурогенез» (проект «Комплексные исследования материальной культуры и этнической истории населения Евразии в голоцене») при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07–06–00341).

По результатам предварительного технико-технологического анализа материалов, полученных из исследованных курганов булан-кобинской культуры памятника Яломан II, нами выделены следующие функциональные группы деревянных предметов, которые бытовали на Алтае в период II в. до н.э. – первая половина V в. н.э.: внутримогильные сооружения (перекрытие из жердей, комбинированная каменно-деревянная конструкция ящика); погребальные лежа (колоды из целых стволов дерева хвойных пород); посуда (блюда с ножками и без них, кружкоподобные и горшковидные сосуды); оружие (кибиты луков, колчаны с деревянными деталями, древки стрел, модель чекана); конское снаряжение (псалии, составные седла с полками и луками); несущие части инструментов (рукоятки шильев); предметы туалета (наборные гребни с деревянной основой, гребни, выполненные из одной заготовки, и др.); пеналы (долбленные емкости с крышками для хранения инструментария) [Тишкин, Горбунов, 2003, с. 488–491; Тишкин, 2005, 2007a]. Кроме этого, обнаружены изделия из бересты, деревянные подкладки под металлические детали и другие находки*.

Предварительные результаты технико-технологического изучения комплекса деревянных предметов

Раскопанный на памятнике Яломан II кург. 31 датирован второй половиной IV – первой половиной V в. до н.э. (жужанское время) и отнесен к булан-кобинской культуре (верх-уймонский этап) [Тишкин, Горбунов, 2003, с. 493; 2005, с. 161; Тишкин, 2006, с. 31]. Он представлял собой «классический» кенотаф [Тишкин, Грушин, 1997]. В каменном ящике обнаружено большое количество находок, которые сохранились благодаря хорошо оформленной погребальной конструкции и отсутствию тела умершего человека, замененного берестяной фигурой [Тишкин, Горбунов, 2003, с. 491; Тишкин, 2005, с. 67, рис. 400–405].

Посуда

Деревянный сосуд из капа (рис. 1, 1). Изделие выполнено из одной заготовки (березового нароста – капа) и имеет маленькую ручку. Структура дерева деградирована. Отчетливо фиксируется сильная пористость, разрывы и деформация формы. Высота сосуда

22,4 см, диаметр тулова 15,5 см, толщина стенок 3,5 мм. Горловина 9,6 × 8,5 см в поперечнике, высотой 3,5 см. Дно сильно покоробилось, скорее всего, из-за того, что в емкость была налита жидкая пища. Его диаметр примерно 6 см, толщина 6–8 мм. Сбоку сосуда, чуть выше середины тулова, вырезана округлая ручка с отверстием, в поперечном сечении треугольная. Высота этого приспособления по тулову составила 5 см, ширина – 3,5, толщина у тулова – 1,6 см. Отверстие прорезано стамеской, внутренняя поверхность выровнена тонким лезвием ножа, зашлифована абразивом и заглажена. Его небольшие размеры (2,2 × 1,5 см), видимо, соответствовали параметрам указательного пальца взрослого человека. Сосуд в руке удерживался, по всей вероятности, при помощи трех пальцев: указательный просовывался в отверстие, а большой и средний его фиксировали.

Предмет изготовлен специалистом с большим опытом работы. Тщательность наблюдается во всем: от соблюдения пропорций толщины дна и стенок, диаметров горловины и тулова до очень тонкой вторичной обработки внешней поверхности. Несмотря на значительную деформацию формы и деградацию древесины, на внешней и внутренней сторонах сосуда сохранились следы первичной (выравнивание поверхности лезвием резца) и вторичной (лощение, полировка) обработки. На боку изделия, справа от ручки, ниже горловины на 7 см, имеется сквозное отверстие прямоугольной формы (8 × 3 мм). Признаков обработки инструментами внутри отверстия не зафиксировано. Возможно, это правильной геометрической формы след от выпавшего сучка.

Блюда-столик с четырьмя несъемными ножками (рис. 2). Изделие выполнено из цельной березовой заготовки из прикорневой части дерева возрастом не менее 100 лет. Форма блюда прямоугольная со скругленными углами, размеры 34,5 × 26,5 см. В одном углу изделие подпорчено гнилью, другой отсутствует; глубокие разломы рассекли древесину днища в разных направлениях. Высота бортиков блюда снаружи 4–4,5 см, изнутри 3,5–3,7 см; толщина сверху 0,5 см, у дна 0,8 см. Толщина дна 0,7–0,8 см.

Две ножки на днище блюда сильно деформированы, а две хорошей сохранности. Судя по сохранившимся экземплярам, они цилиндрической формы с одной заостренной гранью. Их поперечное сечение похоже на таковое рукоятей некоторых боевых пазырыкских чеканов. Высота ножек 3,7–3,8 см, размер в поперечнике 3,3 × 2,5 см. Для большей устойчивости блюда ножки сделаны с небольшим (10–15°) наклоном наружу.

Внутренняя и внешняя поверхности блюда и даже нижние плоскости ножек в свое время были тщательно зашлифованы (заполированы). На внутренней поверхности наблюдаются следы порезов лезвием ножа при разделке мяса; их очень мало.

*Ксилотомический анализ части образцов, взятых от изучаемых предметов, выполнен М.И. Колосовой, кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа.

Рис. 1. Деревянный сосуд из капа (1) и пенал (2).

Рис. 2. Блюдо-столик.

На расстоянии 3 см от одного из бортиков, посередине длинной стороны блюда, в днище прорублено подквадратное отверстие. В нем по противоположным углам вбиты два деревянных гвоздика. С внутренней стороны над отверстием находится спиралевидное завихрение древесины – сучок, в котором видны срезанные лезвием стамески заостренные вершинки гвоздиков. Возможно, это следы ремонта или устранения дефекта, возникшего при изготовлении блюда.

Оружие

Лук. Трасологический и технико-технологический анализы свидетельствуют о том, что каждый лук представлял собой индивидуальное оружие со своими точно подогнанными и связанными в единое целое деталями. По мнению исследователей, не всякий человек мог сделать хороший лук и иногда процесс его создания затягивался на несколько лет [Окладников, 1940; 1950, с. 204–205]. Как показывают эксперименты, даже самый простой деревянный лук требует технических познаний, немалого опыта и определенных временных затрат. Технология его изготовления предусматривает использование практически всех основных и дополнительных операций по обработке дерева.

Предполагается, что самый древний лук, выполненный из цельного дерева, обнаружен в мезолитических отложениях Хольмтарда в Дании [Кларк, 1953, табл. 1, 1]. Костяные рефлексующие пластины-накладки для неолитических луков найдены в могильниках серовской культуры Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 220–224]. Целых луков в материалах археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века Северной и Центральной Азии практически нет. Имеющиеся изделия обнаружены во фрагментах. Часть их найдена на Алтае, в Туве, Монголии и на сопредельных территориях [Суразаков, 1983; Новгородова, 1989, с. 329, 334, 335, 341; Кубарев, 1991, с. 83; 1992, с. 69–70; Кочеев, 1997; Горбунов, 2006, с. 13–14]. Полностью реконструировать весь процесс изготовления луков крайне затруднительно. Исследователи пришли к убеждению, что в скифо-сарматское время в степях Северной и Центральной Азии существовали два типа луков: короткий боевой «скифский» (100 см) сигмовидной формы и длинный «охотничий» (120–135 см) простой сегментовидной формы [Мелюкова, 1964, с. 14–15; Волков, 1967, с. 25–26; Кубарев, 1987, с. 69; 1992, с. 70–71]. Судя по сохранившимся фрагментам рабочих частей (рукояти и плечи кибити), луки пазырыкского и савроматского типов склеивались из нескольких плоских и тонких полос разных пород дерева. Видимо, этот технологический прием был необходим для увеличения упругости и убойной силы оружия.

Тем более что рефлексующих костяных накладок, увеличивающих убойную силу, такие луки не имели [Смирнов, 1961, с. 32; Хазанов, 1966; Худяков, 1980, с. 66–75]. На поверхностях овальных и прямоугольных в сечении составных полос в местах склейки для более прочного соединения частей наносились ножом штриховые борозды. Склеенные детали оборачивали слоем тонкой бересты или кожи и по косым насечкам на ребрах граней туго стягивали сухожилиями. В Туве, судя по сохранившимся фрагментам из могильников Холаш и Сарыг-Булуи [Семенов, 1997, с. 17–18], луки были следующего устройства. Деревянная основа из березы, имевшая сегментовидное сечение, ширину 4 см, по всей плоскости оклеивалась рыбьей кожей, а упор-рукоять дополнительно (для усиления упругости и убойной силы) плотно обвивалась тонкими сухожилиями. Реконструируемая длина 127–130 см.

Лук из кург. 31 памятника Яломан II представлен фрагментами центральной части и плечей (рис. 3). Предварительный трасологический анализ показал, что он был изготовлен из двух специально подобранных березовых заготовок. После первичной обработки эти части лука крепко соединялись между собой в центре кибити при помощи длинных косых срезов с насечками, клея и костяных накладок, которые, по всей вероятности, сверху плотно обматывались сухожильными нитями. Центральная часть кибити (рукоять) и широкие плоскости плечей были ориентированы перпендикулярно относительно друг друга. Сохранившаяся центральная часть с началом плеча состоит из двух фрагментов, склеивавшихся между собой. Четко фиксируется место склейки. Склеивавшиеся плоскости испещрены косыми перекрещивающимися надрезами, сделанными лезвием ножа, очевидно, для придания большей жесткости изделию в месте соединения. Аналогично обработана поверхность для прочного приклеивания концевых костяных накладок. Реконструируемая длина лука 143–150 см [Горбунов, 2006, рис. 11, 1; Тишкин, Горбунов, 2007, с. 166].

Древки стрел (рис. 4). В коллекции насчитывается 33 экз. различной длины и разной степени сохранности. Вместе с ними найден 31 железный наконечник [Тишкин, Горбунов, 2007, с. 168]. Все древки стрел, по определению специалистов, выполнены из березовых заготовок. Они круглые в сечении, с выраженными участками разного диаметра в нижней, средней и верхней частях для большей устойчивости стрелы в полете. Изготовлены древки очень тщательно и, вероятно, в соответствии с существовавшими стандартами. Анализ следов на их поверхностях позволил выявить несколько операций: первичные – резание (поперечное, косое), строгание (продольное, скобчатое); вторичные – заглаживание (сплющивание структуры для придания изделию большей прочности), шлифовка (полировка).

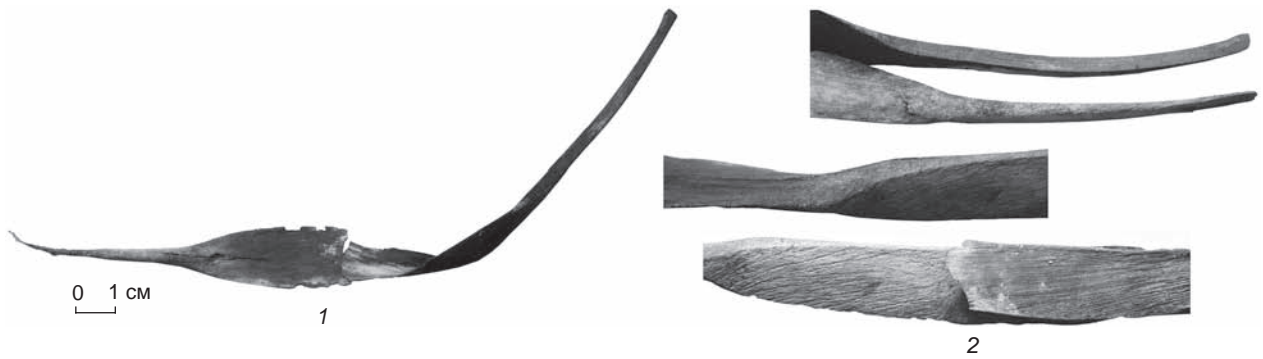

Рис. 3. Лук.
1 – плечо; 2 – детали кибити.

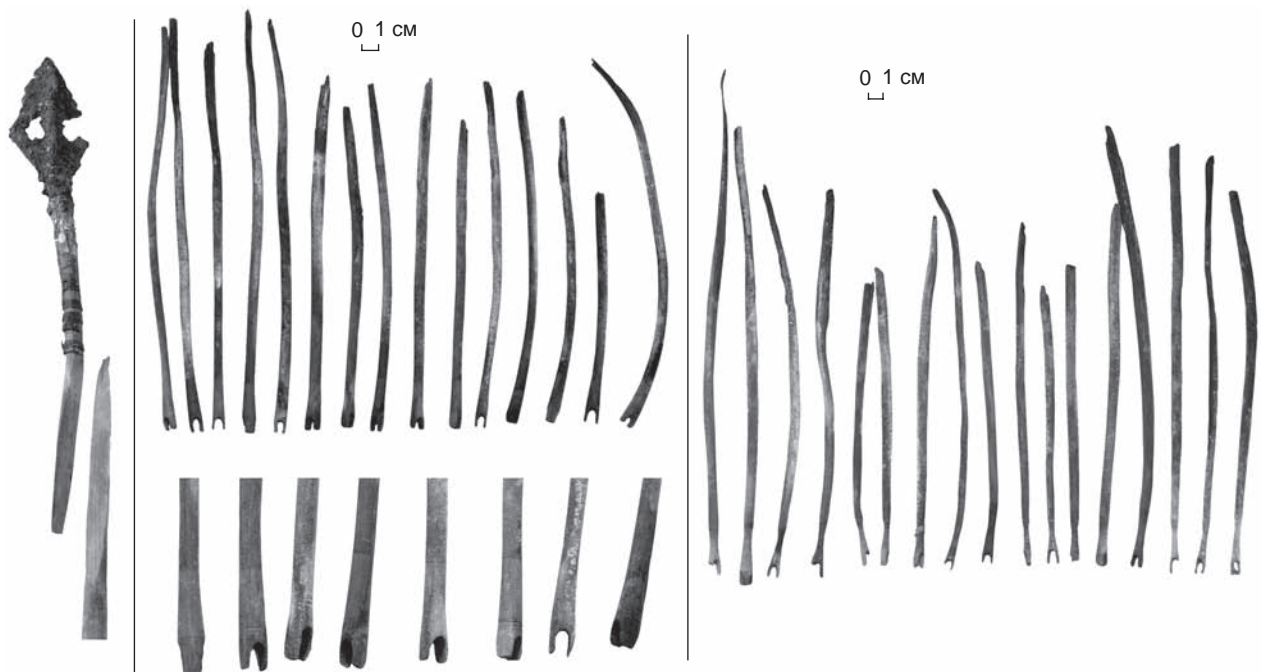

Рис. 4. Древки стрел.

Для общей демонстрационной классификации древки можно разделить на два типа: 1) с неявно выраженным утолщением конца с арочным вырезом под тетиву для захвата пальцами руки (15 экз.); 2) с явно выраженным сужением (уменьшением диаметра) над арочным вырезом под тетиву для более удобного захвата пальцами руки (17 экз.).

Реконструируемая длина целых изделий 70 см [Там же]. Диаметр в месте пальцевого захвата 4–5 мм, утолщенного конца с арочным вырезом под тетиву – 6–7, посередине древка – 7–8, насада для наконечника – 5–6 мм. Длина участка пальцевого захвата 2,5–3 см. Арочные вырезы под тетиву имеют ширину 5–6 мм, глубину 6–7 мм.

Большинство древков стрел в местах выше участков для захвата пальцами, т.е. там, где крепилось оперение, имеет окраску природными красителями красного и черного цвета (у четырех экземпляров черного, у остальных – красного). На некоторых древках участки для крепления оперения сверху и снизу окаймлены черными полосками шириной 2 мм (от одной до трех). Несколько экземпляров состоит из двух частей, скрепленных (склеенных) друг с другом симметрично срезанными концами в виде длинного косо́го клина. Такие же клиновидные заостренные срезы сохранились на некоторых коротких древках с прикрепленными к ним железными трехлопастными наконечниками стрел с костяными свистунками.

Колчан (рис. 5). Найдены многочисленные фрагменты колчана сложной комбинированной конструкции из деревянных деталей и плотной матерчатой основы. В набор деревянных деталей входят днище, верхняя крышка, боковые планки – резная для ремня и каркасные с рядами пар отверстий, – деревянный крючок.

Днище колчана – круглая в плане платформа с плоским дном, наклонными стенками и профилированной внутренней частью в виде конусообразного выступа с полусферическим углублением. Нижний диаметр платформы 8 см, верхний – 9; высота 1,7 см. Стенки имеют наклон порядка 15°; их толщина 1 см. Диаметр центрального углубления 3 см. С внешней стороны по боковому ободку примерно на одинаковом расстоянии друг от друга просверлены девять сквозных отверстий диаметром 3 мм, вероятно, для крепления матерчатого мешка для стрел.

Рис. 5. Колчан.

Верхняя крышка колчана по форме напоминает копыто лошади. Она имеет плоский верх, наклонные стенки и выпуклую сфероидную внутреннюю поверхность. Длина верхней плоскости крышки 7,8 см, нижней (профилированной) – 8,4 см; наибольшая ширина 5,2 см, высота 1,4 см. С внешней стороны по боковому ободку примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, как и на днище, просверлены 10 сквозных отверстий того же диаметра для крепления верхней части мешка для стрел.

Боковая резная планка для крепления к португейскому или специальному ремню через плечо представляет собой удлиненно-коническую рейку (23 см), в сечении арочной формы. Ширина пластины 16 и 9 мм, толщина – 13 и 10 мм. Со стороны плоского основания на расстоянии 2 см от концов пластины вырезаны аккуратные выемки глубиной 2 мм, шириной 11 мм, по бокам которых просверлено по два сквозных отверстия диаметром 2 мм. На противоположной стороне сделаны желобки для ремешков крепления. У более широкого конца вырезан тонкий овальный выступ толщиной 2 мм, шириной 6 и длиной 9 мм.

Боковые каркасные планки (ребра жесткости матерчатой основы) с равномерно расположенными парами отверстий и углублениями-желобками между ними состоят из нескольких фрагментов реек разной длины, шириной 6–8 мм, толщиной 4–5 мм, в сечении арочной формы.

Реконструированный колчан представляет собой длинный матерчатый цилиндр-тубус с деревянными круглым днищем и полулунной крышкой, тремя боковыми планками жесткости, приспособлением для ремня и карманом [Горбунов, 2006, рис. 11, 4; Тишкин, Горбунов, 2007, с. 168, рис. 3, 1].

Среди деталей колчана находилось еще одно деревянное изделие – длинный фрагмент округло-треугольной в сечении планки толщиной 7–9 мм с вырезанным ножом выступом в виде крючка. Функциональное назначение данного предмета пока не определено. Колчан был украшен вырезанными из коры аппликациями [Тишкин, Горбунов, 2007, рис. 3, 1, 4].

Детали конского снаряжения

Деревянная основа седла. Найдены фрагменты жесткого седла плохой сохранности: части полок, передней и задней луки, изготовленных из березы. Отверстия, с помощью которых к полкам крепились луки, двух типов – округлые (диаметром 3 мм), просверленные сверлом или разверткой, и подквадратные (4 × 4 мм), прорезанные стамеской. Они расположены на расстоянии 2,2 см друг от друга. На внутренней поверхности полок фиксируются следы лезвия топора. Очевидно, они не прошли вторичную обработку. Внешние поверхнос-

ти заглаженные, следов инструментов практически нет. Следует указать, что в мог. 1 кург. 33 памятника Яломан II найдена полностью сохранившаяся деревянная основа жесткого седла без стремян [Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2, 4–7]. Обнаруженные изделия важны для понимания процесса эволюции конского снаряжения [Савинов, 2005; Худяков, Комиссаров, 2006].

Инструментарий

Пенал (см. рис. 1, 2). Выдолбленная из фрагмента ствола дерева хвойной породы коробочка предназначалась для хранения предметов. Ее длина 33 см, ширина – 8,7–8,9, высота – 5,7–6,4 см. Толщина дна 6–8 мм, длинных стенок – 5, торцовых внизу – 10,верху – 25 мм. Сохранность древесины средняя; торцы пенала растрескались, со щелями. На дне фиксируется большая дыра с рваными краями – следы гниения или действия грибка. Одна длинная стенка пенала абсолютно целая, другая, подпорченная гнилью, посередине имеет поперечный излом. На целом бортике, ниже края кромки на 1,6 см, два подквадратных сквозных отверстия 3×3 мм. Они прорезаны или прорублены стамеской с тонким плоским лезвием. На противоположном бортике посередине фиксируется только одно отверстие.

Каждый торец тела пенала равномерно заострен с четырех сторон к середине. На одном из них на расстоянии 1,2 см от края тонкой стамеской прорезано сквозное отверстие, имеющее форму усеченной пирамиды; размеры 7×7 мм с внешней стороны, 4×4 мм – с внутренней. Изнутри торцы обработаны лезвием небольшого тесла или долота. Удары инструмента, судя по расположению и характеру следов, были направлены сверху вниз. Принципы обработки поверхности и выемки древесины изнутри для оформления полости практически те же, что и при изготовлении большой колоды.

Крышка пенала, изготовленная из сосны кедровой сибирской, плоская, длиной 32 см, шириной 8, толщиной 0,6 см. Ее торцы прямые, наклонные. На крышке просверлены три сквозных отверстия, совпадающих по расположению с таковыми на теле пенала. Вероятно, там, где два отверстия, крышка

Рис. 6. Большая берестяная фигура человека и сопроводительный инвентарь.

1 – антропоморфная фигура; 2 – фрагмент гребня; 3 – фрагменты предмета, похожего на змею; 4 – «игральные (гадальные) бобы»; 5 – тонкая полая деревянная трубочка (прибор для письма?); 6 – предметы неясного назначения (стержни); 7 – фрагмент железного шила с рукоятью.

крепилась с помощью сыромятных ремешков, а там, где одно, – был какой-то замок (запор), возможно, тоже в виде ремешка.

На внешней поверхности длинных сторон пенала и верхней плоскости крышки фиксируется множество перекрещивающихся надрезов, сделанных тонким лезвием ножа. Вероятно, это следы многочисленных раскroев каких-то кожаных или берестяных изделий, при изготовлении которых мастер использовал пенал как маленькую столешницу. На его бортиках слабо различимы и какие-то плохо читаемые тончайшие узоры (следы) непонятного происхождения.

Фрагмент железного шила с рукоятью (рис. 6, 7). Внутри пенала было найдено металлическое шило, вставленное в деревянную рукоятку. Круглая в сече-

нии, с округло-сферическим утолщением на конце рукоять выполнена из березовой заготовки. Ее длина 6,4 см, утолщенной части – 1,6 см, диаметр утолщения 2,1 см. Заглаженная поверхность свидетельствует о частом применении этого инструмента. Рабочая часть – квадратный в сечении (4 × 4 мм) железный стержень, корродирован. Длина сохранившейся части 1,8 см. Шило было вставлено в квадратное отверстие, прорезанное стамеской с тонким лезвием, и слегка вбито в рукоять. Не исключено, что для «прорезания» глубокого отверстия использовался раскаленный на огне металлический пруток или сам стержень. Возможно, для дополнительной жесткости металлический стержень был посажен на клей.

Рядом с шилом найден фрагмент (верхний конец рабочей части орудия) сильно корродированного, круглого в сечении, заостренного стержня. Его длина 10,2 см, диаметр – 0,8 см.

Предметы туалета

Фрагмент гребня (рис. 6, 2). Обломок с пятью зубцами имеет длину 5,3 см, ширину – 1,8, толщину – 0,4 см. Гребень был изготовлен из единой заготовки. Зубья одинаковой длины (2,6–2,9 см) и ширины (2,5 мм) аккуратно вырезаны тонким лезвием ножа. С лицевой стороны верхняя часть гребня покрыта тонким резным орнаментом в елочку. Несмотря на небольшую длину зубьев, гребень мог использоваться в качестве декорированной заколки для волос.

Культовые и другие предметы

Фрагменты предмета, похожего на змею (рис. 6, 3). Округлый в сечении предмет, вероятно, был выполнен из одной заготовки – прута (корневой части) дерева. Древесина темного цвета со следами деградации. Две из трех сохранившихся частей предмета внешне паразитично похожи на тело змеи с основными признаками: постепенное и пропорциональное уменьшение диаметра туловища от круглой головы к тонкому коническому хвостику. Один фрагмент с округло-овальным утолщением на конце – изображение головы змеи с частью туловища. Посередине овальной головки просверлено сквозное отверстие диаметром 1,5 мм, передающее глаза пресмыкающегося. Длина этого фрагмента 7,7 см, диаметр утолщенной части 1 см, остальной – 0,5 см. Другой фрагмент, вероятно, изображение части тела змеи с хвостом. Он имеет коническую форму, длину 6,4 см, диаметр у излома 0,4 см, у окончания – 0,2 см. На тонком конце острым лезвием ножа тщательно проработано изящное коническое утолщение, аккуратно заостренное мельчайшими срезами.

«Игральные (гадальные) бобы» (рис. 6, 4). Деревянные предметы формой удивительно напоминают семена бобов. Обнаружено девять целых экземпляров. Одна сторона каждого «боба» округлая, противоположная – двускатная (срезы с двух сторон к центру). Ребра узкие, за счет чего один «боб» очень напоминает формой семя подсолнечника. Иногда они немного вогнутые.

У трех предметов на двускатной поверхности резной орнамент из перекрещивающихся двойных линий, напоминающих букву Х, или косой крест, в обрамлении четырех уголков-скобок. На противоположной стороне вырезаны поперечные полукруглые и квадратные в сечении выемки шириной и глубиной 2 мм. Двускатную поверхность этих «бобов» покрывали наклеенные на них тончайшие листки коры.

Тонкая деревянная трубочка (прибор для письма?) (рис. 6, 5). Найдены два фрагмента тонкого (диаметр 2,5 мм) стержня (прутик, веточка) с продольным сквозным отверстием. Длина одного из них 5,4 см. На нем сохранилось блестящее покрытие из тончайшей коры. Второй фрагмент имеет длину 6,2 см. На сохранившемся конце острым лезвием сделан ровный косой срез под углом 45–55°, как у гусиного пера, использовавшегося для письма. В свое время гусиные перья служили основным материалом для изготовления письменных принадлежностей. Возможно, найденный в кург. 31 предмет – свидетельство пока не зафиксированной изобразительной деятельности.

Предметы неясного назначения (рис. 6, 6). Обнаружены пять хорошо сохранившихся стержней удлиненно-конической формы, круглых в сечении. Их диаметр 5–8 см, длина – 3,5; 4; 4,3; 5; 6 см. У трех самых длинных стержней тонкие концы аккуратно заострены, у двух маленьких – притуплены. Толстые концы-основания у первых плоско срезаны лезвием ножа, у вторых – полусферические. Сбоку у одного из маленьких стержней зафиксирован небольшой скобчато-выемчатый срез лезвием ножа.

Большая берестяная фигура человека (рис. 6, 1). Поскольку останки человека в каменном ящике отсутствовали, очевидно, умершего заменили стилизованной антропоморфной фигурой, выполненной из бересты. Ее длина 36 см, ширина в плечах – 10, на уровне груди и бедер – 8 см. В районе пупка просверлено сквозное отверстие диаметром 2 мм. Двумя отверстиями обозначены глаза. Морфологически облик берестяной фигуры близок антропоморфным изображениям из могильника Аймырлыг [Степная полоса..., 1992, табл. 78, 44–46, вкл.]. Подобный предмет обнаружен при раскопках археологического комплекса каменной культуры Новотроицкое I [Уманский, 1992, с. 54, рис. на с. 110].

Заключение

В результате раскопок археологических памятников II в. до н.э. – первой половины V в. н.э. на Алтае получены деревянные предметы этнографической сохранности. Наличие такого корпуса источников предоставляет возможность проводить специальные исследования по изучению особенностей деревообработки в достаточно полном объеме. Этому будут способствовать аналогичные находки, зафиксированные на сопредельных территориях, в частности в Туве [Вайнштейн, 1970; Дьяконова, 1970а, б; Мандельштам, Стамбульник, 1992; и др.].

Большое количество изделий и приспособлений самого разнообразного функционального назначения, высокое качество их изготовления демонстрируют довольно значительный уровень развития деревообработки на Алтае в т.н. гунно-сарматское время. Предварительный технико-технологический анализ позволил выделить следующие виды рассматриваемого производства: 1) строительное дело (изготовление погребальных сооружений и лож); 2) плотницко-столярные работы (изготовление посуды, оружия, предметов туалета, хозяйственно-бытовых и ритуально-культовых предметов). Бросается в глаза практически полное отсутствие изделий с художественной резьбой. Анализ материалов показывает, что данная тенденция наметилась в конце пазырыкского времени. Вероятнее всего, это объясняется разрушением старых традиций носителями новой культуры и утратой навыков художественной резьбы по дереву, достигшей вершины своего развития в скифо-сакский период. В хуннское время сложная технология художественной резьбы по дереву сменилась простейшими приемами геометрической резьбы, которыми в последующие времена овладевал любой резчик.

В целом можно констатировать, что обработка дерева во II в. до н.э. – первой половине V в. н.э. по-прежнему носила характер домашнего ремесла. Основная масса необходимых предметов создавалась повсеместно. Изделия повышенной сложности выполняли специалисты с большим опытом работы, предполагавшим высокую квалификацию и отточенное мастерство. В первую очередь, это относится к изготовлению предметов вооружения.

Список литературы

- Вайнштейн С.И.** Раскопки могильника Кокзель в 1962 году (погребения казылганской и сыын-чюрекской культур) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л.: Наука, 1970. – Т. 3: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокзель. – С. 7–79.
- Волков В.В.** Бронзовый и железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 147 с.
- Горбунов В.В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.** Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4. – С. 79–85.
- Дьяконова В.П.** Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л.: Наука, 1970а. – Т. 3: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокзель. – С. 80–209.
- Дьяконова В.П.** Археологические раскопки на могильнике Кокзель в 1966 г. // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л.: Наука, 1970б. – Т. 3: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокзель. – С. 210–238.
- Кларк Дж.Г.** Доисторическая Европа: Экономический очерк. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – 332 с.
- Кочеев В.А.** Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 147–152.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.** Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205. – (Археология СССР).
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 91 с. – (САИ; вып. Д 1–4).
- Мыльников В.П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.
- Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А.** Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 396–402.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Гл. ред. Вост. лит., 1989. – 383 с.
- Окладников А.П.** К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // КСИИМК. – 1940. – Вып. 5. – С. 17–22.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ист.-археол. исслед. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: (Археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.
- Савинов Д.Г.** Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 19–24.
- Самашев З.С., Мыльников В.П.** Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: Берел, 2004. – 312 с. (на англ. и рус. яз.).

Семенов А.И. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. 26. – С. 204–230.

Семенов В.А. Монгун Тайга: (Археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – 48 с., 52 рис.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 163 с. – (МИА; № 101).

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с. – (Археология СССР).

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 42–52.

Тишкин А.А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 г. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2005. – 476 с. – (Архив Музея археологии и этнографии Алтая Алт. гос. ун-та; № 220).

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 54 с.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (вторая половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007а. – С. 176–184.

Тишкин А.А. Фиксация археологических объектов в Горном Алтае: опыт тахеометрической съемки комплекса памятников около устья реки Большой Яломан // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2007б. – С. 104–109.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном

Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4. – С. 79–85.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Саяно-Алтая (по материалам могильника Яломан II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 164–172.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 24–28.

Уманский А.П. О раскопках близ Новотроицкого в 1989 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 53–55, 110.

Хазанов А.М. Сложные луки Евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1966. – С. 29–44.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Роль сянби в развитии конского снаряжения и защитного облачения панцирной конницы в Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – С. 124–128.

Материал поступил в редколлегию 19.06.07 г.

УДК 903.01.09

А.П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: 32S@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО КОСТОРЕЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Введение

Проблема специализации древнего косторезного дела [Ambrosiani, 1981; MacGregor, 1985], как и любого производства, является дискуссионной. Аргументы в пользу ремесленной специализации, как правило, основаны на трех допущениях [Wellbourn, 1985, p. 123–124]: первое – наличие в индустриях нескольких периодов некоторых групп стандартизированных артефактов может означать, что эти изделия являются результатом массового производства; второе – специализация производства влияет на развитие общества; третье – разделение труда было обусловлено потребностями элиты общества.

Особенности специализации древнего косторезного производства

Специализация древнего косторезного дела имеет свои особенности. Прежде всего, тесная связь обработки кости с пищевым производством оказала существенное влияние на процесс организации этого занятия и развития специализации [Панковский, 2000, с. 95]. По мнению исследователей, в эпоху развитой бронзы резьба по кости одной из первых выделилась в самостоятельный вид косторезного ремесла – ювелирное дело (см., напр.: [Ляшко, 1994, с. 166]). На археологическом материале такая особенность прослеживается до Нового времени. Например, инструменты косторезов и ювелиров Мангазеи весьма схожи [Визгалов, 2005, с. 102]. Специалисты также считают, что с организационно-

производственной точки зрения древнее косторезное дело было достаточно аморфным и очень часто сопутствующим промыслом иных производств, например обработки кожи (см., напр.: [Горбов, Усачук, 2000; Панковский, 2000]). В эпоху бронзы специализированные площадки, где велась обработка кости и кожи, находились на поселении, в отличие от комплексов гончарного производства, которые часто размещались за пределами поселений. Тесная связь косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы отразилась на их развитии. В Северном Причерноморье упадок кожевенной обработки обусловил существенное сокращение комплекса костяных орудий [Горбов, Усачук, 2000, с. 99–100]. Интеграция косторезного и декоративного керамического производств характерна для античности [Этрусски..., 1998, с. 79].

Для производственных площадок древнего косторезного производства эпохи палеометалла Восточной Европы, по мнению ряда исследователей, характерен ряд признаков:

- обособленность участка или сооружения в комплексе построек различного назначения;
- массовость находок, представляющих сырье, заготовок, отходов и изделий разных стадий обработки;
- преобладание отходов производства, заготовок и бракованных предметов над готовыми изделиями.

Сопоставимое количество заготовок, отходов и костяных орудий является косвенным признаком косторезной производственной площадки. Наличие на поселенческих комплексах ценных роговых заготовок (спицы лося) можно считать признаком целенаправленного хранения косторезного сырья

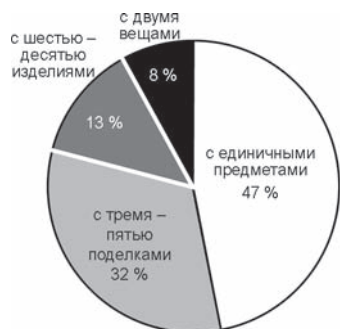

Рис. 1. Могильники с резными роговыми изделиями в сопроводительном инвентаре. Эпоха раннего железа территории Тувы.

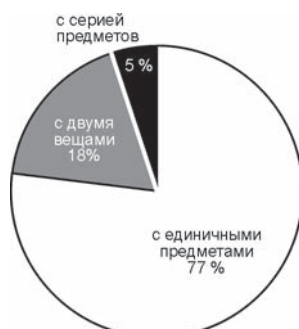

Рис. 2. Могильники с резными роговыми изделиями в сопроводительном инвентаре. Эпоха раннего железа Минусинской котловины.

для последующей его обработки. Успешные попытки определить место хранения предпринимаются на материалах средневекового Новгорода [Смирнова, 1998б, с. 247].

Признаки косторезной специализации, выявленные в погребениях эпохи поздней бронзы и раннего железа на юге Западной Сибири [Бородовский, 1997, с. 121–122], аналоги которым пока не отмечены в синхронных погребальных комплексах Восточной Европы, интерпретируются не только как производственные, но и как социальные [Панковский, 2000, с. 97]. Тем не менее признается, что в эпоху бронзы изготовлением отдельных изделий, например пса-лиев, занимались мастера-профессионалы, которые, скорее всего, не являлись «узкими» специалистами [Усачук, 2007, с. 16–17]. Для косторезного производства разных территорий это было характерно до эпохи средневековья. Как считает большинство зарубежных и отечественных специалистов (библиографию см.: [Смирнова, 1998б, с. 238–239]), масте-

ра-косторезы часто совмещали несколько видов производственной деятельности. Индивидуальное мастерство костореза вполне можно оценить по его отношению к раскрою сырья. По наблюдениям Э. Цнотливы, опытные мастера разделявали роговое сырье практически без остатка [1988]. У них почти отсутствовал брак [Флерова, 2001, с. 117] и было мало отходов [Смирнова, 1998б, с. 246].

Археологические материалы ярко демонстрируют наряду с индивидуальными региональные особенности косторезного производства. Так, технологически и орнаментально различаются щитковые и желобчатые пса-лии эпохи бронзы степной и лесостепной зон из Доно-Донецкого региона, со Среднего и Саратовского

Поволжья, с Южного Урала (Северный Казахстан) [Усачук, 2007, с. 12–13]. В скифское время в Южной Сибири и на сопредельных территориях сформировалось несколько центров художественного косторезного производства – Тувинский, Минусинский, Алтайский, Верхнеобский, Обь-Иртышский [Бородовский, 1999, 2007]. Основой для выделения древних косторезных центров послужила методика, апробированная в ходе исследования материалов бронзолитейного производства [Черных, Кузминых, 1989, с. 214–217]. Она основывалась на положении, что каждый крупный некрополь с обилием резных предметов принадлежал коллективу из родственных групп, в каждой из которых были свои мастера (рис. 1–5). Признаками косторезных центров являются: нехарактерное использование различных видов природных материалов (рис. 6); специфичные раскрой материала и типы косторезных заготовок (рис. 7); своеобразная техника художественной резьбы; результаты воздействия обработки других мате-

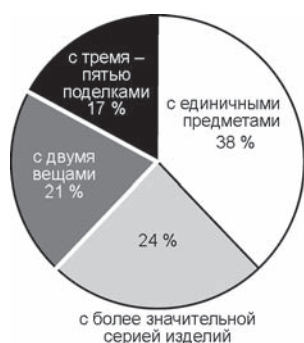

Рис. 3. Могильники с резными роговыми изделиями в сопроводительном инвентаре. Эпоха раннего железа Горного Алтая.

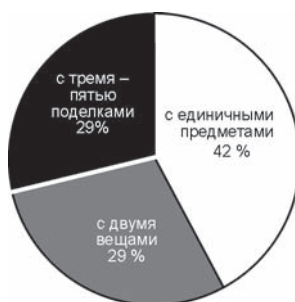

Рис. 4. Могильники с резными роговыми изделиями в сопроводительном инвентаре. Эпоха раннего железа верхней Оби.

Рис. 5. Могильники с резными роговыми предметами эпохи раннего железа Южной Сибири и сопредельных территорий.

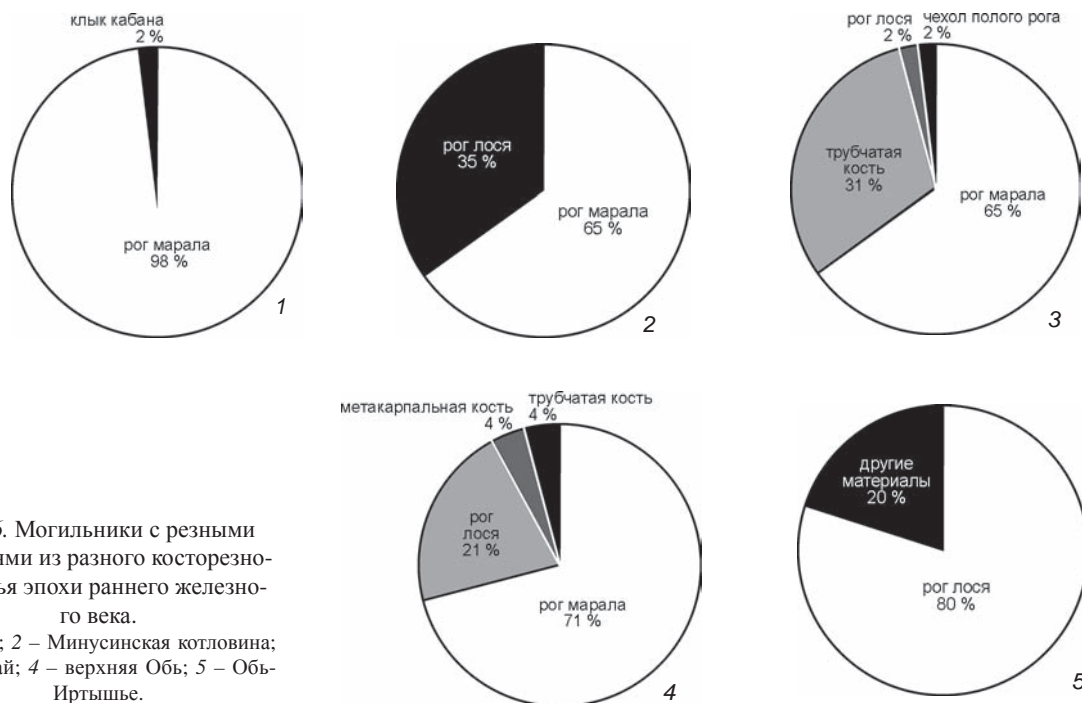

Рис. 6. Могильники с резными изделиями из разного косторезного сырья эпохи раннего железного века.

1 – Тува; 2 – Минусинская котловина; 3 – Алтай; 4 – верхняя Обь; 5 – Обь-Иртышье.

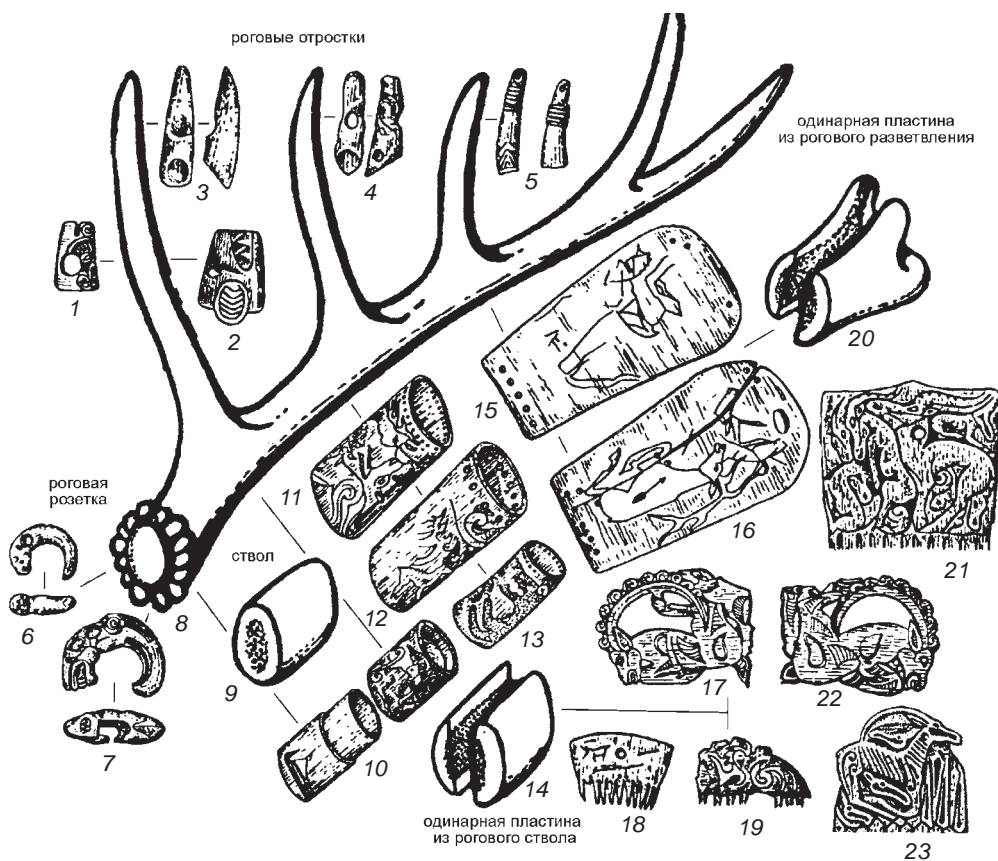

Рис. 7. Роговые заготовки для резных изделий из памятников эпохи раннего железного века Тувы.

8 – рог; 9 – заготовка из рогового ствола; 14 – одинарные роговые пластины из ствола; 20 – одинарные роговые пластины из рогового разветвления.

1–7, 10–13, 15–19, 22 – Аймырлыг; 21, 23 – Хемчик-Бом III.

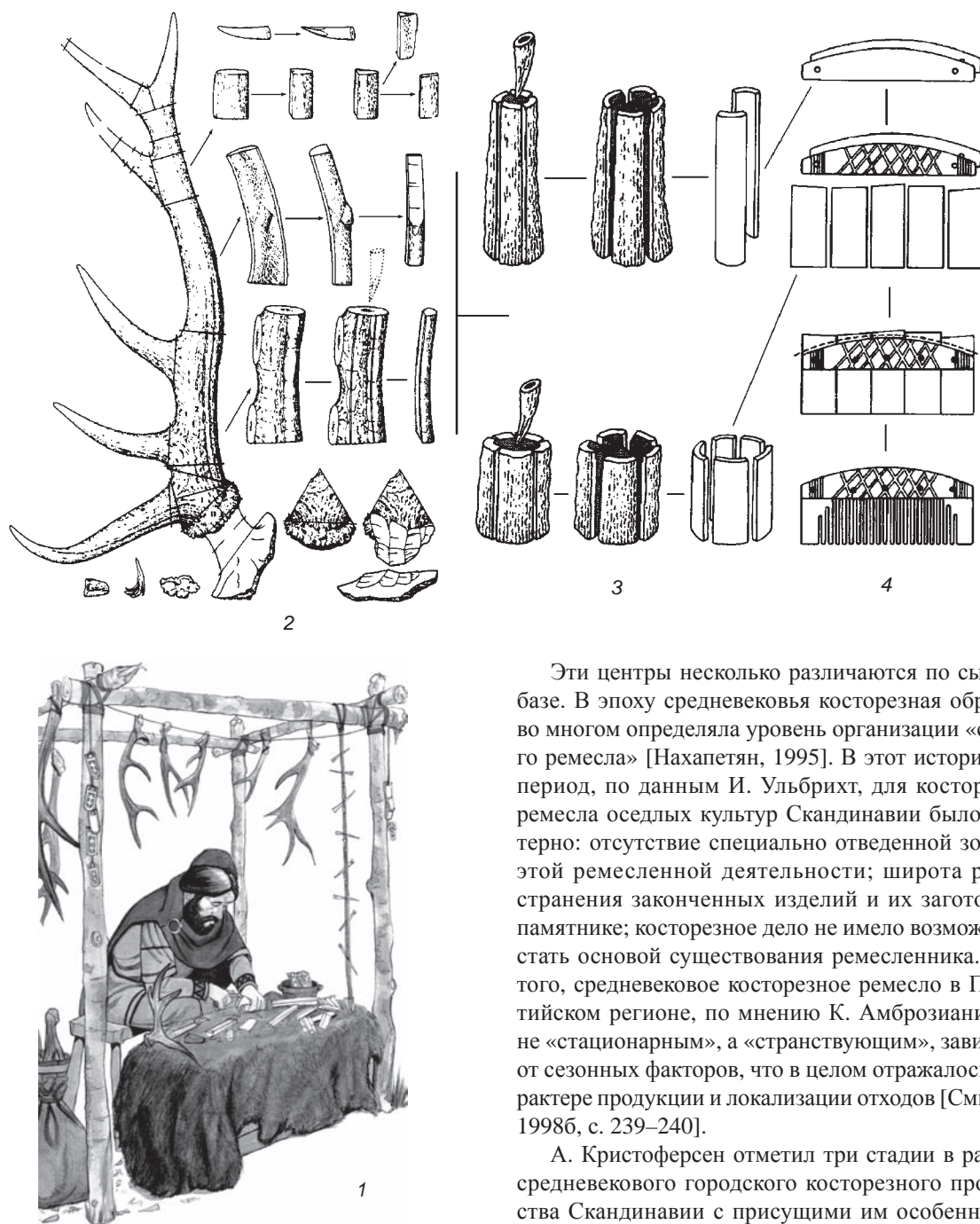

Рис. 8. Косторезное производство викингов.
1 – графическая реконструкция рабочего и торгового мест костореза; 2 – раскрой рогового сырья; 3 – роговые заготовки для спинки и зубьев гребня; 4 – последовательность изготовления рогового составного гребня [Ambrosiani, 1981; MacGregor, 1985].

риалов на художественную резьбу; особая орнаментальная отделка изделий; необычные художественные образы и композиции; тонирование, прокраска или инкрустация резных изделий.

Эти центры несколько различаются по сырьевой базе. В эпоху средневековья косторезная обработка во многом определяла уровень организации «степного ремесла» [Нахапетян, 1995]. В этот исторический период, по данным И. Ульбрихт, для косторезного ремесла оседлых культур Скандинавии было характерно: отсутствие специально отведенной зоны для этой ремесленной деятельности; широта распространения законченных изделий и их заготовок на памятнике; косторезное дело не имело возможностей стать основой существования ремесленника. Кроме того, средневековое косторезное ремесло в Прибалтийском регионе, по мнению К. Амброзиани, было не «стационарным», а «странствующим», зависимым от сезонных факторов, что в целом отражалось на характере продукции и локализации отходов [Смирнова, 1998б, с. 239–240].

А. Кристоферсен отметил три стадии в развитии средневекового городского косторезного производства Скандинавии с присущими им особенностями археологизации: первая – деятельность индивидуального производителя, которой соответствуют ограниченные гетерогенные по составу скопления отходов, связанные преимущественно с жилищами, разнообразные по форме и ассортименту группы изделий, а также широта распространения косторезной обработки; вторая – производство изделий на заказ группой странствующих мастеров или домашних производителей. Это нашло отражение в увеличении количества отходов в определенном хронологическом периоде, что не обязательно связано с конкретными жилыми постройками; для готовой продукции харак-

терно индивидуальное оформление; третья – работа профессиональных мастеров, ориентированных на анонимного рыночного потребителя. Ей сопутствуют значительная концентрация отходов, накапливавшихся в течение длительного периода, оформление производственных площадок и специализация на выпуск массовой продукции четырех-пяти видов; локализация косторезного промысла, как правило, в районе рынка. Характеристики этих стадий развития косторезного ремесла были использованы при интерпретации уровня косторезного дела в Древнем Новгороде [Смирнова, 1995, 1997, 1998а–в, 1999]. Выводы базировались на основе углубленного анализа сырья, данных о распределении отходов производства, их локализации и времени накопления. Изучение материалов, относящихся к косторезному производству Саркела-Белой Вежи (Поволжье), в частности отходов [Цнотлива, 1988], позволило, во-первых, согласиться с положением о деятельности «странствующих» мастеров (гребенщиков) (рис. 8); во-вторых, рассматривать отсутствие специализированных помещений косторезов как своеобразие кочевой культуры [Вайнштейн, 1972, с. 263–284]. Проблема сезонности древнего косторезного производства по обработке рога требует особого внимания [Хлопачев, 2006, с. 7]. Сезонность косторезного дела в кочевой среде, по мнению В.Е. Флеровой, влияла также на локализацию заготовок и готовых изделий: если обработка кости и рога велась преимущественно в летнее время, то на зимнике могли быть представлены исключительно готовые изделия [2001, с. 134]. Сезонный характер косторезного промысла сохранялся в России (Вологодская губ.) до конца XIX в. Кустари-косторезы занимались обработкой рога всего полгода – с середины октября до начала мая [Уханова, 1981, с. 174].

Особое значение имеет обсуждение вопроса о связи специализации косторезного производства с элитным заказчиком. Например, Холмогорский косторезный промысел в XVIII – начале XX в. развивался исключительно благодаря привилегированным столичным заказчикам, которые не только потребляли продукцию, но и поощряли промысел [Флерова, 2001, с. 22].

Заключение

В целом, несмотря на дискуссионность ряда вопросов специализации древнего косторезного производства, ранним стадиям развития этого промысла присущи универсальные особенности: отсутствие определенной производственной площадки, сезонность производства, мобильность производителя. Длительность бытования косторезного дела в рамках домашних промыслов во многом обусловила его

позднюю специализацию [Там же, с. 32]. Развитие косторезного дела, особенно изготовление художественных резных вещей, всегда чутко реагировало на социально-экономические и военные потрясения своего времени [Орлова, 1964; Флерова, 2001, с. 22; Бородовский, 1999, 2005]. Миграционной активности древнего населения часто сопутствовало широкое распространение косторезных изделий.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.
- Бородовский А.П.** Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 23–26.
- Бородовский А.П.** Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 58–62.
- Бородовский А.П.** Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 176 с.
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 295 с.
- Визгалов Г.П.** Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. – С. 97–105.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.** Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-2 // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: [Б.и.], 2000. – С. 97–100.
- Ляшко С.Н.** Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи неолита – энеолита на Украине. – Киев: Наук. думка, 1994. – С. 152–166.
- Нахапетян В.Е.** Некоторые особенности степного ремесла по данным рогообработки // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия нашей эры. – Самара: [Б.и.], 1995. – С. 78–82.
- Орлова Л.А.** Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. – Новосибирск: Наука, 1964. – 111 с.
- Панковский В.Б.** Подходы к изучению специализации и организации форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: [Б.и.], 2000. – С. 95–97.
- Смирнова Л.И.** Состав сырья косторезов Древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – 1995. – Вып. 9. – С. 115–127.
- Смирнова Л.И.** Обработка кости и рога на усадьбах Неревского и Людина концов средневекового Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства) // Тр.

VI Междунар. конгр. славян. археологии. – 1997. – Т. 1. – С. 354–359.

Смирнова Л.И. Косторезное ремесло средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998а. – 24 с.

Смирнова Л.И. Организация косторезного ремесла в Древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: Традиции и перспективы. – М.: Памятники исторической мысли, 1998б. – С. 237–247.

Смирнова Л.И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – 1998в. – Вып. 12. – С. 96–101.

Смирнова Л.И. Сырье новгородских косторезов (рог, кость и «рыбий зуб») // Великий Новгород в истории средневековой Европы (к 70-летию В.Л. Янина). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – С. 123–134.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии эпохи бронзы лесостепи и степи Евразии (технологический и функциональный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 2007. – 24 с.

Уханова И.Н. Резьба по кости в России XVIII–XIX веков. – Л.: Художник РСФСР, 1981. – 236 с.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. – СПб.: Алетей, 2001. – 254 с.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Наука, 2006. – 261 с.

Цнотлива Э. Зарождение костеобрабатывающего ремесла в прибалтийском регионе в IX–X вв. // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов (Киев, 1985 г.). – Киев: [Б.и.], 1988. – Т. 2. – С. 40–45.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Этрусски: итальяйское жизнелюбие. – М.: Терра, 1998. – 168 с.

Ambrosiani K. Viking Age combs, Comb Making and Comb Makers in the light of finds from Birka and Ribe. – Stockholm: [S.l.], 1981. – 175 p. – (Stockholm studies in archaeology 2).

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period. – L.: Croom Helm, 1985. – 243 p.

Wellbourn D.A. Craft specialization and complex societies: A critique // Settlement and Society: aspects of West European prehistory in the first millennium B.C. – Leicester: Leicester University Press, 1985. – P. 123–131.

Материал поступил в редколлегию 11.02.08 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.2

И.В. Шмидт

*Омский государственный университет
пр. Мира, 55а, корп. 2, Омск, 640077, Россия
E-mail: rebew@rambler.ru
schmidt_irina@everymail.net*

ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ГИПОТЕЗЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита)

Введение

Проникнуть в тайны изобразительных источников палеолита пытались многие исследователи. Но, несмотря на обилие работ и наличие определенных результатов, в палеоискусствоведении известны темы, по тем или иным причинам обойденные вниманием. Одна из них – семантика орнитоморфных изображений палеолита. Интерес к ней выражен в ряде статей и замечательных монографий, но в сравнении со стремлением к раскрытию содержательности других образов, более характерных для палеолитического изобразительного творчества, обозначен он много слабее.

Интересующиеся историей развития отечественного палеоискусствоведения без труда могут вспомнить обсуждение археологами в 1950–1960 гг. ряда проблем интерпретации орнитоморфных изображений. Рассматривая эволюцию хозяйственной деятельности по археологическим источникам, С.Н. Замятнин высказал предположение о связи между появлением орнитоморфной тематики в искусстве палеолита и эволюцией охотничьего снаряжения, в ходе которой увеличивалось значение птицы в рационе питания палеочеловека, что, в свою очередь, способствовало развитию соответствующей сюжетики [1960].

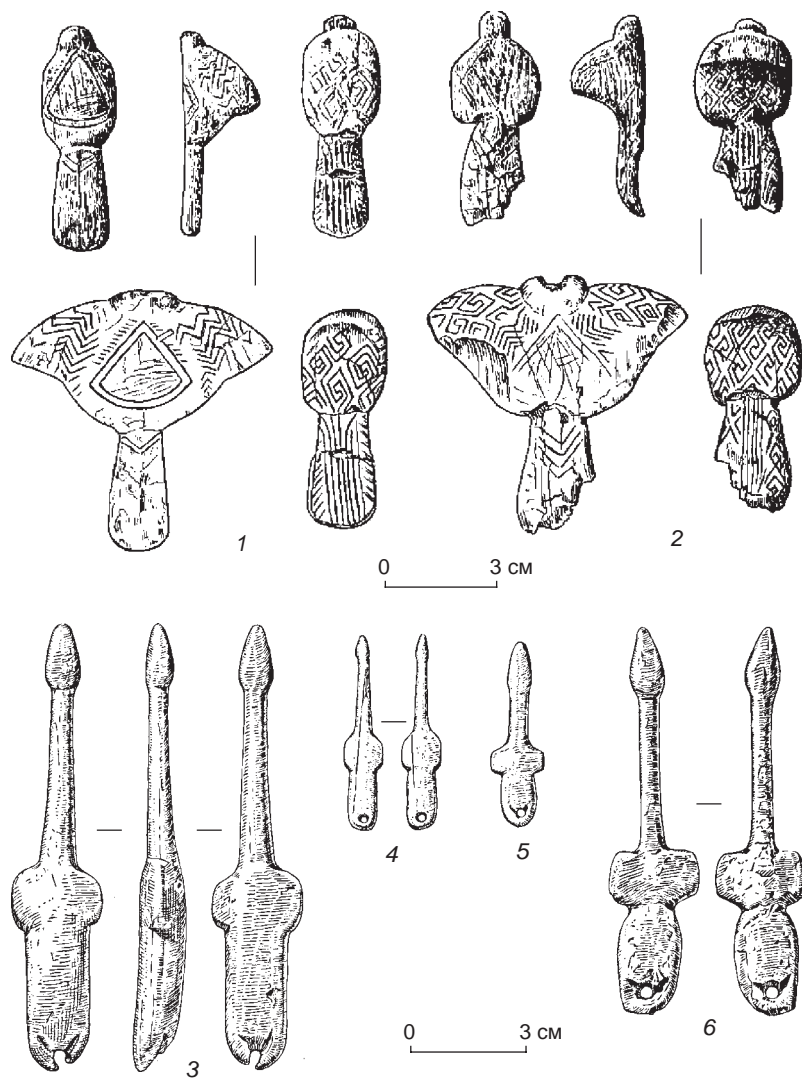
Заключение общего характера было использовано при обсуждении культурной значимости конкретных находок. Прежде всего отмечалась принадлежность к «хозяйственной теме» странных мезинских орнитоморфных изображений, наличие серьезного экономического интереса к прототипам которых (очень мелкая птица) предположить сложно (см. *рисунк, 1, 2*).

Они поставлены П.И. Борисковским в один ряд с мальтинскими изображениями «гагар-уток» (автор не указывает критерии сопоставления). Поэтому «хозяйственная значимость» первых в полной мере относится и к их «сибирским аналогам». Эту точку зрения разделял и В.И. Громов [Борисковский, 1953].

С возникновением охотничьего интереса к пернатым в эпоху палеолита не согласился А.А. Формозов. Для дротиков и копий эпохи, более ранней, чем неолит, эта добыча оставалась малодоступной, считает исследователь [1980]. С.А. Семенов приводит оригинальные и технически простые примеры ловли птиц, но появление промыслового интереса к птице связывает с эпохой мезолита [1968].

Мнение С.Н. Замятнина не вызвало широкого интереса, а интерпретация этого вида фигурок как предметов культа, свидетельств магических и тотемистических представлений палеолитического человека, предложенная М.М. Герасимовым, дополненная А.П. Окладниковым и их последователями, в науке утвердилась. Каждый из исследователей сосредоточил свое внимание на различных параметрах изобразительного текста, помогающих приблизиться к пониманию его содержания.

М.М. Герасимов сделал ряд важных замечаний, подчеркивающих семиотический статус конкретных произведений. Во-первых, он обратил внимание коллег на специфику места обнаружения мальтинских фигурок птиц – «в местах, огороженных плитами, в специально отведенном для них пространстве». Во-вторых, высказал предположения об их назначении – скорее всего, это были подвески, которые носили вместе с

Орнитоморфные изображения из Мезина (1, 2) и Мальты (3–6)
(по: [Абрамова, 1962, табл. XXXI, LII]).

фигурками женщин, что придавало их семантике культовую и магическую окраску [1931]. Таким образом, исследователь подчеркнул информационный статус орнитоморфного знака, опираясь сразу на несколько факторов: 1) знак занимает определенное положение в «закрытом тексте» с четкими границами; в одном случае это «пространство», огороженное плитами, в другом – погребение; 2) ощутима взаимосвязь (хотя и предполагаемая) с антропоморфными фигурками, т.е. выявлен статус знака в тексте (в данном случае им является костюм мальтинцев) через его расположение к другому яркому знаку; 3) особенность структуры знаков – все статуэтки имеют отверстия. Они расположены в нижних отделах фигурок, что подсказывает определенные способы использования данных предметов.

По мнению А.П. Окладникова, занимавшегося выявлением специфики культовой практики, в которой

данный образ мог быть востребован, на раннеродовом этапе развития общества широкое распространение получил процесс олицетворения стихий природы и структур Вселенной. Образ птицы, полагал исследователь, уже в палеолите ассоциировался с небом и солнцем [1967]. Его точку зрения разделял В.Н. Топоров [1972].

Б.А. Фролов связывал древнейшее изображение птицы с верхней сферой в трехчастной структуре мира [1992]. Поскольку управление этими стихиями было уделом шаманов, то и орнитоморфные образы могли восприниматься их помощниками, олицетворять благодетельные силы, «несущие свет и жизнь» [История Сибири..., 1968; Ozols, 1971; Напольских, 1992].

З.А. Абрамова, развивая эту тему, высказала предположение о появлении тотемистических культов, центральной фигурой которых являлась птица, в эпоху палеолита [1962].

Вопросы орнитоморфного символизма были затронуты и А.П. Кондратенко. Образ птицы виделся ему своеобразным хронологическим маркером в развитии мировоззрения палеолитической эпохи. В Мальте, по мнению исследователя, представлен культ птиц, сменивший культ змея. Он предлагает рассматривать мальтинские орнитоморфные фигурки как посредников между мирами [1983].

О значении этого символа-знака писали Б. Брентьес и Р.С. Васильевский.

Они видели в знаке олицетворение душ умерших либо их переносчиков в иные миры. Именно так воспринимаются лебеди в традиционных северных культурах [Brentjes, Vasilevsky, 1989].

Очертаниями фигурки мальтинских орнитоморфов напоминают австрийской исследовательнице Э. Гхацал прототип древнеегипетского знака жизни и одновременно фаллические символы [Ghazal, 1995].

Удивительно то, что в основе любого из вариантов объяснения лежит анализ изображения не только яркой образности, но и определенной знаковой полноты. Большая часть вариантов предлагает увидеть нам динамичный образ, способный или же способствующий перемещению в различных стихиях и пространствах. Но возможно ли прийти к подобному заключению, рассматривая конкретные фигурки мальтинских орнитоморфов?

Цели, источники и условия исследования

В работе формата статьи трудно достойным образом охарактеризовать даже половину из приведенных выше интерпретационных позиций, поэтому обратимся лишь к одной из них, к дискуссии, развернувшейся между С.Н. Замятниным и его оппонентами в 1960-х гг., выводы которой были резюмированы А.А. Формозовым. Если мы несколько сместим в ней акценты, расставленные советскими исследователями, то, вероятно, сможем получить новое видение давно известных предметов. Прежде чем приступить к разработке гипотезы или определять актуальность уже существующих, предлагается обратить внимание непосредственно на костяные изделия, изобразительные тексты и их знаковую полноту, характерные детали конкретных образов. Обязательным условием исследования сделаем непреложность тезиса о реализме палеолитического изобразительного творчества и важности любой «мелочи» изобразительного текста.

Обсуждение

Развитие и результаты рассматриваемой нами дискуссии вполне логичны, но только если ведущей темой признать проблему эволюции охотничьего снаряжения. Если же акцент перенести на вопрос зарождения хозяйственного интереса к птице в эпоху палеолита, то обсуждение можно продолжить. Обратимся к поиску этнографических параллелей и представим те из них, которые придают убедительность выдвинутой С.Н. Замятниным гипотезе (одной из ее подтем). Оставляя в стороне критику возможностей и ценность этнографических примеров для уточнения сюжетов культуры палеолита*, укажем, что полностью отвергать их значимость некорректно. Существуют ситуации и процедуры, прежде всего в сфере производства, эволюция которых в силу их крайней «простоты» невозможна.

Итак, производственная логика и форма отношений в цепочке охотник–добыча–экосистема меняются тогда, когда происходит изменение одного из звеньев. Разумеется, ничего палеолитического до нашего времени не сохранилось: нет ни палеолитического охотника, ни палеолитической добычи, ни палеоэкосистемы. Но если мы оставим в стороне недостижимые для интерпретаторов характерные маркеры эпохи,

например охоту на мамонтов, и обратимся к рассмотрению тех редких звеньев экологической цепи, которые «пережили» не только палеолит, то, пожалуй, сможем «оживить» некоторые элементы древней культуры. Все прекрасно понимают, что в палеолите охотились не только на мамонтов (и в основном не на них). Мелкие животные никогда не выпадали из поля зрения охотников. Но и здесь какие-либо реконструкции сложны, т.к. подвижность добычи затрудняла контакт с ней, а варианты приемов дистанционной охоты (ловушки, дротики, копья) видятся весьма «осовремененными»; замечание А.А. Формозова справедливо. Однако мы забываем еще об одном способе охоты – сборе животных в те редкие моменты неподвижности, когда их тело переносит сезонные изменения. В этом случае охоту сложно отличить от собирательства. Методы собирательства (будем добавлять «охотничьего собирательства») – тема более простая для размышлений. Простота ее в том, что алгоритмы данного вида хозяйственной деятельности не зависят от уровня развитости культуры, например, что могло измениться с эпохи палеолита в способах сбора ягод, грибов, плодов деревьев или овощей? Никаких сверхсложных, специализированных приспособлений для этого не требуется. Но мало кто может себе представить раскрытие данной темы на примере собирательства... птиц (не их яиц, не птенцов, а именно взрослых особей). С.Н. Замятниным данный прием был оставлен без должного внимания, т.к. никоим образом не принадлежал проблеме эволюции охотничьего снаряжения, над решением которой работал исследователь. Остается неясным, почему о нем не упомянул А.А. Формозов, критиковавший «развитие хозяйственного интереса к пернатым в палеолите». Хозяйственный интерес к чему-либо, его наличие и формы не всегда обусловлены развитием орудийной базы, но всегда связаны с экологической ситуацией*, в которой культура оказалась или же время от времени могла находиться. В данном случае прием, о котором идет речь, его результат или же условие, в силу своей простоты и одновременно определенной сверхъестественности для сознания человека, по-видимому, нашли свое место в знаковой сфере мальтинско-буретской культуры. Смысл такой трактовки образа видится в следующем.

Многим этнологам мира известны красочные обряды т.н. традиционных культур, объектом которых является перелетная птица. Ее не только торжественно встречают и провожают, но и отлавливают для потребления. Отлов происходит в определенное время

*Мы избегаем использования данного приема, когда задача исследования связана с выявлением семантики или некоей содержательности палеоизображений, но здесь рассматриваем иные проявления культуры (см., напр.: [Левин, 1961; Файнберг, 1981; Шнирельман, 1984; Шмидт, 2004]).

*Под экологической ситуацией в данном случае понимается вся совокупность природных факторов (и растительных, и животных), окружающих человека, их своеобразие, вызывающее определенную реакцию культуры на них.

года – в середине июля и начале августа. Оба месяца (вернее, их соответствующие отрезки) в календарях северных народов, особенно ярко у ненцев*, называются временем линьки птиц, иногда гусиным месяцем, месяцем лебедя. Во второй половине июля гуси начинают линять; в первой половине августа у них появляется новое оперение, «новое крыло». У гнездящихся гусей линька может продолжаться до шести недель, у остальных – вдвое меньше. В течение всего этого времени даже взрослые особи не могут летать. Учитывая неуклюжесть их наземного передвижения, становится ясно, что в этот период птицы представляют собой самую легкую из всех возможных добычу. Подробно процедуру сгона-сбора нелетающей птицы описал А.В. Головнев [1995].

Для нас эта информация интересна тем, что ее можно соотнести с изобразительным сюжетом палеолита Сибири «гагары-лебеди»**, с чрезвычайно короткими, «обрубленными» крыльями (см. рисунок, 3–6). Воспринимая отдельно взятое изображение законченным знаковым текстом, а характеризующие его детали – содержательными фрагментами, мы можем попытаться объяснить, пожалуй, самый загадочный его элемент – неестественно короткие крылья птиц. С учетом приведенного этнографического примера эта особенность может быть представлена метафорой специфического состояния птиц, для них неестественного и вместе с тем вполне реального. А что, как не реализм (иногда реализм любой ценой) присущ палеолитическому изобразительному творчеству? Достаточно взглянуть на длину лебединой шеи, которую косторезы Мальты и Бурети посчитали невозможным «стилизовать». Укорочены (иногда это делает образ неузнаваемым) именно крылья птиц. Стилизацию, конечно же, исключать нельзя, но в палеолите она никогда так сильно, как это представлено в материалах двух памятников, не угнетала образ. Своеобразие подачи образа, вероятно, обусловлено попыткой отразить конкретный сюжет из охотничьей практики или же метафору сезонного состояния культуры; оно может являться и знаковым выражением ее (культуры) сезонно-хозяйственных интересов.

Но объяснить данную ситуацию фактами, почерпнутыми исключительно из реальности, трудно. Почему

*Слабее эта тема, отражающая и соответствующий уровень промыслового интереса к пернатым, представлена у угорских народов, что, учитывая существование всем хорошо известного мифа о творении, странно. Несмотря на то, что сюжеты птиц-вестников в их календаре представлены чрезвычайно подробно, август является лишь «месяцем птенцов гагары» [Головнев, 1995, с. 375], но не самой гагары.

**По устному замечанию орнитолога А.В. Зиновьева, прототипом данных произведений мог быть только лебедь, если в своих рассуждениях опираться на тезис о предельной реалистичности палеолитического искусства.

птица в своем «ущербном» состоянии, пусть и очень «удобном» для человека, становится одной из двух ведущих тем изобразительного творчества палеочеловека Сибирского региона? Временной отрезок, в который данный знак может являться символом хозяйственной жизни общины, т.е. быть актуальным, короток – всего несколько недель*. Могут ли эти несколько недель оказать настолько сильное влияние на представительную образность культуры? Если формирование и содержательность знака связаны лишь с экономической ролью птицы, – то вряд ли. Подобная трактовка образа в этнографических обществах неизвестна, несмотря на то, что ему отведено место в хозяйственном календаре и практике культур. Отсутствует изображение птицы и в археологических слоях многих других памятников на территориях, которые находятся на путях миграции хозяйственно привлекательных пернатых. Следовательно, значимость образа заключалась в чем-то другом, более ярком, чем «хозяйственный потенциал».

Пытаясь интерпретировать данный образ, особое внимание стоит обратить на «ущербность» персонажа, подчеркнутую в десятке изображений. Интересно, что важность данного текста – птица, которая не может летать либо не может улететь, – отмечена сразу в нескольких сферах культуры древних мальтинцев. Изображения «гагар-лебедей» найдены в жилищах – «в мире живых», единственном погребении поселения – «в мире мертвых» и за пределами этих комплексов. Настолько глубокое проникновение образа в «текст» поселения настораживает и предупреждает о несбыточности надежд объяснить его знаковую конкретность.

Аргументированно продолжать рассуждения далее нет возможности; материалы памятника до сих пор не опубликованы. Но при доступной полноте археологической информации становится ясно, что этнографический пример интересен, однако основой орнитоморфного знака-образа стала не хозяйственная характеристика пернатых (большой частью не она). Эволюция отношений между птицей и человеком в палеолите, безусловно, сказалась на его формировании, но археологический контекст находок в Мальте и Бурети свидетельствует о более глубоком проникновении орнитоморфного образа в сферы сознания палеолитического человека. Ни мамонт, ни носорог, ни лев – звери не менее интересные с хозяйственной точки зрения (их кости также обнаружены на поселении) и уникальные в своей поведенческой активности – не удостоились такого внимания, как лебедь с обрубанными крыльями.

*Конечно же, нужно учитывать, что в течение этого непродолжительного времени делают заготовки мяса на несколько месяцев. Но речь идет о нескольких месяцах, причем не самых холодных, голодных и удобных для хранения. Даже при современных технологиях обработки мяса большая часть добычи, как указывает А.В. Головнев, пропадает.

Станным образом сам человек был связан, и в прямом, и в переносном смысле, с этой «ущербной» птицей. Вспомним предположение М.М. Герасимова о способе ношения костяных фигурок. Подвешенные на шнурках, прикрепленные благодаря отверстию в нижнем отделе скульптуры к одежде, они должны были повсюду сопровождать человека. Но, согласно зафиксированной археологами ситуации, подобая форма контакта была нечастой (возможно, лишь по праздникам). Иначе фигурки были бы обречены «исчезнуть» вместе с человеком. Заметен и понятен данный союз в комплексах, интерпретируемых как жилища. «Торжественная» связь между человеком и птицей нашла отражение в единственном погребении стоянки. Ощутимо ее присутствие и в «специально огороженных плитами пространствах» [Герасимов, 1931], не являющихся жилищами и погребениями, – человек специально их для чего-то создал, и фигурки птиц были частым элементом этих, пока непонятных нам конструкций.

Сложнее выявить взаимосвязь элементов в изобразительном поле памятника. Как было отмечено, оно настойчиво представляет две темы – «ущербную» птицу и «человека»*. Сфера их взаимодействия – жилище. Интересно, что антропоморфное изображение, как и фигурка птицы, могло находиться за пределами жилища или в «пространстве», огороженном плитами [Hančar, 1940, S. 111, Abb. 7], но в этом случае у антропоморфных статуэток иной сопроводительный контекст, в который птица не попадала, что выдает присутствие некоего различия (но не противопоставления) в содержательности этих знаков, – к ним человек обращался в разных ситуациях, либо они представляли качественно различные состояния человека.

Дальнейшие рассуждения убедят нас в необходимости работы с широким знаковым контекстом, где

*Стилистическая странность фигурок определяется наличием небросающихся в глаза мелких деталей. Впервые она была отмечена в западно-европейской литературе [Hančar, 1940; Bandi, Maringer, 1955; Graziosi, 1956; Drössler, 1980]. В отечественной науке развитие данной темы поддержала З.А. Абрамова. В одной из своих работ исследовательница затронула проблему передачи пропорций изображенных тел и указала на поразительные искажения, недостойные мастерства палеолитического костореза. Головы всех, без исключения, сибирских статуэток непропорционально велики по сравнению с их телами [1987]. Может ли это быть признаком специфического содержания символа? З.А. Абрамова ответа не дает, но важно, что проблема была заявлена. К ее рассмотрению обратился лишь В.Е. Ларичев, увидев в статуэтках черты антропозооморфных существ [1999]. Искажения подчеркивали семантический статус информации, заключенной в фигурках. По мнению В.Е. Ларичева, многие такие изображения являются астрономическими календарями, символами астральных тел [1992; 1994а, б; 1997; 1998; 2000].

птица является лишь его частью. Данный факт сомнений не вызывает, но выводит наше исследование за ранее установленные рамки. Вернемся к образу и еще раз, но уже четче обозначим важные семиотические характеристики, без учета которых его восприятие несправедливо: 1) перед нами не птица, а лишь нечто ее напоминающее; «то», что когда-то птицей было. У этого «существа» нет крыльев – важный признак пернатых образов либо образов, которым волею человека определено было летать; 2) данные предметы могли быть связаны с человеком, но, по-видимому, не имели прямого и постоянного на него влияния. При стечении обстоятельств, нам не известных, человек мог расстаться с ними. Причем не просто потерять или забыть их на поселении, а сознательно от них отказаться, поместив в «каменные конструкции» (которые уж очень, но пока безосновательно, хочется назвать специфическими «погребениями» фигурок).

Заключение

Приступая к данному исследованию, мы не рассчитывали получить ответы на вопросы о содержательной сути орнитоморфных изображений. Немногочисленность опубликованных материалов памятника и методический уровень процедуры их интерпретации не позволяют выдвинуть даже аргументированных предположений на этот счет. Но это не сдерживает попыток теоретических обобщений; как правило, не базируются на детальном анализе знаковой полноты основного источника рассуждений – изображения собственно. Всевозможные теории, развитие которых связано с предметными сферами культурологии, этнологии, религиоведения, чаще отвлекают внимание от конкретной знаковости археологического текста и контекста, чем пытаются их объяснить. За 70 лет существования мальтинско-буретской коллекции никто из исследователей не обратил внимания на характерную деталь орнитоморфных изображений – «бескрылость» образов. Сибирские памятники Мальта и Буреть представляют уникальный изобразительный материал; одна из тем – птица с обрезанными крыльями, птица, которая по каким-то причинам не может летать. Задумавшись, насколько справедливо воспринимать данное изображение в его знаковой полноте символом Солнца, верхних сфер и всего остального, связанного с «верхом» или стремительным движением в какой-либо из сфер. А именно данный тематический спектр оказался преобладающим в отечественном палеоискусствоведении. Как объяснить эти «ведущие» детали, в чем суть их содержания – задачи более серьезных исследований. Для начала нам нужно научиться их видеть, согласиться с важностью их присутствия, а не скрывать за «масками стилизации».

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с., 63 табл. – (САИ; вып. А 4/3).
- Абрамова З.А.** О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28–36.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. – 1953. – 464 с. – (МИА; № 40).
- Герасимов М.М.** Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 гг. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Замятин С.Н.** Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Проблемы истории первобытного общества. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 80–108.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней /** Под ред. А.П. Окладникова. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
- Кондратенко А.П.** К вопросу о функциональном назначении верхнепалеолитической пластины стоянки Мальта // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 66–76.
- Ларичев В.Е.** Матерь Мира (календарь беременности женщины древнекаменного века Сибири и семантика скульптур палеолитических Венер) // Изв. СО РАН. Сер. История, филология и философия. – 1992. – Вып. 3. – С. 48–56.
- Ларичев В.Е.** Богиня Луны (расшифровка знаковой системы мальтинской скульптуры и семантика ее) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994а. – С. 40–52. – (История и культура Востока Азии; т. 23).
- Ларичев В.Е.** Пращур Богов (астральная идентификация мальтинской скульптуры) // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: Изд-во Ин-та теплофизики СО РАН, 1994б. – С. 126–147.
- Ларичев В.Е.** Скульптурный образ Солнца в искусстве древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Древняя астрономия: Небо и человек: Тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф., 19–24 нояб. 1997. – М., 1997. – С. 44.
- Ларичев В.Е.** Венера Сибирская: антропоморфная скульптура из Бурети и прочтение связанной с ней знаковой записи // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 94–112.
- Ларичев В.Е.** Заря астрологии: зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 320 с.
- Ларичев В.Е.** Астральные боги древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Рериховские чтения: Мат-лы конф. – Новосибирск, Рериховское об-во; СО РАН, 2000. – С. 403–415.
- Левин М.Г.** Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // СЭ. – 1961. – № 1. – С. 20–27.
- Напольских В.В.** Опыт реконструкции семантики мальтинских орнитоморфных изображений // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1992. – С. 66–73.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
- Семенов С.А.** Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
- Топоров В.Н.** К происхождению некоторых поэтических символов эпохи палеолита // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 77–98.
- Файнберг Л.А.** О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей // СЭ. – 1981. – № 6. – С. 42–51.
- Формозов А.А.** Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М.: Наука, 1980. – 136 с.
- Фролов Б.А.** Первобытная графика Европы. – М.: Наука, 1992. – 200 с.
- Шмидт И.В.** К глубине метода. Из истории методического актива семантического анализа палеоискусства Северной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алмааты; Омск: Издат. дом «Наука», 2004. – С. 290–292.
- Шнирельман В.А.** Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.
- Bandi H.-G., Maringer J.** Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktischekunst. – Basel: Holbein, 1955. – 170 S.
- Brentjes B., Vasilevsky R.S.** Schamanenkrone und Weltenbaum: Kunst der Nomaden Nordasiens. – Leipzig: E.A. Seeman, 1989. – 204 S.
- Drössler R.** Kunst der Eiszeit (von Spanien bis Sibirien) – Leipzig: Koehler & Amelang, 1980. – 242 S.
- Ghazal E.** Schlangenkult und Tempelliebe: sakrale Erotik in archaischen Gesellschaften. – Berlin: Simon und Leutner, 1995. – 331 S.
- Graziosi P.** Die Kunst der Altsteinzeit. – Florenz: Copyright by Sansoni, 1956. – 300 S.
- Hančar F.** Zum Problem der Venusstatuetten im eurasischen Jungpaleolithikum // Prähistorische Zeitschrift. – 1940. – Bd. 30/31. – S. 85–156.
- Ozols J.** Zum Schamanismus der jungpaläolithischen Rentierjäger von Mal'ta // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1971. – Bd. 12. – S. 27–49.

Материал поступил в редколлегию 12.03.07 г.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РУССКИХ САНЕЙ (функциональный аспект)

Сани являются одним из популярных видов русского сухопутного транспорта начиная с эпохи Древней Руси [Воронин, 1948; Колчин, 1968; с. 1–96, табл. 1–85; Арциховский, 1969]. Как и в других элементах материальной культуры, в них отражаются особенности развития хозяйственной деятельности, степень общественного разделения труда, специфика социального развития общества и др. Поэтому изучение санного транспорта является актуальным для современной исторической науки, т.к. дает дополнительные аргументы для более объективной характеристики русского общества в различные периоды истории.

Культурно-антропологическое исследование саней может осуществляться с разных позиций. Важным источником информации являются функциональные характеристики санного транспорта. Между тем, несмотря на наличие целого ряда археологических и историко-культурных работ по русским транспортным средствам, большая часть из них затрагивает данный аспект косвенно, в самых общих чертах (см.: [Воронин, 1948; Арциховский, 1969; Марасинова, 1977; Ковригина, Масаринова, 1979; Марасинова, 1985]). Лишь в работах Б.А. Колчина и его последователей функциональное назначение саней является предметом анализа [Колчин, 1968, с. 51–56; Хорошев, 1997, с. 126–127; Дубровин, 2000, с. 122–153]. Однако их выводы требуют серьезной коррекции. Незавершенность данной проблемы в отношении XVI–XVIII вв. обусловлена, на мой взгляд, недостаточным использованием как опубликованных, так и неопубликованных архивных материалов.

В целом удовлетворительно обстоят дела лишь с исследованиями по этнографическому периоду, несмотря на то, что они охватывают преимущественно крестьянский транспорт [Бежкович, 1959; Лебедева, 1987]. Однако этнографы не дают ответа на вопрос, когда возникли бытовавшие у русских в XIX–XX вв. основные модификации грузовых, универсальных и пассажирских саней, в частности: дровни, подсанки, хозяйственно-бытовые сани, розвальни, сани легковые и др. Попытку решения данной проблемы и представляет настоящее исследование, посвященное рассмотрению истории упряжных русских саней сквозь призму их функционального назначения. Хронологические рамки работы охватывают период с X в., когда появляются первые свидетельства о санном транспорте восточных славян, до XIX столетия, по которому имеются достаточно определенные этнографические материалы.

Долгое время основными источниками по видовому разнообразию саней X–XV вв. выступали письменные памятники и миниатюры. Они дают информацию только о двух видах полозных повозок – саях и возах. При этом термин «сани» обозначает исключительно полозные средства передвижения, а «воз» – еще и колесные [Арциховский, 1969, с. 314; Марасинова, 1977, с. 290]. Данные материалы приводили многих исследователей к мысли об универсальности повозок в домосковской Руси. Это прослеживается даже в отношении транспорта XVII в. [Ковригина, Масаринова, 1979, с. 140–141]. Наряду с подобной трактовкой существовала и иная точка зрения, согласно которой древнерусские сани

были сходны с таковыми XIX–XX вв. [Труворов, 1889, с. 454–455; Воронин, 1948, с. 306]. Однако она не привела к развитию идеи о наличии специализированных саней в Древней Руси вплоть до введения в научный оборот новой категории исторических источников в конце 1960-х гг.

Открытие новгородских археологических материалов дало основание говорить о большем разнообразии древнерусского полозного транспорта, чем это отражено в письменных памятниках. По мнению Б.А. Колчина, в X–XV вв. на Руси было пять типов саней: четыре упряжных – грузовые универсальные, легковые пассажирские, легковые с высокой грядкой (или беговые), сани-возок (отличались наличием закрытого кузова); один – ручные [1968, с. 54]. Эта схема воспроизведена и в обобщающем археологическом труде по бытовой культуре Древней Руси [Хорошев, 1997, с. 126].

На мой взгляд, существующие представления о функциональной специфике древнерусских саней нуждаются в определенной корректировке. Как было показано в специальной статье, уточнения касаются как границ типов повозок, так и их облика [Васильев, 2006]. Наиболее спорными в существующей классификации являются выделение «беговых» легковых саней с развалом и высокой грядкой и реконструкция саней-возка как полного аналога возка XVII в. Археологические находки дают основания видеть в них иные варианты древнерусских саней [Там же].

Анализ археологических материалов позволил выделить в эпоху Древней Руси весь спектр функциональных групп упряжных саней, известных в этнографическое время: грузовые, универсальные и легковые. Однако средневековые сани в целом носили более универсальный характер, чем бытовавшие несколько десятилетий назад. Помимо устройства, косвенным свидетельством многофункциональности большинства древнерусских саней является немногочисленность их наименований вплоть до последних десятилетий XV в. Доминирующей группой были универсальные хозяйственно-бытовые сани, на которых перевозили как грузы, так и людей, а специализированные пассажирские занимали скромное место, из-за чего достаточно трудно поддаются идентификации в археологических материалах [Там же].

Все вышеизложенное позволяет говорить об эпохе домосковской Руси как начальном периоде развития различных функциональных групп саней восточно-европейского типа, завершившемся во второй половине XV столетия появлением специализированных саней: грузовых дровней [Новгородские писцовые книги..., 1886, стб. 98, 145, 188, 195, 206; 1905, стб. 191], пассажирских «болков» и «тапкан»

[Псковские летописи, 1955, с. 191; Памятники..., 1882, с. 169]. В то же время указанные в качестве феодального оброка с крестьян Шелонской пятины в конце XV столетия «сани-пошевни», судя по большому числу (десять повозок из трех малодворных деревень) [Новгородские писцовые книги..., 1886, стб. 191–192] и функциям более поздних саней этого типа, вероятно, представляли основную модификацию универсального хозяйственно-бытового транспортного средства Древней Руси, называемого ранее саними.

Начиная с конца XV–XVI в. вследствие объективной тенденции усиления специализации транспорта число специализированных видов саней значительно увеличилось. Особенности разнообразия повозок было характерно для монастырских, боярских и великокняжеского (царского) хозяйств.

Помимо обычных дровней (грузовые сани широкого назначения), в это время появились «кремлевые» (или «креновые») [Никольский, 1910, с. DLXXXI] и «подъездки» [Опись..., 1861, с. 112; Словарь..., 1990, с. 76, 89]. Судя по более поздним аналогам, они отличались от обычных преимущественным использованием в весенне-осенний период. В источниках также фигурируют «кормовые» [Никольский, 1910, с. DCXXIV], «водовозные» [Словарь..., 1975, вып. 2, с. 255] сани и «водовики» [Там же, с. 254]. Первые предназначались для перевозки соломы и сена, вторые – воды, для чего имели закрепленную на платформе кадку или бочку, третьи – невода и отличались от остальных, судя по этнографическим аналогам, большими размерами.

Большая часть указанных грузовых повозок использовалась различными социальными группами и продолжала существовать до недавнего времени [Варфоломеев, 1875; Евлентьев, 1879; Строкин, 1887, с. 9–10; Промыслы..., 1888, с. 11; Куликовский, 1898, с. 67; Кучин, 1901, с. 47; Круковский, 1904, с. 212; Даль, 1994, т. 2, с. 487] (Полевые материалы автора, Пинежский и Приморский р-ны Архангельской обл. и с. Несь Ненецкого автономного округа, 1983 г.; Архив НГОМЗ. № 2354. Л. 81. Фото 124–125; № 3271. Фото 80–85; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. № 19. Л. 2). Лишь термин «подъездки» превратился в XIX–XX вв. в локальный и стал обозначать короткие сани («подсанки») для укладки верхушек деревьев [Воронов, 1896, с. 588, рис. 1; Зимние катания..., 1992, с. 10, рис. 3] (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 682. Л. 20).

В XVIII в. в городе появились и бытовали до первой трети XX в. ломовые дровни, отличительной чертой которых была платформа из досок, окованная металлическими полосами [Ривош, 1990, с. 99; Шангина, 2003, с. 270] (РГИА. Ф. 477. Оп. 2. № 246. Л. 41 об., 44, 65).

Помимо открытых повозок, достаточно широкое распространение в хозяйствах царя, знати, богатых монастырей, купцов получили в эпоху Московской Руси предназначенные для перевозки различных грузов «возовые» сани, несколько позднее – «болковни», имевшие нередко навес [Разходная книга..., 1852, с. 1, 39, 40; Опись..., 1861, с. 82; Описание записных книг..., 1883, с. 495; Переславль-Залесский..., 1891, с. 23; Карнович, 1884, с. 335–336; Даль, 1994, т. 1, с. 269–270; Словарь..., 1975, вып. 1, с. 282, 284] (ОР РНБ. Ф. IV. № 232. Л. 762; № 233. Л. 348, 348 об.; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 54422. Л. 2 об.). Во многом сходным (перевозка различных продовольственных и иных припасов) было функциональное назначение крытых «кошевых» саней, «полузов» (или «палуб»), а позднее и «фурманов», использовавшихся в царском, боярских и в крупных монастырских хозяйствах XVII–XVIII вв. [Розыскные дела..., 1893, стб. 175; Словарь..., 1988, с. 136; Карнович, 1884, с. 335] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 440 об.; ОР РНБ. Ф. 351. № 104/1340. Л. 451 об.; ГИАНО. Ф. 513. Оп. 1. № 417. Л. 50 об.; № 646. Л. 40). Самыми устойчивыми из грузовых саней с навесом оказались «возовые», имевшие важное значение в торговой деятельности. Они сохранились вплоть до XX в. «Кошевые» сани, санные «палубы» и «фурманы» уступили свое место в XIX в. повозкам на колесном ходу – фургонам и фурам [Тучков, 1818, с. 28, 86; Голубых, 1930, с. 62–63].

Значительное число появившихся в эпоху Московской Руси специализированных крытых грузовых саней ограничивалось рамками царского хозяйства. Так, в «птичьих» перевозили птиц, предназначенных для царской соколиной охоты; в «портомойных» – царское белье на реку для полоскания [Котошихин, 1840, с. 26; Дополнения..., 1853, с. 435; Анучин, 1890, с. 131; Забелин, 1901, с. 696; Алексеев, 1941, с. 345; Денисова, 1954, с. 299] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. № 1022. Л. 440 об.). Были еще т.н. возки. Исследователи выделяют три их вида – «крестовые», «запасные» и «постельные». В первых находились иконы («образная казна»), во вторых – царское платье и белье, в третьих – сундуки с царской постелью [Экипажи..., 1985, с. 17; Кириллова, 2000, с. 30]. Однако проведенный анализ показывает, что «возками» на полозьях являлись только «постельные» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. № 1022. Л. 455), остальные имели колесный ход (Там же. Л. 433–433 об., 455–455 об.). В то же время «запасные» и «крестовые» повозки на полозьях в источниках называются санями, что позволяет отнести их к открытым средствам передвижения (Там же. Л. 433–433 об.).

Серьезные изменения в царском быту, произошедшие в Петровское время, привели к забвению большинства специализированных повозок. Из них со-

хранились и в дальнейшем только предназначенные для перевозки царских дорожных туалетов и других вещей, поменявшие при этом отчасти конструкцию и название, – «гардиробные», а затем «дорожные» сани и кибитки (РГИА. Ф. 477. Оп. 2. № 246. Л. 76–76 об.; Оп. 7. № 81. Л. 153 об.; № 288. Л. 7).

Следующую группу новых функциональных модификаций саней в XVI–XVIII вв. составляли хозяйственно-бытовые, нередко называемые в источниках «росхожими» и «езжалыми» [Разходная книга..., 1852, с. 38] (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. № 144. Л. 3, 4). Типичным монастырским типом таких саней эпохи Московской Руси являлись «братские», «чернеческие», «сани соборных старцов» (см.: [Никольский, 1910, с. DC; Расходная книга..., 1875, стб. 129–130; Материалы..., 1994, с. 191]). Они исчезли вместе с утратой монастырями своих владений в XVIII в. Еще быстрее вышли из употребления «солодовые» сани, имевшиеся на царском Конюшенном дворе. Они использовались для славления Христа во время Святков в начале XVIII в. Стоимость этих саней была в несколько раз выше, чем рабочих [Описание записных книг..., 1883, с. 494] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1021. Л. 9, 78 об.). Свое название они получили, наверное, от слова «солодкое», обозначавшее в тверском и ржевском диалектах «игрище», «празднество крещенского вечера, сочельника, с гаданьями, песнями» [Даль, 1994, т. 1, с. 379].

Вероятно, не позднее XVII в. появились универсальные сани-розвальни, имевшие по бокам жерди-отводы. Так позволяет думать наличие отводов-«крыльев» у некоторых пассажирских саней [Сказания..., 1834, с. 43], а также относящийся к 1666 г. материал, где говорится о «креслах» в санях: «Чашнику старцу Игнатию, что онъ вербу на дровняхъ в креслахъ устанавливалъ, и за лыка 4 алт<ына> 2 ден<ьги>» [Словарь..., 1981, с. 39]. Еще одним косвенным свидетельством является наличие термина «кряквы», которым обозначены прикрепленные под углом жерди в задней части кузова одного из возков последней четверти XVII в. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 452). С XVIII в. и вплоть до недавнего времени розвальни были одним из самых распространенных вариантов универсальных повозок [Опись имения..., 1993, с. 217] (ОР РНБ. Ф. 351. № 104/1340. Л. 451 об.–452; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. № 19. Л. 2; Ф. 1239. Оп. 3. № 54422. Л. 2 об.; РГИА. Ф. 477. Оп. 7. № 2. Л. 79; № 3. Л. 21).

В значительной мере универсальный, хозяйственно-бытовой характер имели в XVI–XVII вв. пошевни («ошевни», «обшевни»), получившие название из-за лубяной обшивки кузова [Акты..., 1894, с. 1248; Акты исторические..., 1841, с. 313; Фасмер, 1996, с. 349; Словарь..., 1987, с. 237].

Специализированные легковые сани этого типа, отличавшиеся от грузопассажирских большой ценой, встречались тогда реже [Словарь..., 1980, с. 331] (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. № 99/5. Л. 11). Лишь в XVIII в. пошевни постепенно превращаются из транспортного средства разного назначения в один из самых распространенных типов открытых легковых саней, сохраняя хозяйственно-бытовую функцию в XIX–XX вв. только в отдельных местах (см., напр.: [Серпухов, 1866, с. 30; Шустиков, 1895, с. 360; Бломквист, Гринкова, 1930, с. 65; Лебедева, 1987, с. 331; Логинов, 1993, с. 68–69]) (РГИА. Ф. 477. Оп. 4. № 99. Л. 52; № 400. Л. 100; Оп. 7. № 2. Л. 63 об.–64; № 3. Л. 21 об., 25 об.; № 83. Л. 116 об., 117 об.; № 289. Л. 20–24; ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. № 1123. Л. 37 об.; ОР РНБ. Ф. 351. № 98/13346. Л. 750; № 104/1340. Л. 451 об.–452; Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 290. Л. 9; № 1796. Л. 13 об.–14).

Многочисленными и разнообразными, начиная с эпохи Московской Руси, были специализированные легковые экипажи. Особенно широкое распространение получили открытые пассажирские сани. В отличие от грузовых и хозяйственно-бытовых, они часто украшались, из-за чего в XVI – начале XVIII в. их нередко называли красными [Акты..., 1878, с. 1006; Приходно-расходные книги..., 1903, вып. 1, с. 108; 1904, с. 58; Описная книга..., 1904, с. 126].

Помимо пассажирских саней широкого назначения (называвшихся обычно по месту первоначального изготовления), появился ряд узкоспециализированных. Судя по обозначению некоторых зимних повозок XVII в. «скочками» [Мерзон, Тихонов, 1960, с. 571], существовавшими и в XIX–XX вв. [Даль, 1994, т. 2, с. 334–335; т. 4, с. 30; Логинов, 1993, с. 68–69; Шангина, 2000, с. 257, 335], они представляли собой легкие выездные санки гоночного типа, что, несомненно, способствовало их популярности среди богатого населения России.

В царском, патриаршем и монастырских хозяйствах XVI–XVIII вв. появилась целая группа узкоспециализированных пассажирских саней, названия которых обозначают их функцию: выносные (похоронные), панихидные, дмитровские [Терешенко, 1848, с. 107–108; Труворов, 1889, с. 452; Анучин, 1890, с. 130–131, примеч. 82; Забелин, 1901, с. 632; 1905, с. 598] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 432 об., 480 об.), вербные*. Последние использовались во время шествия в Вербное воскресенье [Анучин, 1890, с. 120], дмитровские – вероятно, в наиболее значимые поминальные дни (Дмитровская суббота

была одним из них). Выносные сани исчезли из царских похорон в связи с изменением обряда в конце XVII столетия*, вербные вышли из употребления по той же причине в XVIII в. Затем утратили свои позиции экипажи, использовавшиеся в поминальной обрядности. В значительной мере это было связано, вероятно, с секуляризацией церковных земель и уменьшением транспортного парка у духовенства.

В Описи Конюшенной казны 1706–1707 гг. сообщается о «покоевых» санях XVII в., которые предназначались для отдыха и сна во время длительных переездов, для чего в них имелась устроенная на ремнях постель (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 437 об.–438 об.). Несмотря на исчезновение термина в XVIII–XIX вв., подобная функция саней сохранилась отчасти в «полевых» и «дорожных» повозках (см. ниже).

Долгое время узкоспециализированными (свадебными) считались «инальцовские» («нальцовские») сани [Анучин, 1890, с. 117]. Однако, как показывают документы, более правильно видеть в них «парадные» сани, поскольку их использовали также для встреч самых почетных лиц и в похоронном обряде [Забелин, 1901, с. 643; Макарий..., 1906, с. 16, 18, 22, 24, 28, 52–53, 69].

Еще одним специализированным типом открытых пассажирских повозок царского двора последней четверти XVII в. были «потешные», в XVIII в. – «маскарадные» и «катальные» сани. Первые и вторые использовались придворной знатью как увеселительные во время праздничных действий, последние – для масленичных уличных представлений и катаний с искусственных гор [Описание музеума..., 1861, с. 39; Фагурел, 1998, с. 283–284; Пыляев, 1990, с. 135] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 438 об.–439 об., 557 об.–558; Ф. 1239. Оп. 3. № 54422. Л. 2 об.; РГИА, Ф. 477. Оп. 7. № 88. Л. 128–136). «Потешные» и «маскарадные» сани полностью вышли из употребления в XIX столетии в связи с исчезновением из быта царского двора «карусельных» праздников и маскарадов, «катальные» сохранились вплоть до 1860-х гг.

Ярким свидетельством усложнения функционального разнообразия пассажирских повозок с эпохи Московской Руси является распространение среди светской и духовной элиты, в помещичьих хозяйствах и у богатых горожан «выходных» и «вседневных», а также «городовых», «полевых» и «походных» саней. «Городовые»** и «выходные» использовались глав-

*Как показали исследования, в ряде случаев они представляли собой сани, поставленные на колеса, т.е. импровизированную колесную повозку (см.: [Анучин, 1890, с. 120–123; Чернышев, 1980, с. 77]).

*Последние похороны с использованием саней-носилков происходили 30 января 1696 г. – во время погребения царя Иоанна Алексеевича (см.: [Полное собрание законов..., 1830, с. 220–221]).

**В начале XX в. такие повозки стали называться городскими (см.: [Ривош, 1990, с. 83]).

ным образом для езды в городе и поэтому делались более нарядными. Особенностью первых являлось также широкое использование западно-европейской дышлового запряжки (см., напр.: [Розыскные дела..., 1893, стб. 156–157, 175; Разходная книга..., 1852, с. 6; Описание записных книг..., 1883, с. 501; Альбом..., 1903, с. 113–114, рис. 72; Описи имущества..., 1988, с. 216; Материалы для летописи..., 1887, с. 76]; Архив СПбИИ. Ф. 132. Оп. 2. № 441. Л. 5, 16; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1021. Л. 67; № 1022. Л. 430–440 об.; Ф. 248. Оп. 110. № 236. Л. 6 об.; ОР РНБ, Ф. 351, № 104/1340. Л. 447–448 об.; РГИА. Ф. 477. Оп. 4. № 99. Л. 9–19 об., 26–27 об., 48–54 об.; № 400. Л. 96–104; Оп. 7. № 83. Л. 93 об.–115 об., 145–145 об.; № 104. Л. 271–283 об., 312 об.–313 об., 332–332 об.; № 286. Л. 1–71; № 288. Л. 11–13; № 291. Л. 25–27, 28–29). На «полевых» и «походных» санях ездили вне города, поэтому в целом они уступали в нарядности «городовым» и в отличие от последних, которые в основном были открытыми, нередко имели крытый кузов, а также оглобелную запряжку и иногда даже «постели» [Розыскные дела..., 1893, стб. 157–158; Забелин, 1905, с. 598] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 434–437 об.). С XVIII в. подобные сани часто назывались дорожными или вояжными (РГИА. Ф. 477. Оп. 4. № 99. Л. 9–19 об., 48–54 об.; Оп. 7. № 81. Л. 142 об.–158; № 288. Л. 5–10; № 290. Л. 1–10). В XIX в. наименования «кибитка» (см., напр.: Там же. Оп. 7. № 2. Л. 57 об.–58; № 81. Л. 146–158; № 290. Л. 1–20; ГИАНО. Ф. 513. Оп. 1. № 935. Л. 4) и «сани троечные» (РГИА. Ф. 477. Оп. 7. № 83. Л. 93 об.–96 об.) все чаще вытесняют эти функциональные термины. Наряду с двумя основными типами в XIX в. появился промежуточный – «загородные» сани, сочетавшие городской наряд и загородную троечную запряжку (Там же. № 81. Л. 168 об.; № 83. Л. 93 об.–96 об.).

Обладание «городовыми» и «полевыми» санями постепенно становилось знаком принадлежности к привилегированной части общества; в XIX в. «городовые» экипажи получили широкое распространение и у легковых извозчиков. Поэтому с конца XVIII, и особенно в XIX в., такое разделение саней начинает иллюстрировать увеличивающиеся различия между дворянской и городской субкультурой (богатых горожан и обслуживающих их извозчиков-профессионалов), с одной стороны, и сельской – с другой.

Более разнообразными с эпохи Московской Руси стали и предназначавшиеся для дальних переездов крытые пассажирские повозки. Вначале это были «болки» («полатки») и возки («каптаны», «возки», «избушки», «сани с избушкой»), с XVIII в. широкое распространение получили и кибитки (см., напр.: Там же. № 2. Л. 57 об.–58; № 81. Л. 146–158; № 290. Л. 1–20; ГИАНО. Ф. 513. Оп. 1. № 935. Л. 4). Если

использование возков ограничивалось главным образом царским, боярскими, помещичьими, патриаршим, епископскими и монастырскими хозяйствами*, то «болки» и кибитки были распространены среди разных слоев населения. Последние в силу их универсальности в функциональном отношении мало информативны для настоящего исследования. Возки предназначались для разнообразных целей и делились, с одной стороны, на повседневные («росхожие») и парадные («выходные»), с другой – на «дорожные» («походные») и использовавшиеся в городе [Забелин, 1905, с. 598; Розыскные дела..., 1888; стб. 341–344; Описи имущества..., 1988, с. 215–216] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 444 об.–454). При этом термин «городовой» применительно к возкам не получил распространения, вероятно, в связи с незначительным их использованием в городе. «Выходные» возки не указываются в источниках, но могут быть логически выведены как пара «росхожим».

Кроме того, Л.П. Кириллова выделяет в царском Конюшенном дворе возки теплые, детские, потешные и панихидные [Экипажи..., 1985, с. 17; Кириллова, 2000, с. 30], что можно принять с оговорками. Вызывает сомнение последняя модификация, поскольку в источниках встречаются только «панихидные сани», под которыми подразумевается открытая повозка (см. выше). Термины «детские» и «потешные» в данном случае являются по сути синонимичными: как указала М.М. Денисова, «потешные» возки предназначались для катаний («потех») царских детей [1954, с. 298]; они отличались от остальных небольшими размерами (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1022. Л. 452 об.–453, 555 об.). Теплыми назывались повозки, обитые внутри мехом. В описи Конюшенной казны 1706–1707 гг. указано 11 «теплых возков» XVII столетия**. Несмотря на то что этот термин встречается лишь в Описях царской Конюшенной казны, подобные повозки, вероятно, могли использоваться и русской знатью. Будучи принадлежностью главным образом царского двора, указанные модификации возков исчезли из жизни вместе с европеизацией дворцового быта в Петровскую эпоху.

В XVIII в. большую популярность у знати при дальних переездах получили более комфортабельные «спальни зимние» и «линеи» [Материалы для летописи..., 1887, с. 76; Карнович, 1884, с. 335–336]. В XIX – начале XX в. значение специализированных зимних возков снизилось и в качестве основного типа крытой зимней повозки светская и духовная

*Судя по отсутствию сведений в документах, возков не было и в ямщицких хозяйствах или они встречались здесь в качестве исключения.

**В работе М.М. Денисовой приводится иная цифра – 6 [1954, с. 298].

аристократия использовала кареты и другие летние пассажирские экипажи, которые устанавливались на т.н. зимние городовые полозья или башмаки (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 54422. Л. 2 об.; ОР РНБ. Ф. 351. № 104/1340. Л. 447; РГИА. Ф. 477. Оп. 2. № 246. Л. 65–65 об., 83, 197; Оп. 7. № 3. Л. 4–4 об.; № 88. Л. 110 об.–112; ГИАНО. Ф. 513. Оп. 1. № 646. Л. 39 об.–40; № 674. Л. 1).

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в X–XV вв. сформировались основные функциональные типы упряжных русских саней, известные в более позднее время: грузовые, универсальные и пассажирские. При этом большая часть древнерусских саней была универсальной, т.е. использовалась в качестве грузового и пассажирского транспорта. В конце XV–XVII вв. их удельный вес уменьшился и значительно возросло число грузовых и пассажирских, в т.ч. закрытых, повозок. Начиная с этого времени появилось много новых модификаций специализированных саней, что отражает хозяйственную дифференциацию и социальное расслоение русского общества. Часть из них не дожила до этнографического времени ввиду утраты потребности в таких повозках. Так, исчезли специализированные сани, использовавшиеся царским двором и знатью и ставшие ненужными после европеизации дворцового быта в начале XVIII в. Сходная участь постигла и ряд монастырских повозок после секуляризации земель в конце этого же столетия. Наконец, четко видимое на материалах XVII–XVIII вв. разделение русской культуры на элитарную и народную приобретает в XIX в. новый вид: на одном полюсе ее находится дворянская и городская, на другом – сельская субкультура.

Список литературы

- Акты** Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706) / Ред. А. Труворов – СПб.: Археогр. комиссия, 1878. – 1243 с. – (РИБ; т. 5).
- Акты** исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: [Тип. П. Отд. Собств. е. и. в. канцелярии], 1841. – Т. 2: 1598–1613. – 438 с.
- Акты** Холмогорской и Устюжской епархий. – СПб.: Археогр. комиссия, 1894. – 13 с., 1286, 150 стб. – (РИБ; т. 14, ч. 2).
- Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. – 2-е изд. – Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. – С. 325–372.
- Альбом** Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века. – СПб.: А.С. Суворин, 1903. – 191 с.
- Анучин Д.Н.** Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности: Тр. Моск. археол. об-ва. – М., 1890. – Т. 14. – С. 81–226.
- Арциховский А.В.** Средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV веков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – Ч. 1: Материальная культура. – С. 307–316.
- Бежкович А.С.** Средства передвижения и упряжь в крестьянском хозяйстве // Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К. Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры: Определитель. – М.: Сов. Россия, 1959. – С. 199–243.
- Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.** Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы: Мат-лы Комиссии экспедиционных обследований Академии наук СССР. – Л.: [Центр. тип. Наркомвоенмора], 1930. – Вып. 17. – С. 49–192.
- Варфоломеев Н.** Сведения хозяйственно-экономические по Заостровскому приходу Архангельского уезда, за 1874 г. // Архангельские губернские ведомости. – 1875. – № 25. – С. 4.
- Васильев М.И.** Функциональные типы средневековых новгородских упряжных саней: проблемы интерпретации // Новгород и новгородская земля: История и археология: Мат-лы науч. конф. Новгород, 24–26 января 2006 г. – Великий Новгород, 2006. – Вып. 20. – С. 115–130.
- Воронин Н.Н.** Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1: Материальная культура. – С. 280–314.
- Воронов Г.А.** Очерк лесного хозяйства и торговли лесом в Новгородской губернии // Лесной журнал. – 1896. – № 3. – С. 575–607.
- Голубых М.** Казацья деревня. – М.; Л.: Гос. изд-во РСФСР, 1930. – 324 с.
- Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – Т. 1. – 912 с.; Т. 2. – 912 с.; Т. 4. – 864 с.
- Денисова М.М.** «Конюшенная казна»: Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. – М.: Искусство, 1954. – С. 247–304.
- Дополнения** к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: [Тип. Э. Праца], 1853. – Т. 5. – VII, 510 с.
- Дубровин Г.Е.** Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.: По археологическим данным. – М.: Старый сад, 2000. – Т. 1–2. – 445 с.
- Евляев К.Г.** Записка об Александровском посаде Псковского уезда в промысловом и других отношениях // Псковские губернские ведомости. – 1879. – № 7. – С. 62.
- Забелин И.** Материалы // Забелин И. Домашний быт русского народа. – 3-е изд., доп. – М.: [Тип. А.И. Мамонтова], 1901. – Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – С. 569–777.
- Забелин И.** История города Москвы. – М.: [Типо-литогр. И.Н. Кушнерев и К], 1905. – Ч. 1. – XXVI, 652 с.
- Зимние катания** новгородских крестьян: (Метод. рекомендации) / Сост. М.И. Васильев. – Новгород: Обл. центр нар. творчества, 1992. – 54 с., 12 с.: ил.
- Карнович Е.П.** Исторические рассказы и бытовые очерки. – СПб.: А.С. Суворин, 1884. – 517 с.
- Кириллова Л.** Старинные экипажи: Сокровища Оружейной палаты. – М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Моск. Кремль», 2000. – 37 с.

Ковригина В.А., Масаринова Л.М. Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – Ч. 1: Материальная культура. – С. 122–144.

Колчин Б.А. Новгородские древности: Деревянные изделия – М.: Наука, 1968. – 184 с. – (САИ; вып. Е 1-55).

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб.: Археогр. комиссия, 1840. – XVI, 160 с.

Круковский М.А. Олонецкий край: Путевые очерки. – СПб.: Петербург. учеб. магазин, 1904. – 260 с.

Куликовский Г. Словарь областного Олонецкого наречия. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. – 150 с.

Кучин И. Рыболовство в Валдайских озерах // Вестн. Новгород. земства. – 1901. – № 5, отд. 6. – С. 44–51.

Лебедева А.А. Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К.В. Чистов. – М.: Наука, 1987. – С. 313–341.

Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: Наука, 1993. – 147 с.

Макарий, патриарх Антиохийский, в России в 1654–1656 гг.: Документы Посольского приказа / Предисл. и примеч. Н.В. Рождественского // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. – М.: [Тип. штаба Моск. воен. округа], 1906. – Кн. 4, разд. 1. – С. VI, 1–120.

Марасинова Л.М. Торговля и средства передвижения // Очерки русской культуры XVI века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977. – Ч. 1: Материальная культура. – С. 252–291.

Марасинова Л.М. Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – Ч. 1: Материальная культура. – С. 257–284.

Материалы для истории Звенигородского края. – М.: Археогр. центр, 1994. – Вып. 2: Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII века / Сост. С.Н. Кистерова, Л.А. Тимошина. – 240 с.

Материалы для летописи Волоколамского Иосифова монастыря из дел Архива Московской духовной консистории с 1746–1852 год // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. – М.: [Универс. тип. М. Каткова], 1887. – Кн. 2, разд. 5. – С. 1–128.

Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 715 с.

Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). – СПб.: [Синод. тип.], 1910. – Т. 1. Вып. 2: О средствах содержания монастыря. – DCXCVI с.

Новгородские писцовые книги, изданные Археологической комиссией. – СПб.: [Тип. Мин-ва внутр. дел], 1886. – Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. – Кн. I: 1498 г.; Кн. II: 1539 г.; Кн. III: 1552–1553 гг. – 6 с., 584 стб.; СПб.: [Сенат. тип.], 1905. – Т. 5: Книги Шелонской пятины. – Кн. I: Около 1498 г.; Кн. II: 1498 г.; Кн. III: 1499–1551 гг.; Кн. IV: 1571 г.; Кн. V: 1576 г. – 9 с., 696 стб.

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 гг. / Сост. А. Викторов. – М.: [Тип. М.П. Щепкина], 1883. – Разд. 5: Конюшенный приказ. – Вып. 2. – С. 491–504.

Описание музея Конюшенной его императорского величества конторы. – СПб.: [Тип. III Отд. Собств. е. и. в. канцелярии], 1861. – 43 с.

Описи имущества Новгородского Софийского собора XVIII – начала XIX в. / Сост. Э.А. Гордиенко, Г.К. Маркина. – М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1988. – 228 с.

Описная книга Муромского Борисо-Глебского на Ушне монастыря, 1689 г. Сообщил И. Шляпкин // Тр. Рязанской учен. архив. комиссии / Под ред. С.Д. Яхонтова. – Рязань: [Тип. Губ. правления], 1904. – Т. 19, вып. 2. – С. 113–137.

Опись Аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам и заводам, которые ведомы были Приказу тайных дел, 1676–1677 гг. // Зап. отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Археол. об-ва. – СПб.: [Тип. И. Огризко], 1861. – Т. 2. – С. 44–125.

Опись имения Батюшковых в селе Даниловском (Бежец. у. Твер. губ.) [1796 г.] / Публикация В.А. Кошелева // Устюжна: Ист.-лит. альманах. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1993. – Вып. 2. – С. 194–221.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским / Под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: [Тип. А. Катанского и К], 1882. – Т. 1: (С 1487 по 1533 год). – XXII, 870 с. – (Сб. Рус. ист. об-ва; т. 35).

Переславль-Залесский: Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. – М.: [Тип. М.Г. Волчанинова], 1891. – 110 с.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: [Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии], 1830. – Т. 3: 1689–1699 гг. – 690 с.

Приходно-расходные книги Богословского монастыря с 192 по 197 год (1684–1689) // Тр. Рязанской учен. архив. комиссии. 1903 год. – Рязань: [Тип. Губ. правления], 1903. – Т. 18, вып. 1. – С. 59–114; вып. 2. – С. 212–243; 1904. – Т. 19, вып. 1. – С. 31–59.

Промыслы сельского населения Псковского уезда. – Псков: [Тип. Губ. правления], 1888. – 82 с.

Псковские летописи. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Вып. 2. – 364 с.

Пыляев М.И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. – М.: Книга, 1990. – 321 с.

Расходная книга Новгородского митрополита Никона 7160 года // Временник Имп. Моск. об-ва истории и древностей российских. – М.: [Универс. тип.], 1852. – Кн. 13, разд. 2. – С. 1–62.

Расходная книга Дорогобужского Болдинского Свято-Троицкого монастыря. 1585–1586 // РИБ. – СПб., 1875. – Т. 2. – Стб. 290–313.

Ривовш Я.Н. Время и вещи: Иллюстрированное описание костюмов и аксессуаров в России конца XIX – начала XX в. – М.: Искусство, 1990. – 304 с.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. – СПб.: Археогр. комиссия, 1888. – Т. 3. – 1472 стб.; 1893. – Т. 4. – 1102 стб.

Серпухов: Орудия, употребляемые в сельском хозяйстве // Новгородский сборник. – Новгород: Новг. стат. комиссия, 1866. – Вып. 5, отд. 1. – С. 22–32.

Сказания современников о Димитрии Самозванце. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1834. – Ч. 4. – V, 232 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1. – 372 с.; Вып. 2. – 320 с.; 1980. – Вып. 7. – 403 с.; 1981. – Вып. 8. – 351 с.; 1987. – Вып. 12. – 381 с.; 1988. – Вып. 14. – 312 с.; 1990. – Вып. 16. – 294 с.

Строкин Н.А. Рыбный промысел на Псковском озере. – Псков: [Тип. Губ. земства], 1887. – 26 с.

Терещенко А. Быт русского народа. – СПб.: [Тип. военно-учеб. заведений], 1848. – Т. 3. – 133 с.

Труворов А.Н. О кончине царевича Симеона Алексеевича и о саях, употреблявшихся при погребении царствовавших на Руси особ // Русская старина. – СПб., 1889. – Вып. 5. – С. 451–457.

Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые. – М.: [Тип. С. Селивановского], 1818. – Ч. 2. – 251 с.

Фагурел Ю.Е. Коллекция маскарадных саней XVIII в. из собрания ГИМ (к вопросу об истории маскарадных зрелищ в России в XVIII в.) // Тр. ГИМ. – 1998. – Вып. 106. – С. 282–286.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – Т. 3. – 832 с.

Хорошев А.С. Средства передвижения // Древняя Русь: Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – С. 120–129.

Чернышев В.А. Сухопутные средства сообщения в России XVI–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 305 с.

Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 688 с.

Шустиков А. Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. – 1895. – № 3/4. – С. 358–375.

Экипажи XVI–XVIII вв.: Каталог выставки / Сост. Л.П. Кириллова. – М.: Гос. музей Моск. Кремля, 1985. – 82 с.

Материал поступил в редколлегию 16.04.07. г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ПРАЗДНИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

«КАМВА-2007»: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНОФУТУРИСТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

В конце XX – начале XXI в. в российской и мировой этнографии и этнологии наметился сдвиг исследовательских интересов, связанный с нивелированием традиционной культуры. Время, когда она реально объединяла этнические сообщества и конкурировала с практиками унифицированной городской среды, прошло. Ныне этнические традиции принадлежат семейным группам; они представлены вариативными приватными практиками.

Изучение традиционных культур порождает массу вопросов о валидности полевых методик и репрезентативности данных, полученных в локальных сообществах, по инерции называющих себя одним этнонимом. Включенное наблюдение обнаруживает прежде всего экономико-географическую специфику и универсальные социальные проблемы. Подлинное, «классическое», этнографическое поле становится труднодоступным. Специалисты все чаще обращаются к т.н. креативной этничности, поскольку этнокультурные реалии современности наиболее полно и выразительно проявляются в сфере искусства и творческих практиках. В современном мире, по мнению специалистов, этничность (этническая идентичность, этническая принадлежность) выступает не как фиксированное явление, а как результат личностного переопределения и социального творчества самих индивидов. Одним из вариантов исследовательского поля для этнографа становятся этнические фестивали. В России фестивальное движение сложилось к 1980-м гг. и в 1990-е гг. вышло на новый уровень.

В августе 2006 г. во вновь образованном Пермском крае состоялся I Международный этнофутуристический фестиваль «Камва». Камва – обобщенный образ великой р. Камы; это имя – новация, образованная на основе финно-угорского гидронима «ва» («вода», «река»). В 2007 г. фестиваль проводили во второй раз. С этого момента «Камва» приобрела статус постоянно действующего Международного этнофутуристического фестиваля.

Камва – лицо и символ Международного этнофутуристического фестиваля. Фото В. Ефремова.

Этнофутуристический фестиваль в городах Перми и Кудымкаре, на древней коми-пермяцкой земле, возник не случайно. Термин «этнофутуризм», обозначивший стратегию популяризации народной культуры, появился в процессе финно-угорского возрождения. Эстонские литераторы инициировали развитие этнофутуристического направления в культурах современных финно-угорских народов.

В 1994 г. на конференции в г. Тарту была принята концепция нового течения в искусстве. Манифест конференции «Этнофутуризм как образ мышления и альтернатива на будущее» провозгласил исчезновение канонизированности в современной культуре и необходимость опоры на традиции и их творческое развитие. Художественная стилистика этнофутуризма соединила в себе академическую традицию, достижения русского авангарда, идеи и формы постмодернизма. Определяющим в раннем этнофутуризме стало обращение к финно-угорской мифологии и в целом к этнической архаике. Живописные эксперименты с древней символикой начали художники коми, карелы, удмурты в сотрудничестве с финскими и эстонскими коллегами. Возникнув в сфере профессионального искусства финно-угорских народов, этнофутуризм быстро расширил свои границы, выйдя за пределы визуального творчества и этнической локальности. Обращение к традиции стало рассматриваться как сфера креативных экспериментов и одновременно новейший вариант ее трансляции в полиэтническом сообществе России в целом.

Появление фестиваля «Камва» было продиктовано задачами сохранения этнокультурного многообразия Прикамья в контексте меняющегося мира. Здесь, на стыке Европы и Азии, «степи» и «леса», переплелись судьбы финно-угорских, тюркских, восточно-славянских народов. Практики осмысления вековых традиций на протяжении многих десятилетий занимали большое место в культурной жизни Пермского края. Широко известные ныне символы Прикамья – звериный стиль, деревянная скульптура, обвинская роспись по дереву, уральская школа художественной обработки камня и многое другое – стали объектами изучения и популяризации историко-культурного наследия жителей полиэтнического региона.

В Прикамье издавна большой размах имело фольклорное движение. Еще в 1980-е гг. Пермь стала центром проведения всероссийских фестивалей студенческих фольклорных коллективов. Эти фестивали, собирая большое число участников со всего Советского Союза, сыграли важную роль в осмыслении и институализации фольклорного движения в стране.

Фестиваль «Камва» опирался на уже существующие практики. Он появился в результате деятельности общественной организации «Камва», объединившей музыкантов, исполнителей, художников, ученых, продюсеров, ориентированных на сохранение и популяризацию культурного наследия народов Пермского края. Идея проведения большого музыкального и художественного праздника принадлежала руководителю пермского музыкального театра-студии «Мимикрия» Н. Шостиной.

Фестиваль «Камва-2006» состоялся в период, когда достигла кульминации международная дискуссия о

правах марийского народа и в целом финно-угорского сообщества Российской Федерации, инициированная одиозными политическими и академическими кругами ряда европейских стран, и наряду с этим вышла на новый уровень работа по консолидации финно-угров России и их интеграции в поликультурное пространство страны и мира.

Радикализация движения финно-угорских народов России и фрагментация этносов, отмеченные в 1990-х гг., сменились локализацией интересов национальных движений и резким снижением уровня их политических притязаний в 2000-х гг. Реальным шагом на пути выстраивания новой архитектуры и идеологии национальных движений финно-угров России, шагом на пути преодоления деструктивных тенденций в полиэтническом сообществе государства явилось современное фестивальное движение Прикамья. Первый опыт проведения фестиваля «Камва-2006» оказался чрезвычайно удачным.

Участниками фестиваля стали творческие коллективы, представляющие различные этнические сообщества Перми и Пермского края, республик Коми, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Красноярска. На этнофестивале были представлены музыкальное творчество, декоративно-прикладное традиционное и профессиональное искусство, документальное и игровое кино.

Фестивальное течение «Камва» превратилось в живой поток музыки и искусства, соединивший традиции и новации. В центре коми-пермяцкой земли – г. Кудымкаре, кроме концертов состоялся конкурс «Чоскыт нянь» – «Вкусный хлеб». Праздник Зажинки прошел в с. Архангельское Юсьвинского р-на. Тема жатвы определила сюжетный и символический строй фестиваля в целом. По времени фестиваль совпал с началом уборочной страды в традиционном крестьянском календаре. При этом образ нового хлеба и нового урожая в соответствии с законами этнофутуризма приобрел метафорическое звучание, превратившись в обобщенную характеристику плодов и результатов творческого труда.

В ходе проведения фестиваля состоялись многочисленные концерты и семинары. Происходящее в Пермском крае, как и все этнофутуристическое и фольклорное движение в целом, обсуждалось на круглых столах «Символы этнофутуризма» и «Меняющаяся культура в меняющемся мире» с участием ученых, журналистов, художников, искусствоведов.

В рамках программы фестиваля «Камва-2007» состоялось открытие выставки художников-этнофутуристов «Искусство света». Художественные выставки и ярмарки были органично включены в структуру многодневного праздника. Фестивальный менеджмент

формировался на основе четкого понимания того, что современный потребитель испытывает мощную ностальгию по «ручной работе» и ремесленным изделиям, сделанным с учетом его индивидуальности. Именно поэтому в структуре «Камвы-2007» большое место было отведено мастер-классам, позволявшим зрителю оказаться причастным к аутентичным формам изготовления непромышленных артефактов. Значительная часть изделий, выставленных на фестивальных ярмарках, относилась к разряду недорогих сувениров и памятных знаков. Это стало результатом того, что характерная для современного этнотуризма ориентация на массовое тиражирование неизбежно ведет к удешевлению производства, удалению от традиционных художественных технологий. «Выживают», сохраняя этническую аутентичность, ремесленные изделия, не имеющие жесткой функциональной привязки, изготовление которых может быть недолгим и зрелищным. Импровизация на тему этнического канона становится фактором сохранения традиции, полностью укладываясь в идеологию этнофутуризма.

На фестивале «Камва-2007» было представлено «этнографическое» шоу – Праздник Нового хлеба. Этот проект был создан на основе реконструкций ритуалов жатвы народов Прикамья. Действие нового праздника происходило в этнографическом музее-заповеднике «Хохловка» на живописном берегу р. Камы. Этот смелый эксперимент в стиле этнофьюжн был реализован краевыми театральными коллективами, активно сотрудничающими с этнографическими центрами Прикамья.

«Фьюжн», предполагающий стилевое и жанровое смешение с возможностью включения в действие публики, сегодня рассматривается как наиболее перспективный для реализации визуальных проектов этнофестивальный формат. Творческий эксперимент, основанный на вариативности народной праздничной культуры, позволяет гармонично совместить отточенные веками обрядовые практики и новейшие открытия профессиональных художников и музыкантов, работающих в направлении этнофутуризма. Одна из находок в этой стилистике – название и символ пермского фестиваля. В рамках стилизованного театрального действия возник новый персонаж, визуализирующий в духе этнической архаики финно-угорских народов мистические образы духов-хозяев природы, покровителей и защитников человека.

Импровизация на тему традиции стала одной из определяющих тенденций этнофутуристического фестиваля. Более всего этническая аутентичность сохранилась в музыкальной части праздника. Особенность «Камвы-2007» – отсутствие коллективов, исполняющих сценические обработки народных песен. Такая форма, столь популярная в недавнем

прошлом, сегодня неинтересна; к людям вернулось осознание ценности прошлого, а вместе с ним пришло понимание уникальности первозданного фольклора. Классические фольклорные коллективы были представлены на фестивале коми-пермяцким ансамблем «Кукушка», пермским коллективом «Тишина», мордовскими, марийскими и русскими группами. Их музыкальные выступления покорили слушателей красотой – красотой подлинности. На фестивале было широко представлено и фолк-направление, связанное с отрывом аутентичной мелодики от родного историко-культурного ландшафта и конкретных житейских ситуаций и ее переносом в городскую среду.

Направление фолк возникло в англо-американской музыкальной традиции как стихийное явление в результате модернизации «уходящих» низкоконтекстных «колониистских» культур. В России фолк-музыкантам приходится осваивать богатое музыкальное наследие, веками формировавшееся в различных этнических средах, порой приобщаться к крестьянской культуре и восстанавливать уже забытые традиции. Творчество фолк-музыканта невозможно без погружения в ритмы и мелодику осваиваемой культуры. Российский полиэтнический фолк развивается в результате осознанных, квалифицированных усилий. Самые яркие участники фестиваля «Камва-2007» – удмуртская группа «Тылобурдо» и мордовский коллектив «Тоорома» – в своем творчестве активно используют академическую поддержку.

Родная музыкальная традиция, с одной стороны, является мощной и трудоемкой для освоения, с другой – оставляет возможности для импровизаций и экспериментов. Например, молодые музыканты из красноярской группы «Ведань Колодь» в авторском манифесте и сценическом облике позиционируют себя как исполнители «языческой» музыки, предлагая версии на тему русского фольклора под аккомпанемент «скифского рога» и «славянских» бубнов.

Удачным воплощением стремления привлечь зрительский интерес был показ на фестивале «Камва-2007» чрезвычайно этнографически содержательного видеоматериала «О первых успехах Советской власти в Стране вотяков» в сопровождении удмуртской фолк-группы «Тылобурдо» («Огненное крыло»). Стилистика фолка, свободно интерпретирующая старинные песни коми-пермяцких деревень и архаичные русские напевы с позиций урбанистической культуры, создает широкие возможности для современного, главным образом сценического, прочтения материала.

В пограничной зоне мировых музыкальных и этнических традиций возникают такие направления, как этноджаз и этнопанк; первый из них актуализирует импровизационные начала народной музыки, второй – использует идеи и образы фольклора как превращенную форму социальной критики, трансформирует

их сквозь призму идеологии культурного андеграунда. Этноджаз остается сферой элитарной профессиональной музыки. Панк не претендует на сложность, и в этом он близок реальным творцам народной песни. Весьма убедительным примером богатых «этнографических» возможностей панка служит представленный в программе фестиваля «Камва-2007» фильм А. Стреляной, который соединил творчество группы «Нервенклиник» и русский фольклор Приладожья.

Стилевое разнообразие и полиэтнический состав участников определили своеобразие этнофутуристического фестиваля. Он стал частью комплекса проектов, ориентированных на сохранение этнографического и музыкального богатства Пермского края. В период его подготовки был прочитан цикл лекций, посвященных древней и современной этнической истории Прикамья; ведущие специалисты излагали современные взгляды на проблемы древней и средневековой этнокультурной истории региона, истории и традиционной культуры коми-пермяков. Другим научным проектом фестиваля стал выпуск серии компакт-дисков «Антология фольклора народов Прикамья» с произведениями устного народного творчества русских, коми-пермяков, марийцев, удмуртов, татар и башкир.

Серьезное научное обеспечение определило идеологию этнофутуризма. Фестиваль «Камва-2007» продемонстрировал трансформацию академических описаний этнических культур середины XX в. в концепции их творческого освоения начала XXI в. В современной России, прежде всего в молодежной аудитории, необычайно высок интерес к аутентичным культурам и их носителям. Умение ценить «этническое» прошлое стало характеристикой современной образованной и творческой элиты. В городской среде уже нет предвзятого отношения к подлинно народным исполнителям; фольклорные ансамбли оказываются в центре внимания фестиваля и вызывают живой интерес участников. Стремление в будущее, творческая интерпретация традиционной культуры и фольклора, контаминация современной музыки и аутентичного исполнения, импровизация и эксперимент определяют основные тенденции в развитии фестивального движения Пермского края и России в целом.

Одним из результатов развития этнофутуристического движения финно-угорских народов уже сегодня можно считать оформление стратегий этнического возрождения в контексте полиэтнических сообществ. Обращение к универсальному языку искусства в условиях разнообразия исторического и этноконтактного опыта и несовпадения политических интересов позволяет обозначить перспективу преодоления этнокультурной фрагментарности финно-угорского мира. Уходя от доминирующей на протяжении долгого времени темы утраченного единства, финно-угорский мир разрабатывает действенные формы культурной интеграции. Замыслы этнофутуристов 1990-х гг. сегодня обретают характер мощного символического капитала и получают реальное воплощение: будущее этносов оказывается связанным с «креативной интеграцией».

Фоторепортаж предоставлен пресс-центром Международного этнофутуристического фестиваля «Камва-2007».

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору фестиваля Н. Шостиной и доктору исторических наук проректору по научной работе и внешним связям Пермского государственного педагогического университета А. Белавину за возможность участия в работе фестиваля «Камва-2007», а также сотрудникам фестиваля и журналистам пресс-центра за помощь и информационную поддержку.

**И.В. Октябрьская¹, А.Ю. Охотников¹,
А.В. Черных²**

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: SIEM405@yandex.ru
tindrum@mail.ru*

²*Институт истории и археологии УрО РАН
Пермский филиал
ул. Пушкина, 44, оф. 1, Пермь, 614022, Россия
E-mail: atschernych@yandex.ru*

Архитектурно-этнографический музей «Хохловка», одна из площадок фестиваля «Камва-2007».

Архитектурно-этнографический музей «Хохловка» – один из крупнейших музеев деревянного зодчества на Урале. Идея его создания возникла в 1969 г., а открытие состоялось в 1980 г. Самая большая поляна музея – у церкви Преображения в с. Янидор (построена в 1704 г.) – стала местом главного фестивального хоровода. Участников праздника встречали фольклорные коллективы Пермского края, как и положено – пивом сур и коми-пермяцкими шаньгами.

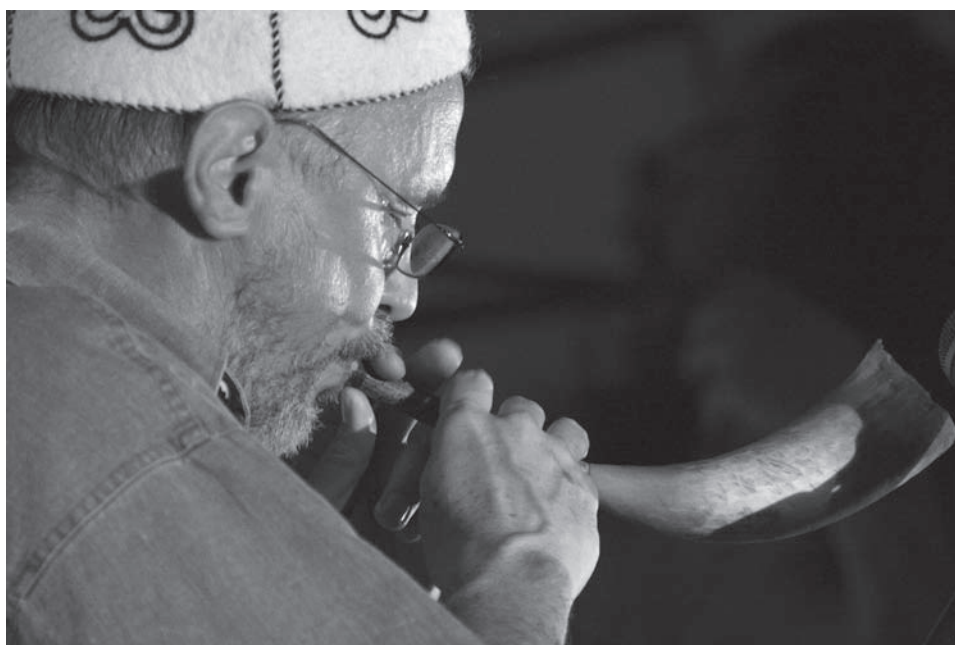

Встреча гостей и участников фестиваля «Камва-2007» в г. Кудымкаре – центре коми-пермяцкой земли.
Хозяева праздника – фольклорный ансамбль из с. Кекур Кудымкарского р-на.

Выступление фолк-группы «Ведань Колодзь» из г. Красноярска.

Фольклорное искусство уникально: его архаичные формы воспринимаются как проявление авангарда, а за простотой звучания стоит огромный труд по освоению традиции. Ведущий российский фолк-музыкант и почетный гость фестиваля «Камва-2007» С.Н. Старостин рассказывал, что обучение игре на владимирском пастушьем рожке заняло у него пять лет.

Почетный гость фестиваля Сергей Старостин – один из ведущих фольклористов и исполнителей русской народной музыки.

Участница Праздника Нового хлеба в архитектурно-этнографическом музее «Хохловка».

Коми-пермяки – народ с уходящими в глубокое прошлое традициями земледелия. Старшее поколение до сих пор хранит навыки жатвы: помнит, как управляться с серпом, вязать снопы. С началом и завершением жатвы связаны древние ритуалы; именно они легли в основу обрядового праздника Зажинки, проходившего в с. Архангельском Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа.

«Фестивальная поляна» на берегу р. Иньвы (г. Кудымкар).

Ритуалы жатвы в дни фестиваля (г. Кудымкар).

Частью фестиваля стал конкурс национальной кухни «Чоскыт нянь» – «Вкусный хлеб». У коми-пермяков без хлеба, кваса и пива не обходится ни один праздник, ни одно застолье. Не важно, по какому делу вы зашли в коми-пермяцкий дом, – вам первым делом всегда предложат кружку с квасом. Квас готовят особым способом: зимой проращивают рожь с овсом и ставят «бражно» – закваску, на которой и «зреет» этот напиток.

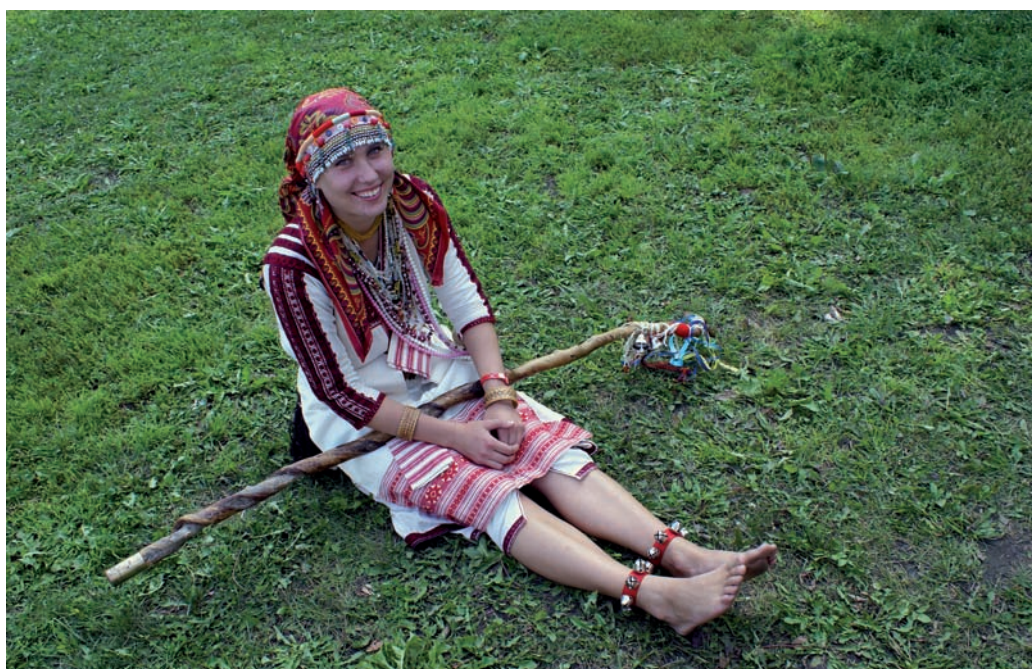

Угощение к ритуалу жатвы.

«Город мастеров» фестиваля «Камва-2007».

Этнофутуризм – эта стратегия возвращения в городскую среду этнических традиций. «Город мастеров» с презентацией народных ремесел занимает одну из самых больших площадок фестиваля. Пермские берестяники хранят секреты украшения утвари «чеканным» орнаментом; их посуда, оплетенная берестой, органично включается в интерьер крестьянской избы и современного дома. Традиционные украшения пермских ювелиров подчеркивают красоту старинных и авангардных нарядов.

Солистка мордовского ансамбля «Тоорома» (г. Саранск).

Один из рабочих моментов фестиваля.

Современный фолк, имея истоки в аутентичной музыкальной традиции, выходит за рамки этнической локальности и канона. Импровизация, заложенная в природу фольклора, служит основой для развития жанра, придавая музыке надэтнический характер.

Музыкальная импровизация Мариу Калдарару (г. Москва) и Ирины Пыжьяновой (пермский ансамбль «Иньва»).

Участницы коми-пермяцкого фольклорного ансамбля.

Идеология этнофутуризма формирует символическое пространство фестиваля «Камва-2007». Новые образы соотносятся с аутентичной культурой и транслируются в унифицированную городскую среду. Для горожан Прикамья фестивальные практики становятся своеобразной формой освоения «этничности». Для жителей сел Коми-Пермяцкого округа этот праздник укладывается в культуру повседневности. Фольклорный ансамбль с. Коса – это бабушки, которые собрались вместе, достали из сундуков «печатные» набивные сарафаны-дубасы, холщовые белые рубахи и пестрядинные фартуки, взяли в руки старенькие балалайки и приехали в Пермь.

Встреча красавицы Камвы на берегу р. Камы.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ХОККАЙДО (по краниологическим данным)

Введение

Проблема происхождения носителей охотской культуры I тыс. н.э. с момента ее выделения в 1930-х гг. остается одной из наиболее актуальных в популяционной истории Дальнего Востока России и Японского архипелага. Изолированность данной культуры от цивилизаций того времени ограничивает роль письменных источников при выяснении ее генезиса, вследствие чего ключевую роль приобретают археологические и палеоантропологические данные.

Согласно археологическим источникам, охотская культура сложилась в V в. н.э. на основе сусуйской в южной части Сахалина. Последняя, по мнению А.А. Василевского [2002], родственна северо-сахалинской культуре, но восприняла некоторые черты культуры эпидзёмон, носители которой неоднократно проникали на Сахалин с Хоккайдо. Исследователь подчеркивает культурную неоднородность охотцев, полагая, что охотская культура является секвенцией родственных локальных археологических культур, сосуществовавших во времени и пространстве. Несомненным представляется культурное воздействие на охотское население материковых культур, связанных с тунгусо-маньчжурскими племенами (культура мохэ).

Сразу после формирования охотской культуры, а именно с V в. н.э., начиналась ее экспансия на территорию Хоккайдо, где она довольно быстро распространилась по узкой береговой линии Охотского моря. Большинство охотских памятников расположено на восточном и северном побережье острова и на Курильских островах (рис. 1); лишь немногие зафиксированы

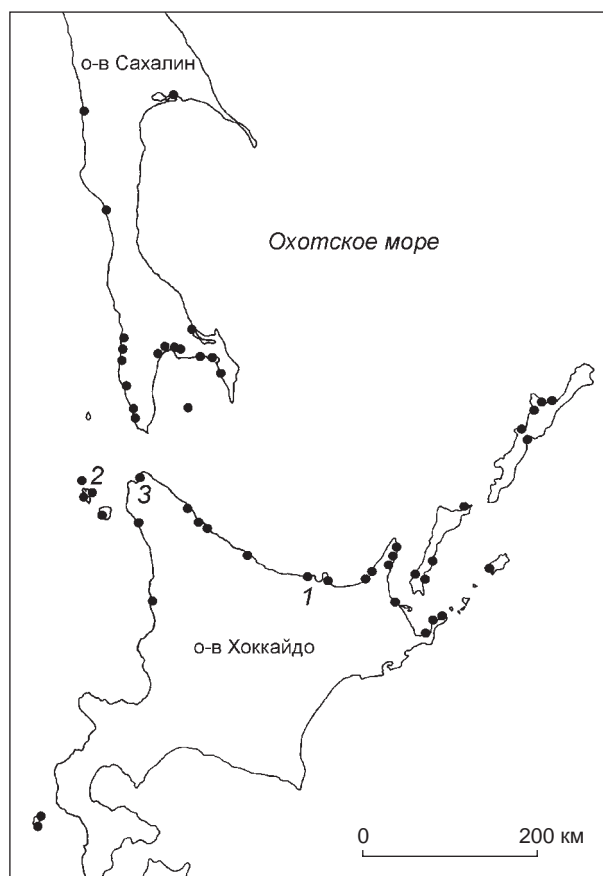

Рис. 1. Расположение главных памятников охотской культуры. Памятники, краниологические серии которых использованы в анализе:
 1 – Мойоро; 2 – Хаманака; 3 – Омисаки.

в более южных районах Хоккайдо [Matsumura et al., 2006] Такая локализация охотских памятников объясняется высоким уровнем специализации экономики ее носителей, практиковавших охоту на крупных морских млекопитающих. На ведущую роль такого направления специализации охотничьей базы носителей охотской культуры, кроме археологических данных, указывают и результаты изотопного анализа [Yoneda, 2006].

Предполагается, что судьбы локальных групп охотцев Хоккайдо были различны. Среди японских археологов распространено мнение о большей аккультурации восточных групп охотцев, по сравнению с северными местным протоайнским населением, представляющим культуру сацумон. Результатом аккультурации стала культура тобинатай, бытовавшая на востоке Хоккайдо. В северных же районах острова охотцев вытесняли на Сахалин протоайны [Ohyi, 1975].

Антропологами было высказано несколько точек зрения по поводу происхождения и генетических связей носителей охотской культуры. Среди возможных «родственников» охотцев назывались эскимосы [Suzuki, 1958] и алеуты [Кодама, 1948; Ито, 1951]. В настоящее время, пожалуй, наиболее распространено мнение об их родстве с современными амурскими народами, а также нивхами [Ямагучи, 1975, 1981; Ishida, 1988, 1994; Ishida et al., 1994; Kozintsev, 1990, 19926]. Отмечалась также возможность метисации охотцев с протоайнским населением Хоккайдо [Ito, 1965, 1971; Kozintsev, 1990, 19926].

Одним из главных препятствий на пути изучения антропологических особенностей носителей охотской культуры являлся недостаток краниологического материала. Лишь в последние годы после тщательной обработки и регистрации антропологических коллекций Университета Хоккайдо (г. Саппоро) появилась возможность исследовать, пожалуй, наиболее представительную краниологическую серию – из Мойоро (окрестности г. Абасири), а также менее многочисленные серии – из Хаманака (о-в Ребун) и Омисаки (окрестности г. Вакканай). Прежние исследования этих материалов были проведены по довольно короткой краниометрической программе [Кодама, 1948; Ито, 1951; Ito, 1965], что обусловило ограниченность воз-

можностей использования полученных результатов. Разработанные в последние годы новые эффективные системы признаков, а также новые методы статистической обработки материала заставляют вновь обратиться к данным коллекциям.

В настоящее время становится все более очевидным, что различные системы антропологических признаков не являются одинаково информативными при изучении разных этапов популяционной истории. Мне пришлось убедиться в этом при анализе антропологических материалов из Западной и Южной Сибири, а также из Восточной Европы [Моисеев, 2001, 2004]. Выяснилось, что каждая система признаков «рассказывает» свою собственную историю. Если признаки в пределах систем информативны, то любая из этих историй в общем достоверна, хотя и не достаточна. Иными словами, нет «идеальной» системы признаков, которая бы в полной мере отражала историю той или иной человеческой популяции. Разнобой в информации, получаемой по разным системам, можно свести к минимуму, если интегрировать данные различных систем. Преимущества такого подхода были продемонстрированы в ряде работ [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Козинцев, 2004; Моисеев, 2001, 2004].

Цель настоящей статьи – выявить родственные связи локальных групп носителей охотской культуры Хоккайдо на основе интеграции данных по двум системам антропологических признаков, наиболее часто используемым при исследовании палеоантропологического материала, – краниометрии и краниоскопии.

Программа, материал и методика

Череп представителей охотской культуры, а также айнов и носителей культуры дзёмон о-ва Хоккайдо, хранящиеся в Университете Хоккайдо и Медицинском колледже Саппоро, изучались мной по краниометрической программе, а также по краниоскопической программе А.Г. Козинцева [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992a]. Для интеграционного межгруппового анализа были отобраны 14 метрических и пять неметрических показателей (табл. 1, 2). Из краниоскопической

Таблица 1. Частоты краниоскопических признаков в охотских группах

Группа	ЗИ	КВШ	ЗСШ	ПГУ II	ИПНШ	НО
Мойоро	64,1 (39)*	14,3 (96)	42,4 (66)	46,2 (39)	63,7 (110)	32,7 (107)
Хаманака	86,2 (31)*	22,8 (47)	54,8 (31)	73,3 (15)	83,3 (30)	38,5 (39)
Омисаки	82,8 (26)*	22,0 (45)	28,6 (35)	73,1 (26)	57,9 (38)	26,5 (49)

Примечание. ЗИ – затылочный индекс, КВШ – клиновидно-верхнечелюстной шов, ЗСШ – заднескуловой шов, ПГУ II – подглазничный узор типа II, ИПНШ – индекс поперечного небного шва, НО – надглазничные отверстия. В скобках указано число наблюдений.

*Частота, высчитанная по уравнению регрессии.

Таблица 2. Средние величины краниометрических признаков в охотских группах

Признак	Мойоро		Хаманака		Омисаки	
	N	X	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	29	183,8	11	183,1	14	187,3
8. Поперечный диаметр	21	143,3	10	143,2	13	144,3
17. Высотный диаметр	17	138,2	7	136,3	10	141,5
45. Скуловой диаметр	9	143,9	6	142,6	6	144,5
9. Наименьшая ширина лба	31	92,5	11	94,6	12	93,8
77. Назомалярный угол	17	148,1	10	149,7	10	146,7
Zm. Зиго-максиллярный угол	9	134,9	8	138,6	9	135,0
SS:SC. Симотический указатель	22	34,5	9	38,3	7	40,6
48. Верхняя высота лица	19	77,7	8	78,0	9	79,3
55. Высота носа	21	54,0	10	54,8	9	56,3
54. Ширина носа	23	25,1	9	26,3	7	25,2
51. Ширина орбиты от mf	18	43,3	9	42,4	9	44,1
52. Высота орбиты	15	36,2	8	36,8	9	36,3
75(1). Угол выступания носа	9	18,6	6	20,3	6	25,0

Примечание. N – число наблюдений, X – средняя величина.

программы на этом этапе был исключен затылочный индекс, т.к. данный признак, эффективно разграничивая европейские и азиатские популяции, не имеет четко выраженного градиента на территории Азии. В случае с краниометрическими признаками

использовались данные только по мужским черепам; краниоскопические данные суммированы без учета пола; для КВШ вычислялись полусуммы значений по мужским и женским черепам.

Носители охотской культуры представлены тремя сериями. Две из них (Омисаки и Хаманака) относятся к северной группе охотских памятников, одна (Мойоро) – к восточной (см. рис. 1). Для сравнительного статистического анализа использовались 12 близких к современности серий с территории Дальнего Востока, а также сборная серия представителей культуры дзёмон с Японского архипелага (табл. 3).

Статистический анализ состоял из двух этапов. На первом этапе краниометрические и краниоскопические (после преобразования в радианы) данные были обработаны порознь при помощи канонического анализа и метода главных компонент соответственно. Полученные в результате этих двух анализов векторы имеют принципиально сходные свойства и могут быть использованы как новые признаки, основанные на межгрупповой корреляции исходных показателей.

На втором этапе из полученных канонических векторов (КВ) и главных компонент (ГК) было взято по несколько первых векторов, в сумме отражающих не менее 70 % общей изменчивости по каждой из систем. В данном случае этому критерию отвечают три первых КВ и две первые ГК. Эти вектора были снова обработаны методом главных компонент. Поскольку и ГК, и КВ ортогональны, полученные новые интегральные ГК (ИГК) основаны только на межсистемных корреляциях.

Таблица 3. Материалы, послужившие основой исследования

Группа	Краниометрические	Краниоскопические
Мойоро	Данные автора	Данные автора
Хаманака	То же	То же
Омисаки	»	»
Носители культуры дзёмон	»	[Kozintsev, 1992a]
Айны Хоккайдо	»	То же
Айны Сахалина	[Дебец, 1951]	»
Тунгусы (эвенки и эвены)	То же	»
Негидальцы	»	»
Нанайцы	»	»
Ульчи	»	»
Орочи	»	»
Нивхи	»	»
Чукчи	»	»
Эскимосы Чукотки	»	»
Алеуты	»	»

Результаты и обсуждение

Два первых вектора в пределах каждой из систем – I KB и I ГК (46 и 50 % общей дисперсии соответственно) – описывают принципиально сходное направление межпопуляционной дифференциации. Коэффициент корреляции между ними достаточно высок и составляет 0,77 при $p < 0,05$ (табл. 4). Оба вектора отделяют дзёмонцев и обе группы айнов от остальных групп. Следует отметить, что в случае с I ГК наблюдается небольшое перекрытие значений у айнов и охотцев (рис. 2). Отчетливое антропологическое своеобразие дзёмонцев и сходство их с айнами, выявленное данным анализом, является вполне предсказуемым результатом, который еще раз подтверждает установленный ранее факт генетической преемственности между этими группами (см., напр.: [Kozintsev, 1990]). Комбинация измерительных признаков, характерная для дзёмонцев и айнов, включает большие значения наименьшей ширины лба и угла выступания носа, относительно высокое переносье, а также небольшие величины зигомаксиллярного угла, высоты лица и носа. Краниоскопически эти группы характеризуются высокой частотой ЗСШ, ИПНШ, а также низкой частотой НО и ПГУ II.

По расположению в пределах I ГК и I KB охотские группы несколько различаются. Если по краниоскопическим признакам отмечается сильно выраженное отклонение охотцев от всех монголоидных групп в сторону дзёмонской серии, то по краниометрическим признакам этот сдвиг не столь выражен. В данном случае охотцы не противостоят монголоидам, а занимают промежуточное положение между дзёмонцами и амурскими группами, подобно эскимосам, алеутам и чукчам. В обоих случаях амурские народы, будучи максимально удаленными от дзёмонцев, характеризуются наиболее выраженными монголоидными особенностями. Несмотря на указанные различия, результаты анализа обеих систем признаков в целом не противоречат друг другу.

Для проверки последнего вывода был проведен еще один канонический анализ с привлечением доступных мне индивидуальных краниометрических данных по четырем сериям, измеренным мною, – охотским из Мойоро, Хаманака и Омисаки, а также айнской с Хоккайдо. Анализ проводился по 28 признакам: 1, 8, 17, 5, 45, 43, 46, 40, 9, 77, Zm, SC, SS, 29, 30, 31, 48, 55, 54, 51, 52, 26, 27, 28, 32, 72, 74, 75(1).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между ГК (краниоскопия) и KB (краниометрия)

	I ГК	II ГК	I KB	II KB	III KB
I ГК	1,00	0,00	0,77	0,06	0,29
II ГК	0,00	1,00	0,30	0,30	-0,12
I KB	0,77*	0,30	1,00	0,00	0,00
II KB	0,06	0,30	-0,00	1,00	0,00
III KB	0,29	-0,12	-0,00	0,00	1,00

* $P < 0,05$.

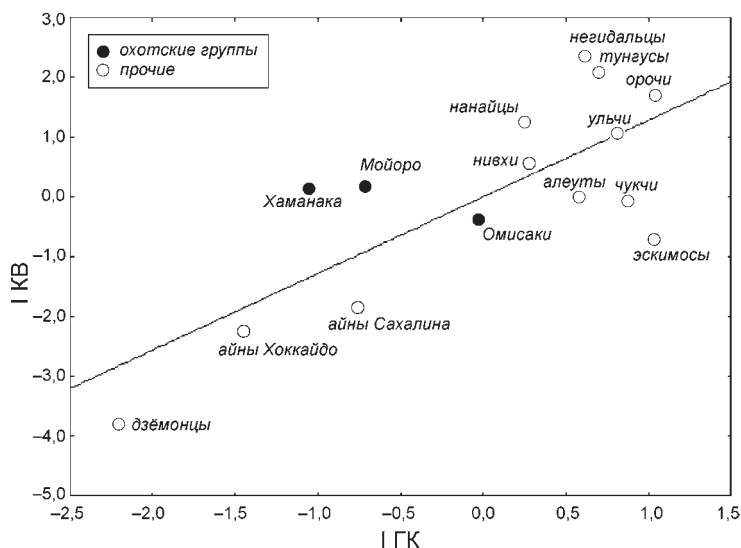

Рис. 2. Расположение групп в пространстве I ГК и I KB.

При отсутствии того или иного измерения для индивидуума бралась средняя величина по группе.

Области значений I KB в айнской серии и во всех группах охотцев в значительной степени перекрываются (рис. 3). При этом наибольшее число случаев перекрытия величин I KB с айнами наблюдается в группе Мойоро (у 17 % индивидуумов данной серии). В группах Хаманака и Омисаки такие случаи составляет 16 и 13 % соответственно. Таким образом, наличие протоайнской примеси у охотцев подтверждается. Ее величина по результатам анализа индивидуальных данных в среднем составляла ок. 15 %.

Обращают на себя внимание различия в характере распределения значений I KB в разных группах охотцев. Так, если индивидуумы из Хаманака, которые попадают в зону трансгрессии с айнами, достаточно сильно отличаются от прочих членов своей группы, то в Мойоро такого разрыва не наблюдается, ареал распределения индивидуумов здесь более компактен. Возможно, это указывает на длительность периода метисации охотцев с

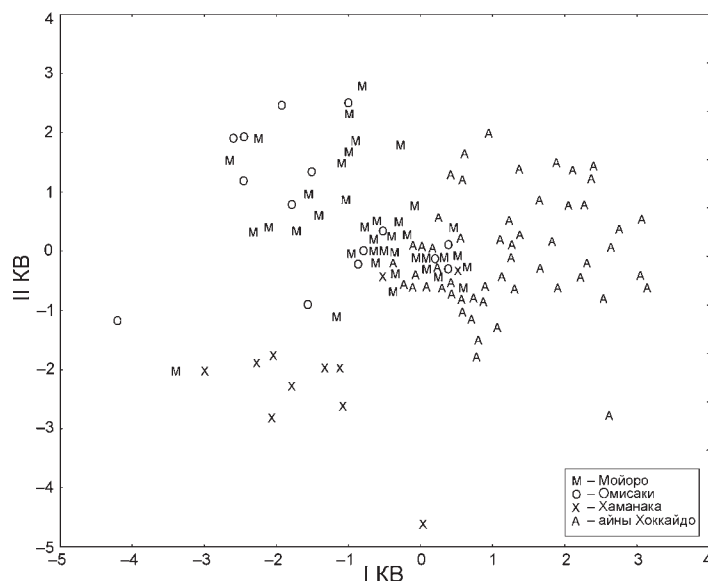

Рис. 3. Расположение индивидов в локальных охотских группах и айнской группе с Хоккайдо в пространстве I и II KB.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции между ГК (краниоскопия) и KB (краниометрия) с первыми тремя ИГК

	I ИГК	II ИГК	III ИГК
I ГК	0,90	0,29	0,00
II ГК	0,34	-0,77	0,00
I KB	0,91	-0,02	0,34
II KB	0,18	-0,64	-0,60
III KB	0,26	0,51	-0,73
Собственное число	1,87	1,34	1,00
Процент вариации	37,4	26,8	20,0

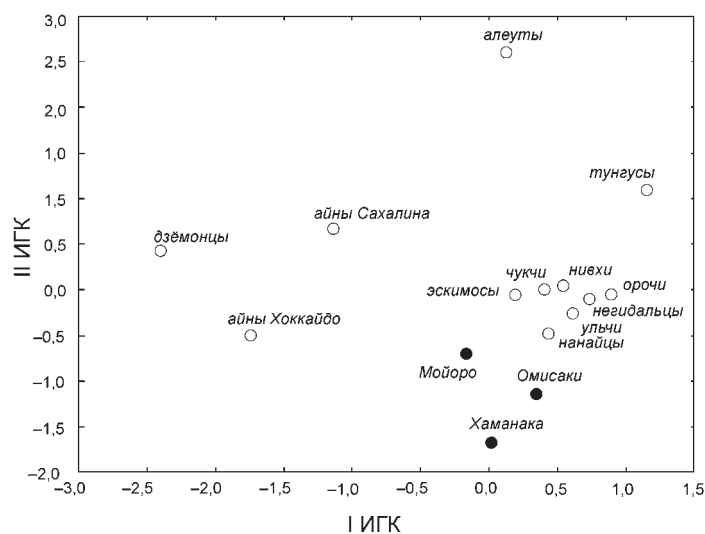

Рис. 4. Расположение групп в пространстве I и II ИГК. Усл. обозн. см. на рис. 2.

протоайнами в районе Мойоро. Серия из Омисаки в этом отношении более сходна с группой из Мойоро.

Вернемся к результатам основного анализа. Рассмотренные выше I ГК и I KB – единственные вектора, между которыми наблюдается высокая корреляция (табл. 4). Следовательно, остальные вектора представляют собой относительно независимые направления межпопуляционной дифференциации, что еще раз подтверждает тезис о своеобразии различных систем признаков в плане исторической информации. Для того, чтобы решить, какие из этих направлений наиболее значимы, обратимся к результатам интеграционного анализа.

Как и можно было ожидать, I ИГК (37 % общей изменчивости) в сущности является линейной комбинацией I KB и I ГК (табл. 5). Она противопоставляет дзёмонскую и айнскую серии прочим (рис. 4). Среди охотских групп наиболее выраженной дзёмонской краниологической спецификой характеризуется группа из Мойоро. Из всех включенных в анализ серий она наиболее близка к айнам. Данный результат соответствует популярной в японской археологии идеи о том, что восточные группы охотцев имели наиболее тесные контакты с протоайнскими представителями культуры сацумон [Ohya, 1975; Аmano, 1979]. Однако айнская специфика в серии из Мойоро все же достаточно умеренна, и в целом группа из Мойоро ближе к остальным охотским группам, чем к айнам. Это свидетельствует о том, что по удельному весу айнский компонент и в данной группе значительно уступает собственно охотскому.

Итак, промежуточный результат интегративного анализа подтверждает мнение ряда исследователей о наличии в составе охотцев небольшой протоайнской примеси [Ito, 1965, 1971; Kozintsev, 1990, 19926]. Важно отметить, что единственный смысл I ИГК состоит в противопоставлении дзёмонцев и айнов другим группам. Серии, равноудаленные от названных двух, вовсе не обязательно должны быть родственны между собой. Чтобы выяснить их генетические связи, требуется рассмотреть иные направления дифференциации.

Вторая ИГК (27 % общей изменчивости) определяется в основном II KB и II ГК (табл. 5). Около четверти ее вариации приходится на одну группу – алеутов. Поскольку проблема происхождения алеутов не входит

в число задач данного исследования, я не буду обсуждать здесь возможные причины их краниологической специфичности. Замечу лишь, что в свете имеющихся генетических данных [Rubicz et al., 2003] полученный результат выглядит неслучайным. Для настоящей работы более важно, что все охотские группы находятся на противоположном от алеутов конце II ИГК. Этот результат не согласуется с мнением о родстве охотцев с алеутами [Кодама, 1948; Ито, 1951]. Если все же допустить возможность такого родства, то придется предположить, что различия между алеутами и охотцами были следствием популяционных процессов, имевших место уже после миграции охотцев на Хоккайдо, а это маловероятно. Скорее всего, средневековые предки алеутов не были родственны предкам охотцев.

Весьма существенной для охотской проблемы оказывается III ИГК (20 % общей дисперсии). Эта ИГК почти полностью определяется краниометрическими данными, причем наибольший вклад вносит III КВ (табл. 5). Третья ИГК противопоставляет арктические группы (эскимосов, чукчей и алеутов) амурским, включая нивхов (рис. 5). Первые характеризуются отрицательными значениями, вторые – положительными. Дзёмонцы и обе айнские серии занимают нейтральное положение (напомню, что их своеобразие проявляется по первым векторам).

Охотцам также соответствуют промежуточные значения III ИГК, однако, в отличие от дзёмонцев и айнов, они не обнаруживают специфичности по иным значимым векторам, что свидетельствует об их метисном происхождении. По III ИГК охотцы неоднородны. Серия из Хаманака характеризуется довольно отчетливым сдвигом в сторону амурских групп, а серия из Омисаки – в сторону арктических. Серия из Мойоро занимает промежуточное положение. «Арктическая» тенденция, обнаруживаемая в группе из Омисаки, подтверждается тем, что данная серия, находясь ниже линии регрессии, проявила сходное с арктическими группами направление межсистемных различий при сравнении I КВ и I ГК (см. рис. 2). Такая же тенденция наблюдается у дзёмонцев и обеих групп айнов. Если это не случайно, то наиболее правдоподобной представляется гипотеза о консервации протоморфных черт у аборигенов Японии, а также у эскимосов и чукчей.

Итак, можно предположить, что локальные группы охотцев Хоккайдо различаются по соотношению амурского и арктического компонентов, чем и может объясняться антропологическая изменчивость в пределах

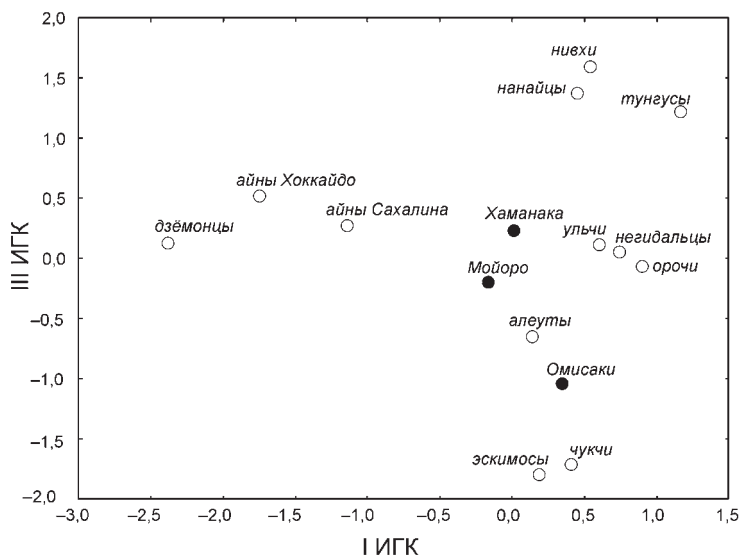

Рис. 5. Расположение групп в пространстве I и III ИГК.

Усл. обозн. см. на рис. 2.

охотского населения. Данное обстоятельство приобретает особое значение в связи с мнением А.А. Василевского о неправомерности использования понятия «охотская культура», поскольку памятники, относимые к ней, принадлежат к нескольким родственным, но вполне самостоятельным культурам [1999]. Комментировать данную точку зрения с позиций физической антропологии преждевременно, поскольку в моем распоряжении практически нет охотского материала с Сахалина. Пока что можно лишь отметить, что краниологические различия между тремя охотскими сериями с Хоккайдо довольно велики и превышают различия между эскимосами и чукчами или между большинством амурских народов (табл. 6).

Тем не менее расстояния между охотскими сериями меньше, чем между ними и любой другой группой, участвующей в анализе, вследствие чего при кластеризации они объединяются в единую группу (рис. 6). Видимо, локальные группы охотцев Хоккайдо имели общее происхождение, а впоследствии различия между ними увеличились в силу изоляции или несовпадения направлений этнических связей. Хотя точно датировать каждое охотское погребение в настоящее время невозможно, представляется маловероятным, что наблюдаемые межгрупповые расхождения вызваны разновременностью групп. Имеющиеся даты для памятников в значительной мере перекрываются, а использование суммарных серий должно нивелировать эффект разновременности, если таковой имел место.

Комментируя результаты кластерного анализа, нельзя не отметить, что не следует, видимо, придавать особое значение объединению охотских групп с чукчами и эскимосами. Данный результат в опреде-

Таблица 6. Евклидовы расстояния между группами

Группа	Мойоро	Хаманака	Омисаки	Носители культуры дзёмон	Айны		Тунгусы	Негидальцы	Нанайцы	Ульчи	Орочи	Нивхи	Чукчи	Эскимосы	Алеуты
					Хоккайдо	Сахалина									
Мойоро	0,00	1,83	1,70	4,73	3,23	2,83	3,15	2,85	2,09	1,92	3,21	2,02	1,85	2,07	3,72
Хаманака	1,83	0,00	1,82	5,20	3,81	4,09	3,86	3,57	3,42	3,07	3,36	2,41	3,12	3,27	4,98
Омисаки	1,70	1,82	0,00	5,20	4,07	3,67	3,99	3,83	3,29	2,79	3,78	2,79	1,86	2,02	4,42
Носители культуры дзёмон	4,73	5,20	5,20	0,00	2,21	2,67	6,66	6,80	6,02	5,93	6,62	5,18	5,29	4,91	5,16
Айны Хоккайдо	3,23	3,81	4,07	2,21	0,00	1,80	5,22	5,05	4,15	4,20	5,00	3,55	4,10	3,71	4,57
Айны Сахалина	2,83	4,09	3,67	2,67	1,80	0,00	4,63	4,66	3,64	3,61	4,82	3,43	3,06	2,71	3,24
Тунгусы	3,15	3,86	3,99	6,66	5,22	4,63	0,00	1,26	2,88	2,11	1,46	2,07	3,10	3,51	3,03
Негидальцы	2,85	3,57	3,83	6,80	5,05	4,66	1,26	0,00	2,01	1,51	1,49	1,98	3,10	3,46	3,83
Нанайцы	2,09	3,42	3,29	6,02	4,15	3,64	2,88	2,01	0,00	1,17	3,05	2,48	2,50	2,69	4,05
Ульчи	1,92	3,07	2,79	5,93	4,20	3,61	2,11	1,51	1,17	0,00	2,15	1,68	1,83	2,08	3,45
Орочи	3,21	3,36	3,78	6,62	5,00	4,82	1,46	1,49	3,05	2,15	0,00	1,51	3,31	3,54	3,88
Нивхи	2,02	2,41	2,79	5,18	3,55	3,43	2,07	1,98	2,48	1,68	1,51	0,00	2,46	2,54	3,35
Чукчи	1,85	3,12	1,86	5,29	4,10	3,06	3,10	3,10	2,50	1,83	3,31	2,46	0,00	0,72	3,02
Эскимосы Чукотки	2,07	3,27	2,02	4,91	3,71	2,71	3,51	3,46	2,69	2,08	3,54	2,54	0,72	0,00	3,14
Алеуты	3,72	4,98	4,42	5,16	4,57	3,24	3,03	3,83	4,05	3,45	3,88	3,35	3,02	3,14	0,00

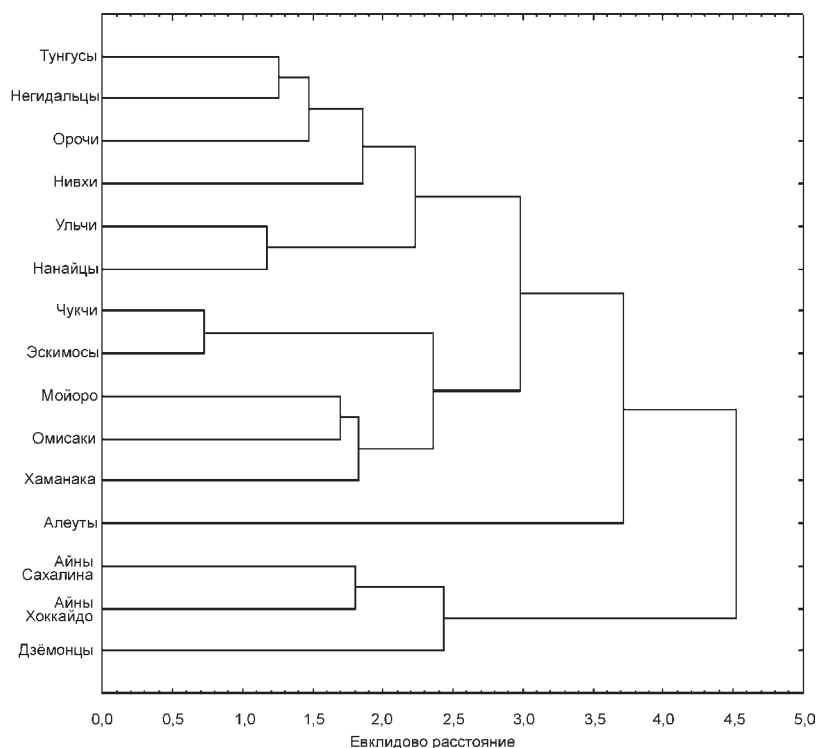

Рис. 6. Дендрограмма, полученная при кластеризации евклидовых расстояний невзвешенным парногрупповым методом.

ленной мере случаев и связан с особенностями примененного метода, который не позволяет отразить промежуточное положение метисных групп. Как было показано выше, охотцы занимают промежуточное положение между амурскими и арктическими группами.

Выводы

Основные итоги проделанного интеграционного анализа краниоскопических и краниометрических признаков сводятся к следующему:

1. Носители охотской культуры (или охотских культур) сформировались в результате метисации, в которой участвовали арктические популяции, сходные с эскимосами и чукчами, и древние группы тунгусо-маньчжуров, проникших на территорию Южного Сахалина с нижнего Амура в первых веках нашей эры.

2. Алеуты демонстрируют выраженную краниометрическую и краниоскопическую специфику, черты которой не наблюдаются в охотских группах. Это позволяет исключить алеутов из числа близких родственников охотцев.

3. Антропологическое своеобразие локальных охотских групп Хоккайдо может быть отражением различий в удельных весах амурского и арктического компонентов в их составе.

4. Восточные группы охотцев Хоккайдо имеют более выраженный протоайский компонент, чем северные.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность проф. Т. Аmano (Университет Хоккайдо), проф. Х. Исида (Университет Окинавы) и доктору Х. Мацумуре (Медицинский колледж Саппоро) за предоставленную возможность работать с краниологическими коллекциями и научные консультации, а также доктору Х. Оно (Университет Хоккайдо), без чьей практической помощи моя работа в Японии была бы невозможна. Я глубоко признателен А.Г. Козинцеву за критические замечания и помощь в работе.

Список литературы

- Аmano Т.** Охотску бунка но тенкай то чиикиса (Распространение и региональные различия охотской культуры) // Bull. of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. – Sapporo: Hokkaido University Press, 1979. – Vol. 12. – P. 75–92. (на яп. яз.).
- Василевский А.А.** Охотская проблема и ее современное прочтение в России и Японии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск: Ом. гос. пед. ун-т. – 1999. – С. 129–133.
- Василевский А.А.** Сусуя и эпидзёмон // The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum: Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending: Japan and Russia Cooperative Symposium. – Sapporo: Masaaki SUVA, 2002. – P. 89–95.
- Дебев Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. – М.; Л., 1951. – Т. 17. – 264 с.
- Ито С.** Человеческие черепа со стоянки Мойоро // Коукогаку засси. – 1951. – Вып. 37. – С. 214–217. (на яп. яз.).
- Кодама С.** Мойоко Кайзука (Стоянка раковинных куч Мойоро). – Саппоро: Хоккайло Генси Бунка Кен Куюкай, 1948. – 112 с. (на яп. яз.).
- Козинцев А.Г.** Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
- Козинцев А.Г.** Кеты, уральцы, «американоиды»: Интеграция краниологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / Ред. А.Г. Козинцев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.
- Моисеев В.Г.** Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 – С. 154–159.
- Моисеев В.Г.** Опыт интеграции четырех систем антропологических признаков (краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифики) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / Ред. А.Г. Козинцев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 186–200.
- Ямагучи Б.** Краниологические особенности носителей охотской культуры // Дорумен. – 1975. – Т. 6. – С. 47–90 (на яп. яз.).
- Ямагучи Б.** Человеческие останки с Хоккайдо // Джинругаку коза. – 1981. – Т. 5. – С. 137–156 (на яп. яз.).
- Ishida H.** Morphological Studies of Okhotsk Crania from Omisaki, Hokkaido // J. of the Anthropological Society of Nippon. – 1988. – N 96 (1). – P. 17–45.
- Ishida H.** Skeletal morphology of the Okhotsk People on Sakhalin Island // Anthropological Science. – 1994. – N 102 (3). – P. 257–269.
- Ishida H., Hanihara T., Kondo O., Ohshima N.** A human skeleton of the early phase of the Okhotsk Culture unearthed at the Hamanaka-2 Site, Rebun Island, Hokkaido // Anthropological Science. – 1994. – N 102 (4). – P. 363–378.
- Ito S.** The stratigraphical changes of the skulls from Moyoro shell heap // Okajimas Folia Anatomica Japonica. – 1965. – Vol. 40. – P. 679–690.
- Ito S.** Regional differences of the Ainu skulls with reference to the non-Ainu characteristics of the skulls from Moyoro // Hokkaido Medical J. – 1971. – Vol. 46. – P. 247–268.
- Kozintsev A.G.** Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: Cranioscopic data // J. of the Anthropological Society of Nippon. – 1990. – N 98 (3). – P. 247–267.
- Kozintsev A.G.** Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. – 1992a. – N 43 (3). – P. 213–244.
- Kozintsev A.G.** Prehistoric and recent populations of Japan: Multivariate analysis of cranioscopic data // Arctic Anthropology. – 1992b. – N 29 (1). – P. 104–111.
- Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G.** Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // Amer. J. of Physical Anthropology. – 1999. – N 108 (2). – P. 193–204.
- Matsumura H., Hudson M.J., Koshida K., Minakawa Y.** Embodying Okhotsk Ethnicity: Human Skeletal Remains from the Aonae Dune Site, Okushiri Island, Hokkaido // Asian Perspectives. – 2006. – N 45 (1). – P. 1–23.
- Ohya H.** The Okhotsk Culture, a Maritime Culture of the Southern Okhotsk Sea Region // Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone / Ed. by W. Fitzhugh. – The Hague; P.: Mouton Publishers, 1975. – P. 123–158.
- Rubicz R., Schurr T.G., Babb P.L., Crawford M.H.** Mitochondrial DNA Variation and the Origins of the Aleuts // Human Biology. – 2003. – N 75 (6). – P. 809–935.
- Suzuki H.** Physische Anthropologie in Japan // Homo. – 1958. – N. 9. – P. 37–47.
- Yoneda M.** Diet of the Okhotsk People Analyzed by isotopic Methods // Life and Roots of the Okhotsk People. – Sapporo: Hokkaido University Press, 2006. – P. 51–57.

УДК 572

С.Л. СанкинаМузей антропологии и этнографии РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: serafima_sankina@mail.ru

СКАНДИНАВСКАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: ГРУППЫ РУССКОГО СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI–XIII века)

Введение

Вопрос о том, насколько объективно можно определить этническую принадлежность средневековых групп населения, оставившего археологические памятники на территории Древней Руси, до сих пор решается неоднозначно. Еще более спорными будут предположения об их этническом самосознании. Известно, что элементы и традиции какой-либо культуры могут восприниматься и распространяться среди иноэтничного населения на значительной территории и без широкого участия непосредственных носителей. Как правило, к такому результату приводят интенсивные военные и торговые контакты. Примером подобной «экспансии» может служить распространение древнерусской курганной культуры в XI–XIII вв.: при относительном единообразии археологических памятников единство антропологического состава наблюдалось лишь на западной границе государства от Прутско-Днестровского междуречья до Белозерья [Санкина, 2000, с. 64–67]. У обитателей восточных и центральных территорий в большей или меньшей степени проявлялся комплекс антропологических особенностей, свойственных «дославянскому» населению. Таким образом, привлечение антропологических данных наряду с данными материальной культуры в ряде случаев может помочь в уточнении вопроса об этнической принадлежности средневековых групп населения.

Скандинавская (или «норманнская») проблема до сих пор актуальна для исследователей Древней Руси.

В какой степени северные соседи приняли участие в формировании древнерусской народности? На территории Древней Руси изучено большое количество памятников, содержащих элементы скандинавской материальной культуры, а порой и целые скандинавские комплексы, однако костным материалом из них антропологи, как правило, не располагают. Вещевые комплексы обычно датируются от IX в. и не позднее XI в.: этими временными рамками, по мнению большинства исследователей, и ограничивается эпоха активного взаимодействия Руси и норманнов. Но можно ли утверждать, что пребывание скандинавских групп населения на территории Руси ограничивается только этим периодом?

Германский краниологический вариант, хотя и обнаруживает некоторую межгрупповую изменчивость, в целом чрезвычайно своеобразен и может быть достоверно выделен в инородной среде. Сочетание признаков, отличающее германцев от большинства европейских народов, в частности славян, не соответствует нормальным внутригрупповым корреляционным связям. Внутри групп высотные размеры черепа и лица связаны положительной корреляцией, тогда как большинство германских серий (в т.ч. все скандинавские) характеризуется сочетанием низкого свода черепа с высокими лицом и орбитами. Кроме того, у германцев длинная черепная коробка, вследствие чего межгрупповая корреляция между длиной и высотой черепа оказывается отрицательной (внутригрупповая корреляция между ними положительная), а также весьма узкий относительно ширины лица нос.

Балты и близкое к ним по морфологии население западных территорий Древнерусского государства, а также часть финнов (эсты, карелы, коми, вепсы) отличаются сочетанием высокого черепа с низкими орбитами. Этот фактор, несмотря на совпадение ряда других характеристик, отчетливо разделяет германцев и указанные народы. Резко полярны по отношению к германцам вепсы с их очень низким лицом и низкими орбитами при значительной высоте черепного свода.

Часть финнов, население основных территорий Древней Руси, южные и большинство западных славян, как правило, имеют средние показатели и обычное соотношение признаков, что также отличает их от германцев.

Собиратель и первый исследователь серии с кладбища на Земляном городище Старой Ладogi А.Н. Юзефович в 1941 г. отмечал: «При первом знакомстве с костяками XI в. бросились в глаза их нордические особенности, резко отличающие староладожскую серию от славянских...»*. Работа А.Н. Юзефовича не получила продолжения – автор погиб во время блокады Ленинграда. В черновом наброске статьи он не разъясняет, какие именно «нордические особенности» привлекли его внимание. В то время были известны публикации таких исследователей, как А. Шлиц и И. Швидецки, которые отмечали определенные различия в строении черепа у славянских и германских народов [Schliz, 1913, 1914; Schwidetzky, 1935]. Возможно, обращение к этим работам позволило обнаружить «бесспорные аналогии» староладожским черепам «в скандинавских и датских сериях ранней поры железного века»**.

Представления о характерных отличиях германцев от славян были систематизированы Т.И. Алексеевой [1973], которая предложила индексы, отражающие основные расчленительные соотношения признаков: отношение высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров – $17/(1+8) : 2$, вертикальный фацио-церебральный указатель ($48 : 17$), отношение высоты орбиты к высоте черепа ($52 : 17$) и ширины носа к ширине лица ($54 : 45$). Пределы вариаций этих индексов в германских и восточно-славянских группах практически не перекрываются. С помощью данных показателей Т.И. Алексеевой была установлена скандинавская принадлежность группы из могильника Шестовицы близ Чернигова, отнесенной предыдущим исследователем [Зиневич, 1962] к локальной ветви летописных северян.

*Юзефович А.Н. Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладогe. 1941. – Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 524.

**Там же.

Материал и методика

В настоящей статье будут рассмотрены изученные автором средневековые серии мужских черепов с территорий Русского Севера и Северо-Запада, которые с большой долей вероятности можно отнести к скандинавским. Серии, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии РАН, были получены в разные годы в результате археологических раскопок кладбища на Земляном городище Старой Ладogi, курганного могильника Куреваниха-2 на р. Мологе, а также могильников Канарщина, Шпаньково и Новое Заречье на Ижорском плато. Датируются эти материалы в целом XI–XIII вв. Их вероятная этническая принадлежность устанавливается по антропологическим данным и лишь косвенно подтверждается археологическими.

В работе, помимо стандартных краниометрических и статистических методов, использованы индексы, предложенные Т.И. Алексеевой, а также многомерный анализ.

Результаты

Как по совокупности измерительных признаков (табл. 1), так и по индексам, предложенным Т.И. Алексеевой (табл. 2), исследованные серии вписываются в общегерманский размах изменчивости.

Приладожье (XI–XII вв.)

Приладожье, как известно, являлось в VIII–XI вв. зоной интенсивных контактов местного населения со скандинавами. Материал из приладожских курганов IX–XI вв., где в погребальном обряде имеются и финские, и скандинавские черты, немногочислен и не позволяет ставить вопрос о присутствии скандинавского элемента. Население, оставившее курганы XI–XIII вв. на той же территории, большей частью относящиеся к древнерусской культуре, довольно сильно отличалось от предшествующего, но неоспоримых скандинавских черт не обнаружено также.

Центром взаимодействия различных этнических групп была Ладога – форпост славянского расселения на северных землях. По данным археологии, в составе населения Старой Ладogi присутствовали почти все этнические элементы Балтийского региона. Каждая часть города имела свой могильник, где были представлены погребения самых разных типов, в т.ч. и скандинавские (в урочище Плакун располагался целый варяжский некрополь IX–X вв.). Скандинавские захоронения здесь совершались по обряду кремации. Из ранних комплексов с трупоположениями в Ладогe были исследованы курганы XI–XII вв. северного городского могильника

Таблица 1. Средние размеры и указатели мужских черепов с кладбища на Земляном городище Старой Ладogi, из курганного могильника Куреваниха-2 на р. Мологе и из могильников Канарщина, Шпаньково и Новое Заречье на Ижорском плато

Признак	Старая Ладога (XI–XII вв.)			Куреваниха-2 (древнерусские погребения XI в.)			Куреваниха-2 (христианские погребения XII в.)			Канарщина, Шпаньково, Новое Заречье (XIII в.)		
	N	X	s	N	X	s	N	X	s	N	X	s
1. Продольный диаметр	39	188,0	5,8	4	179,5	6,4	4	183,0	2,7	11	182,6	5,4
8. Поперечный диаметр	39	139,6	4,8	4	134,0	3,3	5	137,4	1,3	10	141,1	4,0
8 : 1. Черепной указатель	38	74,3	3,1	4	74,7	3,2	4	75,0	2,1	10	76,6	3,3
17. Высотный диаметр	26	132,0	4,9	3	137,7	2,1	5	132,2	4,0	9	132,9	3,0
17 : 1. Высотно-продольный указатель	27	70,3	3,3	3	76,0	2,6	4	72,8	2,4	10	72,9	2,6
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	27	95,3	4,8	3	101,8	2,6	4	97,0	2,9	10	94,3	2,9
5. Длина основания черепа	26	101,9	4,4	–	–	–	4	100,5	3,3	7	96,7	2,6
9. Наименьшая ширина лба	38	95,9	4,5	3	95,0	4,6	2	90,5	–	10	95,9	4,4
10. Наибольшая ширина лба	37	118,1	5,2	–	–	–	2	118,5	–	10	119,3	3,2
45. Скуловой диаметр	26	131,8	4,6	3	128,7	3,1	1	130?	–	9	132,8	3,1
48. Верхняя высота лица	28	71,6	5,0	3	73,7	2,3	3	73,0	1,7	8	71,0	2,2
48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой указатель	26	54,4	3,9	2	53,0	–	3	54,9	1,3	8	52,7	2,6
48 : 45. Верхний лицевой указатель	25	54,2	3,5	3	57,3	2,9	1	57,7	–	8	52,9	2,9
55. Высота носа	30	51,2	4,0	3	54,3	2,1	4	51,6	0,8	9	51,0	2,0
54. Ширина носа	32	24,6	1,6	2	27,0	–	4	24,5	1,7	9	23,4	1,4
54 : 55. Носовой указатель	30	48,5	5,3	2	51,4	–	4	47,5	3,6	9	45,7	3,0
51. Ширина орбиты	28	42,9	2,2	3	44,3	0,6	4	42,0	0,8	9	43,0	2,2
52. Высота орбиты	30	33,7	2,4	3	34,3	1,1	4	33,0	0,8	9	33,1	1,9
52 : 51. Орбитный указатель	28	79,6	7,2	3	78,0	1,4	4	78,6	3,5	9	77,2	5,1
77. Назомалярный угол	34	137,8	4,1	3	132,6	3,9	2	132,4	–	8	133,6	3,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	24	124,7	4,4	–	–	–	2	117,6	–	8	125,9	2,9
SC. Симотическая ширина	24	9,2	1,5	2	9,8	1,7	3	9,9	1,8	9	10,0	1,6
SS. Симотическая высота	24	5,5	1,2	2	4,6	0,6	3	5,7	0,6	8	5,8	0,7
SS : SC. Симотический указатель	24	59,6	8,8	2	47,2	2,3	3	58,1	5,2	8	56,8	7,1
75(1). Угол выступания носа	22	34,3	5,3	–	–	–	–	–	–	8	33,0	8,2

Примечание. N – число наблюдений, X – средняя арифметическая, s – стандартное отклонение.

(антропологический материал был утрачен), а также грунтовый могильник того же времени на Земляном городище. Именно с этого кладбища и происходит единственная серия черепов из древней Ладogi. Раскопки производились в 1938–1940 гг. под руководством В.И. Равдоникаса и Г.П. Гроздилова при постоянном участии антрополога А.Н. Юзефовича, который, как уже упоминалось, первым отметил ярко выраженный скандинавский облик черепов.

В 50-х гг. прошлого века краниологическая коллекция из 47 черепов была изучена В.В. Седовым и

впоследствии опубликована в качестве сравнительного материала в работах Т.И. Алексеевой [1969, 1973], посвященных этногенезу восточных славян. Она отмечает, что эта группа по комплексу антропологических признаков находит аналогии в сериях железного века из скандинавских стран и отличается от всех восточно-славянских серий более резкой горизонтальной профилировкой, меньшей высотой черепа и большей высотой лица.

Комплексное исследование староладожских костяков (черепов и посткраниального скелета), прове-

денное автором данной статьи в 1990-х гг., показало, что скелеты из предположительно более ранней южной части кладбища, где захоронения производились правильными рядами, принадлежали молодым (преимущественно до 30 лет) рослым мужчинам, мальчикам-подросткам и детям, включая младенцев. Здесь совсем не было женских погребений. Планировка более поздней северной части беспорядочна, глубина захоронений меньше, возраст взрослых погребенных колеблется сильнее. Здесь было небольшое количество женских останков. По данным стратиграфии, в серии выделены ранняя и поздняя подгруппы, достоверно различающиеся по антропо-

логическим характеристикам (табл. 3–6). Кроме уже отмеченных половозрастных показателей, различия проявились и в том, что по некоторым краниологическим признакам представители поздней подгруппы уклоняются в сторону древнерусских групп Северо-Запада. На выраженность германского комплекса, впрочем, эти изменения не повлияли. Хотя обе подгруппы находятся в пределах изменчивости скандинавских серий, есть основания полагать, что смешение все же происходило и его результаты проявились в первом-втором поколении.

На черепах преимущественно ранней подгруппы наблюдается значительно более сильная по сравне-

Таблица 2. Антропологическая дифференциация германцев и средневековых групп Древнерусского государства

Признак	Германцы (по: [Алексе- ева, 1973])		Шесто- вицы (IX– X вв.)	Старая Ладoga (XI– XII вв.)	Курева- ниха-2 (древне- русские погребения XI в.)	Курева- ниха-2 (христи- анские погребения XII в.)	Канар- щина, Шпанько- во, Новое Заречье (XII– XIII вв.)	Юго-Вос- точное Прила- дожье (XI– XIII вв.)	Ижорское плато, «сло- вене» (XII– XIII вв.)	Группы Русского Севера (XI–XIV вв.)		
	Min–max	X	1	2	3	4	5	6	7	Веп- сы	Верхне- вольский могиль- ник	Вологод- ская сбор- ная серия (XI– XIII вв.)
17 : (1+8)/2	79,4–82,1	80,6	80,5	80,6	87,5	82,5	82,1	85,2	83,7	85,9	86,2	86,7
48 : 17	51,5–57,6	53,3	51,8	54,2	53,0	54,9	54,2	51,1	50,2	47,0	50,7	47,3
52 : 17	23,8–26,5	25,1	25,3	25,5	24,3	25,0	25,1	24,0	23,4	22,6	22,1	22,4
54 : 45	17,5–18,7	18,1	19,6	18,7	21,0	18,8	17,7	20,0	19,2	19,4	17,9	19,4

Примечание. Группа 1 – по [Зиневич, 1962]; 2–6, 8, 9 – по данным автора; 7 – сборная серия из могильников – по [Седов, 1952]; 10 – по [Коваленко, 1975].

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между признаками в группе из Старой Ладogi

Признак	ДТ	17	45	48	77	∠zm'	75(1)	SS : SC	51
1	0,46*	0,09	0,45*	0,43*	–0,33	–0,23	0,39	0,27	0,43*
51	0,02	–0,43*	0,47*	0,27	–0,33	–0,04	0,40	0,42*	–
SS : SC	0,18	–0,27	–0,13	0,35	–0,52*	–0,33	0,57**	–	
75(1)	0,20	–0,05	0,01	0,09	–0,66***	–0,50*	–		
∠zm'	–0,36	–0,23	0,28	–0,08	0,67***	–			
77	–0,34	0,05	0,28	–0,13	–				
48	0,32	0,14	0,41*	–					
45	0,11	0,16	–						
17	0,35	–							

Примечание. ДТ – длина тела.

* $P < 0,05$.

** $P < 0,01$.

*** $P < 0,001$.

**Таблица 4. Средние значения признаков на черепах из погребений разной глубины
(Старая Ладога)**

Признак	Глубина погребения		<i>t</i>
	выше средней (ранняя подгруппа)	меньше или равна средней (поздняя подгруппа)	
1. Продольный диаметр	189,0 (13)	187,8 (12)	0,64
8. Поперечный диаметр	138,5 (13)	141,0 (11)	1,57
8 : 1. Черепной указатель	73,3 (13)	75,0 (11)	1,41
17. Высотный диаметр	133,8 (11)	130,9 (8)	1,49
17 : 1. Высотно-продольный указатель	70,6 (11)	69,4 (8)	0,88
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	97,0 (11)	92,9 (8)	2,17*
9. Наименьшая ширина лба	92,4 (13)	96,9 (11)	1,62
45. Скуловой диаметр	131,1 (10)	134,5 (8)	1,56
48. Верхняя высота лица	71,9 (12)	73,2 (8)	0,54
48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой указатель	54,4 (10)	54,5 (6)	0,04
48 : 45. Верхний лицевой указатель	55,1 (9)	53,8 (8)	0,08
55. Высота носа	51,2 (13)	51,0 (9)	0,07
54. Ширина носа	24,1 (13)	25,3 (9)	1,46
54 : 55. Носовой указатель	47,3 (13)	50,1 (9)	1,06
51. Ширина орбиты от mf	43,0 (10)	43,1 (9)	0,10
52. Высота орбиты	33,5 (13)	34,1 (9)	0,56
52 : 51. Орбитный указатель	78,4 (11)	79,4 (9)	0,28
SS : SC. Симотический указатель	62,3 (9)	59,4 (8)	0,72
75(1). Угол выступания носа	37,3 (7)	30,7 (7)	2,92*
77. Назомалярный угол	136,0 (12)	140,3 (10)	3,05**
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	124,4 (10)	125,9 (7)	0,63
Длина тела	174,4 (17)	170,1 (13)	2,20*
Первая главная компонента	-0,616 (10)	1,332 (8)	2,27*

Примечания. *t* – критерий Стьюдента. В скобках указано число наблюдений.

**P* < 0,05.

***P* < 0,01.

**Таблица 5. Средняя глубина погребений (см) в зависимости от значений
краниометрических признаков (Старая Ладога)***

Признак	Значение признака		<i>t</i>
	ниже или равно средней	выше средней	
17. Высотный диаметр	49,4 (10)	63,1 (9)	2,27*
77. Назомалярный угол	63,7 (11)	47,6 (11)	3,45**
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	63,9 (11)	52,7 (6)	2,44*
75(1). Угол выступания носа	54,1 (9)	67,5 (5)	2,33
Длина тела	51,1 (15)	61,3 (15)	2,70*

*См. примеч. к табл. 4.

нию с остальными зубами стертость коронок первых моляров верхней и нижней челюстей в сочетании с деформацией и выступанием из альвеолярного края корней. Можно предположить, что данные зубы испытывали какую-то дополнительную нагрузку.

По результатам измерений длинных костей числялась длина тела. У мужчин она составила: по формулам М. Троттер и Г. Глезер для европеоидов – 172,6 см; по методу В.В. Бунака для суммарной длины костей нижних конечностей (tibia, femur) – 170,6 см. Эти цифры характеризуют группу как весьма высокорослую. Длина тела современных русских с той же территории и сопредельных с ней районов 166,0 см [Происхождение..., 1965], а в эпоху средневековья, до всеобщего увеличения роста, она, вероятно, была еще меньше.

Существенно, что в могилах на Земляном городище не было вещей. Это выделяет данный памятник среди других, открытых в Старой Ладог. На кладбище, функционировавшем в окружении полуязыческих курганных могильников, захоронения производились в строгом соответствии с христианским обрядом. Памятник датирован по косвенным данным: погребения располагались непосредственно над горизонтом городской застройки X в. и были перекрыты слоем строительного мусора XII в. Функционирование кладбища в XI–XII вв. было подтверждено лабораторным анализом костей, произведенным в Швеции в 1993 г.

Некоторые особенности, нехарактерные для синхронных памятников северо-запада Руси (аскетический христианский погребальный обряд, чрезвычайно малое количество женских останков, их сильная антропологическая разнородность и при этом значительный процент детских захоронений), указывают на то, что кладбище принадлежало обособленной в этническом и социальном отношении группе. Возможно, мужчины этой группы брали в жены местных женщин, которых впоследствии хоронили в их родовых могильниках, в то время как умерших крещеных детей и младенцев – на кладбище их отцов. Известно, что часть княжеской дружины, состоявшая из скандинавов, исповедовала христианскую религию еще до ее широкого распространения среди древнерусского населения. Вероятно, первоначально на Земляном городище был основан некрополь для погибших воинов (на это указывают регулярная планировка и молодой возраст умерших), который со временем превратился в кладбище постоянно живущих в Ладог скандинавов. Изменения в антропологическом облике говорят о начавшемся смешении.

Согласно широко распространенному среди историков взгляду, время функционирования кладбища на земляном городище совпадает с заключительным этапом пребывания норманнов на Руси. Не позднее

Таблица 6. Коэффициенты корреляции (r) между глубиной захоронения и значениями признаков (Старая Ладога)

Признак	r
17. Высотный диаметр	0,14
77. Назомалярный угол	–0,48*
$\angle zm'$. Зигомаксиллярный угол	–0,21
75(1). Угол выступления носа	0,56*
Длина тела	0,30*

* $P < 0,05$.

первой половины XII в., когда вблизи него была построена каменная церковь св. Климента, захоронения на могильнике прекратились вплоть до XVII в.

Могильник Куреваниха-2 на р. Мологе (XI–XII вв.)

В течение ряда десятилетий Северной археологической экспедицией производились раскопки могильника Куреваниха-2 на р. Мологе. К сожалению, в условиях Русского Севера костные останки в земле сохраняются плохо. Поэтому пригодный для измерений материал немногочислен. В 1966 г. здесь были раскопаны курганы со скандинавскими вещевыми комплексами конца X–XI в. Погребения в них совершались по обряду труположения, но за исключением одной черепной коробки без лицевого отдела антропологический материал утрачен. В 1990 г. в результате раскопок под руководством А.Н. Башенькина на том же могильнике была получена серия черепов, комбинация признаков которых указывает на их скандинавское происхождение. Черепки происходят из группы курганов, погребения в которых, так же как и в Старой Ладог, производились по христианскому обряду и не содержали вещей. По этому признаку материал был датирован XIII в. Однако впоследствии, по уточненным данным, А.Н. Башенькин отнес курганы к XII в. (устное сообщение А.Н. Башенькина). В 2005 г. экспедицией под его руководством в Куреванихе была раскопана группа курганов XI в. Захоронения содержали костные остатки погребенных с набором предметов древнерусской культуры этого региона. Данные измерений по обоим мужским подгруппам из могильника Куреваниха-2 приведены в табл. 1 и 2.

Серия из христианских погребений XII в. – пять мужских черепов довольно хорошей сохранности – резко выделяется низким черепным сводом на фоне высокоголового местного (как русского, так и финно-угорского) населения, значительно пре-

Таблица 7. Сравнительные данные по средневековым группам Русского Севера и Скандинавии (мужчины)

№ п/п	Группа	N max–min	Признак					
			17	45	48	52	55	54
1	Вепсы (Чайгино, XI–XV вв.)	9–8	137,1	135,0	64,5	31,0	47,5	26,2
2	Верхневольский могильник (XI–XIV вв.)	7–4	141,0	136,5	71,5	31,2	50,9	24,4
3	Вологодская сборная серия (XI–XIII вв.)	25–12	139,2	130,2	65,9	31,2	48,3	25,3
4	Куреваниха-2 (XI в.)	3–2	137,2	128,7	73,7	34,3	54,3	27,0
5	Куреваниха-2 (XII в.)	5–1	132,2	130,0	73,0	33,0	51,6	24,5
6	Старая Ладога (XI–XII вв.)	30–26	132,0	131,8	71,6	33,7	51,2	24,6
7	Канарщина (XIII в.)	10–9	132,9	132,8	71,0	33,1	51,0	23,4
8	Швеция (X–XIII вв.)	12–10	131,8	130,8	69,8*	34,1	51,2	23,6
9	Исландия (XI–XII вв.)	20–16	131,2	133,7	71,6*	34,5	51,9	24,2

Примечание. Группы 1, 2, 4–7 – по данным автора; 3 – по: [Коваленко, 1975]; 8, 9 – по: [Steffensen, 1953].

*Высота лица измерялась до простиона.

восходя последнее по высоте лица (табл. 7). За рамки германского комплекса выходит лишь несколько укороченная черепная коробка. Возможно, это объясняется эпохальной изменчивостью: для Европы характерно уменьшение длины черепа. Не исключено также смешение с местным населением. Хотя северно-русские группы большей частью длинноголовы, встречаются и другие варианты, например, вологодская сборная серия характеризуется длиной черепа, близкой к отмеченной в Куреванихе. В подгруппе XII в. из Куреванихи отмечаются резкая горизонтальная профилировка и очень высокое переносье – черта, сближающая ее со староладожской и отличающая от большинства древнерусских и финских. В то же время выступание носовых костей на черепах из Куреванихи выглядит не столь значительным (точному измерению здесь этот признак не поддается), что можно считать сдвигом в сторону местного населения.

Интересно, что скандинавский антропологический комплекс менее выражен в серии черепов из погребений XI в., содержащих древнерусский набор вещей, чем в более поздней серии XII в. Отличия проявляются в основном в значительно большей высоте и в среднем меньшей длине черепной коробки, большей ширине носа и орбит. На этих черепах более низкое переносье, чем в группе XII в., однако оно весьма высокое по местным меркам. Лицевые же размеры, их пропорции и горизонтальная профилировка в обеих подгруппах различаются незначительно. У одного из двух имеющихся женских черепов, малопригодных для измерения, отмечена очень большая высота лица, что соответствует данному признаку в мужской подгруппе. Возможно, люди, захороненные в этих курганах, состояли между собой в близком родстве.

**Могильники Ижорского плато:
Канарщина (XIII в.), Новое Заречье (XII–XIII вв.),
Шпаньково (XII–XIII вв.)**

Материал из могильников Ижорского плато был получен в результате масштабных раскопок, произведенных на средства Петербургского археологического общества в 70-х – 80-х гг. XIX в. Руководил работами ассистент Медико-хирургической академии Л.К. Ивановский. Большая часть черепов из курганов Ижорского плато была изучена и опубликована В.В. Седовым [1952]. Малочисленные серии из различных могильников XI–XIII вв. он объединил в несколько суммарных по территориальному признаку. В одну из таких суммарных серий вошли материалы из Нового Заречья и Шпанькова. В 2005–2007 гг. автор настоящей статьи осуществил комплексное исследование черепов с территории Ижорского плато. Было обнаружено, что мужские черепа из могильников Канарщина, Новое Заречье и Шпаньково демонстрируют комплекс признаков, характерный для скандинавов, и отличаются от синхронных серий Ижорского плато (табл. 8, 9). Так же, как и в подгруппах могильника Куреваниха-2, отмечена меньшая длина черепной коробки, чем в группах из Скандинавии. Поскольку изученные черепа относятся большей частью уже к XIII в., вероятно, это связано с эпохальной изменчивостью. Женские черепа в рассматриваемых сериях сохранились хуже, чем мужские, и в антропологическом отношении мало отличаются от синхронных женских черепов из соседних могильников. Следует отметить, что в средневековых погребениях Ижорского плато найдено значительное количество предметов скандинавского происхождения [Спицын, 1896]. К сожалению, теперь невозможно установить, из каких именно могил происходил антропологический материал; черепа

Таблица 8. Средние размеры и указатели мужских черепов из могильников Канарщина, Шпаньково и Новое Заречье на Ижорском плато

Признак	Канарщина, XIII в.			Шпаньково, XII–XIII вв.			Новое Заречье, XII–XIII вв.		
	N	X	s	N	X	s	N	X	s
1. Продольный диаметр	4	183,2	4,27	5	184,2	6,50	2	177,5	–
8. Поперечный диаметр	4	141,0	3,83	4	143,7	0,94	2	136,0	–
8 : 1. Черепной указатель	4	77,0	1,92	4	75,9	5,53	2	76,6	–
17. Высотный диаметр	4	135,0	2,94	4	133,0	1,82	2	129,0	–
17 : 1. Высотно-продольный указатель	4	73,8	3,26	4	73,9	2,52	2	72,6	–
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	4	95,8	3,51	4	92,5	1,29	2	95,2	–
5. Длина основания черепа	4	97,0	1,41	1	93,0	–	2	98,0	–
9. Наименьшая ширина лба	4	94,5	0,58	4	98,3	3,05	2	93,0	–
10. Наибольшая ширина лба	4	119,2	0,96	4	122,0	0,82	2	114,0	–
45. Скуловой диаметр	4	132,3	3,30	3	133,6	3,78	2	132,5	–
48. Верхняя высота лица	4	70,8	2,87	2	70,5	–	2	71,0	–
48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой указатель	4	52,4	2,96	2	53,7	–	2	54,4	–
48 : 45. Верхний лицевой указатель	4	53,6	0,88	2	53,6	–	2	53,2	–
55. Высота носа	4	50,5	2,38	3	50,7	3,1	2	51,0	–
54. Ширина носа	4	22,2	1,30	3	24,3	0,6	2	24,5	–
54 : 55. Носовой указатель	4	44,1	3,68	3	46,5	1,9	2	46,2	–
51. Ширина орбиты	4	43,0	3,37	3	42,7	1,5	2	43,5	–
52. Высота орбиты	4	33,0	1,82	3	34,3	1,5	1	33,0	–
52 : 51. Орбитный указатель	4	76,8	3,40	3	80,6	6,2	1	75,0	–
77. Назомалярный угол	4	132,4	3,87	2	133,0	–	2	136,9	–
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	4	123,4	1,37	2	128,5	–	2	128,3	–
SC. Симотическая ширина	4	9,55	0,60	3	10,4	2,8	2	10,2	–
SS. Симотическая высота	4	5,4	0,43	2	5,3	–	2	6,6	–
SS : SC. Симотический указатель	4	56,9	4,69	2	49,0	–	2	64,0	–
75(1). Угол выступания носа	4	32,5	7,14	2	31,0	–	2	36,0	–

Таблица 9. Группы Ижорского плато (XII–XIV вв.) и сравнительные материалы: группы Старая Ладога и Куреваниха-2

№ п/п	Группа	N max – min	Признак							
			17	48	52	55	54	77	SS : SC	75(1)
1	Беседа	13–5	136,8	67,7	31,0	48,6	24,4	138,8	42,4	31,5
2	Калитино	17–10	136,9	67,5	31,1	49,9	25,3	139,0	51,6	32,7
3	Артюшкино	19–14	136,1	68,5	31,2	49,4	25,5	139,6	43,6	30,0
4	Борницы	22–13	136,4	70,8	32,2	50,5	25,5	136,2	48,0	31,8
5	Рутилицы	12–9	138,3	69,0	32,6	50,4	26,2	139,0	44,2	25,6
6	Волосово	31–20	136,1	69,4	30,6	49,8	25,1	141,4	46,1	28,0
7	Канарщина*	10–8	132,9	71,0	33,1	51,0	23,4	133,6	56,8	33,0
8	Старая Ладога	26–22	131,9	71,6	33,7	50,8	24,5	137,8	59,6	34,3
9	Куреваниха-2 (XI–XII вв.)	8–1	134,2	73,3	33,4	52,7	25,3	132,5	53,7	–

*Суммарная серия из Канарщины, Шпанькова и Нового Заречья.

только сгруппированы по могильникам. Известно, что большинство погребений имело западную ориентировку; многие не содержали вещей, но в некоторых мужских обнаружены ножи, а в женских – предметы, относящиеся к синтетической культуре данного региона. На могильнике Канарщина отмечены захоронения в сидячем положении. Подобные погребения чаще, чем в каком-либо ином древнерусском регионе, встречаются в Новгородской земле [Седов, 1982]. Отмечены они и на могильнике Шестовицы [Там же, с. 174], из которого происходят черепа скандинавского облика. Для дальнейшего исследования мужские черепа из Канарщины,

Шпанькова и Нового Заречья были сведены в суммарную серию (см. табл. 1), которая для краткости условно обозначена далее как «Канарщина».

**Положение древнерусских групп
со скандинавским комплексом признаков
среди населения Восточной, Западной
и Северной Европы**

Для определения места рассматриваемых групп среди населения Восточной, Западной и Северной Европы

**Таблица 10. Сравнительные краниологические материалы
для канонического анализа по девяти признакам**

№ п/п	Группа	Дата	№ п/п	Группа	Дата
Городские			21	Нефедьево-Шуйгино	»
1	Старая Ладога	XI–XII вв.	22	Верхневольск	XI–XIV вв.
2	Псков	XIV–XVI вв.	23	Вологодская сборная	XI–XIII вв.
3	Смоленск	XII–XIII вв.	24	Куреваниха-2а (христианские погребения)	XI–XII вв.
Сельские			25	Куреваниха-2б (древнерусские погребения)	XI в.
4	Юго-Восточное Приладжье (сборная)	XI–XIII вв.	Другие группы Древней Руси		
Верхнее Полужье			26	Кривичи полоцкие	X–XII вв.
5	Удрай	XI–XIV вв.	27	Кривичи смоленские	»
6	Конезерье	XIII–XIV вв.	28	Шестовицы (Чернигов)	IX–X вв.
7	Славенка	»	Прибалтика		
8	Раглицы	XIV–XVI вв.	29	Латгалы	X–XII вв.
Ижорское плато*			30	Селы	XI–XII вв.
9	Волосово	XII–XV вв.	31	Эсты	XI–XIII вв.
10	Волгово	XIII–XIV вв.	Западная и Северная Европа		
11	Плещевицы	»	32	Норвегия	Железный век
12	Беседа	XII–XIV вв.	33	Британия	То же
13	Калитино и др.	XII–XIII вв.	34	Швеция 1 (Вестерхус)	XII–XIV вв.
14	Артюшкино и др.	»	35	Швеция 2	X–XIII вв.
15	Рябболово и др.	»	36	Дания	VI–VIII вв.
16	Борницы и др.	»	37	Исландия 1	Эпоха викингов
17	Канарщина и др.	XIII в.	38	Исландия 2	XI–XII вв.
18	Гатчина	XII–XIV вв.	39	Германия (рядовые могилы)	VI–VIII вв.
19	Ольгин Крест	XI–XIII вв.	40	Ирландия	VI–XIII вв.
Русский Север					
20	Никольское-3	XI–XIII вв.			

Примечание. Группы 1, 2, 4–8, 15, 17, 22, 24, 25 – по данным автора; 3, 26, 27 – по: [Алексеева, 1973]; 9–14, 16 – по: [Седов, 1952]; 18 – по: [Алексеев, 1969]; 19, 31 – по: [Марк, 1956]; 20, 21 – по: [Алексеева и др., 1993]; 23 – по: [Коваленко, 1975]; 28 – по: [Зиневич, 1962]; 29, 30 – по: [Денисова, 1975]; 32, 33 – по: [Schreiner, 1946]; 34, 39, 40 – по: [Rösing, Schwidetzky, 1977]; 35–38 – по: [Steffensen, 1953].

*Датировка групп Ижорского плато по: [Лесман, 1982].

были привлечены данные о девяти признаках в 40 краниологических сериях (табл. 10). Обычно для статистического анализа используется стандартный набор из 14 важных для расовой диагностики признаков. Однако в привлеченных для сравнительного анализа краниологических материалах из Скандинавии, Германии и Британии, опубликованных зарубежными исследователями, данные о некоторых признаках отсутствуют (углы горизонтальной профилировки лица и выступания носа, указатель высоты переноса, высота лица до альвеолярной точки). Эти признаки дают важную информацию об этнической принадлежности группы, но в данном случае пришлось ими пожертвовать. Выбор остальных девяти признаков был продиктован стремлением использовать показатели, наиболее четко дифференцирующие германцев и население Восточной Европы. Результаты анализа отражены в табл. 11.

На долю первого канонического вектора (КВ I) приходится 34 % общей изменчивости. Наибольшее значение здесь имеют продольный диаметр и высота орбиты (с отрицательными знаками), а также высотный диаметр (с положительным знаком). Следовательно, полярное положение занимают группы с более низким и длинным черепом в сочетании с высокими орбитами (все серии Северной и Западной Европы, Старая Ладога, Канарщина, Куреваниха-2а и Шестовицы), с одной стороны, и более высоко- и короткоголовые с меньшей высотой орбиты (население Ижорского плато) – с другой. Крайнее положение заняла подгруппа Куреваниха-2б, что, скорее всего, обусловлено ее малочисленностью и противоречивым комплексом признаков (небольшая длина черепа и вы-

Таблица 11. Результаты канонического анализа по девяти признакам для 40 групп с территорий Восточной, Западной и Северной Европы

Признак	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	-0,751	0,372
8. Поперечный диаметр	0,012	-0,988
17. Высотный диаметр	0,593	0,204
9. Наименьшая ширина лба	0,080	-0,057
45. Скуловой диаметр	-0,067	0,358
55. Высота носа	-0,042	-0,154
54. Ширина носа	0,376	0,347
51. Ширина орбиты от mf	0,255	-0,079
52. Высота орбиты	-0,545	0,193
Собственное число	17,2	10,0
Вклад в общую дисперсию, %	33,9	19,6

сокие орбиты). Заметим, что эта подгруппа удалена и от остальных серий с территории Русского Севера.

На долю КВ II приходится 20 % общей изменчивости. Наиболее значительную роль здесь играет ширина черепной коробки. Для расовой классификации сам по себе второй канонический вектор не представляет особого интереса, поскольку в расположении групп не отмечается связи ни с этническим, ни с географическим факторами. Тем не менее исследуемые краниологические серии в пространстве КВ I и КВ II составили довольно четко выраженные скопления (рис. 1). Группы из Старой Ладоги, Шестовиц,

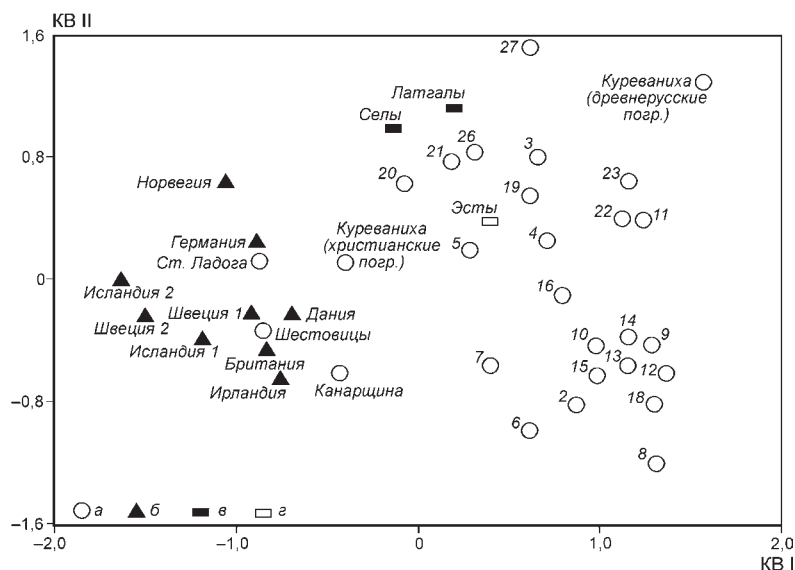

Рис. 1. Расположение групп в пространстве КВ I и КВ II.

a – сельские и городские группы Древней Руси; *б* – группы Западной и Северной Европы; *в* – балты; *г* – финны. Номера групп на рисунке в соответствии с табл. 10.

Канарщины и Куреванихи-2а (христианские погребения) примыкают к сериям Скандинавии и Германии.

На дендрограмме, полученной в результате кластеризации матрицы коэффициентов обобщенного различия (расстояние Махаланобиса), те же самые серии Древней Руси составили один кластер со скандинавскими. Ближе всего к ним оказались группы из Швеции, Исландии и Норвегии (рис. 2).

Серия Куреваниха-2б (древнерусские погребения), как видно из рис. 1, оказалась «в стороне» от остальных. Это говорит, в частности, о том, что использование ее в качестве подгруппы нецелесообразно. Однако при объединении антропологического материала из Куреванихи-2 по результатам анализа с сокращенным набором признаков эта суммарная серия выходит за пределы распространения скандинавского комплекса и занимает положение, близкое к группе из Юго-Восточного Приладожья XI–XIII вв. Как уже

упоминалось, Приладожье в IX–XI вв. являлось зоной интенсивных контактов местного населения со скандинавами. Не исключена и возможность межэтнического смешения, которое могло в какой-то мере отразиться на антропологическом облике более позднего населения региона, о чем может свидетельствовать сходство серий из Юго-Восточного Приладожья и суммарной из могильника Куреваниха-2.

Для более точного определения места объединенной группы из Куреванихи-2 среди других на территории Древнерусского государства был проведен более подробный анализ по 14 признакам, включающим углы горизонтальной профилировки, выступления носа и указатель высоты перенося с привлечением 50 краниологических серий в основном с Русского Севера и Северо-Запада (табл. 12). По результатам анализа (табл. 13) группы из Старой Ладogi, Канарщины и суммарная из Куреванихи-2 составили отдельный субкластер, что,

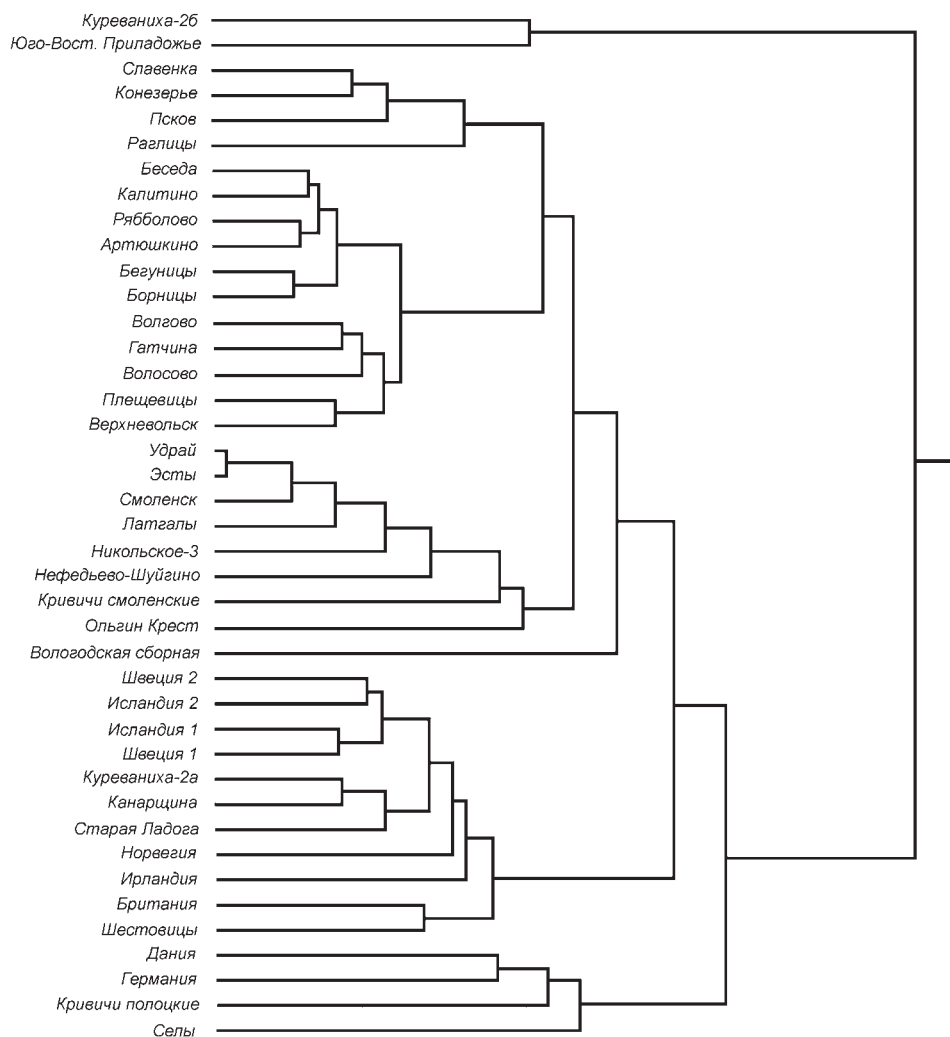

Рис. 2. Кластеризация матрицы расстояний Махаланобиса с поправкой на численность. Группы из Восточной, Западной и Северной Европы.

**Таблица 12. Сравнительные краниологические материалы
для канонического анализа по 14 признакам**

№ п/п	Группа	Дата	№ п/п	Группа	Дата
Городские			25	Озертицы	»
1	Старая Ладога	XI–XII вв.	26	Волосово	XII–XV вв.
2	Псков (Романова Горка)	»	27	Волгово	XIII–XIV вв.
3	Псков (Довмонтов город)	XIV–XVI вв.	28	Плещевицы	»
Сельские			29	Рутилицы	»
4	Юго-Восточное Приладжье (сборная)	XI–XIII вв.	30	Жабино	»
5	Виски (Псковское оз.)	XIV–XV вв.	31	Ожого	»
Верхнее Полужье и Поплюсье			32	Великино (водь)	XII–XV вв.
6	Удрай	XI–XIV вв.	Русский Север		
7	Которск	XI–XIII вв.	33	Никольское-3	XI–XIII вв.
8	Заборье	X–XII вв.	34	Нефедьево-Шуйгино	»
9	Ретенское оз.	XII–XIII вв.	35	Верхневольск	XI–XIV вв.
10	Бывшие Гдовский и Лужский уезды	»	36	Вологодская сборная	XI–XIII вв.
11	Хрепле	XI–XII вв.	37	Куреваниха-2 (суммарная группа)	XI–XII вв.
12	Конезерье	XIII–XIV вв.	38	Чайгино (вепсы)	XI–XV вв.
13	Славенка	»	39	Усть-Белая	XII–XIII вв.
14	Раглицы-1 (грунтовые погребения в каменных ящиках)	XIV–XVI вв.	Другие группы Древней Руси		
15	Раглицы-2 (погребения в сопках)	»	40	Кривичи полоцкие	X–XII вв.
16	Репьи (чудь)	XIII–XV вв.	41	Кривичи смоленские	»
Ижорское плато			42	Кривичи волжские	»
17	Беседа	XII–XIV вв.	43	Поляне киевские	IX–XIII вв.
18	Калитино и др.	XII–XIII вв.	44	Северяне	X–XII вв.
19	Глядино	»	45	Вятичи	XII–XIII вв.
20	Артюшкино и др.	»	46	Радимичи	X–XII вв.
21	Рябболово	»	47	Дреговичи	X–XIII вв.
22	Борницы и др.	»	48	Уличи и тиверцы (Бранешты)	X–XI вв.
23	Канарщина и др.	XIII в.	49	То же (Василев)	XII в.
24	Гатчина	XII–XIV вв.	Прибалтика		
			50	Эсты	XI–XIII вв.

Примечание. Группы 1–4, 6–9, 12–16, 21, 23, 25, 32, 35, 37–39 – по данным автора; 5 – по: [Беневоленская, Давыдова, 1986]; 10 – по неопубликованным данным Н.Н. Гончаровой; 11, 40–47 – по: [Алексеева, 1973]; 17–20, 22, 26–31 – по: [Седов, 1952]; 24 – по: [Алексеев, 1969]; 33, 34 – по: [Алексеева и др., 1993]; 36 – по: [Коваленко, 1975]; 48, 49 – по: [Великанова, 1975]; 50 – по: [Витов, Марк, Чебоксаров, 1959].

несмотря на довольно большие значения обобщенных расстояний, говорит об их определенном сходстве на фоне остальных групп Древней Руси (рис. 3).

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В настоящее время мы располагаем несколькими

сериями черепов скандинавского облика с древнерусских территорий. Все они датируются по-разному. Шестовицкая группа относится к X в. – времени активного взаимодействия славян и варягов; старолadoжская и куреванихинская – к XI–XII вв. – завершающему периоду масштабных славяно-скандинавских контактов; группы Ижорского плато – к XII–XIII вв., когда эпоха непосредственного норманнского влияния уже отошла в прошлое. В каждой серии в

Таблица 13. Результаты канонического анализа по 14 признакам для 50 групп с территории Древнерусского государства

Признак	КВ I	КВ II	Признак	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	0,014	0,739	51. Ширина орбиты от mf	0,431	-0,104
8. Поперечный диаметр	0,397	-0,632	52. Высота орбиты	-0,357	0,178
17. Высотный диаметр	-0,143	-0,008	77. Назомалярный угол	0,215	-0,141
9. Наименьшая ширина лба	0,239	-0,011	∠zm'. Зигомаксиллярный угол	-0,323	0,026
45. Скуловой диаметр	-0,133	-0,246	SS : SC. Симотический указатель	-0,314	-0,112
48. Верхняя высота лица	0,372	0,183	75(1). Угол выступания носа	0,779	0,497
55. Высота носа	0,000	-0,016	Собственное число	14,1	11,0
54. Ширина носа	-0,092	0,098	Вклад в общую дисперсию, %	26,6	20,8

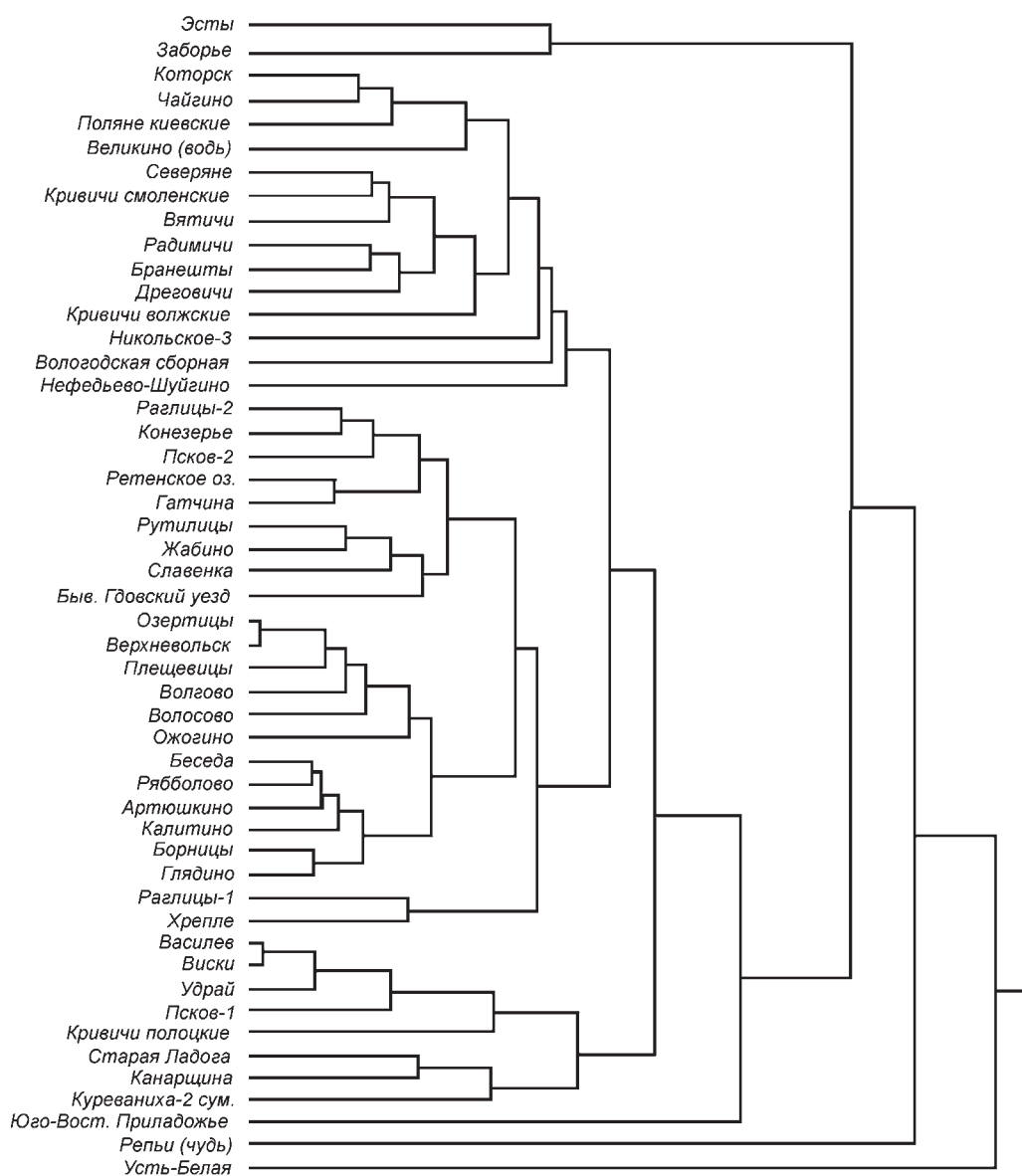

Рис. 3. Кластеризация матрицы расстояний Махаланобиса с поправкой на численность. Восточно-европейские группы.

той или иной степени наблюдаются результаты смешения с местным населением. Однако этот процесс все же не приводил к «размыванию» комплекса даже в позднее время.

Говоря о роли норманнов в сложении антропологических черт древнерусского населения, следует помнить, что последнее не отличалось антропологической однородностью. По данным краниологии принято выделять собственно славянский, финский и балтский антропологические компоненты [Алексеева, 1973, 1990; Алексеева и др., 1993]. Продолжая эту традицию, возможно, не будет преувеличением включить сюда и скандинавский компонент, по крайней мере, когда речь идет о населении северо-западных и северных территорий Руси.

Антропологическая ситуация в Европе, впрочем, несводима к одним только межэтническим влияниям. Так, группы разной этнической принадлежности могут в силу общности происхождения относиться к одному и тому же антропологическому варианту (балты, некоторые славянские и финские группы). При этом все контакты происходят в антропологически однородной среде и фиксировать их по данным антропологии трудно. Вместе с тем в рамках одного этноса может наблюдаться антропологическая разнородность (примером служат прибалтийские финны). Германцы в этом отношении представляют наиболее гомогенную общность, в которой антропологический тип соответствует этнической принадлежности. Рассматриваемые группы Приладожья, Ижорского плато и Русского Севера на протяжении нескольких поколений сохраняли антропологическое, возможно и этническое, своеобразие. Установлено также, что происходило смешение с преобладающим населением

указанных регионов, но остается невыясненным, в какой степени этот процесс повлиял на сложение антропологического облика местного населения в рассматриваемую эпоху. Вполне вероятно, что скандинавское влияние сказалось на антропологическом типе людей, захороненных в приладожских курганах XI–XIII вв. Этим могут в какой-то мере объясняться отсутствие прямых аналогий ему среди других групп Древней Руси и отдаленное сходство с суммарной группой из Куреванихи-2, выявленное в результате многомерного анализа по девяти признакам. В сериях из Никольского-3 и Нефедьева-Шуйгина (Русский Север) отмечается довольно длинная и сравнительно невысокая по местным меркам черепная коробка в сочетании со значительно более высокими орбитами и резкой (в Никольском-3) горизонтальной профилировкой (табл. 14). Однако утверждать, что эти особенности сложились непосредственно в результате скандинавского влияния, было бы преждевременно. В ряде серий Ижорского плато XII–XIII вв. (Лопец, Таровицы) и даже в сравнительно поздней из Ново-Сиверской (XIII–XIV вв.) отмечены мужские черепа, которые характеризуются длинным и низким сводом, высоким лицом и орбитами, резкой горизонтальной профилировкой и вполне могли бы «вписаться» в скандинавские группы. Их, разумеется, нельзя рассматривать по отдельности. В целом в антропологии средневекового населения северо-запада и севера Руси не отмечается явного воздействия германского комплекса. Возможно, объединив материал из всех средневековых могильников с упомянутых территорий и изучив внутригрупповые направления изменчивости, можно получить информацию, в частности, о том, было ли влияние данного антро-

Таблица 14. Сравнительные данные по группам Русского Севера, Приладожья и Ижорского плато

№ п/п	Группа	N max–min	Признак							
			17	48	52	55	54	77	SS : SC	75(1)
1	Вепсы (Чайгино, XI–XV вв.)	9–8	137,1	64,5	31,0	47,5	26,2	139,5	45,2	26,0
2	Верхневольский могильник (XI–XIV вв.)	7–4	141,0	71,5	31,2	50,9	24,4	138,4	50,5	28,0
3	Вологодская сборная серия (XI–XIII вв.)	25–12	139,2	65,9	31,2	48,3	25,3	136,6	42,2	21,2
4	Нефедьево-Шуйгино	23–18	135,0	69,9	33,5	52,4	26,7	140,3	44,8	23,0
5	Никольское-3	15–4	136,4	71,0	34,9	51,2	25,7	131,7	46,0	25,0
6	Куреваниха-2 (XI в.)	3	137,2	73,7	34,3	54,3	27,0	132,6	47,2	–
7	Куреваниха-2 (XII в.)	5–2	132,2	73,0	33,0	51,6	24,5	132,4	58,1	–
8	Приладожье (XI–XIII вв.)	16–8	135,6	69,3	32,5	50,4	25,1	133,3	47,0	30,9
9	Старая Ладога (XI–XII вв.)	30–26	132,0	71,6	33,7	51,2	24,6	137,8	59,6	34,3
10	Канарщина (XIII в.)	10–8	132,9	71,0	33,1	51,0	23,4	133,6	56,8	33,0

Примечание. Группы 1, 2, 6–10 – по данным автора; 3 – по: [Коваленко, 1975]; 4, 5 – по: [Алексеева и др., 1993].

пологического варианта значительным или хотя бы заметным. Для этого необходимо сотрудничество антропологов, которые предоставили бы индивидуальные данные для такого исследования.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 234 с.
- Алексеева Т.И.** Антропологичний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України. – 1969. – Вип. 4. – С. 73–86.
- Алексеева Т.И.** Этногенез восточных славян по данным антропологии. – М.: Наука, 1973. – 329 с.
- Алексеева Т.И.** Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. – Рига, 1990. – С. 124–144.
- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В.** Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1993. – С. 3–69.
- Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М.** Псковские озера // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 3–52.
- Великанова М.С.** Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М.: Наука, 1975. – 282 с.
- Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н.** Этническая антропология Восточной Прибалтики: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 237 с.
- Денисова Р.Я.** Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 400 с.
- Зиневич Г.П.** До антропології Шестовицького могильника // Матеріали з антропології України. – 1962. – Вип. 2. – С. 37–47.
- Коваленко В.Ю.** К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопр. антропологии. – 1975. – Вып. 49. – С. 92–107.
- Лесман Ю.М.** Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л.: Наука, 1982. – С. 69–73.
- Марк К.Ю.** Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. Нов. сер. – 1956. – Т. 32. – С. 170–227.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным /** Под ред. В.В. Бунак. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – 415 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 88).
- Санкина С.Л.** Этническая история Новгородской земли по данным антропологии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 109 с.
- Седов В.В.** Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. – 1952. – Вып. 15. – С. 72–85.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 325 с.
- Спицын А.А.** Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // Материалы по археологии России. – 1896. – Вып. 20. – С. 36–37, 104–106.
- Rösing F.M., Schwidetzky I.** Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des frühen Mittelalters (500–1000 n.d.Z.) // Homo. – 1977. – Bd. 28, H. 2. – S. 65–114.
- Schliz A.** Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn // Praehistorische Zeitschrift. – 1913. – Bd. 5, H. 1/2. – S. 114–148.
- Schliz A.** Die Vorstufen der nordisch-europäischen Schädelbildung // Archiv für Anthropologie. N.F. – 1914. – Bd. 13. – S. 169–201.
- Schreiner K.E.** Crania Norvegica. – Oslo: Aschehoug & Co., 1946. – Vol. 2. – 104 p. – (Institutet for Sammenlignende Kulturforskning. Skrifter. Ser. B; vol. 36, N 2).
- Schwidetzky I.** Zur Frage der Differentialdiagnose zwischen nordischen und mediterranen Schädeln // Zeitschrift für Rassenkunde. – 1935. – Bd. 1. – S. 316–317.
- Steffensen J.** The Physical Anthropology of the Vikings // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1953. – Vol. 83, pt 1. – P. 86–97.

Материал поступил в редколлегию 09.07.07 г.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЧИНДИНА

12 августа 2007 г. научное сообщество торжественно отметило юбилей Людмилы Александровны Чиндиной – доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета, замечательного ученого, прекрасного педагога, одного из основателей томской археологической школы.

Вся жизнь этой обаятельной женщины связана с Сибирью, Томском. Людмила Александровна родилась в суровом 1937 г. в с. Кудрино Томского р-на Томской обл. Ее мама Екатерина Васильевна – учительница начальных классов и отец Александр Иванович – учитель истории и литературы, директор сельской школы – привили девочке высоконравственные черты, воспитали в ней любовь к Сибири, ее удивительному прошлому. Людмила Александровна и ее дети стали достойными продолжателями династии.

1937-й год оказался трагичным для семьи Чиндиных: были арестованы и расстреляны отец и дед. Девочку воспитывала мать, а впоследствии и отчим Семен Савельевич Лукашевский. Благодаря их любви и заботе Людмила выросла добрым и отзывчивым человеком.

В 1954 г. после окончания средней школы в г. Томске, куда после войны переехала семья, Людмила поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Томского государственного педагогического института. В те годы там преподавали выдающиеся ученые, профессора А.П. Дульзон, Г.И. Пелих, Б.С. Григорьевич, В.С. Флеров и др. Руководителем ее первой курсовой, а затем и дипломной работ стал доцент Сергей Васильевич Трухин, в то время декан историко-филологического факультета. По-видимому, именно он привил юной студентке любовь к археологии; Людмила Александровна пронесла ее через всю жизнь.

В 1955 г. историческое отделение Томского государственного пединститута было передано в Томский государственный университет (ТГУ); сюда на историко-филологический факультет вместе со студентами своей группы перешла и Людмила Александровна.

Томский университет – старейший сибирский классический университет; он всегда отличался очень высоким качеством образования. Здесь преподавали превосходные специалисты, сложились и эффективно действовали хорошо известные в стране научные

школы. С третьего курса Людмила Александровна активно занимается археологией; ее интересует эпоха раннего железа таежной зоны Западной Сибири, в то время изученная очень слабо. Таежная зона Западной Сибири отличается крайне суровыми условиями для полевых исследований. Сильная обводненность территории, обилие болот, тайга, комары и мошка позволяют приравнять эти условия едва ли не к экстремальным. Здесь непросто работать даже опытным полевицам-мужчинам. А каково женщинам! Тем не менее именно этот район становится творческим полигоном Л.А. Чиндиной, именно здесь ею были открыты и исследованы десятки поселений, городищ, могильников и святыщ. Но это произошло несколько позже. В студенческие годы Людмилу увлекала экспедиционная жизнь. Ей всегда была присуща активная жизненная позиция. В 1956 г. с группой студентов

Л.А. Чиндина отправилась на целину, на уборку урожая. Здесь молодые люди работали ударно: иногда план выполнялся ими на 600 %! Со студенчеством у Людмилы Александровны связаны замужество и рождение сына.

В 1959 г. Л.А. Чиндина с отличием защищает дипломную работу «Эпоха раннего железа таежного Притомья», которая послужила основанием для ее последующей научной работы. После двухлетнего перерыва, связанного с рождением дочери, Людмила Александровна вновь попадает в стены родного университета, в котором трудится до настоящего времени. Она прошла нелегкий путь от лаборанта Музея истории материальной культуры до профессора кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ. Уже в первые годы работы в университете Людмила Александровна ведет самостоятельные разведки в таежных районах Томской обл. Именно тогда она открывает серию памятников, среди которых особое место занимает Малгет.

В 1966 г. Л.А. Чиндина поступает в аспирантуру и под руководством В.И. Матюшенко работает над диссертацией по теме «Томско-Нарымское Приобье в середине I тыс. н.э.». В 1968 г. она становится младшим научным сотрудником проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. В феврале 1971 г. в Институте археологии АН СССР Л.А. Чиндина защищает диссертацию.

В 1973 г. Людмила Александровна возглавляет археологическую группу проблемной лаборатории, с 1975 по 1980 г. – сектор археологии и этнографии, научным руководителем которого она остается до 1995 г. Совмещая научную работу в лаборатории с преподавательской деятельностью на кафедре истории СССР досоветского периода, Людмила Александровна руководила археологической практикой студентов, их курсовыми и дипломными работами. В 1970-х гг. Л.А. Чиндина – хорошо известный среди археологов специалист; ее научные разработки приняты в научном мире, а новые работы вызывают неизменный интерес. Она – постоянный член оргкомитета по организации и проведению западно-сибирских археолого-этнографических совещаний, проводимых в Томске на базе университета. Неоднократно была его председателем.

Людмила Александровна стояла у истоков создания Научно-координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири; с 1981 г. она бессменный заместитель председателя. Этот совет был создан как центр по координации научных исследований вузов и академических учреждений по западно-сибирской тематике.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что самым главным в жизни Л.А. Чиндиной всегда оставались

новые исследования и аналитическая работа над полученными источниками. Под ее руководством проведено свыше 50 экспедиций. Это и масштабные стационарные исследования, и разведки в сложных районах бассейнов Оби, Васюгана, Кети, Парабели, Чулыма. Людмилой Александровной открыты и исследованы десятки археологических памятников, а такие из них, как Малгет, Рёлка, Кулайский комплекс поселений, Гора Кулайка, по праву вошли в золотой фонд науки и культуры.

Среди многочисленных научных трудов Л.А. Чиндиной особое место занимают три монографии, являющиеся настольными книгами для всех, кто изучает ранний железный век и средневековье Западной Сибири. В 1977 г. вышла книга «Моги́льник Рёлка на Средней Оби», в которой на материалах погребений VI–VIII вв. н.э., большую часть которых исследовала сама Людмила Александровна, рассмотрены проблемы хронологии, происхождения, этнической принадлежности, историко-культурные связи населения таежной зоны Среднего Приобья. В работе опубликован яркий материал, на основании анализа которого на принципиально новом уровне была реконструирована средневековая история региона. Опубликованная в 1984 г. монография «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа» посвящена анализу яркой и самобытной кулайской культуры, представители которой обитали в Среднем Приобье в VI в. до н.э. – V в. н.э. Особое внимание в работе уделяется проблемам социально-экономического развития носителей культуры в сложных экологических условиях таежной Сибири. В книге Л.А. Чиндиной «История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья», выпущенной в 1991 г., освещаются историко-культурные процессы в означенном регионе в конце VI – IX в. н.э. Основное место в монографии уделено проблемам социально-экономического развития рёлкинского общества в период перехода к классообразованию. Интересны этнические реконструкции, предлагаемые автором. Ученым разработана чрезвычайно важная этнокультурная концепция развития популяций, населявших южно-таежное Приобье в эпоху раннего железа и средневековья.

На основании данных разработок Л.А. Чиндина подготовила и в 1986 г. защитила докторскую диссертацию. В 1989 г. ей присвоено звание профессора. Сегодня она работает на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ, в значительной степени созданной и построенной ее руками, кафедре, которая занимается подготовкой специалистов-археологов.

Педагогическая деятельность с наибольшей полнотой раскрывает Людмилу Александровну как человека и как учителя. Способность услышать и понять, готовность поддержать и помочь составляют основу ее педагогического таланта; к ней тянутся люди раз-

ных возрастов и профессий, она пользуется большим уважением в студенческой среде.

Серьезность и глубина подготовки студентов, прошедших археологическую школу Л.А. Чиндиной, проявлялись как в стенах ТГУ, так и за его пределами: на всесоюзных, всероссийских, региональных конференциях ее студенты получали грамоты, дипломы, призовые места. Богатство учителя – в его учениках. Л.А. Чиндина всегда окружена ими, поскольку в ней сочетается талант исследователя и педагога; она щедра в передаче своих знаний и опыта. Людмила Александровна руководит научными работами соискателей и аспирантов. Под ее руководством защищены девять кандидатских и две докторские диссертации.

Людмила Александровна Чиндина известна не только как крупнейший специалист по древней истории, автор монографических трудов, первооткрыватель и исследователь новых ярких памятников, но и как признанный организатор науки, чьими трудами и заботами славный город Томск продолжает оставаться сибирской археологической Меккой, а Томский государственный университет по-прежнему воспринимается как светлый научный храм, периодически собирающий под своими сводами всех истинных поборников и радетелей сибирской археологии.

В.И. Молодин

АО – Археологические открытия
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
 ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
 ГИАНО – Государственный исторический архив Новгородской области
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 ЗИН РАН – Зоологический институт РАН
 ИА РАН (АН СССР) – Институт археологии РАН (АН СССР)
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
 ИНКВА – Комиссия по изучению четвертичного периода
 ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Коми фил. АН СССР) – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
 (Коми филиала АН СССР)
 ККМ – Красноярский краеведческий музей
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛА СФУ – Лаборатория археологии Сибирского федерального университета
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РГО – Русское географическое общество
 РИБ – Русская историческая библиотека
 РЭМ – Российский этнографический музей
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН
 СЭ – Советская этнография
 ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
 УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН
 УрО РАН – Уральское отделение РАН